МОЛОДОЙ МАРКС

Политиздат

Abonnements-Preis.
[illegible]

Rheinisch

Politik, Hande

Nº 289

Köln, Sonntag

Uebersicht des Inhalts.

Amtliche Nachrichten.

Chronik des Tages.

Berlin, 12. Okt. Se. Majestät der König haben Allergnädigst geruht: dem Kammerherrn Freiherrn von Stillfried zu Comnitz bei Görlitz die Annahme des von den regierenden Fürsten zu Hohenzollern-Hechingen und Sigmaringen Durchlauchten ihm verliehenen Ehrenkreuzes 2ter Klasse des

über den innern Haushalt
nicht ohne Interesse für d
den Dame sein“, so empfiehl
aus denen die Augsburgerin
schneidet? Oder sollten wir
für keine wichtige Zeitfrage hal
frage ist, weil er schmutzige W
wasser duftet?

Allein mit Recht grollt di
stand. Die Wichtigkeit des C
daß er eine Zeitfrage von ho
England bildet. Der Comm
Wichtigkeit von der Augsbu
nigt worden zu sein. Einer il
Convertit, der die Geschichte be
tamt, hat jüngst einmal den
müsse die socialistisch-communist
anzueignen suchen. Versteht Ih
gern, die uns nie verzeihen w
in seiner ungewaschenen Na
versteht Ihr die verbissene Ir
pfehlt Ihr den Communismus
Eleganz besaß, eine Portage der

Der zweite Vorwurf, der d
Schluß eines Referats aus Str
Kongreß gehaltenen communi
Swesterschwestern hatten sich in
Rheinländerin die Beerba
die Mahlzeiten der Straßbur
kriminierte Stelle lautet wörtlich

Es ist heute mit dem Mitte
Jahre 1789; damals nahm
des Adels in Anspruch und e
Stand, der Nichts besi
Reichthümer der Mittelk
sind. Der Mittelstand hat

Insertions Gebühren:

Zeitung

und Gewerbe.

n 16. Oktober 1842

Augsburger Zeitung dürften
eschichte dieser wichtig thuen-
die schmutzigen „Junge",
bunte Garderobe zusammen
Communismus schon deshalb
weil er keine courfähige Zeit-
trägt und nicht nach Rosen-

gsburgerin unserm Mißver-
unismus besteht nicht darin,
n Ernst für Frankreich und
us besitzt die europäische
Zeitung zu einer Phrase be-
Pariser Korrespondenten, ein
lt, wie ein Conditor die Bo
fall gehabt: die Monarchie
n Ideen in ihrer Weise sich
in den Unmuth der Ausbur-
daß wir den Communismus
t dem Publikum bloßgestellt;
r, die uns zurief: so em-
er schon einmal die glückliche
gsburger Zeitung zu bilden!
preußische Zeitung trifft, ist der
g über die bei dem dortigen
n Reden, denn die beiden
Beute so getheilt, daß der
ungen und der Baiern
Gelehrten zufielen. Die in-

de so wie mit dem Adel im
Mittelstand die Privilegien
sie, heute verlangt der
Theil zu nehmen am
en, die jetzt am Ruder

unabhängigen Ermittlungen, daß ⅘ der gebildeteren Jugend den Staat anbetteln um Brod für ihre Zukunft, daß unsere Ströme vernachlässigt, daß die Schifffahrt darniederliegt, daß unsern ehemals blühenden Handelsstädten der alte Flor fehlt, daß die freien Institutionen erst auf langsamen Wege in Preußen erstrebt werden, daß der Ueberfluß unserer Bevölkerung hülflos umherirrt, um in fremden Nationalitäten als Deutsche unterzugehen und für alle diese Probleme kein einziges Rezept, kein Versuch „klarer über die Mittel zur Ausführung" der großen That zu werden, die uns von all' diesen Sünden erlösen soll! Oder erwarten Sie keine friedliche Lösung? Fast scheint ein anderer Artikel derselben Nummer, von Karlsruhe datirt, dahin zu deuten, wo selbst in Bezug auf den Zollverein die verfängliche Frage an Preußen gerichtet wird: „Glaubt man, eine solche Krisis würde vorüber gehen wie eine Rauferei um das Tabakrauchen im Thiergarten?" Der Grund, den Sie für Ihren Unglauben debitiren, ist ein communistischer. „Nun lasse man eine Krisis über die Industrie losbrechen, lasse Millionen an Kapitals verloren gehen, Tausende von Arbeitern brodlos werden." Wie ungelegen kam unsere „friedliche Erwartung," da Sie einmal beschlossen hatten, eine blutige Krisis losbrechen zu lassen, weshalb wohl in Ihrem Artikel Großbritannien auf den demagogischen Arzt Dr. M'Douall, der nach Amerika ausgewandert, weil „mit diesem königlichen Geschlecht doch nichts anzufangen sei", nach Ihrer eigenen Logik empfehlend nachgewiesen wird.

Eh' wir uns von Ihnen trennen, möchten wir Sie noch vorübergehend auf Ihre eigene Weisheit aufmerksam machen, da es bei Ihrer Methode der Phrasen nicht wohl zu umgehen ist, harmloser Weise hie und da einen Gedanken, zwar nicht zu haben, aber ebendeshalb auszusprechen. Sie finden, daß die Polemik des Herrn Hennequin aus Paris gegen die Parzellirung des Grundbesitzes denselben mit den Autonomen in eine überraschende Harmonie bringt! Die Ueberraschung, sagt Aristoteles, ist der Anfang des Philosophirens. Sie haben beim

Н. И. Лапин

Молодой Маркс

...Мы испытаем
не жалкую, ограниченную,
эгоистическую радость,
а наше счастье будет
принадлежать миллионам...
К. Маркс,
август 1835 г.

МОЛОДОЙ

Завидна участь — быть первыми
среди тех, кто со свежими силами
вступает в новую жизнь.
Пусть это будет и нашим уделом.
К. Маркс,
май 1843 г.

Н.И.Лапин

МАРКС

Издание третье, дополненное

Москва
Издательство политической литературы
1986

13.2
Л24

Удостоена
Государственной премии СССР
за 1983 год
в составе цикла исследований
формирования и развития
философского учения К. Маркса.

Лапин Н. И.
Л24 Молодой Маркс.— 3-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1986.— 479 с., ил.

Книга доктора философских наук Н. И. Лапина знакомит читателя с жизнью и творчеством молодого Маркса, рассказывает о развитии его мировоззрения от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Раскрывая сложную духовную эволюцию Маркса, автор показывает, что основным ее стимулом была связь теоретических взглядов мыслителя с политической практикой, соединение критики старого мира с борьбой за его переустройство. В этой связи освещаются и вопросы идейной борьбы вокруг наследия молодого Маркса.

Третье издание книги (второе выходило в 1976 г. и удостоено Государственной премии СССР) дополнено материалами, учитывающими новые публикации произведений основоположников марксизма.

Книга рассчитана на всех, кто изучает марксистско-ленинскую философию.

Л $\frac{0103010000-152}{079(02)-86}$ 70—85

13.2
3К16

Немного найдется в мире людей, которые бы не слышали имени К а р л М а р к с. Это имя бесконечно дорого нам. Обычно оно связывается в нашем представлении с обликом пожилого человека, с бородой, убеленного сединами и умудренного опытом многолетней борьбы и духовных исканий. Мы настолько сжились с таким обликом Маркса, что часто просто не думаем о том времени, когда он был молодым. Каков был этот молодой человек, вступивший в жизнь на рубеже 30—40-х годов XIX в.? Каким образом гимназист, сын незнатного служащего из провинциального городка превратился в автора «Капитала» и создателя Интернационала?

О трудном, подчас драматическом, жизненном и творческом пути молодого Маркса и пойдет речь в данной книге.

Образ неутомимого путника, уже в юности избравшего своим уделом прометеевское служение благу человечества, не только привлек внимание философов, социологов и политиков разных стран и направлений, как марксистов, так и немарксистов, включая профессиональных антикоммунистов, пытавшихся исказить юношеский образ будущего теоретика и вождя пролетариата, но и вдохновил художников, создавших о нем романы, повести, сценарии и кинофильмы. Но писать о жизни и творчестве Маркса не легко, хотя тема эта богата и благодатна как в сюжетном, так и в мировоззренчески-гуманистическом отношении.

Трудоемкость, но в не меньшей мере и увлекательность этого дела автор настоящей книги познал на собственном опыте. Книга охватывает первые десять лет самостоятельной жизни и творческого пути Маркса (возраст

семнадцать — двадцать шесть лет). В течение многолетней работы над ней автору открывались все новые и новые грани темы.

Первое издание книги вышло в свет в 1968 г., когда все прогрессивное человечество отмечало 150-летие со дня рождения Карла Маркса. В 1976 г. появилось второе, переработанное и дополненное ее издание. Книга была переведена на болгарский (1969), немецкий (1974), финский (1977), молдавский (1979), словацкий (1979), венгерский (1980), французский (1980), китайский (1982), португальский (1983), испанский (1985) языки. Теперь она в третий раз издается на русском языке.

Автор усматривает в этом одно из свидетельств постоянного, а не только «юбилейного» внимания читателей в различных странах к становлению взглядов основоположника марксизма. С таким вниманием автору пришлось столкнуться и на XVII Всемирном философском конгрессе в Монреале (август 1983). Его доклад на этом конгрессе «У истоков целостного научного мировоззрения» слушали более ста философов из США, Франции, Индии и других стран Азии, Африки, Латинской Америки. Вопросы, которые они задавали, свидетельствовали о глубоком интересе к конкретным процессам становления и развития марксизма, предпосылкам и условиям возрастающего его влияния в современном мире. Особенно все это волновало молодежь, а ее заинтересованность — залог неослабевающего интереса к марксизму и в будущем.

За последние годы появились новые труды о жизни, деятельности и духовном развитии К. Маркса и Ф. Энгельса, вносящие существенный вклад в освещение этой

неисчерпаемой темы. Среди них — научные биографии Маркса и Энгельса, подготовленные сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (42 и 44) и Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (43 и 45). ИМЛ при ЦК КПСС ведет подготовку многотомной «Истории марксизма-ленинизма».

Большое значение имело завершение второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке. В 1974—1975 гг. вышли, в частности, три тома (тт. 40, 41, 42), которые включают много впервые опубликованных или переведенных на русский язык работ основоположников марксизма, а также заново отредактированных переводов их работ, относящихся к интересующему нас периоду (1835—1844) формирования их взглядов.

Огромная исследовательская работа ведется объединенными усилиями двух институтов марксизма-ленинизма — при ЦК КПСС и при ЦК СЕПГ — в связи с подготовкой нового Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала (MEGA-2, в 100 томах) *. Это издание осуществляется на самом высоком научном уровне. Оно состоит из четырех отделов: первый включает книги, статьи, наброски (кроме «Капитала»); второй — «Капитал» и подготовительные работы к нему; третий — письма Маркса и Энгельса, а также адресованные им; четвертый — выписки, конспекты, заметки. С 1975 г. вышло свыше 15 томов, при этом каждый том сочинений снабжен дополнительным томом

* Marx — Engels — Gesamtausgabe (MEGA-2). Об этом издании см. статьи А. Егорова, Г. Хайдена (69), Г. Гемкова, В. Зевина (65).

детально разработанного аппарата к нему (описание возникновения и особенностей рукописи каждого произведения, воспроизведение имеющихся вариантов и корректурных исправлений, примечания к упоминаемым историческим фактам, произведениям, именам и т. п., указатели).

Пять из вышедших томов (а с учетом аппарата — 10) непосредственно относятся к периоду формирования взглядов Маркса и Энгельса (см. 25, 26, 27, 28, 29) и содержат десятки впервые опубликованных статей, писем, конспектов, других материалов и документов. Среди них две очень важные группы тетрадей выписок и конспектов — Крейцнахские тетради 1843 г. и Парижские тетради 1844 г. В процессе подготовки к публикации проведены многочисленные уточнения в расшифровке рукописей и воспроизведении самой их структуры. Особое значение имеет в этом плане новая публикация «Экономическо-философских рукописей» 1844 г. *, осуществленная в двух вариантах, что обеспечивает качественно новый уровень воспроизведения сложнейшего труда молодого Маркса.

Знакомство с новыми публикациями работ Маркса и Энгельса дает возможность глубже проникнуть в содержание и методологию их наследия, в лабораторию их исследований. Поэтому понятно, что при подготовке настоящего, третьего издания книги «Молодой Маркс» автор стремился возможно полнее учесть эти публикации, как

---

* В новой публикации в название данного произведения Маркса не включен год его написания. Соответственно такое уточненное название принято в настоящем издании нашей книги.

и новые исследования о его творчестве. Внесены дополнения и уточнения во все главы книги, но больше всего доработка коснулась заключительной главы, посвященной анализу «Экономическо-философских рукописей» Маркса.

Внесенные в книгу дополнения и уточнения не вызвали, однако, необходимости изменять методологический стержень книги. Напротив, автор стремился еще более выпукло показать, что идейно-политическое развитие молодого Маркса — это начальные этапы процесса формирования его взглядов в *целостное* научное мировоззрение, в единстве философской, экономической и политической его составных частей, во взаимосвязи становления теоретических взглядов Маркса с практикой революционного рабочего движения. Чтобы яснее очертить значение этого качества в последующем развитии марксизма, заключение к книге дополнено специальным фрагментом о развитии форм целостности марксизма.

В книге по-прежнему рассматриваются только научно достоверные данные, и в этом смысле она свободна от авторских вымыслов. Автор стремился также по возможности сохранить популярный характер изложения, делающий книгу доступной для широкого круга читателей.

Но научно-популярная книга не всегда легкая. Овладение заключающейся в ней суммой научных знаний непременно требует от читателя определенного труда, умственного напряжения, без которого в памяти останутся только внешне занимательные штрихи, но не существо из-

лагаемого предмета. Сказанное относится и к этой книге. Поскольку изложение материала в ней шаг за шагом продвигается ко все более сложным проблемам, то и от читателя требуется необходимое внимание, не позволяющее перескакивать через страницы или параграфы: итог научного сюжета, даже если он сформулирован в заключении, нельзя глубоко понять, оценить во всем его значении, не проследив всех его перипетий.

К созданию книги причастен не только автор, но и некоторый круг научных работников, занимающихся теми же или смежными проблемами и помогавших автору своими советами и замечаниями. Особенно ценной была помощь, оказанная сотрудниками сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и одноименной секции Центрального партийного архива того же института, за что автор приносит им глубокую благодарность.

Введение

О возникновении марксизма как целостного учения

Величие подвига основоположников марксизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса заключается в том, что они коренным образом переработали каждую из основных областей общественной мысли, сложившихся к началу 40-х годов XIX в., слив их в качественно новое, целостное знание об обществе, которое соединили с практическим, революционным движением рабочего класса.

Единство составных частей марксизма

Марксистское учение имеет сложную структуру. Все его составные части — философия, политическая экономия, научный коммунизм — представляют собой стороны единого научного мировоззрения, являющегося одновременно идеологией наиболее революционного класса — пролетариата. Каждая из составных частей марксизма обладает спецификой, дополняет две другие, а в своем раз-

витии все они взаимно влияют друг на друга. Таким образом, марксистское учение является не просто суммой составляющих его частей, а их синтезом, где каждая часть хотя и обладает относительной самостоятельностью, но саму эту самостоятельность получает лишь как часть целого. Только в таком своем качестве они выполняют функцию научного руководства процессами революционного преобразования мира.

За более чем столетнее развитие марксизма его основные части превратились в относительно самостоятельные науки, включающие ряд специальных областей, которые в свою очередь обнаруживают тенденцию к оформлению в особые отрасли знания.

Сама по себе тенденция к такой дифференциации закономерна и прогрессивна, ибо обеспечивает повышение профессионального уровня работы ученых. Однако одной дифференциации недостаточно для развития марксизма как в целом, так и его составных частей. В. И. Ленин постоянно подчеркивал наличие теснейшей связи между истинностью и действенностью марксизма, с одной стороны, и его целостностью, полнотой — с другой. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание...» (36, с. 43) *.

В последнее время интеграция различных составных частей марксистско-ленинской теории усиливается в связи с объективно возрастающей ее ролью как научного руководства процессами производственной и общественной жизни. Многие документы марксистско-ленинских коммунистических и рабочих партий, в особенности программные, являются наглядным свидетельством интегративной тенденции в развитии марксизма.

---

* Здесь и далее первая цифра в скобках соответствует номеру, под которым цитируемое произведение значится в указателе литературы в конце книги.

Чтобы лучше понять специфику процессов интеграции и дифференциации в марксизме-ленинизме, необходимо обратиться к его истории, исследовать процесс его возникновения в качестве целостного учения. Отнюдь не случайно В. И. Ленин, набрасывая план статьи «Карл Маркс», вслед за формулированием главной ее задачи: «Изложение всей его (Маркса.— *Н. Л.*) доктрины в целом... (Марксизм как научная теория.)» — заметил, что при этом необходимо «коснуться генезиса марксизма» (37, с. 361).

Создавая свое учение, основоположники марксизма решали коренные проблемы, выдвинутые в то время историей, универсальный характер которых исключал возможность их решения методами домарксистских общественных наук: как методами каждой из них, так и совокупностью этих методов. Неудовлетворительность обоих путей была уже доказана развитием социальной мысли (см. 110). И дело было не только в том, что ни одна из основных областей домарксистского общественного знания (философия, политическая экономия, социалистические теории), хотя они и достигли в первой половине XIX в. своего классического выражения, не смогла решить возникших комплексных проблем, о чем свидетельствовали разложение этих школ и усиление вульгаризаторской интерпретации классического наследия. В то время уже отчетливо определилась потребность в сближении различных областей общественного знания. Так, соединение социалистических учений с материализмом в теориях Фурье и Оуэна придало этим теориям большую обоснованность по сравнению с утопиями их предшественников. Но указанные теории все же не перестали быть утопическими, ибо опирались на существовавший материализм как на готовую логическую основу, в то время как в действительности этот материализм сам нуждался в коренном преобразовании. Точно так же английская политическая экономия способствовала более глубокому проникновению Гегеля в диалектику социальных процессов, однако он не смог сделать решаю-

щего шага на пути к научному пониманию роли труда в истории человечества. Разделенность теоретических общественных дисциплин нашла воплощение в разделении сфер знания, в которых достиг наибольших успехов творческий гений того или иного народа: философия была развита в классической форме немцами, политическая экономия — англичанами, социалистические учения — преимущественно французами. Слабость и неэффективность связей между этими областями знания были обусловлены отделенностью каждой из них от практики революционной борьбы, что наносило ущерб и самой этой борьбе.

Таким образом, исторической необходимостью было не только преобразование каждой из основных областей общественной мысли, но синтезирование их в качественно новое целое, равно как и их соединение с революционной практикой. В соединении материализма с диалектикой и распространении его на понимание общественной жизни нуждалась не только философия, но в равной мере и политическая экономия, и учение о коммунизме. В свою очередь открытие прибавочной стоимости и разработка экономических законов замены капиталистического способа производства социалистическим не только подняли политическую экономию на более высокий теоретический уровень, но и оказали влияние на философию и учение о коммунизме, которые, будучи преобразованными, получили свое наиболее глубокое и детальное подтверждение и обоснование именно в политической экономии. В еще большей степени преобразования и в философии, и в политической экономии были ответом на настоятельные потребности революционной борьбы пролетариата: «Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы,— писал В. И. Ленин.— Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма»

(36, с. 47). Наконец, создание научного коммунизма повлекло за собой качественные изменения в философии и политической экономии.

Следовательно, возникновение марксизма есть процесс, который может быть адекватно воспроизведен именно как комплексный, предполагающий формирование отдельных его составных частей в органической взаимосвязи. Специальное исследование этих вопросов отвечает также и потребностям идеологической борьбы, ибо противники марксизма предпринимают атаки против его целостности.

Социальный смысл исследования процесса формирования марксизма

Процесс формирования марксизма, в особенности взглядов К. Маркса, стал предметом специальных исследований уже в конце XIX в., но особенно интенсивно эти исследования развернулись в последние десятилетия. Во многих странах мира появились десятки объемистых трактатов, сотни брошюр и тысячи статей о молодом Марксе, написанных философами, социологами, экономистами, юристами, психологами и представителями других специальностей.

В этом обилии литературы явственно различаются два основных ее потока: произведения марксистов, опирающихся на научный диалектико-материалистический метод, и работы буржуазных авторов, пытающихся использовать взгляды молодого Маркса (предварительно исказив их) для дискредитации зрелого марксизма и даже для обоснования самоновейших идеалистических конструкций.

При всем различии подходов буржуазных исследователей всем им свойственна попытка доказать, будто теория и методология зрелого марксизма неприменимы к анализу формирования марксовых взглядов. Так, в статье «К вопросу о биографии Маркса в советской России и в Западной Европе» западногерманский «специалист по Востоку» Э. Шреплер утверждает, будто советские и вообще марк-

систские историки не могут дать объективную характеристику формирования и развития взглядов Маркса, ибо для них «прежде всего выдвигается необходимость установить тождество между описываемой личностью и партийной линией, поэтому эту трудную задачу должны решить историки и социологи Запада» (129, с. 27).

Как видим, в качестве аргумента выдвигается отнюдь не новый тезис о несовместимости партийности с научностью, поскольку партийная линия якобы подвержена колебаниям политической конъюнктуры, пагубно отражающимся на поисках истины. Однако такого рода аргументы легче выдвигать, нежели доказывать. В самом деле, те, кто полагает, будто советские ученые руководствуются в своих исследованиях о молодом Марксе преимущественно сиюминутными, конъюнктурными соображениями, предают забвению то важнейшее обстоятельство, что эти исследования опираются на богатую теоретическую и методологическую традицию.

Уже в сочинениях и письмах К. Маркса и Ф. Энгельса имеется ряд достоверных свидетельств, позволяющих с большой точностью установить некоторые важные вехи и закономерности формирования марксизма. Определенный вклад в исследование генезиса марксистского учения внесли Г. В. Плеханов и Ф. Меринг. Проанализировав отношение марксистского мировоззрения к предшествующей теоретической мысли, Г. В. Плеханов показал как их связь, так и различие; правда, последнее удалось ему в меньшей степени (см. 99 и 100). Ф. Меринг, обратив внимание на ряд произведений молодого Маркса, подчеркнул необходимость конкретного анализа исторических условий и основных этапов его духовной эволюции. Но он исследовал преимущественно историко-материалистические, а не общефилософские взгляды К. Маркса (см. 90 и 91). Недостатки исследований генезиса марксизма Г. В. Плехановым и Ф. Мерингом связаны со слабыми сторонами их мировоззрения и практической деятельности. Не случайно

именно В. И. Ленин, глубоко и точно постигший смысл марксизма, его революционную душу, выработал цельную систему научных принципов исследования формирования взглядов К. Маркса.

Разрабатывая ту или иную теоретическую проблему, В. И. Ленин специально затрагивал историю ее появления и развития в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Он раскрывал не только научно-теоретическое, но и общественное значение исследований генезиса марксизма.

Так, в статье «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» В. И. Ленин отмечал, что первая русская революция привлекла к сознательному участию в общественной жизни «чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач», но которые «усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов» (35, с. 88), то есть не поняв диалектического и исторического материализма как теоретической основы стратегии и тактики политической борьбы рабочего класса и его партии.

Подобное непонимание «марксистских критериев», как отмечал В. И. Ленин, было свойственно не только рядовым участникам революции, но и многим интеллигентам-марксистам, претендовавшим на роль ее теоретиков и пытавшимся «дополнить экономическое и политическое учение марксизма» наиболее модной в то время философией махизма. В. И. Ленину удалось раскрыть и причины стремления некоторой части марксистов к такого рода «дополнениям». Он показал, что К. Маркс и Ф. Энгельс, создавая свое учение, опирались на солидную материалистическую традицию в разработке общефилософских проблем, но не имели предшественников в систематическом распространении материализма на понимание общественной жизни. Поэтому они прежде всего обращали внимание на достраи-

вание философии материализма доверху, то есть на материалистическое понимание истории, а не на материалистическую гносеологию. Махисты же, желающие быть марксистами, напротив, подошли к марксизму «в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху... Наши махисты не поняли марксизма, потому что им довелось подойти к нему, так сказать, *с другой стороны*, и они усвоили — а иногда не столько усвоили, сколько заучили — экономическую и историческую теорию Маркса, не выяснив ее основы, т. е. философского материализма... Они желали бы быть материалистами вверху, они не умеют избавиться от путаного идеализма внизу!» (34, с. 350—351).

Новый исторический период с особой наглядностью показал необходимость всестороннего овладения богатством идейного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, глубокого усвоения всех сторон марксистского учения в их взаимной связи. Одной из необходимых предпосылок такого усвоения Ленин и считал *изучение формирования* взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Буржуазные теоретики, претендующие ныне на роль первооткрывателей молодого Маркса, длительное время, вплоть до 20-х годов, вообще не видели в ранних произведениях Маркса специального предмета исследования и ограничивались поверхностной, изобилующей фактическими ошибками характеристикой этих произведений. При этом *философским* взглядам молодого Маркса почти не уделялось внимания, более того, вообще отрицалось наличие у Маркса собственной философской концепции.

Правда, уже тогда существовало противопоставление молодого Маркса зрелому. Но молодым объявлялся Маркс эпохи «Манифеста Коммунистической партии», Маркс-

революционер, якобы противостоящий зрелому Марксу эпохи «Капитала», Марксу-ученому. Эту досужую выдумку марксисты (именно марксисты, в особенности советские исследователи) подвергли критике еще полвека назад на основе изучения обширного комплекса проблем духовного развития молодого Маркса. В соответствии с резолюцией XIII съезда партии, Институтом Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ) была проведена огромная работа по собиранию, расшифровке, переводу, публикации и исследованию литературного наследства основоположников марксизма, в том числе и произведений, относящихся к периоду формирования их взглядов. В 1927—1932 гг. впервые были опубликованы «Школьные сочинения» Маркса, все сохранившиеся материалы его докторской диссертации, описание Берлинских и Крейцнахских тетрадей, рукопись «К критике гегелевской философии права», «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология» (впервые полностью) и другие работы (подробнее см. 83). Была подготовлена также биохроника Маркса, включавшая более 3 тыс. дат и раскрывавшая шаг за шагом весь жизненный путь Маркса (см. 41).

Эти публикации со всей очевидностью показали, что «Манифесту Коммунистической партии» предшествовали длительное осмысление и переработка накопленного человечеством теоретического, в особенности философского, богатства. Одновременно рухнуло представление о молодом Марксе как не опиравшемся на строгий научный анализ одностороннем революционере, произвольно измыслившем «Манифест...» для оправдания своих революционных замыслов. Казалось бы, должно было рухнуть и противопоставление молодого Маркса зрелому. Однако этого не произошло.

Зато в начале 30-х годов произошла разительная перемена (подлинное сальто-мортале) в отношении буржуазных теоретиков к молодому Марксу. Объясняется это, конечно, не только фактом публикации в 1932 г. «Экономи-

ческо-философских рукописей 1844 года», а имеет более глубокие причины, пониманию которых как раз и способствует изложенный выше ленинский подход к вопросу.

Дело в том, что разразившийся на рубеже 20—30-х годов жестокий экономический кризис привел в движение новые слои трудящихся и вызвал особый интерес к марксизму как целостной теоретической концепции, в том числе и к ее философскому содержанию. Ранние произведения Маркса вновь оказались в поле зрения широкой общественности, причем ученые-марксисты весьма успешно раскрывали значение этих работ как этапов формирования научного мировоззрения пролетариата.

В этих условиях буржуазные идеологи тоже «заинтересовались» молодым Марксом. Но их интерес с самого начала приобрел характер сенсационного противопоставления молодого Маркса зрелому. Так, комментируя только что опубликованные «Экономическо-философские рукописи 1844 года», Г. де Ман поспешил заявить в статье «Вновь открытый Маркс»: «Этот Маркс реалист, а не материалист. Отклонение от философского идеализма не ведет его к тому, чтобы мнимой высшей реальности идеи противопоставить высшую реальность материи. Скорее, он подчиняет обе эти реальности одной всеохватывающей действительности жизни в ее пассивно-активной, бессознательно-сознательной тотальности. И материальные, и идеальные принципы он рассматривает как явления единого тотального жизненного процесса... Как бы высоко ни ценились поздние произведения Маркса,— заключал де Ман,— тем не менее они обнаруживают известное торможение и ослабление его творческих возможностей» (цит. по 98, с. 8).

Все внимание реформистских, а затем и буржуазных марксологов оказалось теперь сосредоточенным на том периоде духовного развития Маркса, который до сих пор вообще игнорировался ими: «Экономическо-философские рукописи 1844 года», представлявшие собой одну из пер-

воначальных ступеней формирования взглядов Маркса, объявлялись теперь вершиной его зрелости, а «Капитал», эта подлинная вершина научного подвига Маркса, превратился в свидетельство «ослабления его творческих возможностей». Словом, зрелым вдруг оказался не Маркс «Манифеста Коммунистической партии» и «Капитала», а именно молодой Маркс. Возник и начал стремительно распространяться миф о двух Марксах (подробнее см. 74).

В послевоенные годы обнаружилась новая, небывалая по своему размаху тяга к марксизму, в том числе и среди западной интеллигенции; вновь пробудился интерес к его истории, к его формированию, и буржуазные идеологи не преминули использовать этот интерес для гальванизации мифа о двух Марксах.

Видимость убедительности этому мифу придавало, в частности, то, что в прошлых работах некоторых авторов, выступивших от имени марксизма, марксистское учение представало обедненным, самоустранившимся от анализа ряда сложных проблем, в особенности проблем личности — ее существования, свободы, творчества, самосознания и др.,— которые в ранних произведениях Маркса занимают значительное место. Миф о двух Марксах стал кочевать из статьи в статью, из книги в книгу, из страны в страну.

В буржуазной марксологии возник специальный термин «дихотомисты», которым стали обозначать сторонников концепции «двух Марксов». При этом различают две группы «дихотомистов»: «поздние дихотомисты», отдающие предпочтение трудам зрелого Маркса как «трезвого ученого» в противовес ранним, «гуманистически-этическим» его произведениям, и «ранние дихотомисты», усматривающие «подлинного Маркса» именно в ранних его произведениях (см. 140, с. XIV—XVIII).

В полемике с «дихотомистами» с конца 60 — начала 70-х годов вновь активизировались «континуалисты», настаивающие на наличии непрерывной эволюции взглядов

Маркса — от первых его произведений до последних. К зачинателям «нового континуализма» относят прежде всего католического критика марксизма Ж. Кальвеза, а также антикоммуниста Ш. Авинери, либерала Д. Мак-Леллана и ряд других буржуазных историков, не приемлющих взгляды Маркса в целом — ни на раннем, ни на более поздних этапах его развития (см. 119; 124; 143).

По сути дела, как справедливо заметил Т. И. Ойзерман, «на смену противопоставлению ранних работ Маркса его последующим трудам пришло... стирание качественных различий между ними» (97, с. 323). Конечно, разные авторы по-разному обосновывают отсутствие таких различий. Ж. Кальвез настаивает на том, что не только в «Экономическо-философских рукописях», но и в «Капитале» важнейшей является философская категория отчуждения (см. 124). Напротив, Д. Мак-Леллан усматривает непрерывность развития взглядов Маркса в сохранении центральной темы, открытой Марксом в 1844 г.,— темы капитала (см. 143). Этот взгляд развивает Дж. Маквир, который пытается сконструировать «модель» функционирования буржуазного общества, якобы составлявшую существо взглядов Маркса уже в 1844 г., а затем все более и более детально разрабатывавшуюся им в «Теориях прибавочной стоимости» и в «Капитале».

Существо этой «модели» Дж. Маквир характеризует следующим образом: «В экономике существуют два сектора — сельское хозяйство и промышленность. В каждом из них имеются две социальные группы: собственники, обладающие экономической властью, и рабочие, зависящие от собственников. Разделение благ между этими двумя группами в каждом секторе есть результат борьбы, в которой первая группа, обладающая властью, определяет вознаграждение второй группе. Первая группа получает доходы независимо от личного вклада; рабочие же полностью зависят от этого, но их доход растет не в той же пропорции, что их труд» (140, с. 52).

Эту «модель», представляющую собой упрощенное, если не сказать вульгаризированное, толкование позиции Маркса в «Экономическо-философских рукописях», нововленный «континуалист» выдает за существо всего Марксова экономического учения. Что ж, такая «модель» обладает очень важным для буржуазных марксологов достоинством: ее гораздо легче критиковать, чем «Капитал». Но при этом она никак не может служить выражением существа Марксовых взглядов — ни ранних, ни тем более зрелых.

Ш. Авинери считает «дихотомию двух Марксов» преувеличенной якобы вследствие некорректного отождествления философских взглядов зрелого Маркса и «позднего Энгельса» и противопоставления позиции Энгельса молодому Марксу (см. 119). Очевидно, что этот псевдоконтинуализм служит лишь прикрытием для противопоставления Маркса Энгельсу.

Конечно, для понимания существа дела важнее выявление различий между буржуазными марксологами в интерпретации процесса развития взглядов Маркса, чем формальное разделение этих теоретиков на «дихотомистов» и «континуалистов». В неослабевающей на протяжении более полувека борьбе вокруг идейного наследия молодого Маркса получают отражение интересы различных классов и социальных групп *.

В. И. Ленин отличал убежденных врагов марксизма от людей, желающих быть марксистами, но не умеющих избавиться от пут идеализма. Поэтому неправильно было бы однозначно оценивать все работы о молодом Марксе, вышедшие из-под пера немарксистских историков. Среди них следует различать следующие: во-первых, *сознательную фальсификацию* процесса формирования

---

* Подробный анализ этой борьбы проведен нами еще в 1962 г. (см. 81, а также 137, где содержится дополнительный материал по данной теме).

взглядов Маркса, осуществляемую с позиций откровенного антикоммунизма. Так, большую активность в этом отношении проявляли одно время французские католики, но они получили серьезный отпор со стороны коммунистов (см. 88). Затем на утонченной фальсификации взглядов молодого Маркса все более стали специализироваться западногерманские историки (см., например, 122; 130; 158); во-вторых, *позитивистский отказ от проникновения в глубинные тенденции* развития молодого Маркса, прикрывающий отход современных ревизионистов от марксизма-ленинизма. В качестве характерного примера укажем статью А. Лефевра «О связи философии и политики в ранних работах Маркса» (157, с. 17—51); в-третьих, *неогегельянско-экзистенциалистскую интерпретацию* молодого Маркса как форму «восприятия марксизма» некоторыми либеральными философами и социологами (см. 153); в-четвертых, *анархо-экстремистскую интерпретацию* марксизма мелкобуржуазными слоями интеллигенции и студенчества. Особенно большим успехом среди этих слоев пользовались в последнее время работы Г. Маркузе (см. 142).

Конечно, такое разграничение весьма относительно. Хотя оно и отражает особенности отношения к марксизму различных слоев современной буржуазии (подробнее см. 54), тем не менее всем этим разновидностям буржуазных и ревизионистских марксологических течений свойственна общая идеологическая устремленность — непринятие марксизма как целостного мировоззрения, всевозможные попытки заменить те или иные его элементы заимствованными из буржуазного мировоззрения положениями и выдать этот симбиоз за подлинный марксизм. Ведь когда в рамках противопоставления молодого Маркса зрелому объединяют молодого Маркса либо с Гегелем, либо с Фейербахом, либо с Кьеркегором, то в конечном счете покушаются на целостность марксизма. Тот же смысл имеет и стремление противопоставить Маркса Энгельсу, Маркса и Энгель-

са — Ленину. Одним из средств, к которым прибегают буржуазные теоретики, являются попытки *разъединить составные части марксизма уже в процессе их формирования.* Но если полвека назад буржуазные идеологи пытались доказать, будто марксизм возник лишь как политическая и экономическая доктрина, лишенная собственной философской базы, то начиная с 30-х годов, и особенно в 50—60-е годы, они резко сменили тактику и стали сводить формирование марксизма лишь к философской его проблематике (разумеется, соответствующим образом искаженной).

Это выдвигает новые задачи и перед марксистскими исследователями наследия Маркса. Так, полвека назад, изучая формирование взглядов основоположников научного мировоззрения, марксисты сосредоточили основное внимание на доказательстве того, что в ходе этого формирования возникла и философия марксизма, что политические и экономические взгляды Маркса с самого начала получали определенное философское обоснование. В наше время перед историками-марксистами объективно стоит задача обратить особое внимание на то, что *философия марксизма возникла не сама по себе, а в органическом взаимодействии с другими составными частями марксизма,* что она не только служила их общетеоретическим основанием, но и сама получала в них определенное обоснование и конкретизацию, что такого рода взаимодействие было плодотворным не только для политических и экономических, но и для философских взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Таким образом, ленинский анализ социального смысла исследований формирования взглядов Маркса сохраняет свое методологическое значение и в наши дни. Чем шире распространяется марксизм как научная идеология рабочего класса и всех трудящихся, тем сильнее возрастает внимание к процессу его формирования, проявляющееся на каждом новом историческом этапе в специфической форме.

Основные этапы формирования взглядов Маркса

В. И. Лениным был выработан научный исторический принцип анализа формирования взглядов Маркса. Этим принципом и руководствовался Ленин, изучая наследие основоположника марксизма. При этом Ленин опирался как на доступные в то время ранние работы К. Маркса, так и на все последующие его труды, учитывал собственные высказывания К. Маркса о начальных этапах его духовного развития.

Наиболее полное из такого рода высказываний содержится в известном предисловии Маркса к «К критике политической экономии» (1859). Ввиду его исключительного значения для правильного понимания процесса формирования марксизма воспроизведем целиком этот ретроспективный взгляд самого Маркса *:

«Моим специальным предметом была юриспруденция, которую, однако, я изучал лишь как подчиненную дисциплину наряду с философией и историей. В 1842—1843 гг. мне как редактору «Rheinische Zeitung» пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение. Обсуждение в рейнском ландтаге вопросов о краже леса и дроблении земельной собственности, официальная полемика, в которую г-н фон Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской провинции, вступил с «Rheinische Zeitung» относительно положения мозельских крестьян, наконец, дебаты о свободе торговли и покровительственных пошлинах дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами. С другой стороны, в это время, когда благое желание «идти

* Подробнее о значении ретроспективных высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса для изучения формирования и развития марксистской теории см. в работе Г. А. Багатурия «Первое великое открытие Маркса. Формирование и развитие материалистического понимания истории» (см. 87, с. 107—173).

вперед» во много раз превышало знание предмета, в «Rheinische Zeitung» послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместе с тем в полемике с аугсбургской «Allgemeine Zeitung» откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений. Тем с большей охотой я воспользовался иллюзией руководителей «Rheinische Zeitung», которые надеялись более умеренной позицией добиться отмены вынесенного ей смертного приговора, чтобы удалиться с общественной арены в учебную комнату.

Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в 1844 г. в издававшемся в Париже «Deutsch-Französische Jahrbücher». Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа» (3, с. 5—6).

Эти автобиографические высказывания Маркса характерны в нескольких отношениях. Во-первых, они демонстрируют многосторонность его теоретических интересов уже в период формирования его воззрений: юриспруденция, философия, история, социализм и коммунизм, политическая экономия. Во-вторых, очевидна взаимосвязь развития теоретических взглядов Маркса с его практически-политической деятельностью, в особенности в качестве редактора

«Рейнской газеты». В-третьих, намечаются определенные фазы этого идейного развития: учеба в университете (1837—1841); работа в «Рейнской газете» (1842—1843); критика гегелевской философии права (1843); статьи в «Немецко-французском ежегоднике» (1844); занятия политической экономией (1844). Правда, эти фазы выделяются скорее со стороны *предмета интересов*, а содержательная их характеристика относится к итоговому результату. В других воспоминаниях К. Маркса и Ф. Энгельса имеются конкретные оценки некоторых промежуточных фаз. Так, в послесловии ко второму изданию «Капитала» (январь 1873) К. Маркс, имея в виду, очевидно, свою рукопись «К критике гегелевской философии права» (лето 1843), писал: «Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде» (7, с. 21); иначе говоря, К. Маркс считал эту свою работу значительным шагом на пути к материализму. Энгельс в статье «Карл Маркс» (1877) отметил, что в «Немецко-французском ежегоднике» К. Маркс «открыл серию своих социалистических произведений «Критикой гегелевской философии права»» (5, с. 106). Иными словами, статью «К критике гегелевской философии права. Введение» Ф. Энгельс характеризовал как первое произведение, в котором К. Маркс уже стоит на позициях социализма и коммунизма.

Этот конкретно-исторический, генетический подход к анализу и оценке ранних работ Маркса был в полной мере воспринят и развит В. И. Лениным. Он исходил из того непреложного факта, что если первые из этих работ были по своему содержанию гегельянски-идеалистическими и не заключали в себе ничего специфически марксистского, то конечным итогом идейного развития молодого Маркса явились труды, вплотную подведшие его к фундаментальным открытиям, свершение которых составляет непреходящую заслугу марксизма перед человечеством. Поэтому В. И. Ленин с полным основанием видел в ранних работах

Маркса свидетельства формирования марксизма, последовательные вехи на пути Маркса к созданию зрелого, развитого научного мировоззрения.

Вот эти основные вехи, выделенные В. И. Лениным:

1) докторская диссертация (1841) — здесь Маркс «стоит еще вполне на идеалистически-гегельянской точке зрения» (37, с. 82);

2) статьи в «Рейнской газете» (1842—1843) — «намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» (там же);

3) статьи в «Немецко-французском ежегоднике» (1843—1844) — «вышеуказанный переход совершается окончательно» (там же), выдвигается положение о всемирно-исторической роли пролетариата;

4) «Святое семейство» (1844) — «почти уже сложившийся взгляд Маркса на революционную роль пролетариата» (38, с.11);

5) «Нищета философии» (1847) и «Манифест Коммунистической партии» (1848) — «первые произведения зрелого марксизма» (39, с. 22).

Характерная черта ленинской периодизации состоит в акценте на *развитии* взглядов Маркса. Так, существо статей в «Рейнской газете» Ленин усматривает в том, что в них намечается переход к материализму и к коммунизму. Это был точный и вместе с тем оригинальный вывод, отсутствующий в прежних исследованиях, посвященных формированию марксизма. Правда, еще Ф. Меринг отмечал, что уже при анализе дебатов о краже леса К. Маркс ««спустился на твердую землю» и в суровом столкновении с экономическими фактами познал недостаточность идеалистических воззрений на общество и государство» (92, с. 38). Однако этим подчеркивалась лишь негативная сторона развития взглядов Маркса (уход от идеализма), а не позитивная (зарождение элементов философского материализма).

В. И. Ленин впервые продемонстрировал глубоко и последовательно научное понимание процесса формирования марксизма. Он учитывал не только исходный, но и конечный пункт движения мысли Маркса, раскрывал перспективу этого движения. Тем самым он сумел обнаружить диалектику начальной стадии перехода Маркса к материализму и коммунизму: в целом еще идеалист и революционный демократ, но уже намечается этот переход.

Генетический принцип В. И. Ленин применяет и при анализе последующих этапов идейного развития К. Маркса, сосредоточивая внимание на том, что нового они вносят в разработку собственно марксистского учения. Так, имея в виду статью «К критике гегелевской философии права. Введение», опубликованную в 1844 г. в «Немецко-французском ежегоднике», В. И. Ленин подмечает: «Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества... Впервые Маркс выдвинул его в 1844 году» (36, с. 1). Этот же принцип применяет В. И. Ленин при анализе возникновения и развития идеи материализма в социологии («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»), при выяснении развития взглядов Маркса на диктатуру пролетариата («Государство и революция») и по другим центральным проблемам марксизма. Дело, следовательно, не только в том, чтобы фиксировать, как относился Маркс на том или ином этапе развития своих воззрений к Гегелю, Фейербаху или другому мыслителю (хотя это тоже важно), но прежде всего в выяснении того места, которое занимает данный период идейного развития Маркса в формировании и развитии собственного содержания марксизма; степень разработки этого содержания как раз и определяет отношение Маркса к своим идейным предшественникам и современникам.

Важной стороной ленинской характеристики генезиса взглядов Маркса, обеспечивающей точность и плодотвор-

ность, была *конкретность анализа* каждого этапа развития Маркса, каждого его шага вперед. Такая конкретность проявляется прежде всего в крайне внимательном, бережном отношении Ленина к тексту Марксовых произведений, в фиксировании каждого оттенка развития мысли К. Маркса. Весьма показателен в этом плане ленинский конспект «Святого семейства». Делая выписки уже из первых разделов этого произведения, Ленин, например, замечает: «Маркс подходит здесь от гегелевской философии к социализму: переход наблюдается явственно — видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей» (38, с. 8).

Как видим, при оценке даже опубликованных при жизни Маркса его работ В. И. Ленин не ограничивается суммарной характеристикой того места, которое они в целом занимают в развитии взглядов Маркса, но считает необходимым вычленять определенные «круги идей», т. е. этапы развития Марксовой мысли.

Ленинский подход к анализу формирования взглядов Маркса оказался столь плодотворным, обеспечил столь точные оценки его ранних работ, что привел к полному признанию и утверждению в марксистской историографии ленинской периодизации. Правда, произошло это не сразу, а после преодоления упрощенно-схематических представлений об этапах духовного развития молодого Маркса. В 20-х годах преобладала так называемая теория фазисов, согласно которой вначале Маркс был последовательным гегельянцем, затем — последовательным фейербахианцем, а переход к диалектическому материализму представлялся как простой синтез диалектики Гегеля и материализма Фейербаха; в начале 30-х годов возникла противоположная схема, по которой идейное развитие Маркса с самого начала определялось якобы воздействием на него со стороны поднимающегося на борьбу пролетариата, что вообще приводило к отрицанию каких бы то ни было этапов формирования его взглядов. В полемике с

этими концепциями в полной мере обнаружилась методологическая ценность ленинских принципов периодизации. К середине 30-х годов они стали прочным достоянием историков-марксистов, развернувших, особенно с 50-х годов, широкий фронт исследования процесса формирования марксистского учения *.

Однако проблема возникновения марксизма как *целостного учения,* в единстве всех его составных частей, еще не получила достаточной разработки. В настоящей книге прослеживаются начальные этапы формирования взглядов Маркса в цельное научное мировоззрение, т. е. тот период в его духовном развитии, который обычно и определяется понятием «молодой Маркс». Хронологически этот период заканчивается августом 1844 г., когда началась совместная работа К. Маркса и Ф. Энгельса над «Святым семейством». Идейно-теоретическая эволюция Ф. Энгельса прослеживается в книге по необходимости кратко.

Формирование взглядов Маркса в рассматриваемый период представляло собой весьма сложный процесс. В соответствии с ленинской периодизацией формирования марксизма в данной книге выделяются три основных этапа в духовном развитии молодого Маркса:

I. Первоначальные поиски концепции мира (1837—1841).

II. Взаимодействие различных сторон воззрений Маркса в процессе перехода к материализму и коммунизму (1842—1843).

* Среди фундаментальных трудов в этой области следует прежде всего отметить трехтомное исследование О. Корню «К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность» (75, 76, 77), а также книгу Т. И. Ойзермана «Формирование философии марксизма» (97) и коллективный труд «Марксистская философия в XIX веке» (86). Различные стороны формирования марксизма получили в 70—80-е годы отражение в работах Г. А. Багатурия (47), Э. В. Безчеревных (52), Г. Н. Волкова (56), В. С. Выгодского (57), В. В. Кешелавы (73), К. Т. Кузнецова (78), И. С. Нарского (94), А. И. Малыша (85), Р. Панасюка (149), В. Тухшеерера (160), Ф. В. Цани-Кай-си (111) и др.

III. У истоков возникновения целостного научного мировоззрения (конец 1843 — август 1844 г.).

Каждый из этих этапов, в свою очередь, расчленяется на несколько фаз. На каждом этапе, на каждой фазе своего развития К. Маркс выступал как исключительно цельная фигура — и как теоретик, и как политический деятель, и как личность — со своим целостным «кругом идей». Однако до 1844 г. это еще не была целостность *научного* мировоззрения, и лишь в 1844 г., начиная со статьи «К критике гегелевской философии права. Введение» и особенно в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», взгляды Маркса начинают преобразовываться в качественно новое целое, хотя они еще не достигли своей зрелости. Задача состоит именно в том, чтобы выяснить *механизм* развития от начальной (идеалистической в своей основе) целостности воззрений молодого Маркса через ряд посредствующих звеньев к появлению *целостности научных взглядов*.

При этом важно представить развитие взглядов Маркса не только как духовный, интеллектуальный процесс. Это одновременно была и напряженная *практическая деятельность*, многообразная по содержанию и формам проявления. В личностном плане эта деятельность представляла собой революционный прорыв Маркса, так же, как и Энгельса, через окружавшую повседневность — повседневность привычек и правил общежитейского свойства, ценностей и норм поведения людей, с которыми приходилось общаться, и т. п. «Ничто человеческое мне не чуждо»,— любил говорить Маркс. Но повседневность, с которой он так или иначе ощущал свою связанность, была весьма неоднородной. В ней переплетались и отчасти противостояли друг другу мещанско-бюргерские, феодально-монархические и либерально-буржуазные элементы. На разных этапах жизненного пути молодому Марксу приходилось непосредственно сталкиваться с разными из этих элементов. А в целом его развитие представляло собой именно

прорыв через все эти косные и чуждые его устремлениям элементы к иного типа жизнедеятельности — революционно-пролетарской, глубоко отвечавшей его собственной натуре. И он не просто разрывал узы буржуазной повседневности, нередко получая за это жестокие удары врагов и бывших друзей, но и активно участвовал в созидании новой, революционно-пролетарской повседневности, обретая в этом деле подлинных друзей и соратников.

Конечно, главное содержание практической деятельности Маркса составляла общественно-политическая деятельность — как публициста, редактора газет и журналов, организатора рабочего движения, создателя первой в мире коммунистической партии — Союза коммунистов,— руководствующейся научным мировоззрением. Хотя создание Союза коммунистов относится к зрелому периоду жизнедеятельности Маркса, предпосылки этого исторического события закладывались и в ранний период. Уже тогда Маркс практически подготавливал исторически необходимое соединение разрабатываемой им и Энгельсом революционной теории с революционной деятельностью широких масс рабочего класса. Отсюда ясно, что адекватно осмыслить становление взглядов Маркса в целостное научное мировоззрение нельзя без учета его практической деятельности в различных ее проявлениях. Автор пытается решить эту задачу, руководствуясь ленинскими принципами историзма и конкретности анализа. Он не стремится набросать некоторую общую схему возникновения марксова учения, лишь подкрепляемую конкретным материалом как иллюстрацией, а, напротив, пытается именно из анализа конкретного материала выводить заключения общего характера. Понятно, что в одной книге нет возможности охватить всю совокупность такого материала. Поскольку исторические предпосылки и условия формирования взглядов Маркса достаточно выяснены в литературе (см. 75; 76; 77), автор счел возможным не давать развернутого изложения этих предпосылок и условий, огра-

ничившись лишь характеристикой их непосредственного воздействия на развитие воззрений Маркса и сосредоточив основное внимание на процессе развития последних. При этом анализу подвергаются не только содержание высказываемых Марксом положений, но и фактический, по возможности детализированный путь Маркса к этим положениям, что позволяет обнаружить своеобразные переплетения различных сторон воззрений Маркса, действительные стадии их развития, в том числе и стадии работы Маркса над одним и тем же произведением. Особенно важно исследование рукописей, ибо в них движение марксовой мысли запечатлено наиболее наглядно. Вот почему в книге уделяется большое внимание деталям текстологического характера, широко привлекаются фотокопии рукописей, хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), без учета которых в ряде случаев не представляется возможным проникнуть в действительную лабораторию творческой мысли Маркса.

В поисках собственной концепции мира

Глава 1

От школьной скамьи до доктора философии

«В году тысяча восемьсот восемнадцатом, *седьмого* числа *мая* месяца, в *четыре* часа *пополудни* передо мной — чиновником ратуши *Трира*, ведающим делами гражданского состояния в *Трирском* округе — предстал *господин Генрих Маркс*... показал мне ребенка *мужского* пола и заявил, что этот ребенок появился на свет в *Трире пятого* числа *мая* месяца в *два* часа *утра* от *господина Генриха Маркса, адвоката,* проживающего в *Трире*, и его жены *Генриетты Пресборк* и что этому своему ребенку они пожелали дать имя *Карл»* (16, с. 589). Так звучит акт о рождении Карла Маркса, скрепленный подписями свидетелей — Карла Петраша и Матиаса Кроппа, отца — Генриха Маркса и составителя акта — чиновника Э. Граха.

Немногие имеющиеся свидетельства позволяют заключить, что в детстве Карл любил подвижные игры, обычно выступал в них в роли верховода. Он покорял сверстников безу-

держной фантазией, часами были готовы они слушать занимательные сказки, которые он тут же сочинял.

Живость характера и богатство фантазии дополняются обнаружившимися уже в гимназии незаурядными интеллектуальными способностями. В «Аттестате зрелости воспитанника Трирской гимназии Карла Маркса» отмечаются его хорошие познания в немецком, латинском, греческом и французском языках, а также по математике. Но к разным предметам он относился по-разному, и далеко не все преподаватели были вполне довольны им.

Юный Фридрих Энгельс, еще не встречавшийся со своим будущим другом, но уже много слышавший о нем от их общих знакомых, в стихотворной форме передал сложившееся у них впечатление от внешнего облика и страстной натуры молодого Маркса:

То *Трира* черный сын с *неистовой* душой.
Он не идет,— бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, силач неутомимый
Все время мечется, как бесом одержимый!
(17, с. 304)

Юноша вступает в жизнь

Семья, окружение, школа

На формирование духовного облика человека обычно оказывают влияние непосредственно окружающие его люди — родные, знакомые, учителя. В этом отношении Маркс не составлял исключения. Ему, быть может, лишь больше, чем другим, повезло: рядом с ним были высокообразованные и умудренные жизненным опытом люди. Прежде всего, это его отец, Генрих Маркс. Он под влиянием Вольтера,

Руссо, Лессинга и других передовых мыслителей XVIII в. проникся духом Просвещения и был чужд религиозного доктринерства. Отец тонко руководил процессом духовного созревания своего сына; тактично, но настойчиво повлиял он на первоначальный выбор сыном профессии юриста и затем с полным пониманием отнесся к его исканиям в иной области. Смерть отца в 1838 г. была тяжелым ударом для Карла.

Иначе сложились у него отношения с матерью. Заботливая мать девятерых детей и хорошая домашняя хозяйка, Генриетта Маркс была ограниченным в духовном отношении человеком. Пережив своего мужа на четверть века, она с каждым годом все более отдалялась от сына, не стремившегося, вопреки ее ожиданиям и требованиям, сделать блестящую карьеру. Она внесла свою лепту в разного рода «пакости частного характера», осложнявшие жизнь сына. Но все это не помешало Карлу сохранить доброе отношение к матери.

Одним из наставников юного Маркса был барон фон Вестфален, который жил по соседству и был в хороших отношениях с Генрихом Марксом; его дочь Женни (будущая жена Маркса) дружила с сестрой Карла Софьей, а сын Эдгар — с Карлом. Будучи широкообразованным человеком, барон особенно увлекался древнегреческими писателями (Гомера он знал наизусть) и Шекспиром; он интересовался также социальными проблемами, в том числе учением Сен-Симона, и был склонен к романтизму. Барон полюбил одаренного юношу и привил ему вкус к античности и романтике.

В Трирской гимназии, где учился Маркс с 1830 по 1835 г., было несколько выдающихся педагогов. Так, историю и философию преподавал директор гимназии Иоганн Виттенбах — сторонник учения Канта. Он отстаивал принципы преподавания, опирающиеся на разум, а не на религиозную веру, что для того времени было весьма смело, пропагандировал так называемое «каролингское возрожде-

ние», подчеркивая заслуги Карла Великого (742—814) в развитии образования и пробуждении интереса в суровое время раннего средневековья к античной культуре.

Влияние Виттенбаха проявилось в самом раннем из сохранившихся литературных произведений Маркса — стихотворении «Карл Великий». Помещенное в записной книжке его сестры Софи, оно датировано 1833 г., когда его автору было 14—15 лет. Вот отрывок из этого стихотворения:

Смягчил он воспитаньем нравы
Холодной варварской земли,
И в хижинах царило право,
Закон там крепко берегли.

И больше, чем его походы,
В которых кровь лилась рекой,
Победы все, чреватые невзгодой,
Добытые геройскою рукой,

Нам то внушает восхищенье,
Что человечеству дал он
Венец прекрасный просвещенья,
Что вырвал он у варварских времен.

(16, с. 586)

Сквозь романтизированный образ Карла Великого явственно проступает просветительски-гуманистическая устремленность души и помыслов юного Карла Маркса. Не кровавые завоевания, ценой которых была создана империя Каролингов, распавшаяся вскоре после смерти Карла Великого, а создание условий для усвоения достижений античной культуры (переписка книг античных авторов, строительство школ и т. п.) — вот то действительно великое, что, по мнению юноши, сделал император Карл для человечества.

Другой стороной воспитательного воздействия окружающей среды на юношу обычно является формирование основных жизненных установок, развитие ориентации на определенные ценности под влиянием общественных, осо-

бенно политических, событий. Отроческие и первые юношеские годы Маркса проходили в относительно спокойный период политической жизни Германии. Едва теплилась эта жизнь и в его родном городе Трире. Хотя это был один из старейших городов Германии, он значительно отставал от таких промышленно развитых соседей, как Кёльн, Аахен и Дюссельдорф.

Но и здесь жила память о той политической свободе, которой в 1794—1815 гг. пользовались трирцы как граждане Французской республики и которая была в значительной мере утеряна с присоединением Рейнской провинции к Пруссии. Во время французской революции 1830 г. жители Трира читали и передавали друг другу брошюру, призывавшую к борьбе за освобождение Рейнской провинции от прусского подданства.

В 1832—1833 гг. полиция сообщала правительству, что в городе значительно увеличилось число либералов, которые симпатизируют Франции и критикуют прусские порядки. В январе 1834 г. трирское «Литературное общество» устроило два банкета, где провозглашались либеральные идеи, исполнялись революционные песни (в том числе «Марсельеза») и даже был поднят трехцветный французский флаг. Встревоженное этим, прусское правительство провело следствие и поставило трирское «Литературное общество» под полицейский надзор.

К следствию был привлечен и отец Маркса — участник первого банкета, выступивший с речью в духе умеренного либерализма. Наиболее радикальные преподаватели гимназии получили строгий выговор; директору гимназии Виттенбаху грозило отстранение от должности.

Не преувеличивая влияния этих факторов на умонастроение Карла, можно, однако, предположить, что они способствовали определенной его политической ориентировке.

Гимназические сочинения Маркса. Нравственность и религия

К наиболее ранним из дошедших до нас литературных произведений Маркса относятся семь письменных работ, выполненных на выпускных экзаменах в Трирской гимназии в августе 1835 года: сочинения на немецком языке на свободную тему и на латинском языке о принципате Августа, сочинение на религиозную тему, упражнение по латинскому языку, перевод с греческого, перевод на французский язык, работа по математике (см. 30, с. 449—470).

В сочинении по религии на заданную тему: «Единение верующих с Христом по Евангелию от Иоанна» излагалась преподававшаяся в гимназии религиозно-нравственная концепция, смысл которой сводился к тому, что единение с Христом способствует осуществлению благородных стремлений людей к добру и познанию, делает сердце открытым «человеческой любви, всему великому, благородному не из-за честолюбия, не из стремления к славе, а только ради Христа» (16, с. 593). Но догматическая сторона вопроса, сама сущность единения верующего с Христом почти не затрагивается юношей, на что обратил внимание уже гимназический учитель в отзыве на это сочинение (см. 30, с. 174). Юный Маркс приводит в пользу религии лишь аргументы нравственного характера. И в то же время обращает чисто светский взгляд «на историю, эту великую учительницу человечества» (16, с. 590).

Анализ содержания выпускного сочинения позволяет заключить, что религия не занимала сколько-нибудь значительного места в умонастроениях юного Маркса. Но его приверженность идеалистической философии выражена здесь отчетливо. Величайшим мудрецом древности он называет «божественного Платона», а эпикуреизм именует «поверхностной философией» (16, с. 590, 593). Пройдет немного времени, и в докторской диссертации Маркс выступит уже с атеистических позиций и даст высокую оценку материалистической философии Эпикура.

Сравнение исторических эпох в поисках счастливой среди них

Латинское сочинение на выпускном экзамене имело своей темой вопрос из истории Древнего Рима: «Заслуженно ли причисляют принципат Августа к более счастливым эпохам Римского государства?» Такая постановка вопроса позволяла Марксу не только проявить исторические познания, но и выразить свое отношение к различным формам государственного строя (разумеется, достаточно сдержанно, насколько это позволяли рамки школьного сочинения), а также продемонстрировать свои способности при поиске самого подхода к решению поставленной задачи.

Маркс предпочитает *многоаспектный* (мы бы сказали теперь — комплексный) подход. «Перед тем, кто пожелает исследовать вопрос о том, каким было время Августа, открывается много способов, с помощью которых он может об этом судить: во-первых, он может прибегнуть к сравнению с другими эпохами римской истории... затем нужно исследовать, что говорили об этой эпохе древние, как смотрели на империю чужеземцы, боялись ли они ее или презирали, и, наконец, как обстояло дело с искусствами и литературой» (16, с. 594). Основное внимание Маркс уделяет первому способу — сравнению различных исторических эпох Древнего Рима.

Эпоху принципата Августа Маркс сравнивает, с одной стороны, с эпохой, предшествовавшей Пуническим войнам, а с другой — с эпохой императора Нерона. Какова же логика и в чем исторический смысл этих сравнений? Понять это можно, выявив характер каждой из рассматриваемых эпох.

Предшествующая Пуническим войнам эпоха римской республики существовала в V—III вв. до н. э. на базе городов-полисов и воплощала типические черты республиканского строя в условиях рабовладельческого общества. Носителем верховной власти считался тогда народ

(populus Romanus, т. е. свободные граждане), выражавший свою волю через собрания (комиции) и сенат; основная власть концентрировалась в руках цензоров (они назначали сенаторов) и высших магистратов — консулов, диктаторов, преторов, народных трибунов.

Не употребляя слова «республика» (что было невозможно в прусской гимназии того времени), юный Маркс называет эту эпоху «прекраснейшей» и действительно счастливой. Ее «сделали счастливой простота нравов, стремление к добродетели, честность должностных лиц и народа»; образование и искусства уважались тогда в наименьшей степени, ибо «самые выдающиеся люди тех времен занимались главным образом земледелием», а красноречие было излишним, «так как люди немногими словами говорили о том, что следует делать, и требовали не изящества речи, а изложения сути предмета... Однако весь этот период был наполнен борьбой между патрициями и плебеями...» (16, с. 594).

Следующей была эпоха Августа, которая находилась на гребне римской истории и в переломном пункте современного летосчисления: первая половина I в. до н. э.— начало I в. н. э. Это было время окончательного падения республики и *подъема империи,* распространившейся на обширные пространства и нуждавшейся в централизованном управлении. Политическая и экономическая власть Рима над многочисленными провинциями удерживалась его возраставшей военной мощью, а единоличная власть Августа над согражданами осуществлялась в мягких, просвещенных формах и сопровождалась быстрым развитием римской культуры (науки, права, риторики, поэзии, скульптуры), которая испытала плодотворное воздействие античной греческой культуры.

«Хотя исчезла всякая свобода и даже всякая видимость свободы,— пишет юный Маркс,— хотя по приказу принцепса менялись учреждения и законы и вся власть, которой раньше обладали народные трибуны, цензоры и консулы,

перешла в руки одного человека,— римляне все же полагали, что правят они и что слово «император» — это только другое название для тех должностей, которые прежде занимали трибуны и консулы, и не замечали, что у них отнята свобода... А литература и искусства ни в какие времена так не процветали; в эту эпоху жили многие писатели, и их творения служили источником, из которого почти все народы черпали образование» (16, с. 595, 597).

Менее чем через полстолетия, в 50—60-е годы I в. н. э., наступила эпоха императора Нерона, когда не только до предела дошла жестокость в обращении господ с рабами, обернувшаяся восстаниями рабов, но и возобладала жестокость во взаимоотношениях между самими господами, боровшимися за власть в огромной империи. Всполохом грядущего ее упадка стал гигантский пожар, охвативший 500-тысячный Рим. И эту трагедию властители использовали как повод для новых жестокостей: политические враги Нерона обвинили его в поджоге, а он, в свою очередь, возложил вину за поджог на первых христиан, число которых быстро увеличивалось, и предпринял безжалостные гонения на них. «...Кому же не ясно,— пишет Маркс,— каково было это время, если убивали лучших граждан, если царил гнусный произвол, если нарушались законы» (16, с. 595).

Многоаспектное сопоставление трех исторических эпох позволило Марксу прийти к вполне определенному и в то же время достаточно гибкому заключению, что «принципат Августа заслуженно следует причислить к лучшим эпохам...» (16, с. 597), но все же нельзя считать эту эпоху счастливой. «...Эпоха Августа не должна восхищать нас до такой степени, чтобы мы не видели, что она во многих отношениях хуже эпохи, предшествующей Пуническим войнам. Ибо нельзя называть эпоху счастливой, если нравы, свобода и доблесть понесли ущерб или пришли в полный упадок и если царят скупость, расточительность и

невоздержанность...» (16, с. 596). При этом Маркс отдает должное личным заслугам Августа как просвещенного монарха.

Нетрудно видеть, что в формах правления симпатии юного Маркса полностью на стороне республики. Он признает достоинства просвещенной монархии и ненавидит тиранические формы власти. Его умонастроение можно охарактеризовать как радикально-просветительское. Выпускник Трирской гимназии разделял и политические иллюзии просветителей и их идеалистическое понимание исторического процесса. Борьбу между патрициями и плебеями он воспринимает как «прекрасное соревнование, которому, правда, не всегда была чужда зависть», а принципат Августа представляет по установившейся традиции как наиболее пригодное для того времени государство: «Ибо когда люди изнежены и простота нравов исчезает, а размеры государства увеличиваются,— то император может лучше обеспечить свободу народу, чем свободная республика» (16, с. 596).

С таким идейно-политическим умонастроением вступал юный Маркс в жизнь. Определилась радикально-просветительская направленность его мыслей. Но ему предстояло еще в ближайшие же годы пройти огромную дистанцию в своем духовном развитии. Важной предпосылкой успешного движения вперед было сформировавшееся к тому времени у Маркса представление о *смысле жизни.*

В чем смысл жизни?

Вопрос о смысле жизни всегда будоражит воображение юношей, а для выпускников школ он отливается в весьма конкретную форму — в вопрос о выборе профессии. 12 августа 1835 г. с 7 до 12 часов дня 32 выпускника Трирской гимназии писали сочинение на свободную тему — «Размышления юноши при выборе профессии». Недавно все эти сочинения были опубликованы (см. 148),

и сопоставительный их анализ, проведенный автором публикации Г. Монцем, подтверждает оригинальность раскрытия Марксом заданной темы.

Это проявляется уже в стиле изложения, выразительности и жизненности языка. Маркс пишет о том, что глубоко осознано и выношено им лично, «как автор, которому есть что сказать» (148, с. 22). Конечно, многие вопросы, о которых он писал, затрагивали в своих сочинениях и его одноклассники. Как и другие, Маркс пишет о возможности выбора средств достижения целей, отличающей человека от животного, о влиянии на решение юноши о выборе профессии родителей, а также различных жизненных обстоятельств и отношений. Эти и некоторые другие аспекты, общие сочинениям многих выпускников Трирской гимназии, отражают определенное влияние Виттенбаха, что подтверждается анализом его «Школьных речей» того времени.

Но были в сочинении Карла Маркса и такие моменты, которые резко выделяли его работу из всех сочинений его сверстников. Наиболее существенны два из них. Во-первых, Маркс пишет о влиянии не просто разного рода отношений индивида с другими людьми, а именно отношений в обществе: «...мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие» (16, с. 5). Словосочетание «отношения в *обществе*» не встречается больше ни в одном сочинении выпускников Трирской гимназии, отсутствует оно и в «Школьных речах» Виттенбаха. Вполне очевидно, что юный Маркс вкладывал в термин «отношения» значительно более широкий смысл, нежели его одноклассники и даже учителя. Впрочем, было бы преувеличением усматривать в этом некий зародыш материалистического понимания истории. В то время Маркс был далек от такого строя мыслей; предстоял еще громадный

труд, который и позволил ему подняться до материализма.

Но уже тогда Маркс, реально оценивая сложность жизни, решительно отвергал мораль рабского подчинения внешним обстоятельствам. Если, уступив натиску жизни, человек изберет профессию, для которой у него нет необходимых способностей, то результатом будет сознание собственной бесполезности, презрение к самому себе.

Второе отличие «Размышлений...» Маркса от сочинений сверстников касается понимания *главного мотива* выбора профессии. Помимо личных склонностей многие выпускники приводили в качестве мотива желание приносить «пользу для своих сограждан». И только юный Карл связывает смысл и счастье своей жизни со служением благу *всего человечества.*

«...Наше счастье будет принадлежать миллионам...»

Свои размышления юноша заключает выводом: «...главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование... Человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага... Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам...» (16, с. 7). Этот девиз, сформулированный в 17 лет, Маркс с честью пронес через всю жизнь.

Конечно, сам по себе такой девиз еще не может объяснить, как юный Маркс стал бессмертным вождем пролета-

риата, но при всех прочих обстоятельствах Маркс никогда не смог бы стать им, если бы не был Человеком в самом высоком смысле этого слова, одним из тех, кто видел счастье в труде для общей цели.

При выходе из гимназии Карл не знал еще, кем он будет по профессии, какого типа профессию он предпочитает: ту, которая «вторгается в самую жизнь», или ту, которая занимается «абстрактными истинами». Его влекли оба типа профессий, и он еще не имел внутренней уверенности, какая из них составляет его призвание.

Адвокат Генрих Маркс советует сыну идти тем же путем, что и он сам, т. е. заняться «практической» профессией — юриспруденцией. Карл прислушивается к этому совету и в октябре 1835 г. начинает занятия на юридическом факультете Боннского университета.

Первые испытания характера и ума

Первоначально Карл проявил себя как весьма прилежный студент, решив посещать сразу девять курсов лекций. Но этого запала хватило не надолго. Выйдя из-под родительской опеки, он вскоре с головой окунулся в бурную жизнь боннского студенчества. Уже во втором семестре трирские студенты избрали его председателем своего землячества. Он много внимания уделял поэзии, вступил в местный союз молодых писателей и помышлял посвятить себя поэтическому творчеству. Занятия науками отошли при этом на второй план.

Генрих Маркс считал первый студенческий год сына потерянным и поспешил уже в середине 1836 г. перевести Карла в Берлинский университет, славящийся строгостью и размеренностью жизни его студентов.

Трудная любовь

Перед поездкой в Берлин Маркс приехал на каникулы в Трир. Здесь он снова встретился с подругой детства Женни фон Вестфален и оказался во власти нахлынувшей и вскоре целиком овладевшей им любви к ней.

Это была поистине трудная любовь. Женни обладала исключительной красотой и обаянием, редким умом и характером. Дочь барона осаждали предложениями руки и сердца сыновья знатных и богатых семейств. У Карла не было ни богатства, ни знатности, ни даже определенной профессии, к тому же он был на четыре года моложе своей избранницы. Но Женни покорило обаяние его незаурядной натуры, богатство и глубина интеллекта. Карл стал для нее самым желанным человеком.

Тем же летом 1836 г. между Карлом и Женни состоялась помолвка, но при этом влюбленные вынуждены были пойти на хитрость: они поставили в известность о своем решении лишь отца Маркса, ибо не были уверены, что другие родственники правильно поймут их.

Одержав первую победу, но не имея уверенности в ее прочности, отправился Маркс в Берлин. Под влиянием чувства одиночества, вызванного прекращением прежних знакомств, а главное — разлукой с любимой, он пишет и посылает своей «дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален» три большие тетради стихов — «Книгу любви» в двух частях и «Книгу песен». В них звучит романтическая настроенность юноши, в котором зреют интеллектуальные и нравственные силы для борьбы с превратностями мира, за свои мысли и чувства.

Вот два стихотворных отрывка из этих тетрадей. В первом слышатся отзвуки становления характера борца, который уже не ждет помощи бога:

Я с бурей в борьбе закаляюсь
И помощи бога не жду,
Креплю я уверенно парус,
В надежную верю звезду.

Охваченный радостной силой,
В смертельном и долгом бою,
Исполненный дерзкого пыла,
Я гордую песню пою.

(16, с. 380)

А строчки другого стихотворения пронизаны светлым чувством любви:

Женни! Смейся! Ты удивлена:
Почему для всех стихотворений
У меня одно названье: «К Женни»?
Но ведь в мире только ты одна
Для меня источник вдохновений,
Свет надежды, утешенья гений,
Душу озаряющий до дна.
В имени своем ты вся видна!

(16, с. 432)

Ответное письмо Женни тоже наполнено нежной любовью к Карлу. Не миновали влюбленных и чувства ревности и тревоги. «Чем полнее я предамся блаженству, тем ужаснее будет моя судьба, когда твоя пламенная любовь остынет и ты станешь холодным и сдержанным. Видишь ли, Карл, тревога о сохранении твоей любви отнимает у меня всякую радость»,— терзалась Женни три с лишним года спустя после помолвки. И в то же время уверяла: «...Карл, я так невыразимо люблю тебя... Вся моя жизнь, все мое существование пронизано мыслью о тебе» (16, с. 648, 650).

На долю Женни в этот период выпала сложная задача: ей надо было не только самой убедиться в постоянстве Карла (ведь он еще так молод!), но и преодолеть сопротивление многих родственников, особенно сводного брата, реакционера Фердинанда фон Вестфалена, получившего в это время должность правительственного советника в Трире. Только через полгода Карл смог обратиться к родителям Женни с просьбой о согласии на их помолвку, а еще

через полгода было наконец получено формальное согласие, которое означало, однако, что свадьба состоится не ранее чем после окончания Марксом университета *.

От поэзии к науке

Дальнейшая судьба их любви все более зависела от Карла. С подлинно родительской мудростью Генрих Маркс наставлял сына о необходимости доказать свое постоянство и серьезность намерений.

Это понимал и сам Карл. В постоянстве своих чувств к Женни он не сомневался, но сознавал необходимость более твердо определить характер своей деятельности. Быстро убедившись, что поэзия не его призвание, уже в ноябре 1837 г. он сообщает отцу: «...поэзия могла и должна была быть только попутным занятием: я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии» (16, с. 10).

Здесь вновь прозвучало впервые обнаружившееся в «Размышлениях...» влечение к обоим типам профессий: как к тем, которые вторгаются в саму жизнь (юриспруденция), так и к тем, которые занимаются абстрактными истинами (философия). Вскоре занятия теми и другими органически переплелись между собой.

Вот как это случилось. В начале своей учебы в Берлинском университете Маркс слушал лекции лишь по конкретным (практическим) дисциплинам: пандекты — у Савиньи, уголовное право — у Ганса и др. Но Савиньи и Ганс были выдающимися представителями двух *противоположных* направлений немецкой правовой науки: первый возглавлял историческую школу права, которая была

* О Женни Маркс и ее роли в жизни Карла Маркса более подробно см. книги П. Виноградской «Женни Маркс» (55, первое издание — 1931 г.), Л. Дорнеман «Женни Маркс» (68), Е. Ильиной «Неутомимый путник» (70).

чужда Марксу своей апологией феодальных прав и эмпиризмом, возведенным в ранг методологического принципа; второй представлял гегелевскую школу, которая была ближе Марксу своим рационализмом, однако в практических выводах Гегель также утверждал правомерность, более того — разумность существующего («все, что действительно,— разумно»). Правда, гегелевский метод заключал в себе возможность и иных, революционных выводов («действительно лишь то, что разумно»), но в середине 30-х годов мало кто видел эту, революционную, сторону философии Гегеля. Большинство усматривало в ней лишь официальную идеологию прусского государства. Так же относился первое время к гегелевской философии и Маркс. Поэтому он не считал необходимым специально изучать ее, ограничившись лишь знакомством с отдельными отрывками из произведений Гегеля, которые ему не понравились.

С большей симпатией воспринял тогда Маркс канто-фихтевскую трактовку права. Ему, как поклоннику Просвещения, импонировало, что Кант и Фихте восприняли основную правовую идею просветителей — учение о естественном праве людей, о государстве как продукте общественного договора. Кант принимал также положение Руссо о том, что суверенитет принадлежит народу, и признавал возможным переход от абсолютной монархии к конституционной. Фихте в ранних произведениях шел еще дальше: в работе «Попытка исправить суждения публики о французской революции» он доказывал правомерность революции. Все это в глазах Маркса выгодно отличало канто-фихтевскую теорию как от гегелевской, так и от исторической школы права. Тем не менее и ее Маркс не мог принять целиком уже хотя бы потому, что многие ее положения, сформулированные более 40 лет назад, устарели.

Единоборство с великанами мысли

Не удовлетворившись ни одной из существующих правовых теорий, юный Маркс отважно решил самостоятельно провести некоторую систему философии через всю область права. Основную свою задачу он видел в том, чтобы сформулировать общезначимое, точнее, независимое от конкретного опыта (априорное) понятие права, а затем проследить его развитие в реальном праве — как прежнем, так и современном. В итоге он, по-видимому, подходил к выводу, что именно древнее римское право соответствует априорным принципам и потому истинно, а современное право ложно.

Обеспокоенный отец писал: «В твоих взглядах на юриспруденцию есть доля истины, но, будучи приведенными в систему, они способны вызвать бурю, а ты еще не знаешь, какими грозными могут быть бури в науке. Если предосудительные моменты в деле нельзя совсем устранить, то по меньшей мере форма должна была бы быть смягчающей и приятной» (16, с. 616).

Однако не страх перед научной бурей (ее он жаждал), а именно существо дела поставило Маркса перед трудностями, которые нельзя было преодолеть с позиций канто-фихтевского априоризма. В основе этих трудностей лежал упрямый факт, о котором Маркс в то время и не подозревал: ни римское, ни какое-либо другое реальное право не есть воплощение априорных принципов, да и сами эти принципы в действительности суть лишь абстрактный сколок с конкретных отношений определенной эпохи. Поэтому все попытки юного Маркса (как и предшествующие попытки Канта и Фихте) доказать обратное были обречены на неудачу. С таким трудом разрабатывавшиеся им априорные схемы рушились одна за другой, ибо вступали в противоречие с реальными правовыми отношениями, вместо того чтобы дать им стройное объяснение.

Происходит мучительная борьба Маркса с предметом и с самим собой:

«Снова для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперед. Таким образом, я мог с чистой совестью снова кинуться в ее объятия, и я написал новую метафизическую систему принципов, в конце которой опять-таки вынужден был убедиться в непригодности как этой системы, так и всех моих прежних попыток» (16, с. 13—14).

Столь беспощадная самокритика возможна лишь при огромной уверенности в своих силах. Как в тяжелом бою, юный рыцарь науки отважно бросался в рукопашную схватку и неоднократно повержен был великанами мысли. Но в схватке он и сам поднимается до этих великанов. Беспощадной критике начинает подвергать он не только свои попытки развить принципы априоризма, но и сами эти принципы вообще. Он уже понимает, что канто-фихтевскому идеализму органически присуще противопоставление действительного и должного, являющееся «серьезной помехой» на пути научного исследования. Так прочь с дороги такой идеализм!

Путь к Гегелю

В этой интеллектуальной битве юный Маркс неожиданно для себя находит союзника в лице Гегеля. Он вынужден признать, что гегелевская философия дает наиболее глубокое решение проблемы единства должного и сущего. Философский подход, утверждает Гегель в «Философии права», отстоит «дальше всего от того, чтобы конструировать *государство, каким оно должно быть*... Постичь то, что *есть*,— вот в чем задача философии, ибо то, что *есть*, есть разум» (62, с. 16). Подобно Гегелю, Маркс и считает теперь, что мышление должно не привносить в объект произвольные подразделения, а внимательно всматриваться в самый объект в его развитии.

Хорошим проводником на пути Маркса к Гегелю стал Эдуард Ганс. Отбросив консерватизм Гегеля, Ганс проповедовал с кафедры Берлинского университета, что абсолютная идея далеко не полностью выразилась в прусском государстве и должна развиваться еще дальше. Такая интерпретация побуждала Маркса несколько благосклоннее относиться к философии Гегеля, хотя ему и претил характер официальной прусской доктрины, который эта философия носила.

Определенное влияние на Маркса оказал также профессор Геффтер, который, как и Ганс, был либеральным гегельянцем. Все три курса, прослушанные Марксом в течение летнего семестра 1837 г. (церковное право, общенемецкий гражданский процесс, прусский гражданский процесс), читал именно Геффтер. Единственный курс, который Маркс посещал в зимний семестр 1837/38 г. (уголовный процесс), был опять-таки прочитан Геффтером.

Настал момент, когда Маркс решил основательно убедиться, выдержит ли гегелевская философия критическую проверку, не рухнет ли, подобно канто-фихтевской. Результатом такой работы явился диалог «Клеант, или об исходном пункте и необходимом развитии философии», к сожалению не сохранившийся. В письме к отцу Маркс сообщал: «Мой последний тезис оказался началом гегелевской системы... Это мое любимое детище, взлелеянное при лунном сиянии, завлекло меня, подобно коварной сирене, в объятия врага» (16, с. 15), под которым Маркс имел в виду Гегеля.

Принятие гегелевской философии отнюдь не означало для Маркса наступление внутреннего успокоения и прекращение мировоззренческих поисков. Напротив, завершился лишь самый ориентировочный их этап, открывший дорогу новым, более углубленным исканиям. Придя к Гегелю через отрицание самого Гегеля и его немецких предшественников, Маркс стал чрезвычайно взыскательным ко всякого рода спекулятивным построениям. Уже в этот

период начинает вырабатываться критерий Марксовой оценки той или иной философии: не только ее логическая цельность, но и ее способность служить методологической основой для глубокого понимания конкретной действительности.

Итак, занятия одной из практических наук — юриспруденцией толкнули Маркса в объятия философии, а эта абстрактнейшая из наук в свою очередь оказалась лишь теоретическим выражением всей практической общественной жизни Германии того времени. Вот почему, всерьез занявшись философией, Маркс оказался вовлечен в обсуждение важнейших проблем общественной борьбы.

Философия и жизнь. Молодые гегельянцы

Историческая обстановка в Германии того времени характеризовалась назреванием сложных конфликтов. Экономический прогресс исподволь разрушал феодальные устои Германии, в том числе и ее раздробленность на множество «государств», каждое из которых длительное время имело свои гражданские законы, свои налоги, свои таможни и паспортные ограничения — словом, представляло собой замкнутый хозяйственный организм.

Зигзаги политического развития

Укрепление экономических позиций буржуазии было, однако, достигнуто за счет потери тех политических прав, которые завоевал народ в период наполеоновских войн. Так, в обмен на таможенный закон 1818 г., превративший Пруссию в единую хозяйственную область, прусская буржуазия покорно приняла в 1819 г. реакционные Карлсбадские постановления, положившие начало новому этапу преследований либералов. Создание Германского таможенного

союза (1834), превратившего в зону свободной торговли всю Германию, сопровождалось принятием шести ордонансов союзного сейма, сведших конституционную жизнь в провинциях до минимума. Вновь была введена цензура, запрещены политические союзы и собрания, поставлены под строгий контроль университеты; правительства немецких государств взаимно обязались выдавать политических эмигрантов; за петиции и протесты, адресованные правительствам, стали преследовать как за преступления и т. д. Были конфискованы произведения радикальных литераторов, объединявшихся в группу «Молодая Германия», и запрещены все (написанные и будущие!) произведения Гейне.

Вот как рисует В. Либкнехт удушливую атмосферу культа монархической власти: «В Германии правительство было отделено от народа и поставлено над ним как нечто высшее. Это было какое-то верховное существо, которое вопреки всякой логике наделялось такими атрибутами, как Всемогущество, Всеведение, Всеблагость, Непогрешимость... между тем как у народа отнималась всякая способность к самостоятельному мышлению и суждению и на него возлагалась лишь одна обязанность — слепо верить и слепо повиноваться правительству» (82, с. 11).

И в то же время в Германии наблюдалось бурное развитие теоретической мысли. Такие поэты-мыслители, как Лессинг, Шиллер и Гёте, такие философы, как Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель, создали немецкому народу славу теоретического народа.

Это несоответствие между быстрым теоретическим развитием и отсталостью политической действительности породило у немецких идеологов иллюзию, будто в своем творчестве они не только не зависят от реальной жизни народа, но сама эта жизнь должна подчиняться разработанным ими идеалам. Теоретические, главным образом философско-религиозные, дискуссии казались им важнейшими моментами современной истории, основой прогресса.

Для гегельянцев, например, вопрос о будущем Германии был равен вопросу: «Что́ будет составлять дальнейшее содержание всемирной истории, после того как мировой дух достиг в гегелевской философии своей последней цели, знания самого себя?» (58, с. 5).

Ортодоксальные гегельянцы благоговейно взирали на созданную их учителем систему и видели свою миссию в том, чтобы играть роль своего рода прозрачного колпака, который дает возможность любоваться величественным сооружением Гегеля и в то же время предохраняет это сооружение от каких-либо воздействий извне. Но этим стремлениям не суждено было осуществиться. По мере того как учащалось биение общественного пульса, внутри самой гегелевской школы крепли силы, стремившиеся освободить революционный в своей основе диалектический метод от сковывавшего его консервативного савана.

Вот основные вехи развития прогрессивных сторон гегелевского учения в этот период:

1834 г.— Гейне в своем произведении «К истории религии и философии в Германии» первый обращает внимание на диалектику как на революционное содержание немецкой классической, и в особенности гегелевской, философии. Это было отправным пунктом для творческого подхода к гегелевскому наследству.

1835 г.— определяется расхождение внутри гегелевской школы; в центре дискуссии — вопрос об индивидуальном бессмертии: выходит работа гегельянца Гёшеля «О доказательстве бессмертия человеческой души в свете спекулятивной философии» (см. 131); гегельянец Розенкранц, напротив, заявил, что так называемое личное бессмертие ему давно безразлично и даже кажется излишним (см. 152).

Д. Штраус в книге «Жизнь Иисуса», вышедшей в том же 1835 г., ставит вопрос об отношении гегелевской философии к религии уже в ином, более широком плане. Выступив против отождествления Гегелем содержания религии и философии, Штраус доказывал, что источником, в конечном счете содержанием, евангелий являются мифологические предания раннехристианских общин. Именно это общинное (общественное) сознание, а не абсолютный дух и составляет, по его мнению, *субстанцию* исторического развития. Однако Штраус признавал Христа исторически существующей личностью и еще оставлял лазейку для теолога. Поэтому против его концепции развернулась критика как справа, так и слева.

1837 г.— выходит в свет первое издание гегелевской «Философии истории» (подготовлено Гансом). Этим создана основа для всесторонней оценки гегелевской исторической концепции. В Берлине возникает «Докторский клуб», объединяющий наиболее радикальных гегельянцев. Идейным вождем «Клуба» был Бруно Бауэр — преподаватель богословского факультета Берлинского университета, как раз в данный момент совершивший отход от ортодоксального гегельянства. Актив «Клуба» составляли также: Карл Фридрих Кеппен — учитель истории в гимназии, способный ученый, Адольф Рутенберг — преподаватель географии в школе, в молодости арестовывавшийся за участие в «Корпорации молодежи», и другие, в том числе Карл Маркс — студент второго курса Берлинского университета, познакомившийся с радикальными гегельянцами в местечке Штралов (под Берлином), куда он приехал отдохнуть, вконец измученный бесплодными поисками собственной системы философии права. В 1837 г. никому из них еще не было и 30 лет, и ортодоксы свысока именовали их молодыми гегельянцами; впрочем, последние и сами охотно приняли это название, не усматривая в молодости порока.

«Докторский клуб» не представлял собой какой-то оформленной организации, с формальным членством и т. п. Но дружеские и идейные связи между его членами были весьма прочными, и человек должен был обладать немалыми талантами, чтобы быть принятым в их кругу. Обычным местом их встреч было небольшое кафе на Французенштрассе, где обсуждали они волновавшие их проблемы. Непринужденная обстановка располагала к самым откровенным, порой отчаянно смелым, суждениям. Это был в подлинном смысле клуб молодых философов, в кипении страстей которого возникал своеобразный духовный продукт — идеология младогегельянства.

1838 г.— гегелевская школа окончательно распадается на два основных направления: левое (молодые гегельянцы, младогегельянцы) и правое (ортодоксальные гегельянцы); оформляется и центр. Размежеванию в особенности способствовало, во-первых, появление брошюры реакционера Лео «Гегелинги», направленной прямо против молодых гегельянцев и к тому же выдержанной в насмешливо-издевательском тоне; во-вторых, возникновение у младогегельянцев своего периодического органа — журнала «Галлеский ежегодник» под редакцией Арнольда Руге.

В статьях, публиковавшихся в этом журнале, а также в целом ряде монографий младогегельянцы развернули борьбу против теологии и выступили *за освобождение гегелевской философии от мистицизма, за сближение философии с жизнью.*

Следует, однако, иметь в виду, что идеология младогегельянцев не представляла собой нечто единое или внутренне однородное, причем первоначально различия внутри нее выступали как различия *сфер* философско-критической деятельности младогегельянцев.

Бруно Бауэр

Одна из групп сосредоточила основное внимание на критике теологии, религии, делая из гегелевской философии атеистические выводы. Ведущая роль в зтой группе принадлежала членам «Докторского клуба», и в особенности Баузру, выпустившему в 1838—1841 гг. серию книг с критикой истории откровения и евангелий. Он пришел к выводу, что христианство есть продукт не мифологического творчества общин, как утверждал Штраус, а сознательной деятельности отдельных лиц, авторов евангелий (евангелистов). Следовательно, решающей силой в истории является не субстанция, а именяо самосознание. Теперь, когда христианство стало величайшим тормозом дальнейшего развития, главяая задача заключается в том, чтобы освободить человечество от религии, и выполнить зту задачу может опять-таки лишь самосознание. На этот раз носителями самосозяания должны стать не евангелисты, а критически мыслящие теоретические умы.

Арнольд Руге

Зачинателем второго, философско-политического, направления выступил Аряольд Руге. Возглавив «Галлеский ежегодник», Руге поначалу предполагал сделать его весьма умереяяым. Он пригласил сотрудничать в журнале не только Штрауса, Фейербаха и других радикальных гегельянцев, но и таких умеренных, как Хинрикс и Ватке, и даже правого Лео. Однако отовсюду стали поступать статьи, проникяутые радикальными идеями. Заслуга Руге в том, что он превратил журнал в трибуну зтих идей. Связывая религиозную борьбу с политической, он, в противоположность Баузру. видел в первой средство для решения политических проблем, а не наоборот. Таким образом, философской борьбе младогегельянцев против католицизма он придал политический характер.

Мозес Гесс

Наряду с этими направлениями вскоре в младогегельянстве стало вырисовываться третье — утопически-социалистическое, характерным представителем которого стал Мозес Гесс. Сблизившись в конце 30-х годов с младогегельянцами, он воспринял их стремление связать философию с жизнью, но, в отличие от Бауэра и Руге, не ограничивал действительность религиозной и политической сферой, а включал в нее и социальные проблемы. Причем социальный вопрос Гесс выдвинул на первый план, связав гегелевскую философию с французским социализмом, и тем облегчил младогегельянцам путь к гуманизму и коммунизму. Но, как и большинство младогегельянцев, в своей попытке слить спекулятивную философию с действительностью он двигался от объективного идеализма к субъективному, от Гегеля к Фихте. Поэтому, независимо от своих намерений, Гесс не смог выйти за рамки спекулятивных построений и остался в философии идеалистом, а в социальных воззрениях — утопистом.

Выражая различные стороны позиции младогегельянцев, воззрения Бауэра, Руге и Гесса содержали тот или иной элемент истины. Но ни в отдельности, ни в совокупности они не давали конкретной истины, правильного понимания действительности. Наиболее верный путь к этому пониманию был найден лишь Марксом и Энгельсом *, взгляды которых развивались в данный период в направлении революционного демократизма.

* Эволюцию взглядов юного Энгельса мы проследим в следующем разделе книги (гл. 1).

К вершинам науки: докторская диссертация

В первый период своего участия в младогегельянском движении, со второй половины 1837 г. до середины 1841 г., Маркс более активно проявлял себя при разработке философских, нежели политических, вопросов и был ближе к Бауэру, чем к Руге. Основной результат его деятельности в этот период составляет докторская диссертация на тему «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

Чтобы понять будущее, надо знать прошлое

На первый взгляд тема сугубо академическая. Но это только на первый взгляд. Заслуга юного Маркса в том, что он сумел увидеть глубоко актуальное ее содержание. В самом деле, Демокрит — классик древней философии, родоначальник одной из важнейших школ в ней; в этом смысле он занимает в философии древности такое же положение, как Гегель в новейшее время. Эпикур — выдающийся последователь Демокрита, внесший немало нового в учение основоположника школы; в этом смысле его положение аналогично положению наиболее выдающихся последователей Гегеля — современников молодого Маркса. Следовательно, если выяснить законы, по которым развивалось отношение Эпикура к Демокриту (на примере соотношения их натурфилософских учений), то можно лучше понять отношение гегельянцев к Гегелю и предвидеть судьбу их учения. Более того, если изложение каждой системы связать с ее историческим существованием, то можно установить общность в тенденциях развития самих исторических эпох — эпохи Демокрита — Эпикура и современной эпо-

хи — и тем самым *проникнуть в тенденции современной эпохи*. Таков сокровенный смысл докторской диссертации Маркса *.

Эпоха Эпикура и эпоха Демокрита

Сопоставляя натурфилософию Эпикура с натурфилософией Демокрита, Маркс признает, что в основе той и другой лежат одни и те же принципы: все вещи в мире суть лишь различные комбинации атомов, движущихся в пустоте. Но, в противоположность всем предшествующим историкам, Маркс доказывает, что отсюда вовсе не следует, будто Эпикур просто повторял учителя: Демокрит превозносил конкретные науки, а Эпикур считал, что они не содействуют достижению истинного совершенства; первый подчеркивал необходимость, а второй — случайность.

Чем же объясняется эта противоположность их позиций при кажущейся идентичности? Различием эпох, в которые жили Демокрит и Эпикур, и в особенности различием общественного сознания, свойственного этим эпохам. Демокрит жил в эпоху подъема греческого общества, когда внимание было в основном направлено на постижение внешнего мира; поэтому атомизм является у Демокрита чисто естественнонаучным принципом, составляющим цель и действительную основу всей его системы. Эпикур выступил в эпоху упадка греческого общества, когда рушились все прежние ценности и когда для сохранения своей свободы и самобытности личность должна была все силы сосредоточить именно на самой себе. Поэтому и принцип атомизма является у Эпикура уже не чисто естественнонаучным принципом, а прежде всего средством для решения важнейшей жизненной проблемы — сохранения личности в условиях разрушающегося мира.

* Разумеется, диссертация имеет много других, а том числе специальных, историко-философских, аспектов, на которых в данной книге мы специально не останавливаемся. Подробнее об этих аспектах см. книгу Т. И. Ойзермана «Формирование философии марксизма», гл. 1 (97).

К. Маркс — студент.
Рис. худ. Гринштейна.

Женни фон Вестфален, невеста,
а впоследствии жена К. Маркса.

Вид города Трира,
где родился К. Маркс.

Г. В. Ф. Гегель.

«Не в идеологии и пустых гипотезах нуждается наша жизнь, а в том, чтобы мы могли жить, не зная смятения»,— учил Эпикур (цит. по 16, с. 191—192). Это спокойствие (атараксия) достигается глубоким знанием того, что я — как личность — абсолютно независим и свободен. Разрозненность и изолированность существования отдельных личностей в обществе не должны пугать, ибо ведь и весь мир состоит из отдельных атомов. Основоположник атомистики Демокрит учил, правда, будто атомы в своем движении подчиняются жесткой необходимости, но это неверно: он не учел, что атомы обладают способностью к спонтанным отклонениям. Атомам как таковым присущ «энергетический принцип», потому в своем движении они могут отклоняться от прямой линии, а это и есть свобода. Следовательно, личность-атом, или абстрактно-единичная личность, может оставаться спокойной: оттого, что она атом, она не перестала быть свободной, а напротив, только теперь она и утвердила себя как абсолютно свободную. Так да здравствует атомистика, эта величайшая жизненная мудрость всех времен!

Небесные тела, боги и самосознание

Уровень античного естествознания не позволял «увидеть» или каким бы то ни было образом эмпирически воспринять атомы иначе, чем в виде... небесных тел. При отсутствии телескопов звезды, планеты и метеоры представлялись людям античности как точечные тела, т. е. как реальное воплощение единых, неделимых и вечных атомов. Поэтому и Эпикур, казалось бы, должен был увидеть в небесных телах высшее осуществление своего принципа. Вместо этого он категорически отрицает их свойство быть атомами.

Почему он так поступает? Да потому, что признать небесные тела атомами значило сделать уступку религии того времени. Люди античности поклонялись небесным телам как богам. Но такое поклонение противоречит прин-

ципу абсолютной свободы самосознания: какая уж тут свобода, если твое существование зависит от положения в небе звезды или даже кометы. Эпикур презирает тех, кто думает, что человек нуждается в боге. Поэтому Маркс называет его величайшим греческим просветителем. С точки зрения Маркса, сама философия устами Эпикура заявляет своей противнице — религии: «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах» (цит. по 16, с. 153).

Симпатии к атеизму Эпикура и его попыткам философски обосновать необходимость свободы индивида, детальное исследование натурфилософии этого материалиста древности подготавливали возникновение новой, отличной от гегельянской, тенденции в воззрениях молодого Маркса. В этом отношении важное значение имеет сделанное Марксом открытие, что атомизму Эпикура свойствен энергетический принцип. Важнейший элемент этого принципа — положение об отклонении атомов от прямой линии. Благодаря этому «в отталкивании атомов их материальность, выраженная в падении по прямой линии, и присущее им определение формы, выраженное в отклонении, синтетически соединены» (16, с. 175). Конечно, Маркс подошел к этому открытию с идеалистических позиций. Но объективно оно представляло собой конкретную форму, в которой Маркс впервые фиксировал возможность синтетического соединения материализма с концепцией движения, развития, свободы *, т. е. такого соединения, всестороннее научное обоснование и развитие которого как раз и стало впоследствии одной из великих заслуг основоположников диалектического материализма.

Само направление развития взглядов Маркса было иным, чем у большинства младогегельянцев: если последние эволюционировали от Гегеля к Фихте, то Маркс, скло-

* Подробнее этот вопрос рассмотрен в работе П. Тольятти «От Гегеля к марксизму» (см. 106).

нявшийся первоначально к Канту — Фихте, в дальнейшем через философию Гегеля совершит переход к материализму. «Философия самосознания» служила как бы мостиком, на котором молодой Маркс встретился с младогегельянцами; одно время казалось, что этот мостик прочно связывает их, в действительности же они шли по нему в разных направлениях.

Взаимодействие философии с миром

Различие между ними проявляется уже в том осмыслении законов развития философии и истории вообще, которое дает Маркс в своей диссертации. Ход истории представляется Марксу результатом взаимодействия философского сознания с эмпирическим миром *. Это взаимодействие имело несколько этапов. Каждый этап начинался возвышением философии до всесторонне разработанной системы (до завершенной в себе конкретности): в древнее время это была, например, философия Аристотеля, в новейшее время — философия Гегеля. Однако, с точки зрения Маркса, эта завершенность есть не «примирение идеи и действительности в философствующем духе», как уверяет буржуазный толкователь Марксовой диссертации Ландсгут (см. 33, с. XVI), а обособление философии от мира, формирование ее в некоторое единое целое, состоящее пока лишь из абстрактных принципов.

Достигнув этой внутренней завершенности, философия затем обращает свой взор на внешний мир, вступая во взаимодействие с ним: «ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию и, выступая как *воля* из царства теней Амента, обращается против земной, существующей помимо него действительности» (16, с. 210).

---

* На эту особенность позиции Маркса впервые со всей отчетливостью обратил внимание О. Корню (см. 75, с. 188).

Этот процесс имеет две стороны: объективную — взаимоотношение философии с внешним миром, т. е. с тем миром, который существует помимо философии и от которого сама она тоже не зависит, пока не вступает во взаимодействие с ним; и субъективную — взаимоотношение философии с ее духовными носителями, с философами, или с философским самосознанием.

Первое, объективное отношение есть «отношение рефлексии», отношение взаимоперехода каждой из сторон друг в друга. Выступая против мира, философия навязывает ему свою сущность, в результате чего мир становится философским. Но, сливаясь с философией, он передает ей свою сущность, в результате чего философия становится мирской. Осуществление философии Маркс понимает как революционизирование и мира и философии, в результате чего возникает новое качество.

Второе, субъективное отношение есть проявление первого в самих духовных носителях философии, в их самосознании. Поскольку объективное движение философии есть двойственный процесс превращения мира в философский мир, а философии — в мирскую философию, постольку и субъективным носителям этого объективного процесса, «этим отдельным самосознаниям всегда присуще *обоюдоострое требование:* одно острие направлено против мира, другое — против самой философии» (16, с. 211).

Этот раскол отдельного философского самосознания внутри самого себя в конце концов проявляется вовне как раздвоение самой философии на два противоположных направления. Каждое из этих направлений выражает одну из сторон дихотомии «философия — мир». Либеральное направление воспринимает понятие и принцип *философии,* позитивное же направление выражает момент *реальности.*

Противоречивость объективного отношения философии к миру находит свое субъективное выражение не только в самом раздвоении философии, но и в противоречии между

намерениями и фактическими действиями сторонников этих направлений. В самом деле, представители либерального направления — младогегельянцы, казалось бы, все свое внимание должны были сосредоточить на самой философии; вместо этого содержанием их деятельности является критика, следовательно, обращение философии вовне. Напротив, сторонники позитивного направления должны были бы заняться именно действительностью, а вместо этого они пытаются философствовать, способствуя уходу философии в себя. «Каждая из этих партий,— резюмирует Маркс,— делает именно то, что хочет делать другая и чего она сама делать не хочет. Но первая в своем внутреннем противоречии сознает свой принцип вообще и свою цель. Во второй проявляется превратность, так сказать, бессмысленность как таковая. По содержанию только либеральная партия, как партия понятия, может привести к реальному прогрессу...» (16, с. 211).

К данному выводу об объективном содержании и ценности современных ему философских направлений Маркс пришел благодаря выделению и различению в этих направлениях существенного, внутреннего (эзотерического) и внешнего, поверхностного (экзотерического). Принимая необходимость такого различения в качестве методологического принципа, Маркс проводит его через всю диссертацию. Чтобы не стать простым переписчиком копий, историк философии должен «отделить бесшумно продвигающегося вперед крота подлинного философского знания от многословного, экзотерического, принимающего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта...» (16, с. 136) *.

* Впоследствии, в «Капитале», Маркс скажет: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...» (9, с. 384).

Этим диалектическим принципом, заслуга выдвижения и разработки которого принадлежит Гегелю, Маркс руководствовался и при анализе взглядов самого Гегеля. Попытку Гегеля примирить революционный диалектический принцип с реакционной прусской действительностью многие младогегельянцы объясняли личными качествами философа, его приспособленчеством к сильным мира сего. Маркс же решительно выступил против такого объяснения. Даже если философу действительно свойственно приспособленчество, то совершенно недостаточно объяснять его сугубо моральными личными обстоятельствами. Для раскрытия истинных причин внешнего, феноменологического сознания субъекта нужно исходить из его внутреннего, существенного сознания. Следовательно, «сама возможность подобного кажущегося приспособления имеет свои наиболее глубокие корни в недостаточности его принципа или в недостаточном понимании философом своего принципа» (16, с. 209).

Это положение отчетливо свидетельствует о наличии у молодого Маркса критического отношения к Гегелю даже на том этапе духовной эволюции, когда влияние Гегеля было наибольшим. Вместе с тем Маркс был далек от недооценки научной и исторической значимости гегелевской философии. Если «позитивные», наблюдая процесс разложения гегелевской школы, полагали, будто тем самым «гегелевская философия сама себя осудила», то Маркс приходит к противоположному выводу: «...философия, охватившая целый мир, восстает против мира явлений. Такова в настоящее время гегелевская философия» (16, с. 109). Элементы, выступавшие в целостной (гегелевской) философии как моменты *целого,* теперь с необходимостью приобретают *самостоятельное* существование. И эта самостоятельность тем определеннее, чем более развиты были эти

моменты в рамках целостной философии, следовательно, чем более развитой была сама целостная философия.

Характер осуществления философии зависит от характера самой этой философии. Поэтому на основании определенной формы превращения философии в действительность «можно сделать обратное заключение относительно... всемирно-исторического характера» развития самой философии (16, с. 111). Как в философских системах эпикурейцев, стоиков и скептиков видит Маркс ключ к истинной истории греческой философии, так и в расколе гегелевской философии на противоположные школы видит он ключ к пониманию диалектической природы самой этой философии.

Более того, характер осуществления завершенной философии позволяет Марксу предвидеть будущее: как свидетельствует опыт античной истории, за эпохой завершенной философии наступает «железная эпоха,— счастливая в том случае, если она ознаменована титанической борьбой...» (16, с. 110). Нужно приветствовать поэтому философскую борьбу, развернувшуюся во второй половине 30-х годов, понимать ее прогрессивность и необходимость как активной силы, которая способствует наступлению мировой бури, подготавливающей счастливую эпоху: «Но не нужно приходить в смятение перед лицом этой бури, которая следует за великой, мировой философией. Обыкновенные арфы звучат в любой руке; эоловы арфы — лишь тогда, когда по их струнам ударяет буря» (16, с. 109).

В этом выводе заключен основной социально-политический смысл докторской диссертации Маркса, хотя сформулирован он не в самом тексте диссертации, а в подготовительных тетрадях к ней. На основе изучения законов исторического процесса, и прежде всего законов связи развития философии с действительностью, Маркс пришел (идеалистическим путем, разумеется) *к пониманию исторического*

значения современной ему философской борьбы как активного фактора, способствующего радикальному преобразованию прусской действительности.

Докторская диссертация Маркса была философским провозвестником его революционно-демократических воззрений, теоретической подготовкой его практической деятельности как революционного демократа.

Глава 2

Через философию — к политике

На развилке жизненного пути

Диплом доктора философии

Друзья Маркса всячески торопили его с защитой диссертации. Они были убеждены, что он проделал значительно большую работу, нежели это требуется для получения диплома доктора философии. Однако сам Маркс весьма скромно оценивал свои успехи, потому что чувствовал себя способным на большее и предъявлял к себе максимальные требования. В 1840—1841 гг. он штудирует произведения крупнейших мыслителей, с которыми был недостаточно знаком. Конспект этих произведений составил восемь его Берлинских тетрадей, содержащих выписки из книг: «О душе» (книга третья) Аристотеля, «Богословско-политический трактат» и «Письма» Спинозы, «Логика и метафизика» Лейбница, «Трактат о человеческой природе» Юма, «История кантовской философии» Розенкранца. В особенности много внимания он уделил самой диссертации. Только после того, когда из огромно-

го числа подготовительных материалов образовался чистейший сплав творческой мысли, облеченный в законченную литературную форму, Маркс решил представить свое первое детище на суд ученых мужей. При этом он отклонил совет Бауэра быть поосторожнее в формулировках и не поступился ни одним словом ради «проходимости» своей работы. Так, он сохранил в предисловии четверостишие из поэмы Эсхила «Прикованный Прометей»:

Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское служенье:
Мне лучше быть прикованным к скале,
Чем верным быть прислужником Зевеса.

Умудренный жизненным опытом Бруно очень беспокоился, как взглянет начальство на эти строчки. Но для Маркса они как бы формулировали девиз его собственной жизни, и он не мог уподобляться тем, кто щеголял своим радикализмом лишь в безопасном шуме дружеских компаний.

6 апреля 1841 г. Маркс направил свою диссертацию профессору Бахману, декану философского факультета Йенского университета. 13 апреля Бахман представил совету факультета отзыв о ней, в котором писал: «Диссертация свидетельствует как об уме и проницательности, так и о начитанности кандидата, вследствие чего я считаю его весьма достойным присуждения степени» (16, с. 654). Достоинства соискателя были столь очевидны, что без дальнейших испытаний 15 апреля 1841 г. ему была присуждена ученая степень доктора философии.

И сразу же Маркс отправляется на родину, в Трир: прошло целых пять лет после помолвки, в его руках теперь — диплом доктора наук, открывающий двери в будущее. Казалось бы, не осталось никаких препятствий для свадьбы.

Но обстановка в доме к этому времени изменилась. 10 мая 1838 г. после тяжелой болезни Генрих Маркс скончался. Материальное положение многочисленной семьи оказалось сложным, и Генриетта Маркс, целиком уйдя в хозяйственные заботы, потеряла те непрочные духовные контакты со старшим сыном, которые имелись прежде. От Карла она требовала только одного: как можно скорее получить ученую степень и сделать выгодную карьеру. Уже в октябре 1838 г., посылая ему деньги, мать специально оговорила их назначение: «для получения ученой степени». Но ей пришлось ждать этого события еще два с половиной года.

Недовольство усугублялось еще тем, что он получил диплом доктора философии, а не юридических наук. Это значительно ограничивало возможности выгодной практической карьеры. А может быть, и с этим дипломом стоит пойти по практической, деловой стезе? В конце концов, большинство курсов, прослушанных Марксом в университете, относятся к области юридических наук.

Отголосок этих размышлений, терзавших семью Марксов и хорошо известных Баузру, мы находим в его письме Карлу от 31 марта 1841 г.: «Было бы нелепо, если бы ты должен был посвятить себя практической карьере. В настоящее время теория является самой сильной практикой, и мы совершенно еще не можем предсказать, в сколь великом смысле практической она станет» (30, с. 250).

Так жизнь вновь выдвинула перед Марксом дилемму: либо практическая профессия, либо теоретическая. Но если шесть лет назад он внял совету старших и избрал юриспруденцию, то теперь молодой доктор философии был непреклонен: нет, ему не подходит карьера делового человека, он рассчитывает в самое ближайшее время стать доцентом Боннского университета, где преподает и Баузр.

Но у Генриетты Маркс тоже непреклонный характер. Желая быстрее использовать Карла как главную силу для

обеспечения многочисленной семьи, она воспрепятствовала выдаче ему доли наследства (а тем самым и свадьбе) по мотивам нынешней его деловой неустроенности.

Что оставалось делать Карлу и Женни? Пришлось согласиться на новую отсрочку свадьбы, пока Карл не «станет на ноги». Но напрасными были надежды тех членов обеих семей, которые полагали, будто окончательно расстроили союз молодых людей. Отступив в сроках свадьбы, Карл и Женни еще более укрепили свое решение навсегда связать судьбу друг с другом.

Крах планов академической деятельности

Уже с конца 1839 г. Бауэр настойчиво приглашал Маркса в Боннский университет, рассчитывая с его помощью разбить «позитивных» и прочих противников младогегельянства. В начале июля 1841 г. Маркс приезжает из Трира в Бонн. Но к этому времени обстановка там резко ухудшилась. Воспользовавшись тем, что новый министр культуры Эйхгорн стал преследовать гегельянцев, святоши в Бонне начали травлю Бауэра. Изрядную долю масла в этот разгорающийся огонь подлила его «Критика евангельской истории синоптиков», появившаяся как раз в середине 1841 г. Осенью, воспользовавшись ничтожным поводом, король запретил Бауэру читать лекции в Бонне. В начале марта 1842 г. он вообще был отрешен от должности доцента.

Изгнание Бауэра из Боннского университета закрывало туда пути и его другу, Марксу. Дорога к академической деятельности закрылась перед Марксом в тот самый момент, как только он получил формальные права, чтобы вступить на нее. Диплом доктора философии оказался пустой бумажкой. С его помощью Маркс не мог решить сложных жизненных задач, стоявших перед ним в то время.

Вольные публицисты

Маркс был не единственным интеллигентом, чьи личные жизненные планы и идеалы оказывались перечеркнутыми политикой прусского правительства. Уже в течение ряда лет не слышны были с кафедры голоса Фейербаха и Штрауса; теперь эта судьба постигла Бауэра, Рутенберга и других их товарищей. Но поскольку многим мыслящим интеллигентам запрещено было говорить с кафедры, им оставалось попытаться развивать свои теоретические и политические идеи в печати.

К счастью, первое время новое прусское правительство недооценивало значение научной печати, разрешая без предварительной цензуры издавать книги объемом более 20 листов, а в научных журналах следя главным образом за тем, чтобы оказывалось должное почтение персонам божественного и королевского происхождения. Вот почему многие младогегельянцы превращаются теперь в профессиональных публицистов. Занятие вольного публициста считается среди них даже почетным. Некоторые из них, как Фейербах, демонстративно удалялись в деревенскую глушь и оттуда печатным словом бомбардировали деспотизм государственной и религиозной власти. Другие, как Маркс и Бауэр, наоборот, всемерно стремились разрушать барьер одиночества, возводимый вокруг них правительством, и своей деятельностью участвовать в создании нового типа связей между людьми.

Обсуждая планы совместной деятельности в Бонне, Маркс и Бауэр предполагали создать новый, философский журнал «Архив атеизма», поскольку «Галлеские ежегодники» Руге все меньше удовлетворяли их. Терроризм истинной теории должен расчистить поле борьбы, но журнал Руге слишком бледен, чтобы справиться с этой задачей, писал Бауэр Марксу в марте 1841 г. Марксу тоже не терпелось попробовать свои силы на поприще публицистики. Прошло уже почти четыре года, как он вошел в круг мла-

догегельянцев, прослыл среди них «магазином идей», но до сих пор не опубликовал ни одной своей работы.

Поначалу казалось, что вокруг нового журнала удастся быстро сплотить группу лучших литературных сил. Однако Руге как раз в это время решил усилить радикально-гуманистическую направленность своего журнала, перенеся с этой целью его издание за пределы Пруссии (помогла расчлененность Германии на мелкие государства!) и изменив его название (журнал стал уже не «Галлеский», а «Немецкий ежегодник»). В первом же его номере (от 2 июля 1841 г.) Руге, отбросив прежнюю осторожность, провозгласил знаменем журнала «борьбу за свободу, против враждебных властей».

В сложившихся условиях создание нового журнала могло повлечь необоснованное распыление сил. Поэтому, хотя разговоры о подготовке «Архива атеизма» и продолжались вплоть до декабря 1841 г., решающих практических шагов к его изданию сделано не было. Последнему, видимо, способствовали и появившиеся трещины в отношениях между инициаторами издания журнала — Бауэром и Марксом. Более явственно эти трещины обозначились в ходе их совместной работы над второй частью книги «Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и Антихристом», которую Маркс так и не завершил.

Конец сотрудничества Маркса с Бауэром

Дело, очевидно, в том, что как раз на рубеже 1841—1842 гг. началась новая фаза идейной эволюции молодого Маркса, представлявшая собой завершающий этап формирования его революционно-демократических воззрений — этап непосредственного соединения философии с политикой. Бауэр же оказался не в состоянии сделать такой новый шаг. Маркс отметил это три года спустя: «Политиче-

ское движение, начавшееся в 1840 г., освободило г-на Бауэра от *его консервативной политики* и подняло его на один момент до *либеральной* политики. Но и тут политика была, собственно говоря, только *предлогом* для теологии» (2, с. 124). Именно в процессе работы над «Трубным гласом...» Маркс начинает все более явственно осознавать отличие своей позиции от бауэровской. Скрытое становится зримым.

Буржуазные марксологи, однако, вопреки фактам пытаются доказать, будто взгляды Б. Бауэра оказывали едва ли не решающее влияние на идейное развитие Маркса вплоть до 1845 г. Так, Цви Розен утверждает, что Маркс воспринял от Бауэра метод «переворачивания» гегелевской философии, а также понятия «отчуждение» и «идеология» (см. 151, с. 178 и др.). Такого рода утверждениями пытаются обосновать вывод, будто молодой Маркс продолжал оставаться на идеалистических и либеральных позициях. Но в действительности уже в 1842 г. завершается становление Маркса как революционного демократа и начинается его переход к материализму.

Разумеется, некоторое время между Марксом и Бауэром еще продолжали сохраняться личные контакты. В конце октября — начале ноября 1842 г. Маркс даже написал в защиту Б. Бауэра от нападок справа небольшую статью «Еще несколько слов о брошюре д-ра О. Ф. Группе...» (16, с. 240—243). Эта статья была опубликована в середине ноября в «Немецком ежегоднике науки и искусства». Но постепенно контакты с Бауэром перестали дополняться совместной работой, а затем и вовсе прекратились. В гораздо большей степени, чем Бауэр, интересовали теперь Маркса две другие фигуры: в практически-политическом отношении — Арнольд Руге, а в теоретическом — Людвиг Фейербах.

Революционный демократ

Будучи по натуре своей мыслителем-борцом, Маркс при первой же возможности включился в общественную публицистическую деятельность.

Политический дебют Маркса

Первые публичные выступления Маркса были связаны с развернувшейся в то время в Германии борьбой вокруг жизненно важной для прогрессивных сил проблемы — проблемы свободы печати. Требование освобождения печати от цензуры или по крайней мере смягчения цензурных ограничений стало к концу 1841 г. повсеместным.

В этих условиях прусское правительство предприняло шаг, направленный на обман общественного мнения: 24 декабря 1841 г. была принята, а 14 января 1842 г. опубликована новая цензурная инструкция. В ней провозглашалась необходимость «уже теперь освободить печать от неуместных ограничений» и разрешалась оценка государственного управления в целом или в отдельных его разветвлениях, а также обсуждение «изданных или имеющих еще быть изданными законов» и т. п. Однако подобного рода критические выступления в печати разрешались лишь в том случае, если «изложение их пристойное, а тенденция — благонамеренная». Инструкция требовала, чтобы «ежедневная пресса была доверена лишь совершенно безупречным лицам», в отношении которых имеется гарантия «серьезности их стремлений и лояльности их образа мыслей» (цит. по 1, с. 20).

Таким образом, сохраняя за правительством полный контроль над прессой, цензурная инструкция создавала видимость, будто оно выступает за свободу печати.

Сознавая всю опасность этой иллюзии, Маркс обращается к критике цензурной инструкции. В январе — феврале 1842 г. он пишет для «Немецкого ежегодника» свою

первую публицистическую статью — «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», разоблачая мнимый либерализм последней. Впервые переходя от общефилософских проблем к анализу конкретных политических явлений, Маркс вначале попытался просто приложить к ним общие принципы разума: эти принципы, взятые сами по себе, он использует как критерий оценки действий правительства.

Логика как инструмент анализа политики

Поскольку логичность является свойством разума, постольку и разумность государства Маркс оценивает с точки зрения логичности его действий. Он раскрывает логическую противоречивость действий прусского правительства и тем самым доказывает неразумность прусского государства. Логика выступает у Маркса как орудие *борьбы* с существующим государством.

Однако анализ конкретных действий правительства привел Маркса к необходимости привлечь в качестве аргумента и определенный исторический опыт. Он обращает внимание на то, что инструкция призывает цензоров к соблюдению указа о цензуре от 18 октября 1819 г. Следовательно, официально признается, что до сих пор этот указ не соблюдался, хотя и не был отменен. Кто же повинен в нарушении указа: цензура как таковая или цензоры? Даже если возложить всю вину на цензоров, рассуждает Маркс, то зто компрометирует также и государство, назначающее цензоров, и опять-таки служит «доказательством того, что в самой сущности цензуры кроется какой-то коренной порок, которого не исправит никакой закон» (1, с. 4).

В чем же заключается зтот порок? Маркс показывает, что исходным пунктом цензурной инструкции служит «совершенно превратное и абстрактное понимание самой *истины*», которая рассматривается вне зависимости от

характера предмета. Согласно инструкции, исследование всегда должно быть «скромным и серьезным», однако предмет вовсе не всегда бывает таковым. Чтобы найти истину, следует говорить языком самого предмета, выражать своеобразие его сущности. «Если скромность составляет характерную особенность исследования,— пишет Маркс,— то это скорее признак боязни истины, чем боязни лжи. Скромность — это средство, сковывающее каждый мой шаг вперед. *Она есть предписанный свыше исследованию страх перед выводами,* она — предохранительное средство против истины» (1, с. 6).

С точки зрения государства, резюмирует Маркс, *«истинно то, что́ приказывает правительство...* Рассудок правительства — единственный государственный разум» (1, с. 8). В конце статьи Маркс делает вывод: сущность новой цензурной инструкции, как и цензуры вообще, заключена в «высокомерном фантастическом представлении полицейского государства о его чиновниках. Ум и добрая воля общества признаются неспособными даже на самые простые вещи, зато по отношению к чиновникам даже невозможное признается возможным. Этот коренной порок проходит через все наши учреждения» (1, с. 26).

Таким образом, коренной порок цензуры состоит в ее противоположности обществу, народу. Правительство же пытается объективные недостатки самого этого института поставить в вину отдельным лицам — цензорам, чтобы, не улучшая дела по существу, создать видимость улучшения.

Анализируя сущность новой цензурной инструкции, Маркс высказывает ряд догадок о классовой природе государства и его учреждений. Так, он пишет: «Закон, карающий за образ мыслей... это — *закон одной партии против другой*», или: «...у прессы отнята возможность всякого контроля над чиновниками и над такими учреждениями, которые существуют как некоторый класс индивидов» (1, с. 15, 18).

Разумеется, Маркс здесь еще далек от понимания того, что в антагонистическом обществе государство действительно является «партией» одного класса, противостоящей другим классам, а пресса не может осуществлять сколько-нибудь действенный контроль над государством и, напротив, сама эффективно контролируется им. Тем не менее указанные догадки свидетельствуют о развитии взглядов Маркса в сторону революционного демократизма. Особенно очевидно это там, где Маркс приходит к выводу, что уничтожить коренной порок цензуры можно, лишь уничтожив саму цензуру: «Действительным, *радикальным излечением цензуры* было бы ее *уничтожение,* ибо негодным является само это учреждение...» (1, с. 27).

Немецкий марксист Георг Менде так охарактеризовал значение статьи Маркса: «Хотя он и не читал в Боннском университете курса логики, но отнюдь не оставил ее, и теперь прусскому правительству пришлось прослушать публичную лекцию по логике. Он применил логику к практическим вопросам политики, сделал ее отточенным оружием в политической борьбе, начав тем самым проверку философской теории практикой общественной жизни» (89, с. 43—44).

Цензор «Немецкого ежегодника» не пропустил эту статью, и лишь спустя год она была опубликована в сборнике «Неизданное...» (см. 117). Маркс и в зрелом возрасте гордился ею. Когда Г. Беккер попросил Маркса в 1851 г. отобрать работы для первого собрания его Сочинений, то он пожелал открыть это издание именно статьей о цензурной инструкции.

Замысел цикла статей о ландтаге

Данная статья отчетливо выявила интерес Маркса к конкретным политическим вопросам. Но потребовалось еще два месяца, чтобы интерес этот стал доминирующим и чтобы через прежние философско-теоретические замыслы

пробило дорогу *решение* вступить на путь профессионального революционера. Свидетельством такого решения является цикл выступлений Маркса в «Рейнской газете» по актуальным проблемам политической и социальной жизни Германии. Поводом для этих выступлений послужили дебаты Рейнского ландтага.

В конце 1840 — середине 1841 г. в Пруссии проходили сессии ландтагов (сословных собраний провинций). Они были созваны впервые после долгого перерыва и принесли вначале много надежд, а затем — еще больше разочарований. Особенно это относилось к Рейнскому ландтагу, заседавшему с 23 мая по 25 июля 1841 г. Воспользовавшись опубликованными протоколами заседаний и учитывая, что ландтаг одобрил ряд антинародных законопроектов, которые в ближайшее время могут стать законами, Маркс задумал дать критический анализ хода прений в Рейнском ландтаге. Цель этого анализа состояла как в том, чтобы разоблачить антинародный характер этого политического учреждения, так и в том, чтобы вновь выдвинуть перед читателями газеты важнейшие из обсуждавшихся ландтагом проблем, но уже с иных, не ландтаговских, а революционно-демократических, позиций, и тем самым помешать превращению законопроектов в законы.

Не разрозненные выступления по отдельным проблемам, а целая серия последовательных ударов в большой ежедневной газете — вот каков был замысел Маркса. Под общим заголовком «Дебаты шестого рейнского ландтага» он предполагал опубликовать пять статей по следующим жизненно важным проблемам: 1) о свободе печати, 2) о церковной смуте (в связи с вопросом о вероисповедании детей при смешанных браках), 3) о краже леса, 4) о браконьерстве, 5) о дроблении земельных участков.

В первых двух статьях должны были быть описаны два великих лицедейства, разыгранных на подмостках ландтага: та смута, в которую он впал в вопросе о свободе пе-

чати, и та несвобода, в которую он впал в вопросе о смуте. Затем действие переносится в сферу материальных интересов людей: начав с относительно мелких вопросов (кража леса, браконьерство), в которых, однако, многообразно отразилась социальная природа ландтага, в завершение серии Маркс намеревался перейти к такому жизненно значительному вопросу, как дробление землевладения.

Кто пользуется свободой?

Первая из статей — «Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания» — была написана Марксом в апреле и напечатана в приложениях к «Рейнской газете» в мае 1842 г. По сравнению со статьей о цензурной инструкции, Маркс подходит здесь к проблеме свободы печати уже не с общетеоретической, а с *конкретно-политической* точки зрения. «Свобода настолько присуща человеку, что даже ее противники осуществляют ее, борясь против ее осуществления; они хотят присвоить себе как драгоценнейшее украшение то, что они отвергли как украшение человеческой природы.

Ни один человек не борется против свободы,— борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право» (1, с. 55).

Здесь Маркс, не оставляя исходной идеалистической точки зрения на свободу как на сущность человеческого существования, подходит к вопросу диалектически и фиксирует *действительное* отношение людей к свободе: она существует всегда, но весь вопрос в том, что это за свобода, для кого и против кого она. Исходя из такого понимания свободы вообще, Маркс дает свое толкование вопроса о свободе печати: «Только теперь вопрос этот получил *правильную постановку*. Вопрос не в том, должна ли существовать свобода печати,— она всегда существует. Вопрос

в том, составляет ли свобода печати привилегию отдельных лиц или же она есть привилегия человеческого духа» (1, с. 55). Так диалектическая постановка вопроса сливается у Маркса с социально-классовым подходом.

Маркс и крестьянин о свободе печати

Отметив сословный, по существу классовый, характер действий ландтага («Здесь полемизируют не отдельные *лица*, а *сословия...*»), Маркс пока воспринимает этот факт не как закономерный, а как противоразумный (ибо разумное имеет всеобщий, а не частный характер) и *потому* подлежащий уничтожению. С этой точки зрения ему представляются несостоятельными выступления как противников, так и большинства защитников свободы печати: «В лице одних — *сословная* ограниченность борется против печати, в лице других — та же ограниченность защищает ее... Но совершенно расходятся с *общим духом* ландтага речи *референта* и нескольких членов из *крестьянского сословия*» (1, с. 81). Представитель крестьянского сословия, в интересах которого была отмена цензуры, отстаивал необходимость свободы печати, т. е. свой *классовый* интерес, противоречащий интересам дворянства и некоторых других слоев населения, как *общий* интерес, апеллируя не к интересам своего сословия, а к «законам человеческого духа»: «Человеческий дух должен свободно развиваться *сообразно присущим ему законам...*» (1, с. 82). Маркс же, исходя из этих законов, приходит в решении конкретного политического вопроса к той же точке зрения, что и крестьянин.

Следовательно, независимо от того, сознавал ли уже тогда Маркс себя выразителем интересов крестьян и других слоев трудящихся, *объективно его духовное развитие пришло к тому пункту, где его взгляды совпали с интересами трудящихся.* Уже к маю 1842 г. Маркс непосредст-

венно столкнулся с классом, выражением интересов которого были его взгляды, представлявшиеся ему лишь как продукт его собственной теоретической деятельности.

Необходимость народной революции

Позиции Маркса соприкасались с интересами трудящихся не только в вопросе о свободе печати. Если в статье о цензурной инструкции он выясняет вопрос об отношении *правительственных* учреждений к народу и приходит к выводу, что указанные учреждения антинародны, то в статье о дебатах Рейнского ландтага он решает и другую проблему: как *представительное* учреждение (ландтаг) относится к народу, т. е. к тем, кого оно представляет?

Рассматривая этот вопрос, Маркс столкнулся с явным расхождением теории и практики, должного и сущего. Как собрание депутатов провинции, ландтаг должен был представлять провинцию, выражать и защищать ее интересы. В действительности же провинции приходится бороться за свои интересы не столько через своих представителей, сколько против них. Причину этого Маркс видит в том, что ландтаг есть собрание представителей отдельных сословий, а не провинции как целого. Депутаты рассматривают себя как чиновников сугубо сословного учреждения, по отношению к которому провинция есть нечто «внешнее». Эти пороки ландтага усугубляются отсутствием гласности в его деятельности. В итоге права провинции превращаются в привилегии ландтага и тем самым — в права *против* провинции.

«Но так народ представлен и в правительстве»,— замечает Маркс и делает отсюда вывод, что народу необходимы представительные учреждения другого типа. Специфический характер этого *нового* представительства должен заключаться «именно в том, что здесь не другие действуют

за провинцию, а, напротив, действует она сама; не другие представительствуют вместо нее, а она сама себя представляет» (1, с. 47—48).

Каков путь к созданию учреждений нового типа? В поисках ответа на этот вопрос Маркс вновь обращается к *историческому опыту*. Отмечая, что политические учреждения Пруссии основаны на недоверии к народу, на наделении властей божественным откровением, он пишет: «Но *английская история* достаточно ясно показала, как идея божественного откровения свыше порождает противоположную идею о божественном откровении снизу: Карл I взошел на эшафот благодаря божественному откровению снизу» (1, с. 56). Иначе говоря, недоверие государства к народу порождает недоверие народа к государству, в результате чего народ революционным путем уничтожает это государство.

Трудно переоценить значение и следующего положения Маркса: «Революция народа *целостна;* т. е. революция совершается по-своему в каждой области...» (1, с. 42), как в духовной, так и в материальной сфере жизни народа. Иными словами, революция совершается в *каждой сфере* народной жизни, и в каждой сфере она совершается *по-своему*. Оба эти наблюдения глубоко верны, хотя и высказаны в идеалистическом контексте.

Все эти положения являются методологической основой Марксова понимания роли печати в революционных преобразованиях. «Бельгийская революция есть продукт бельгийского духа. Поэтому и печать,— самое свободное в наши дни проявление духа,— принимала участие в бельгийской революции» как целостном процессе (см. там же). Народный характер свободной печати требует от нее активного участия в революции, подготовленной развитием народного духа. «Высокомудрым практикам-бюрократам», этим «наследственным арендаторам политического разума», скептически относящимся к деятельности защитников свободы печати, Маркс в заключение своей статьи от-

ветил то же, что ответили спартанцы Спертий и Булис персидскому сатрапу Гидарну:

«Гидарн, совет, который ты нам предлагаешь, ты не взвесил с обеих сторон. Ибо одно, что ты советуешь, ты испытал на себе самом; другое же осталось для тебя неиспытанным. Ты знаешь, чтó значит быть рабом; свободы же ты не вкусил еще ни разу и не знаешь, сладостна она или нет. Ибо если бы ты вкусил ее, то ты советовал бы нам сражаться за нее не только копьями, но и топорами» (1, с. 84). Яснее выразить революционный образ мыслей в легальной печати было тогда невозможно.

Все это говорит о том, что в «Дебатах о свободе печати...» Маркс выступил уже как сложившийся революционный демократ.

Данная статья оказалась первой фактически опубликованной работой Маркса. Это был во всех отношениях блестящий дебют. Г. Юнг, ответственный издатель «Рейнской газеты», первым поздравил автора. «Ваши статьи о свободе печати исключительно хороши» (см. 27, с. 373),— писал он Марксу 14 мая. Вскоре пришло письмо и от Руге, назвавшего статьи превосходными и вообще «самым лучшим из всего, что до сих пор написано» о свободе печати (см. 27, с. 375). Более того, 7 июня Руге специально писал в «Немецком ежегоднике»: «Никогда еще не было сказано ничего более глубокого и не может быть сказано ничего более основательного о свободе печати и в защиту ее... Мы можем поздравить себя с тем, что в ряды нашей публицистики вступает такая эрудиция, такая гениальность, такое умение овладеть вопросами, представляющимися столь запутанными ординарным людям» (125, с. 535—536).

Успех окрылил Маркса, но и наложил на него бремя дополнительных обязанностей.

Что теряет и что обретает революционер

Процесс становления Маркса как революционера нельзя вполне понять, не обратив внимания на то, как отражалась выработка революционных убеждений на самой личности Маркса, на его жизненных и творческих планах, на взаимоотношении с окружающими людьми.

Особая профессия

Переход на позиции революционера позволил Марксу окончательно решить проблему выбора профессии. Мы помним, что сначала он предпочел профессию практическую (юриспруденцию), затем склонился к теоретической (философии), а после получения докторского диплома дилемма выбора профессий встала перед ним с еще большей остротой. В то время Маркс решил заниматься теорией (преподаванием в университете), но правительство помешало ему читать лекции студентам. Тогда он стал «читать лекции» правительству и вскоре целиком отдался этому занятию.

Но это была «лекционная работа» особого рода. Она означала преобразование общественной жизни согласно теоретической модели. Здесь и открылось Марксу, что революционная деятельность есть как раз та давно искомая им деятельность, в которой теоретическая и практическая профессии сливаются воедино. Деятельность профессионального революционера потребовала от Маркса отказа от некоторых прежних замыслов и сосредоточения внимания на том, что в данный момент важнее всего для дела революционной пропаганды.

В начале 1842 г. основные замыслы Маркса были еще связаны со второй частью «Трубного гласа...». В письме к Руге от 10 февраля Маркс просит передать издателю Виганду, что рукопись будет доставлена «через несколько дней». Вскоре, однако, пришел ответ Руге, из которого явствовало, что цензура с новой энергией начала искоренять «вредную тенденцию» печати, запретив, в частности, и Марксову критику цензурной инструкции. Такой поворот дела подтвердил правильность занятой Марксом позиции и потому послужил стимулом для продолжения работы над конкретными политическими проблемами.

В редакции «Немецкого ежегодника» скопилось к тому времени порядочно «горючего материала», не пропущенного цензурой, и Руге пришел к мысли издавать подобные материалы в виде не требующих предварительной цензуры сборников объемом более 21 листа под демонстративным названием: «Неизданное из области философии» («Anekdota philosophica») — и создать тем самым новый орган радикальных философов.

Маркс с энтузиазмом откликнулся на эту идею, решив опубликовать в «Неизданном...» в измененной редакции разделы о христианском искусстве и о гегелевской философии права, предназначавшиеся для «Трубного гласа...». Приступив к их подготовке, он убедился, что работа об искусстве должна быть совершенно переделана, и, переехав в начале апреля из Трира в Бонн, принялся за дополнительное изучение источников. Результаты этого изучения сохранились в виде пяти Боннских тетрадей*.

---

* Боннские тетради содержат около 380 выписок из следующих произведений: *Х. Майнерс.* Всеобщая критическая история религии, в двух томах. 1806—1807; *Ж. Барбейрак.* Трактат о морали отцов церкви. 1728; *Ш. де Бросс.* О культе богов-фетишей, или сравнение древней религии Египта с современной религией негров. 1760; *К. Бетижер.* Идеи о художественной мифологии, в двух томах, ч. 1. 1826; *И. Грунд.* Живо-

В середине апреля Маркс предлагает Руге для «Неизданного...» статьи «О религиозном искусстве», «О романтиках», «Философский манифест исторической школы права», «Позитивные философы», составляющие в целом весьма оригинальный историко-теоретический цикл. Маркс прослеживает в нем путь от религиозного искусства, включая воплощенную в фетишах мифологию древних народов Азии и Латинской Америки, через тесно связанное с религией искусство романтиков конца XVIII — начала XIX в. к двум реакционным теоретическим школам, оказывающим значительное влияние на современную политическую и теоретическую жизнь: к исторической школе права и к «позитивной философии», нашедшей недавно свое новое знамя в старом Шеллинге, который в молодости как раз и был теоретиком романтизма. История подстроила здесь один из тех мудреных переплетов, разбираться в которых Марксу всегда доставляло истинное наслаждение. Руге чувствовал, что данный цикл статей мог бы составить одно из украшений «Неизданного...». Не удивительна поэтому та досада, которая овладела им, когда в итоге Маркс не представил ни одной из статей этого цикла,— с марта до второй половины июня Руге не писал Марксу ни строчки, а в июньском, очень сухом письме раздраженно упрекал его за задержку.

9 июля Маркс писал в ответ: «Если бы меня не оправдывали обстоятельства, то я бы и не пытался оправдываться. Само собой разумеется, что я считаю для себя честью сотрудничество в «Anekdota», и только неприятные посторонние обстоятельства помешали мне прислать статьи» (11, с. 363).

писи греков, или Возникновение, развитие, завершение и упадок живописи. Опыт в двух частях. 1810—1811; *К. Румор.* Итальянские исследования, в трех частях. 1827 (см. 30, с. 114—118). Маркс выписал из книги де Бросса и использовал в статьях в «Рейнской газете» некоторые факты и мысли о фетишизме и других аспектах истории религии, которые, как теперь установлено (см. 114, с. 875—876), заимствованы де Броссом из «Естественной истории религии» Д. Юма.

«Посторонние обстоятельства»

Что же это были за обстоятельства? В начале марта скончался Людвиг фон Вестфален, и Маркс еще в течение месяца оставался в Трире, своим присутствием помогая Женни перенести утрату отца. Затем он переехал в Бонн, но новое семейное горе — смерть брата Германа от туберкулеза брюшины — вновь вернуло Маркса в конце мая в Трир, где он и оставался до середины июля.

Дело, однако, было не только в смерти близких и в связанных с этим переездах из одного города в другой. «Остальное время было распылено и отравлено самыми неприятными домашними дрязгами,— писал Маркс Руге.— Моя семья поставила передо мной ряд препятствий, из-за которых я, несмотря на ее благосостояние, оказался на время в самом тяжелом положении» (11, с. 363). В этих словах чувствуется горечь, вызванная эгоистическим решением матери: не только отказать ему в помощи, но и лишить его через суд права на долю наследства *. Генриетта Маркс вступила в конфликт с сыном, так как была неудовлетворена тем, что Карл все еще не имеет постоянной работы и вместо того, чтобы искать хорошо оплачиваемую должность, увлекается опасными политическими идеями. Карл вынужден был покинуть родной кров и поселиться в одной из гостиниц Трира. Нужда стала отныне постоянным его спутником.

---

* Свою долю отцовского наследства Маркс получил только а начале 1848 г. И уже в конце февраля (а связи с начаашейся в ряде стран революцией) он выделил значительную часть полученной суммы на аооружение революционных рабочих. Оставшиеся средства в октябре того же года Маркс вложил в «Новую рейнскую газету» и тем продлил существование этого боевого органа немецких революционеров.

Так столкнулся Маркс с несправедливостью и жестокостью со стороны близких. «...Истинное счастье еще,— писал он,— что пакости общественной жизни совершенно лишают человека с характером возможности раздражаться из-за личных неприятностей» (11, с. 363). Революционная борьба к этому времени уже настолько поглотила внимание молодого Маркса, что служила отличным противоядием от частных дрязг. Какие бы трудности ни вставали на его пути, он не позволял скепсису разъедать душу и парализовать волю, а с возрастающей энергией продолжал свое дело — дело революционера.

Переход на позиции революционера развил у Маркса способность воспринимать личный жизненный опыт как *часть* опыта общественного. При этом личное оценивается с точки зрения общественного, а при изображении последнего используется богатая палитра красок личного опыта.

Писать только о таких проблемах, которые самим глубоко прочувствованы и пережиты,— вот установка, которую молодой Маркс выработал уже в данный период своей деятельности.

Итак, три группы причин вызвали задержку, а затем и прекращение работы Маркса над циклом статей для «Неизданного...»: 1) принцип основательности, понуждавший Маркса в любом теоретическом исследовании доходить до глубины предмета, 2) недостаток времени, 3) новые принципы отбора первоочередных тем.

Только первая из этих причин действовала независимо от перехода Маркса на позиции революционера, являясь постоянным качеством его как ученого. Весьма оперативный и обязательный в работе над публицистическими статьями по конкретным вопросам, он по-иному относился к проблемам общетеоретического характера: не спешил закончить научную работу, пока исследование действи-

тельно не было завершено по существу, даже если при этом приходилось нарушать принятые ранее обязательства.

Другие из названных выше причин, приведших к тому, что ряд теоретических замыслов Маркса остался нереализованным, непосредственно связаны с окончательным утверждением Маркса на позициях профессионального политического, революционного деятеля. Именно из-за политических «увлечений» Маркса возникли домашние дрязги, отнявшие у него немало сил и времени. И наконец, именно обязанности революционера потребовали от Маркса выработать новые принципы отбора тем и самого материала, *в первую очередь* нуждающихся в разработке и публичном обсуждении.

В самом деле, вместо того чтобы использовать выкроившееся время (с апреля по июль у Маркса было лишь около месяца рабочего времени) для статей, обещанных Руге, он целиком посвятил его статьям для «Рейнской газеты». Так, во второй половине мая 1842 г. Маркс приступил к работе над статьей «Проблема централизации», содержавшей критику абстрактной, нигилистической трактовки проблемы государственной централизации в одной из статей Гесса в «Рейнской газете» (см. 16, с. 237—239). Долг написать общетеоретические статьи для «Неизданного...» отступил перед долгом революционера развернуть на страницах «Рейнской газеты» обсуждение важнейших политических, социальных и экономических проблем.

Конечно, такой выбор представлял собой определенную жертву со стороны Маркса: он лишал себя возможности закончить разработку давно интересовавшего его круга теоретических проблем. Не завершен был не только упоминавшийся цикл из четырех статей (кроме одной: «Философский манифест исторической школы права»), но и статья против гегелевского учения о конституционной монархии. Эти жертвы, однако, были вполне оправданы не

только тем, что вместо данных работ Маркс опубликовал цикл политических статей в «Рейнской газете», но и тем, что практическая деятельность в газете в значительной мере способствовала коренному перелому в воззрениях молодого Маркса и непосредственно связала его судьбу с жизненными интересами широких слоев трудящихся, в особенности сельской бедноты.

Таким образом, революционно-демократическая ориентация наложила существенный отпечаток на личность Маркса. Прежде всего она выявила новые грани его интеллектуальной одаренности. Уже в Марксе-студенте его друзья, увенчанные академическими должностями и званиями, видели человека, равного им по интеллекту и знаниям, а потенциально — превосходящего их. Позднее, осенью 1841 г., Мозес Гесс, обычно не очень щедрый на лестные оценки, так писал Аузрбаху о своих впечатлениях от знакомства с молодым доктором философии:

«Это такое явление, которое произвело на меня, хотя я и подвизаюсь с ним на одном поприще, очень внушительное впечатление; короче говоря, ты должен быть готов познакомиться с величайшим, быть может *единственным* из ныне живущих *подлинным философом*, который вскоре, как только он публично выступит (в печати или с кафедры), привлечет к себе взоры Германии. Как по своей устремленности, так и по своему философскому духовному развитию он превосходит не только *Штрауса*, но и *Фейербаха*, а последнее очень много значит! Если бы я мог быть в Бонне, когда он начнет читать лекции по логике, то я стал бы самым прилежным его слушателем. Я желал бы постоянно иметь такого человека в качестве учителя философии. Только теперь я чувствую, какой я дилетант в собственной философии. Но — терпение! Теперь я тоже буду кое-чему учиться!

Доктор Маркс — так зовут моего кумира — еще совсем молодой человек (ему едва ли больше 24 лет), который нанесет последний удар средневековой религии и полити-

ке; глубочайшая философская серьезность сочетается в нем с тончайшим остроумием; вообрази себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля соединенными в одном лице,— я говорю соединенными, а не смешанными,— это и будет доктор Маркс» (30, с. 261).

Нельзя отказать Гессу в тонкой проницательности психолога, сразу уловившего многогранную одаренность Маркса. К середине 1842 г. Маркс, кроме того, обнаружил еще талант дальновидного политика и страстного революционера. Но быть революционером — талант особого свойства. Он требует от личности умения подчинить все дарования одной цели — делу подготовки и осуществления революции. И действительно, как мы видели, Маркс уже в полной мере обнаружил такую способность: сформировавшись как революционный демократ, он отодвигает на задний план, а затем и вовсе оставляет неосуществленными свои недавние теоретические замыслы, сосредоточивая все внимание на актуальных проблемах политической борьбы. Воспринимая общественные проблемы глубоко и непосредственно, он бесповоротно ставит свою личную судьбу в прямую зависимость от их решения.

Революционная целеустремленность многогранной личности Маркса явилась той психологической предпосылкой, без которой он не мог бы осуществить выпавшую на его долю титаническую работу. Эта же целеустремленность служила источником высшего удовлетворения, получаемого от выполняемой работы.

Переход к материализму и коммунизму

Глава 1

Начало перехода к материализму и коммунизму

Выше мы рассмотрели первоначальный этап духовного развития К. Маркса — этап разносторонних поисков мировоззренческой концепции. Итогом этих поисков явилось утверждение Маркса на позициях *революционного демократизма.*

С середины 1842 г. начинается новый этап в развитии его взглядов — этап перехода от идеализма и революционного демократизма к материализму и коммунизму, заканчивающийся на рубеже 1843—1844 гг. Этот переход совершался как ***комплексный*** процесс, в основе которого лежало ***взаимодействие*** различных сторон воззрений и деятельности Маркса. Выделяются три фазы такого взаимодействия, каждая из которых характеризуется новым содержанием взаимодействующих элементов, а также способом их связи друг с другом.

В первой фазе (середина 1842 г.— начало 1843 г.) наблюдается взаимо-

обусловленность развития философских и политических взглядов Маркса, на почве которой начинается еще *неосознанный* переход его к материализму и коммунизму.

Во второй фазе (весна — лето 1843 г.) Маркс уже *сознательно* стремится применить материализм к анализу широкого спектра проблем общественного развития — исторических, социальных, политических, правовых — и вплотную подходит к идее коммунизма.

К третьей фазе (осень 1843 г.— начало 1844 г.) относится открытие Марксом исторической миссии пролетариата; идея коммунизма становится политическим стержнем всех дальнейших его теоретических исканий.

Таким образом, эта фаза одновременно является началом нового этапа в развитии взглядов молодого Маркса, когда различные стороны его воззрений сплавляются в качественно новое целое — собственно марксизм, включающий диалектический и исторический материализм, политическую экономию и научный коммунизм как *три стороны целостного научного мировоззрения*. Поэтому в данном разделе мы рассмотрим лишь первые две из этих фаз, т. е. сам *процесс перехода* Маркса к материализму и коммунизму. А третью фазу, в которой этот переход завершается и одновременно начинается новый этап в развитии взглядов Маркса, рассмотрим в следующем разделе книги.

По мере углубления Маркса в анализ конкретных политических вопросов его воззрения насыщаются фактической аргументацией, вместе с которой возникают первые элементы материализма. Одновременно развиваются и политические взгляды Маркса, его внимание все более привлекают коммунистические учения.

В начале этого процесса грани между старым и новым в воззрениях Маркса очень тонки и условны. Постановка и решение отдельных вопросов с революционно-демократических и подчас материалистических позиций соседствует в его работах с младогегельянски-идеалистическим толкованием тех же или смежных проблем. Первоначально

Маркс даже не осознавал материалистической направленности эволюции своих взглядов, т. е. его движение к материализму происходило стихийно.

Развертывание этого процесса непосредственно связано с деятельностью Маркса в качестве главного редактора «Рейнской газеты».

Редактор «Рейнской газеты»

Борьба Маркса за революционно-демократическую линию газеты

«Рейнская газета» начала выходить с 1 января 1842 г. в Кёльне. Акционеры предполагали сделать ее весьма умеренным органом, занимающимся главным образом экономическими вопросами, и потому назначили на пост главного редактора Густава Гёфкена — ученика известного буржуазного экономиста Фридриха Листа *. Но взятое им направление встретило резкие возражения со стороны ответственного издателя Георга Юнга, выражавшего мнение младогегельянцев. Уже 18 января Гёфкен вынужден был подать заявление об уходе с поста редактора, а вместо него, по совету Маркса, был назначен Адольф Рутенберг.

С этого момента младогегельянцы фактически завладели газетой. Кроме Маркса и Энгельса ее постоянными сотрудниками стали Бруно и Эдгар Бауэры, Гесс, Буль, Кёппен, Мейен, Науверк, Прутц, Штирнер и другие. Газета стала обсуждать проблемы объединения Германии, свободы печати, введения представительной системы правления

---

* Реакционные взгляды Ф. Листа Маркс подверг убийственной критике три года спустя, в рукописи «О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» (см. 18, с. 228—258). Эта книга появилась в 1841 г., незадолго до приглашения Гёфкена на пост главного редактора «Рейнской газеты».

и т. д. Акционеры не возражали против такого поворота, ибо в результате газета начала приобретать популярность (число подписчиков выросло с 400 до 800).

Прусское правительство весьма обеспокоилось новым направлением газеты и, угрожая запретить ее, резко усилило цензуру. В этих условиях большая роль должна была принадлежать главному редактору. Между тем Рутенберг оказался бесхарактерным и неспособным как руководитель. Облик газеты складывался в значительной мере стихийно, в зависимости от того, какая из групп сотрудников писала больше статей и более напористо добивалась их опубликования. Благодаря этому газета, несмотря на свой резко усилившийся оппозиционный тон, по существу не имела на первых порах определенной линии, высказывая в различных номерах противоречивые суждения по одним и тем же вопросам. Впрочем, до конкретной постановки вопросов дело доходило очень редко, так как в статьях младогегельянцев преобладали громкие, но общие фразы. В результате наметившийся было подъем популярности газеты вскоре приостановился, и правительственные чиновники пришли к выводу, что газета обречена на прозябание.

Маркс глубоко переживал свою ошибку с рекомендацией Рутенберга и сам начал все более энергично влиять на направление газеты. Первая же его статья — «Дебаты о свободе печати...» — явилась важной вехой в истории «Рейнской газеты»: сочетая революционную страстность с конкретной, практической постановкой обсуждаемых вопросов, она положила начало повороту газеты в сторону революционного демократизма. Это направление вскоре было подкреплено другими статьями Маркса. Но статьи одного автора, даже такого, как Маркс, не могут изменить облика крупной ежедневной газеты. Необходимо, чтобы это изменение стало делом всей редакции. Вот почему Маркс начинает оказывать все возрастающее личное воздействие на ответственных издателей «Рейнской газеты», Юнга и Оппенгейма, постепенно становясь фактическим ее руководителем.

Преследуя стратегическую цель — развернуть через «Рейнскую газету» широкую пропаганду против основ политического строя Пруссии, Маркс тактически оказался вынужденным вести борьбу на два фронта. Первый и главный из них — борьба против апологетики существующего строя, выступающей под флагом романтизма. В статье «Философский манифест исторической школы права», появившейся в газете 9 августа 1842 г., он показал, что Гуго, основоположник реакционной исторической школы права, все существующее признает «в качестве *авторитета*, а всякий авторитет берется им как *основание*» (1, с. 87). Будучи по-своему последовательным, Гуго вовсе не смущался тем, что многие из существующих порядков неразумны; более того, неразумность он возвел в вечный принцип истории. Гуго *«не видит* более *ничего разумного в позитивном*, но *лишь для того, чтобы не видеть ничего позитивного в разумном*. Он думает, что видимость разума в позитивном была развеяна лишь для того, чтобы признать такую позитивную действительность, которая *лишена* даже видимости разума; он думает, что люди сбросили *фальшивые цветы* с цепей для того, чтобы носить *настоящие цепи* без каких бы то ни было цветов» (там же).

Эта точка зрения была как бы теоретической основой деятельности цензуры. Кроме того, нашлась группа «теоретиков», взявших на себя функции внештатных пособников цензуры. Особенно рьяным среди них был Карл Гермес, платный агент прусского правительства и главный редактор «Кёльнской газеты». Разоблачению его гнусной роли и применяемой им тактики публичного доноса на своих идейных противников Маркс посвятил специальную статью — «Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» (июнь — июль 1842 г.). Имея в виду младогегельянцев, Гермес позволял себе заявлять в своей газете, что намерения этой партии *«не совсем чисты* и что не поучение и

просвещение народа, а скорее достижение *других, посторонних целей* является ее главной задачей». При этом он прямо советовал правительству «закрыть рот *непризванным* болтунам». На это Маркс остроумно заметил: «Под последними автор, очевидно, подразумевает своих идейных *противников*, ибо себя самого он давно согласился считать *призванным* болтуном» (1, с. 95).

«Мы не призваны выступать в качестве *публичного* обвинителя, и мы поэтому отказываемся от более подробных указаний»,— писал Гермес в своей передовице, за что был нещадно высечен Марксом: «Что за ангельская доброта в этом человеке! Он отказывается от более конкретных «указаний», а ведь только совершенно конкретными, совершенно определенными пояснениями он мог бы доказать и показать, чего *он сам*, собственно, хочет. Вместо этого он лишь произносит вполголоса, как бы вскользь, неясные слова с целью сеять подозрения. Он не призван выступать *публичным* обвинителем, а призван выступать только *тайным обвинителем*» (1, с. 96).

Ведя борьбу против реакционеров, молодой Маркс уже отчетливо сознавал и опасность, исходившую со стороны левых фразеров.

Против левых фразеров

Стремясь тесно увязать передовую философию с жизнью, Маркс сталкивается с невозможностью решения этой задачи в рамках идеализма. Первоначально он сознает это лишь как недостаточность гегелевской спекулятивной *формы изложения*. Отметив, что «непонятный, мистический язык» философии был вызван *прежними* историческими условиями, когда нельзя было «говорить в понятных словах о том, понимание чего запрещалось», он приходит к выводу, что *теперь* за подобной формой может скрываться лишь действительный отрыв философии от жизни, ибо немцы привыкли делать идеи предметом

культа, но не культивировать их — «от чрезмерного уважения к идеям они их не осуществляют».

По Марксу, осуществить философию — значит перевести язык богов на человеческий язык, сроднить человека с передовой философией, показать ему, что речь идет вовсе не о недосягаемых далях, а о его ближайших интересах. Для этого необходимо демонстрировать людям идею «с такой точки зрения, которая взята из суровой, реальной, непосредственно окружающей их действительности» (1, с. 73—74). А это было несовместимо с левым фразерством, типичными представителями которого к тому времени обнаружили себя берлинские младогегельянцы, объединившиеся в группу с претенциозным названием «Свободные».

Своего рода программным документом «Свободных» по политическим вопросам была статья Э. Бауэра «Золотая середина», опубликованная в «Рейнской газете» летом 1842 г. Автор начинает с резких нападок на сторонников «золотой середины» (подразумевается в первую очередь беспринципная позиция южнонемецких либералов). Дальше следуют весьма общие теоретические рассуждения по поводу пороков теории конституционной монархии как «теории в рабских одеждах», а также возражения против теории естественного договора, поскольку из нее можно выводить не только республику (Руссо), но и монархию (Гоббс), против теории разделения властей и, наконец, против взглядов конституционалистов на политическую роль государя, палаты представителей и народа. Заканчивается статья призывом стремиться «к идеалу разумного государства».

Такая общетеоретическая статья была понятна очень небольшому кругу читателей газеты, ибо предполагала высокую философскую и историческую подготовку. Для подготовленного же читателя она была мало полезна из-за своей декларативности, по необходимости обусловленной небольшим объемом газетной статьи. По существу статья

восстанавливала против себя большинство читателей, так как не содержала позитивной программы и не давала никакой канвы для конкретных действий. Ее постигла обычная судьба плодов левого фразерства, фактический эффект ее оказывался противоположным благому «революционному» замыслу.

Маркс тотчас же резко выступил против такого использования «Рейнской газеты». Вскоре после завершения публикации «Золотой середины» он написал Оппенгейму: «Прежде всего, совершенно общие теоретические рассуждения о государственном строе подходят скорее для чисто научных журналов, чем для газет. Правильная теория должна быть разъяснена и развита применительно к конкретным условиям и на материале существующего положения вещей... Во всяком случае, мы тем самым восстанавливаем против себя многих, пожалуй, даже большинство, свободомыслящих практических деятелей, которые взяли на себя трудную задачу — завоевывать свободу ступень за ступенью, внутри конституционных рамок, в то время как мы, усевшись в удобное кресло абстракции, указываем им на их противоречия... Газеты лишь тогда начинают становиться подходящей ареной для подобных вопросов, когда последние стали вопросами реального государства, практическими вопросами» (11, с. 367).

Итак, дело не только в абстрактности критики конституционализма, но и в том, что эта критика в тот момент была лишена реальной почвы. Практическая борьба велась тогда за конституцию, и потому критиковать конституционалистов в органе этой практической борьбы — значит выбрать неподходящую арену для такой критики.

Указывая на неуместность критики конституционализма в газете, Маркс в то же время был не менее критически, чем Э. Бауэр, настроен в отношении пороков конституционной монархии. Достаточно вспомнить, что еще в марте 1842 г. Маркс сообщал Руге о работе над статьей, где

основное — «борьба против *конституционной монархии*, этого ублюдка, который от начала до конца сам себе противоречит и сам себя уничтожает» (11, с. 356). Именно на эту статью и ссылается Маркс в заключение письма к Оппенгейму. Критикуя Э. Бауэра, Маркс исходил преимущественно из тактических соображений и сделал следующий практический вывод: «Я считаю необходимым, чтобы не столько сотрудники руководили «Rheinische Zeitung», сколько, наоборот, она руководила ими. Статьи вроде указанной дают прекраснейший случай наметить перед сотрудниками определенный план действий. Отдельный автор не в состоянии так охватить целое, как это может сделать газета» (11, с. 367—368).

Маркс здесь наметил единственно правильный путь, как вывести газету из-под угрозы гибели и одновременно придать ей большую силу воздействия на читателей. Издателям «Рейнской газеты» следует воздать должное за то, что они правильно поняли суть выдвинутого Марксом принципа и сделали для его реализации самое большее, что только могли сделать: пригласили Маркса на пост главного редактора газеты!

Тактика Маркса как редактора

Маркс переехал из Бонна в Кёльн и с 15 октября 1842 г. приступил к новым обязанностям. В качестве главного редактора он рассчитывал не просто выиграть ту или иную полемическую схватку с правительством. Его главной целью была политическая пропаганда через газету как средство побудить широкие слои читателей к борьбе за радикальное изменение своего социального и политического положения. Это и означало превратить газету в действенный орган революционной демократии. Маркс придавал очень большое значение росту влияния газеты и благодаря гибкой тактике добился больших успехов в этом направлении.

Прежде всего он перенес центр борьбы против реакционных газет с «Кёльнской газеты», занимавшейся преимущественно религиозными вопросами, на Аугсбургскую «Всеобщую газету», более широко отражавшую взгляды реакционеров по *политическим* проблемам.

Далее Маркс нанес ощутимый удар *непосредственно по правительству:* неофициально получив от сына обер-президента Флоттвеля текст подготовлявшегося правительством проекта закона о разводе, «Рейнская газета» 20 октября опубликовала этот проект. Эффект был потрясающим. Дело в том, что король Фридрих-Вильгельм IV, руководствуясь католическим учением о нерасторжимости брака, поручил министерству Савиньи подготовить законопроект, значительно затруднявший расторжение брака. Правительство Фридриха-Вильгельма IV придавало этому законопроекту особое значение, как первому значительному шагу в своей деятельности. Законопроект держался в секрете. И вдруг тайное стало явным.

Либеральная пресса откликнулась на законопроект многочисленными протестами. По словам Прутца, «проект вызвал повсюду у прусского населения вопль недовольства и стыда; еще никогда ни одно мероприятие правительства не вызывало такого глубокого возмущения» (150, с. 355).

Фридрих-Вильгельм IV вынужден был отказаться от своих намерений: законопроект так и не стал законом. «Народ добился большой победы; своим неуклонным и упорным сопротивлением он заставил короля отказаться от его любимого детища — проекта нового закона о разводе»,— писал Ф. Энгельс в газете чартистов «The Northern Star», особо отметив роль «одной демократической газеты», т. е. «Рейнской газеты», в этой борьбе (18, с. 200). Мелочный в своей озлобленности, король потребовал, чтобы редакция назвала лицо, приславшее текст проекта, угрожая в противном случае закрытием «Рейнской газеты». Но и здесь он встретил решительный отказ. Так Маркс выиграл

схватку с правительством по важному практическому вопросу. Влияние газеты стало возрастать, создавая условия для публикаций, реализующих стратегические замыслы Маркса в борьбе с правительством.

Наступление правительства встречает отпор

15 октября, в день, когда Маркс приступил к обязанностям главного редактора, обер-президент провинции фон Шапер докладывал правительству, что «Рейнская газета» имеет только 885 подписчиков и ее отрицательная тенденция не находит ожидаемого сочувствия в Рейнской провинции. Но уже менее чем через месяц тон этих сообщений резко изменился. 10 ноября тот же обер-президент с тревогой сообщал в Берлин: направление газеты становится «все более дерзким и враждебным», и она теперь расходится до 1820 экземпляров, благодаря чему обеспечено ее дальнейшее существование (см. 132, с. 368—369). Он поручил президенту Кёльна фон Герлаху предупредить ответственного издателя Ренара, что в случае сохранения на посту редактора Рутенберга (по неосведомленности правительство продолжало считать его центральной фигурой в «Рейнской газете») газета будет лишена концессии.

Аналогичные требования последовали от министров по делам цензуры, которые специально подчеркнули необходимость изменить направление газеты. 12 ноября Герлах изложил все эти требования Ренару (см. 132, с. 377).

17 ноября Ренар от имени редакции направил Шаперу возражения по поводу предъявленных к ней требований. Автором возражений был Маркс: в свойственной ему наступательной манере он парировал все обвинения против газеты. Возражения Маркса сводились к следующему.

Пункт первый: Требование изменить тенденцию газеты можно учесть только в отношении формы публикуемых в

газете статей, но никак не в отношении их содержания. «Направление газеты, которая, подобно «Rheinische Zeitung», не является просто беспринципной амальгамой из сухих рефератов и низкой лести, а освещает государственные дела и деятельность отечественных учреждений в духе сознающей свою благородную цель (хотя и резкой) критики... может, как нам кажется, быть лишь желательным для правительства» (16, с. 264). Так отводит Маркс обвинения, будто газета занималась очернительством существующего строя.

Что касается обвинений в антирелигиозной тенденции «Рейнской газеты», то Маркс парирует их ссылкой на то, что вся Германия, и в особенности Пруссия, разделена на два противоположных лагеря: католиков и протестантов. «Неужели газета обязана в нерешенном еще злободневном споре не занимать никакой позиции или же занимать позицию, предписанную ей в официальном порядке?» (16, с. 266).

«Рейнская газета» существует ради того, чтобы выражать истинный голос народа. «Беспримерно быстрое распространение этой газеты показывает, как хорошо она поняла пожелания народа. Для указываемой цели эти лица дали свои капиталы, для этой цели они не остановились ни перед какими жертвами, а теперь пусть Ваше высокоблагородие само решит, могу ли я, вправе ли я, как представитель этих лиц, заявить, что «Rheinische Zeitung» изменит свое направление, и не будет ли ее запрещение насилием не над отдельной частной личностью, а скорее над Рейнской провинцией и над немецким духом вообще?» (16, с. 267).

Пункт второй. В связи с требованием удалить Рутенберга редакция настаивает, чтобы ей указали, на основании какого закона или иного правового положения выдвигается это требование; в противном случае ответственный издатель будет в установленном порядке добиваться соблюдения своего законного права.

Пункт третий. Требования представить нового редактора по закону о цензуре от 18 октября 1819 г. могут предъявлять только органы цензуры. Ответственный издатель охотно представит нового редактора, но лишь при наличии соответствующего указания со стороны соответствующих органов.

В указанных возражениях с блеском проявилась юридическая подготовка Маркса, не упустившего случая язвительно указать на незаконность ряда требований, предъявленных властями к редакции газеты.

Разрыв с фразерами

Отстояв существование газеты, Маркс предпринял решительные действия против «Свободных», к тому времени окончательно выродившихся в псевдореволюционных фразеров и скандалистов. 29 ноября 1842 г. Маркс опубликовал в «Рейнской газете» небольшую заметку о «Свободных», заканчивавшуюся словами: «Скандалы, непристойности должны быть открыто и решительно осуждены в наше время, которое нуждается в серьезных, мужественных и выдержанных людях для достижения его возвышенных целей» (16, с. 269). На следующий день он писал Руге, что «позволил себе забраковать не меньше статей, чем цензор, ибо Мейен и компания посылали нам кучу вздора, лишенного всякого смысла и претендующего на то, чтобы перевернуть мир; все это написано весьма неряшливо и слегка приправлено атеизмом и коммунизмом (которого эти господа никогда не изучали)» (11, с. 368).

Марксова требовательность не была должным образом понята «Свободными». Стремясь сохранить за собой право беспрепятственно печататься в «Рейнской газете», они попытались подчинить Маркса своему влиянию, как это удалось им раньше в отношении Рутенберга. От имени «Свободных» Мейен начал вести переговóры с Марксом в менторском тоне. В ответ Маркс откровенно высказал свое

мнение о недостатках их работ и призвал «к тому, чтобы было поменьше расплывчатых рассуждений, громких фраз, самодовольства и самолюбования и побольше определенности, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела» (11, с. 369).

Но «Свободные» уже настолько были заворожены собственной фразеологией, что оказались не в состоянии воспринимать критику. Вскоре Маркс получил наглое письмо от Мейена, содержавшее многочисленные претензии. Угрожая обвинить Маркса... в консерватизме, Мейен заявил, что газета обязана действовать «*самым крайним образом*» и т. п. Маркс понимал, что принять эти требования в сложившейся обстановке означало «спокойно уступить поле сражения полиции и цензуре, вместо того чтобы удерживать свои позиции в незаметной для публики, но тем не менее упорной, проникнутой сознанием долга борьбе» (11, с. 370).

Текст его ответа не сохранился, но, очевидно, звучал он довольно резко. Лишь две недели спустя предприняли «Свободные» попытку восстановить контакты с Марксом, возложив эту деликатную миссию на его прежнего друга — Бруно Бауэра. Однако примирительное письмо Бауэра Маркс оставил без ответа.

Сквозь новые слои повседневности

Став корреспондентом, затем редактором ежедневной газеты, Маркс столкнулся с новыми для себя слоями повседневности. Это, во-первых, повседневные дела и заботы крестьян, вынужденных вести постоянную борьбу с правительственными чиновниками. Во-вторых, интересы и дела либеральных буржуа, которых он впервые получил возможность наблюдать непосредственно, общаясь с такими типичными их представителями, как основные вкладчики и издатели «Рейнской газеты». В-третьих, вынужденные частые контакты с цензорами и другими предста-

вителями властей, контролировавшими газету. Их Маркс презирал и с удовольствием водил за нос, когда это представлялось возможным.

Деятельность в таких условиях убеждала Маркса в необходимости все более энергичной и решительной поддержки со стороны газеты той справедливой борьбы, которую ведут крестьяне, отстаивая свои интересы,— и в повседневной жизни (например, отстаивая свое обычное право на валежник), и в судебных спорах с помещиками и чиновниками, и в заседаниях ландтага.

Новые заботы овладели теперь Марксом: превратив «Рейнскую газету» в орган революционной демократии, он готовился к решающей схватке с правительством. Исходной теоретической базой для этого послужили статьи, написанные Марксом в первые месяцы своего пребывания на посту главного редактора газеты.

Коммунизм как проблема. Социальная подоплека политики

Рабочее движение и социальные утопии

До 40-х годов XIX века рабочие участвовали в революционной борьбе чаще всего вместе с буржуазией, а их редкие самостоятельные выступления носили преимущественно стихийно-разрушительный характер (движение луддитов и т. п.). Восстания лионских ткачей в 1831 и 1834 гг. впервые показали, что пролетариат возникает как особая, самостоятельная сила; но они мало говорили о том, чего хочет и что может эта сила. С 40-х годов стихийное рабочее движение начинает соединяться с социалистически-коммунистическими теориями.

Новый подъем стачечной борьбы во Франции вызвал к жизни различные утопические проекты будущего общества: «Что такое собственность?» Прудона, «Об организации труда» Луи Блана, «О человечестве, его принципе и будущем» Пьера Леру, «Путешествие в Икарию» Этьенна Кабе, «Ни дворцов, ни хижин» и «Коммунизм — не утопия» Ж.-Ж. Пийо, «Кодекс общности» Теодора Дезами и др.

Однако сближение теории с рабочим движением первоначально представляло собой скрытый процесс: социалистические теории не выступали в связи с какой-либо определенной социальной силой, а в теоретическом отношении их положительная программа не выдерживала строгой критики. Вот почему Маркс не уделял этим утопиям серьезного внимания.

В середине 1842 г. в Англии произошло событие, изменившее отношение многих как к рабочему движению, так и к социалистически-коммунистическим утопиям. Это был год наибольшего развития чартистского рабочего движения, кульминационным моментом которого стала всеобщая забастовка, поддержанная тред-юнионами и охватившая многие промышленные районы страны. В резолюции, принятой 12 августа собранием представителей тред-юнионов, говорилось: «Пока не будет уничтожено классовое законодательство и установлен принцип коллективного труда, до тех пор у рабочих не будет возможности пользоваться полным продуктом своего труда» (67, с. 83—84). Связь социалистических теорий с рабочим движением стала очевидной.

Чартизм, это первое массовое политическое движение рабочих, В. И. Ленин назвал «подготовкой марксизма, «предпоследним словом» к марксизму» (40, с. 290); оно оказало влияние на политическое развитие не только Англии, но и Франции и Германии.

Среди младогегельянцев наиболее активно реагировал на чартистское движение Гесс. «В республиканских инсти-

тутах нашего времени свобода разбивается о нищету, которая еще очень большую часть нашего общества лишает всякой возможности свободного развития сил... Не только феодальная аристократия и не только абсолютизм противоречат духу времени, но вся организация, скорее дезорганизация, нашей социальной жизни требует реформы»,— писал он в «Рейнской газете» 11 сентября 1842 г. Задача XIX в.— освободить не часть общества, а все общество, «ликвидировать противоположность пауперизма и денежной аристократии и создать *единство* в государстве». Одновременно Гесс поместил в «Рейнской газете» несколько материалов, пропагандировавших социалистические идеи.

Это дало повод Аугсбургской газете обвинить «Рейнскую газету» в склонности к коммунизму. В ответ на это обвинение Маркс выступил со статьей «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung», написанной 15 октября 1842 г.— в первый же день своей работы в качестве редактора газеты. Аугсбургская газета не смогла ничего возразить на эту статью Маркса.

Первые шаги к коммунизму

Обычно буржуазные исследователи рассматривают указанную статью как доказательство того, что Маркс в тот период «был весьма далек от коммунистических идей, которые уже тогда приобретали влияние в Германии» (138, с. 121). На первый взгляд это может показаться правдоподобным, так как он считал возможным подвергнуть утопический коммунизм критике на страницах «Рейнской газеты».

Но в данной статье речь идет о необходимости критики лишь *теперешней*, утопической формы коммунистических идей, а не идеи коммунизма вообще. Кроме того (что обычно тщательно замалчивается буржуазными идеологами), Маркс считает теоретически несостоятельной критику коммунистических идей Аугсбургской газетой. Про-

тив коммунизма эта газета выдвигала следующий аргумент: «С ликвидацией собственности мы возвращаемся к естественному состоянию, где индивид не обладает никакими правами... Самое свободное, что знает человек, его индивидуальную деятельность заключают в оковы всеобщей системы, уничтожают в нем прелесть самостоятельного занятия» (115, с. 2270). Примерно такую же позицию по отношению к коммунизму, какую занимала Аугсбургская газета и которую Маркс характеризовал как плод «поверхностной минутной фантазии», современные буржуазные идеологи пытаются приписать ему самому.

Между тем Маркс уже сознавал тогда, что коммунистические идеи не просто литературное явление, а имеют под собой реальные интересы беднейших слоев населения, что «сословие, которое в настоящее время не владеет ничем, *требует* доли в богатстве средних классов,— это факт, который... бросается всякому в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона» (1, с. 115).

Не случайно Маркс выделяет именно эти три города — как раз в них произошли наиболее крупные выступления рабочих за последнее десятилетие: Манчестер в августе 1842 г. был центром чартистского движения; в Париже рабочие выступили с оружием в руках в мае 1839 г. и в сентябре 1840 г.; в Лионе произошли уже упомянутые восстания ткачей.

Проблемы коммунизма — это такие проблемы, «над разрешением которых работают *два* народа»: французский и английский (см. 1, с. 116). Вот почему если и следует критиковать коммунизм в его утопической форме, то не столь поверхностно, как это делает Аугсбургская газета, а «после упорного и углубленного изучения» (1, с. 117).

Впоследствии Маркс вспоминал: «...в это время, когда благое желание «идти вперед» во много раз превышало знание предмета, в «Rheinische Zeitung» послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого диле-

тантства, но вместе с тем в полемике с аугсбургской «Allgemeine Zeitung» откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений» (3, с. 6).

Интерес к социальным вопросам и к коммунизму, вероятно, и привел Маркса к участию в дискуссиях по социальному вопросу, происходивших в Кёльне. Кроме Гесса, инициатора этих дискуссий, а также Юнга и Оппенгейма в них участвовало еще несколько радикалов и либералов. Маркс в то время изучал также произведения Прудона, Дезами, Леру, Консидерана и еще более укрепился в правильности сделанного им ранее вывода о необходимости основательно познакомиться с условиями жизни бедноты.

В интересах обездоленной массы

Впервые эта тема получает разработку в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» — третьей из цикла «Дебаты шестого рейнского ландтага» (декабрь 1842 г.). Здесь Маркс уже открыто заявил, что выступает «в интересах бедной, политически и социально обездоленной массы...» (1, с. 125).

На первый взгляд тема статьи может показаться несущественной. Так ли уж важно считать или не считать сбор валежника кражей леса? Но в те времена валежник для бедного крестьянина был важным подспорьем в хозяйстве: покупного леса ему не хватало. Вот почему во всех странах ревниво отстаивал крестьянин свое право свободно собирать валежник. На этой почве возникало множество судебных дел по поводу кражи леса.

В Пруссии в одном только 1836 г. из 207 478 уголовных дел около 150 тыс. касались именно краж леса и поступков против законодательства о лесах, охоте и пастбищах. Прусское правительство предложило на рассмотрение ландтагов законопроект, запрещающий сбор валежника без раз-

решения владельца леса и предусматривающий наказание за такой сбор как за кражу. Это был типично классовый проект: исключительно в интересах лесовладельцев, против крестьянской бедноты.

Сессии ландтагов (в том числе и Рейнского) в 1841 г. одобрили этот законопроект, и прусское правительство намеревалось в ближайшее время придать ему силу закона. Критика Марксом позиции Рейнского ландтага по этому вопросу носила принципиальный характер *выступления против готовящегося государственного закона*, в защиту бедноты.

Правовая природа вещей

Стремясь доказать, что сбор валежника не есть кража леса, Маркс обращается к «правовой природе вещей». Он усматривает ее в том, что между валежником и лесом как объектами собственности не существует никакой связи: ни органической (валежник — мертвый лес, т. е. не лес), ни искусственной (валежник перестал быть лесом без всякого вмешательства человека в этот процесс). Следовательно, валежник не есть собственность лесовладельца; это «неоформленная собственность», относящаяся к сфере захватного права.

Но возможно, из принципов захватного права следует, что валежник может принадлежать лесовладельцу только потому, что находится на территории его леса? По Гегелю, чтобы вступить во владение такого рода предметом, достаточно как-то пометить его (см. 62, с. 83); лесовладельцу, например, достаточно объявить своим весь валежник на территории своего леса, чтобы стать его собственником. Руссо же исходил из противоположного принципа: надо, чтобы «вступали во владение землею не в силу какой-либо пустой формальности, но в результате расчистки и обработки ее — этого единственного признака собственности, который при отсутствии юридических документов должен быть признаваем другими» (103, с. 166).

Маркс в своей статье занимает позицию, близкую Руссо (хотя о Руссо он не упоминает *, так же как и о Гегеле): «В самой своей *деятельности* беднота обретает свое право. В деятельности *собирания* стихийный класс человеческого общества сталкивается с продуктами стихийной силы природы, внося в них порядок» (1, с. 130).

Следовательно, собирание валежника есть законное вступление во владение им и не может быть квалифицировано как кража.

Правосознание бедняка

Не ограничиваясь данным выводом, Маркс реконструирует стихийное правосознание бедного крестьянина. Собирая валежник, бедняк не просто чувствует свое право на это, а воспринимает это право как *исключительно свое*. Валежник, эти сухие, обломанные ветви и сучья, в противоположность сочным деревьям и стволам, крепко сидящим своими корнями в земле, представляется в сознании бедняка как «физическое изображение бедности и богатства. Человеческая бедность чувствует это родство и выводит из этого чувства родства свое право собственности... Как не подобает богатым претендовать на милостыню, раздаваемую на улице, точно так же не подобает им претендовать на эту *милостыню природы»* (1, с. 130).

Сколь близко надо было принимать к сердцу нужды бедных крестьян, чтобы так точно изобразить их умонастроение, как это сделал здесь двадцатичетырехлетний доктор философии! Он полностью разделяет правосознание бедноты и в поддержку ее формулирует следующий теоретический тезис: «...предметы, которые относятся по своей стихийной природе и по своему случайному существова-

* Любопытно, однако, что в Крейцнахских тетрадях (лето 1843 г.) Маркс, конспектируя «Общественный договор» Руссо, выписал приведенное выше положение и охарактеризовал его как одно из условий, выдвинутых Руссо с целью обосновать право первого захвата (см. 23, с. 474).

нию к области захватного права... служат предметом захватного права для того класса, который в силу как раз захватного права сам лишен всякой другой собственности и в гражданском обществе занимает такое же положение, какое эти предметы занимают в природе» (1, с. 129). Итак, право беднейшего класса Маркс выводит из социального его положения, из отношения к нему других классов общества.

Инстинктивное чувство права развилось у бедноты в обычай беспрепятственно собирать валежник. Напротив, лесовладельцы стремятся превратить в обычай свои привилегии. Какой из этих обычаев должен стать законом?

В закон возводятся привилегии собственников

Маркс отмечает, что законодательства облекли в законные требования произвольные притязания собственников, «невознагражденными остались лишь бедные», перед которыми «были воздвигнуты новые преграды, отрезавшие их от старого права. Это имело место при всех превращениях привилегий в права... Законодательный рассудок... забыл, что даже с частно-правовой точки зрения здесь имелось двоякое частное право: частное право владельца и частное право невладельца, не говоря уже о том, что никакое законодательство не уничтожило государственно-правовых привилегий собственности, а только освободило их от их случайного характера и придало им гражданский характер» (1, с. 128—129).

В чем же причины превращения привилегий в закон? Для взглядов Маркса в тот период характерно, что на этот вопрос он дает двоякий ответ. Как гегельянец, он прежде всего видит идеальную причину: односторонность рассудка, стремящегося и мир сделать односторонним. Но затем Маркс вскрывает и реальные, социально-экономические корни превращения привилегий в права. Он с особой силой

подчеркивает роль *частного интереса,* понимаемого уже не просто как эгоизм сословий, а именно как «интерес частной собственности».

Частный интерес извращает элементарные принципы *моральных отношений* между людьми. Его софистический дух заключается в том, чтобы следовать не логике разума, а логике частной выгоды: он не размышляет, он подсчитывает, приковывая волю к самым мелким и эгоистическим интересам, как раба к скамье галеры. Думая постоянно только о себе, частный интерес не смущается противоречиями, ибо с самим собой он никогда не впадает в противоречие. «...Нет ничего более ужасного,— заключает Маркс,— чем логика своекорыстия» (1, с. 142). Извращая самые элементарные *правовые принципы,* именно частный интерес диктует ландтагу троякое вознаграждение лесовладельца за украденный у него лес: стоимость украденного, сверх того четырех- или даже восьмикратный штраф, а также «добавочную стоимость» как особое вознаграждение. Тем самым преступление превращается в ренту. Лесовладелец выступает уже как лицо, заинтересованное в том, чтобы у него украли лес, следовательно, становится сообщником преступника. И все это — на законном основании.

Государство — средство частного интереса

Маркс показывает, что ландтаг как государственное учреждение оказался в подчинении у ландтага как сословного представительства частных интересов. Логика своекорыстия, «превращающая прислужника лесовладельца в представителя государственного авторитета, *превращает государственный авторитет в прислужника лесовладельца...* Все органы государства становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегает» (1, с. 142).

Маркс здесь столкнулся с действительностью, опрокидывавшей идеалистические взгляды на государство. Государственные учреждения предстали как воплощение не абстрактных принципов разума, а вполне конкретных интересов частной собственности. Вместо того чтобы государство подчиняло частный интерес разумным интересам общества, «все делается навыворот»: «частный интерес стремится низвести и низводит государство до роли средства частного интереса» (1, с. 137—138).

Таким образом, в ходе анализа «правовой природы вещей» Маркс столкнулся с комплексом жизненных проблем: обычай и закон, частная собственность и право, отношения людей к вещам, отношения между самими людьми, частные и государственные интересы и др. Он впервые затронул в своем исследовании собственно материальные условия и констатировал разрыв между действительным и должным в ряде важных сторон общественной жизни. Еще не делая общего вывода о несостоятельности идеалистического подхода к действительности, фактически он уже далеко ушел по пути выработки собственного метода, во многом уже существенно отличающегося от гегелевского.

Главное состоит в том, что ему удается выйти за рамки абстрактно-теоретического понимания права, когда все содержание права выводилось из некоторых общих положений, и рассмотреть это содержание, *как оно есть на самом деле*. Он анализирует теперь *не понятия* сословий, государства и т. д., а факты, *действительную природу* различных явлений общественной жизни и их действительные взаимоотношения.

Первое обращение к экономическим проблемам

Выступление по поводу закона о краже леса направило внимание Маркса на изучение собственно экономических проблем. Он не мог не видеть, что частные интересы,

подчиняющие себе интересы государства,— это прежде всего экономические интересы. Собственная природа этих интересов, законы развития экономики Марксу пока не ясны, но начинают все больше привлекать его внимание.

Осенью 1842 г. «Рейнская газета» включилась в дискуссию о свободе торговли и покровительственных пошлинах, т. е. по чисто экономической проблеме, к тому же международного характера. Необходимость высказаться по этому вопросу как редактору газеты поставила Маркса в затруднительное положение. В редакционном примечании к статье «Ганноверские предприниматели и покровительственные пошлины», опубликованном 22 ноября 1842 г., он выступает против самой системы покровительственных пошлин, оценивает ее как соответствующую средневековым условиям, когда «каждой *особой* сфере обеспечивалось *особое* покровительство». В современных же условиях следует рассматривать «такую систему как *организацию военного положения* в мирное время,— такого военного положения, которое, будучи сначала направлено против чужих стран, при его осуществлении неизбежно обращается против своей же собственной страны. Но, конечно, *отдельная* страна, как бы она ни признавала принцип свободы торговли, зависит от положения дел во всем мире, и поэтому данный вопрос может быть разрешен только международным конгрессом, а не каким-либо отдельным правительством» (16, с. 268).

Это была лишь первая проба пера в вопросах экономики, несущая на себе отпечаток социально-философского, а не политэкономического подхода. Но показательно само *обращение* Маркса к экономической проблеме и смелое заключение о необходимости международного, глобального ее решения.

Главное же, что характеризует развитие взглядов Маркса в данный период, это, как было показано, еще не вполне осознаваемое движение к материализму. Совершаясь на

основе решения конкретных жизненных проблем с позиций революционного демократизма, оно в свою очередь способствовало развитию политических позиций К. Маркса.

Конкретизация общественно-политического идеала

Начав исследование конкретных социально-политических проблем, Маркс углубляет свое понимание исторического процесса, выделяя два основных периода в мировой истории: период несвободы и период свободы.

Конечно, этим он еще не вышел за рамки гегелевской идеи истории как прогресса свободы. Но Маркс не просто заимствовал гегелевскую идею, как это утверждает буржуазный историк Н. Н. Алексеев (см. 46, с. 393), а придал ей иное толкование. Гегель основное внимание обращает на *осознание* свободы; Маркс же, напротив, интересуется главным образом ее *осуществлением.* У Гегеля прогресс свободы выступает как количественный рост свободных *индивидов:* в азиатских деспотиях свободен один, в античных республиках — некоторые, в новое время — все; Маркс же рассматривает прогресс свободы с точки зрения взаимоотношения различных *социальных групп* общества.

«Духовное животное царство»

В период несвободы «история человечества составляла еще часть *естественной истории...* когда, согласно египетскому сказанию, все боги скрывались в образе животных» (1, с. 125). Это период феодализма в самом широком смысле слова, который Маркс, пользуясь термином, вве-

денным Гегелем, называет «духовным животным царством» *.

Гегель в «Феноменологии духа» излагает свое понимание сущности «духовного животного царства» как разделения общества на эгоистических *индивидов*, каждый из которых занят лишь самим собой и потому обманывает всех, будучи в то же время обманываем всеми.

Маркс же видит сущность «духовного животного царства» в *сословной*, а не индивидуальной расчлененности. Как природа животного обусловливает его принадлежность только к данному виду, так и человек в феодальном обществе в силу своего рождения может принадлежать только к данному сословию, благодаря чему «человечество представляется распадающимся на ряд животных разновидностей, связь между которыми не определяется равенством, а определяется именно неравенством, закрепленным в законах» (1, с. 125).

Животный характер периода несвободы Маркс видит и во *враждебных* взаимоотношениях сословий. Как в животном мире один вид пожирает другой, так и в человеческом обществе в этот период одно сословие живет за счет другого. Но «если в природном животном мире рабочие пчелы убивают трутней, то в духовном животном мире, наоборот, трутни убивают рабочих пчел — убивают их, изнуряя работой» (1, с. 126).

---

* Термии «духовяое животное царство» воэник под влиянием нижненемецкой поэмы «Рейнеке-лис», автором которой считается Хинрек фои Альмар. В ией в форме повествования о жиэии жнаотного мира изображается человеческая жизнь, бичуются пороки людских отяошеиий. Вперaые поэма была иэдана а 1498 г. в Любеке, ио широкое распространеиеиие получила во второй половине XVIII в., а в 1793 г. как бы аиовь родилась в художественной обработке Гёте (см. 66). Гегель в «Лекциях по эстетнке» считает, что человеческим содержаяием этой поэмы служит эпоха беспорядков и беззакония, злобливости, слабости, подлости, насилия и иаглости, когда повсюду одерживает победу хитрость, расчет и своекорыстие (см. 63, с. 398), а в «Феиомеиологии духа» характеризует эту эпоху словами: «духовное животиое царство» (см. 61, с. 210).

Таким образом, Маркс раскрывает не только политическую, но и социальную противоположность различных сословий. И хотя говорит он об этой противоположности как о свойственной феодализму, в действительности же выступает против всякой, в том числе и капиталистической, формы порабощения одной части общества другой его частью. Феодализм в самом широком смысле слова как период несвободы, по существу, охватывает периоды в истории, когда человечество разделено на антагонистические классы. Сословный характер деятельности ландтага, направленной против бедноты, превращение своекорыстных привилегий благородных в их законные права и лишение бедных даже их обычного права — все эти и подобные им факты свидетельствуют о том, что период несвободы продолжает существовать.

Поэтому Маркс выступает против «духовного животного царства» как против живой, реальной действительности. «...Низведение людей до уровня животных стало правительственной верой и правительственным принципом»,— отмечал он еще в марте 1842 г. (11, с. 358).

Святой Гуманус Гёте и человеческий мир Маркса

Восставая против существующей действительности, Маркс хотя и бегло, но уже высказывает свое мнение о том, каким общество *должно быть:* все члены человеческого рода выступают в таком обществе как «благородные, свободно переходящие друг в друга члены великого святого — святого Гумануса *» (1, с. 126).

* Святой Гуманус — литервтурный обрвз, очевидно взятый Марксом из фрагмента гётевских «Твйн», где «Humanus — имя мудрого, святого, кто лучше всех, чей благостен удел» (66, с. 338). Гёте писал, что в «Тайнах» нвмеревался поквзать читателю общество людей, воплощающих в

Обращаясь к образу гётевского Гумануса, Маркс пытается нагляднее показать, что истинное общество, противостоящее «духовному животному царству»,— это такой человеческий мир, «который сам создает свои различия и неравенство которого есть не что иное, как разноцветное преломление равенства» (1, с. 125). И в этом обществе, конечно, должны быть различия, но лишь как моменты такого целого, которое не является чем-то особым, независимым от своих моментов, а существует как их совокупность. Органичность различных сторон общественной жизни проявляется там в том, что каждый индивид свободно определяет свое участие в той или другой из них: благородные члены великого Гумануса свободно переходят друг в друга.

Правильно понять, какое конкретное политическое значение имели эти общие взгляды Маркса на историю, на какое место объективно выдвигали они его в происходившей в то время в Германии политической борьбе, помогает его статья «О сословных комиссиях в Пруссии» (декабрь 1842 г.). Эта статья как бы продолжает статью о краже леса, конкретизируя и развивая основные ее идеи. Непосредственным поводом для ее написания послужила верноподданническая статья в «Аугсбургской всеобщей газете».

себе «самые разлнчные образы мысли н ощущення», которые собралнсь «для того, чтобы жажда высшего развнтия, хотя н яесовершенная в еднничном, нашла себе достойяое выражение путем совместной жизни. Дабы, однако, это стало возможным, они сплотились вокруг одного человека, носящего имя Гумаяус, на что они яе решились бы, если бы все онн не чувствоаали а себе некоторого сходствв с ннм, некоторого прнближения к нему» (66, с. 569). После долгой жнзнн вместе с Гуманусом в каждом нз них воплотилась часть его духа, н все вместе онн сталн составлять единое целое, не нуждаясь больше в Гуманусе как особом носнтеле зтого целого.

Корреспондент этой газеты, выражая широко распространенную в то время точку зрения консерваторов, писал. что народ вне сословных различий существует лишь как «сырая неорганическая масса». Эту позицию разделял и Гегель, утверждавший, что народ сам по себе, вне государства представляет собой «только аморфную, беспорядочную, слепую силу, подобную силе взбаламученного стихийного моря» (60, с. 325).

В противоположность этому Маркс считает, что сословный строй механически разбивает народ на «твердые абстрактные составные части», а в таком состоянии может происходить лишь конвульсивное, но не органическое движение. Полагать, что народ вне некоторых произвольно выхваченных сословных различий существует только в качестве сырой неорганической массы — значит не видеть самого организма государственной жизни; ориентироваться на сословные принципы — значит переходить «в какие-то фантастические сферы, которые государственная жизнь давно лишила их значения». Реальностью современного государства являются не сословия, а «округа, сельские общины, местные правительственные органы, провинциальное управление, воинские части» (16, с. 279, 280).

Перечисляя эти «подлинные сферы», Маркс не стремится указать конкретные формы истинного государства. Он преследует цель доказать, что подлинными внутренними различиями государства являются «те различия, которые по самой своей природе ежеминутно растворяются в единстве целого... Они члены, а не части, они движения, а не устойчивые состояния, они различия в едином, а не единства в различном» (16, с. 280).

В качестве примера подобного органического движения Маркс приводит переход государства «в постоянную армию и ландвер». Когда прусский гражданин, становясь

солдатом, переходит из одного состония (гражданского) в другое (военное), то этот переход совершается организованно, следовательно, само прусское государство признает в качестве своего принципа единство не механических, закостенелых состояний, вроде сословий, а единство органически переходящих друг в друга состояний. На аналогичных принципах основывается и народное представительство: за людьми здесь не закреплены те или иные функции навечно, эти функции могут меняться, такое движение тоже происходит не стихийно, а в соответствии с сознательной волей народа.

Таким образом, принципом народного представительства является не фантастическое движение сырой неорганической массы, а реальное органическое движение народа.

Идеал — самопредставительство народа

Истинное государство Маркс рассматривает при этом как продукт собственного деяния народа, т. е. не как представительство народа кем-то другим, а именно как *самопредставительство* народа. «Быть представляемым — это вообще нечто страдательное; только материальное, бездушное, несамостоятельное, беззащитное нуждается в представительстве; но ни один элемент государства не должен быть материальным, бездушным, несамостоятельным, беззащитным. Представительство должно рассматриваться не как представительство некоей особой вещи, которая не есть сам народ, а лишь как *самопредставительство* народа, как такая государственная деятельность, которая, не будучи единственной, исключительной государственной деятельностью народа, отличается от прочих проявлений его государственной жизни только всеобщностью своего содержания» (16, с. 290).

Совершенно очевидно отсюда, что истинное государство Маркс рассматривает как *демократию.* Тем самым

обнаруживается полная противоположность Марксова понимания государства как органического целого гегелевскому пониманию: Гегель видел в демократии форму государства, характерную для «неразвитого состояния» народа; «внутри себя развитая, истинно органическая целостность» предполагает, по Гегелю, монархию (см. 62, с. 305). Маркс же, напротив, именно в демократии видит адекватную форму подлинно органического государства.

Этот революционно-демократический идеал государства Маркс отстаивает последовательно и со всей решительностью, какая только была возможна в тот период на страницах легальной газеты. Он подверг критике не только правых и конституционалистов, но и буржуазных либералов, пытавшихся эклектически сочетать два противоположных принципа: представительство сословий и народное представительство. Маркс показал несовместимость этих принципов, ибо «дело идет здесь не о *дополнении*, а о *противоположении*»: или развитие принципа сословного представительства в государственный принцип и подчинение государства частному интересу, или развитие принципа представительства народной интеллигентности, подчинение частных интересов общим интересам — интересам народа, иначе говоря, создание государства трудящихся.

Отчетливо выраженная революционно-демократическая направленность статьи Маркса, особенно заключительного ее раздела, опубликованного в канун 1843 г., послужила поводом министрам по делам цензуры рассматривать эту статью как «подстрекательство к недовольству существующими государственными учреждениями».

Итак, хотя вплоть до конца 1842 г. Маркс стоял еще в основном на почве идеалистического понимания государства, понимание это уже существенно ограничено материалистической тенденцией — сознательным вниманием прежде всего *к содержанию* государства, к реальным, жизненным проблемам во всей их конкретности, ибо «фор-

ма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» (1, с. 159). Именно с этой материалистической тенденцией воззрений Маркса связана конкретизация его общественно-политического идеала, приближение его к идеям коммунизма. Углубление революционного демократизма, требовавшего конкретного анализа социально-политической действительности с позиций трудящейся бедноты, и первые шаги в сторону коммунизма, в свою очередь, интенсивно стимулировали нарастание материалистических элементов в Марксовом подходе к действительности.

Ленин о ранних статьях Маркса

Такая взаимообусловленность развития философских и политических взглядов Маркса была отмечена В. И. Лениным при характеристике рассмотренных выше статей из «Рейнской газеты»: «Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» (37, с. 82).

Наиболее ярко этот переход обнаруживается в Марксовой статье «Оправдание мозельского корреспондента». Некоторые авторы склонны даже относить приведенные слова В. И. Ленина главным образом к данной статье. Но они не учитывают того, что, хотя из воспоминаний Ф. Энгельса В. И. Ленин и знал о существовании «Оправдания...», непосредственно со статьями Маркса в «Рейнской газете» он был знаком по публикациям Ф. Меринга в первом томе «Литературного наследства К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля», куда указанная статья не была включена (см. 32). Меринг ошибочно считал, что она была написана не Марксом, а Маркс ее, «вероятно, лишь переработал» (22, с. 262). Только в годы Советской власти, при подготовке первого Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, решение об издании которого было принято XIII съездом партии, редактор этого издания Д. Рязанов доказал, что автором статьи в защиту

мозельского корреспондента был именно Маркс (см. 19), и включил ее в указанное издание.

Очевидно, что свою характеристику наметившегося перехода Маркса к материализму и коммунизму В. И. Ленин давал, непосредственно опираясь лишь на статьи, предшествовавшие «Оправданию мозельского корреспондента». Надо было обладать подлинно ленинской проницательностью, чтобы уже в этих статьях обнаружить начавшийся поворот в мировоззрении молодого Маркса, отчетливо проявившийся лишь в «Оправдании...», текст которого остался Ленину неизвестным!

Знакомство Маркса с Энгельсом

«Оправданию мозельского корреспондента» предшествовало знакомство Карла Маркса с его будущим соратником Фридрихом Энгельсом.

Юный Фридрих Энгельс

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 г. в городе Бармене в семье богатого фабриканта. Он был первенцем, и отец видел в нем наследника фирмы «Каспар Энгельс и К^0». Атмосфера семейного и школьного воспитания Энгельса резко отличалась от атмосферы, в которой протекало детство Маркса. В семье Энгельсов царила религиозная нетерпимость в сочетании с не менее ревностным поклонением золотому тельцу. Гимназия в Эльберфельде, принадлежавшая реформатской общине, а затем пансион евангелической общины в Нижнем Бармене внушили юноше искреннее благочестие и даже протест против всякого религиозного свободомыслия, но... не надолго.

В сентябре 1837 г. отец Фридриха решил, что сын уже прошел достаточный курс наук в гимназии, и опреде-

лил его в свою фирму для изучения практики торгового дела. Не имея никакой склонности к «торгашеству», юноша мечтал о литературе и поэзии; через год он уже опубликовал балладу «Бедуины».

Познакомившись с передовой литературой, в том числе с «Жизнью Иисуса» Штрауса, Фридрих познал сомнения в своей вере, а затем и всю тяжесть внутренней борьбы, совершающейся в человеке, когда он должен решить, воистину ли бог есть или нет. Вскоре Фридрих окончательно освободился от идеи личного бога.

Штраус приковал его внимание к Гегелю. Тогда же ему становится ясна поляризация сил в гегелевской школе, и он решительно становится на сторону левых.

Правда, окончательному переходу Энгельса в лагерь младогегельянцев предшествовало его увлечение литературной группой «Молодая Германия», связанное с его собственными литературными опытами (он печатался в «Телеграфе», органе этой группы). Но он быстро понял политическую дряблость лидеров «Молодой Германии» — Гуцкова, Мундта, Лаубе и др., сохранив глубокое уважение лишь к ее основателю Людвигу Бёрне. Именно под влиянием Бёрне очень рано пришел Энгельс к радикальным политическим воззрениям. «От государя я жду чего-либо хорошего только тогда, когда у него гудит в голове от пощечин, которые он получил от народа, и когда стекла в его дворце выбиты булыжниками революции» (17, с. 444),— писал он в 19 лет.

Вольноопределяющийся и вольнослушатель

Осенью 1841 г. молодой купец стал вольноопределяющимся гвардейского пехотно-артиллерийского полка. Казармы этого полка были расположены в Берлине, неподалеку от университета, вольнослушателем которого он одновременно и стал.

В это время прусское правительство решило нанести удар по цитадели гегельянства — Берлину и с этой целью пригласило в Берлинский университет Шеллинга — бывшего друга, а затем яростного противника Гегеля. Лекции Шеллинга встретили резкую критику со стороны младогегельянцев, причем самые сильные аргументы и в наиболее яркой форме были выдвинуты одним из самых молодых слушателей Шеллинга — Фридрихом Энгельсом. Быстро сориентировавшись в сложной обстановке идейной борьбы, он нанес три мощных удара, способствовавших бесславному итогу шеллинговских лекций (статья «Шеллинг о Гегеле», брошюры «Шеллинг и откровение» и «Шеллинг — философ во Христе»). Впечатляющая сила антишеллинговских работ Энгельса была столь велика, что их авторство (они вышли под псевдонимом Фр. Освальд) приписывалось разным известным философам.

Отстаивая Гегеля от нападок справа, со стороны Шеллинга, Энгельс в то же время поддерживает критику Гегеля слева, со стороны Фейербаха. И хотя он, как и Маркс, в то время еще не стал материалистом, но под влиянием Фейербаха уже превратился в воинствующего атеиста. В пропаганде антирелигиозных воззрений Энгельс обращается к тому же гротескно-сатирическому жанру, в котором был исполнен «Трубный глас...» Бауэра. Его «христианская героическая поэма в четырех песнях» под названием «Библии чудесное избавление от дерзкого покушения...» не просто подражание, но образец упомянутого жанра.

Первое время юного Энгельса привлекала бесшабашная жизнь «Свободных» и еще больше — их бесконечные споры по философско-религиозным и политическим вопросам. Споры эти помогали ему восполнять пробелы в образовании, зажигали беспокойную мысль и побуждали более четко определить собственную позицию. Но была одна черта, резко выделявшая его среди остальных членов кружка,— стремление не оставаться в рамках общефи-

лософских рассуждений, а непременно доводить свои взгляды до конкретных выводов и предпринимать затем практические шаги для их осуществления.

Уже во второй половине 1841 г. политические воззрения Энгельса характеризовались отчетливо выраженной революционно-демократической тенденцией и потому с самого начала превосходили политические умонастроения «Свободных». Дальнейшее развитие общефилософских взглядов Энгельса сделало эту тенденцию доминирующей, что и обусловило шаткость и недолговременность его союза со «Свободными».

Сходство позиций

Характерно, что в середине 1842 г. Энгельс «принял решение на некоторое время совершенно отказаться от литературной деятельности и вместо этого побольше учиться. Причины этого решения очевидны,— сообщал он в письме к Руге.— Я молод и самоучка в философии. У меня достаточно знаний для того, чтобы составить себе определенное убеждение и, в случае надобности, отстаивать его, но недостаточно, чтобы делать это действительно с успехом» (11, с. 365—366).

Уже это решение шло вразрез с умонастроением «Свободных» и совпадало с требованием Маркса: поменьше самодовольства и побольше знания дела. Главное же — сходство взглядов Энгельса со взглядами Маркса в постановке и решении важнейших философских и политических вопросов. Так, в статье «Фридрих-Вильгельм IV, король прусский» Энгельс указывает, что ход истории уничтожил права старых феодальных сословий в Германии, а король, вопреки этому историческому процессу, пытается реставрировать остатки средневековья. «Майоратное дворянство было взято им под свое покровительство и усилено новыми пожалованиями дворянского звания под условием учреждения майората... поощрялось обособ-

ление корпораций, замкнутость отдельных ремесел и приближение их к цеховому строю и т. д.» Существеннейший момент точки зрения короля составляет «раздробление государственных сил вплоть до полного распада государства» (1, с. 492). Это написано Энгельсом не позднее середины ноября 1842 г., а опубликовано в июле 1843 г. С другой стороны, в ноябре — декабре 1842 г. Маркс также предполагал посвятить критике майората специальную статью (о дроблении землевладения), а в статье «О сословных комиссиях в Пруссии» требовал, как уже отмечалось, исходить из реальных структурных единиц современной Германии (округа, сельские общины и т. д.) и не возвращаться к сословной структуре, которую жизнь давно лишила значения.

Сходны взгляды Маркса и Энгельса и по тактическим вопросам борьбы. «Общественное мнение Пруссии,— писал Энгельс,— все больше сосредоточивается на двух вопросах: на представительном строе и, особенно, на свободе печати. Как бы король ни повел себя, сначала у него вынудят свободу печати, а раз она будет добыта, за ней через год неизбежно должна будет последовать конституция» (1, с. 494). Такого же взгляда придерживался и Маркс, борясь против правых (за свободу печати) и против левого фразерства «Свободных» (за конституцию).

Первая встреча

Неизвестно, знал ли Маркс до ноября 1842 г., что за псевдонимом Фр. Освальд скрывается молодой купец, по имени Фридрих Энгельс. Последний же много слышал о «черном сыне Трира», и именно от Энгельса исходила инициатива их первой встречи.

Несмотря на фактическую общность взглядов, на их первую встречу наложило отпечаток различие, существовавшее тогда в их отношении к третьим лицам — Баузрам

и вообще «Свободным». «Когда в конце ноября проездом по пути в Англию я снова зашел в редакцию,— вспоминал впоследствии Энгельс,— то встретил там Маркса, и тогда состоялась наша первая, весьма холодная, встреча. Маркс тем временем выступил против Бауэров... Так как я состоял в переписке с Бауэрами, то слыл их союзником и из-за них относился в то время к Марксу подозрительно» (15, с. 391).

Впрочем, и тогда они уже нашли очень важный для обоих пункт сотрудничества: Ф. Энгельс стал корреспондентом «Рейнской газеты» в Англии, куда он направился по делам отцовской фирмы. Тематику корреспонденций составляли социально-политические проблемы Англии, в особенности положение английского рабочего класса и его партий. Освещение этих проблем велось преимущественно не с позиций стороннего наблюдателя, а изнутри, раскрывая перед немецким читателем собственно английскую точку зрения на английские проблемы.

Энгельс приступил к своим обязанностям корреспондента немедленно по прибытии в Англию: 29 ноября 1842 г. он написал первую корреспонденцию, которая называлась «Английская точка зрения на внутренние кризисы». Менее чем за месяц он отправил пять корреспонденций, и все они, по распоряжению Маркса, немедленно и фактически без изменений шли в очередной номер газеты, ибо это были теоретически содержательные, политически острые и в то же время конкретные, деловые материалы — словом, полная противоположность крикливым и пустым писаниям «Свободных».

Энгельс на пути к коммунизму и материализму

Содержание корреспонденций Энгельса в «Рейнскую газету» свидетельствует о его уверенности в надвигающейся революции в Англии и о том, что он приветствует ее как

благо. Эта его уверенность, опиравшаяся вначале на рассуждения о политической отсталости Англии от Франции и Германии, сразу же натолкнулась на уверенность большинства англичан в противоположном — в том, что «о какой-нибудь революции даже и речи быть не может» (1, с. 498).

Пытаясь разобраться в этой неожиданной для него позиции, Энгельс уже во второй корреспонденции констатирует, что англичане исходят из непосредственной практики, из материальных интересов. Борющиеся здесь партии, виги и тори, «не знают никакой борьбы принципов, знают только конфликты материальных интересов» (1, с. 499). Это не укладывается в голове младогегельянца, считающего, что подобные интересы не могут выступать в истории в качестве руководящих целей и всегда сами служат тому или иному принципу, направляющему ход исторического прогресса. Но взгляд молодого Энгельса был столь зорким, что даже сквозь идеалистические очки он сумел нащупать (хотя и с оговоркой, что это-де свойственно только Англии!) реальную связь событий: «...революция неизбежна для Англии, но как во всем, что происходит в Англии, эта революция будет начата и проведена ради интересов, а не ради принципов; лишь из интересов могут развиться принципы, т. е. революция будет не политической, а социальной» (1, с. 503).

Столкнувшись с этой неожиданной для него ситуацией, Энгельс приступает к более детальному изучению борющихся сил и реального содержания их борьбы. В результате он направляет в «Рейнскую газету» статью «Положение рабочего класса в Англии», где дает краткую, но яркую характеристику социальной базы чартистов. Здесь уже речь идет не об абстрактных принципах, а о том, сколько зарабатывают и как питаются рабочие в разных отраслях промышленности и в разных районах Англии.

Корреспонденцией о хлебных законах заканчивается

сотрудничество Энгельса в «Рейнской газете». Столкнувшись с совершенно новыми проблемами, он обнаруживает свою неподготовленность к их решению и приступает к изучению произведений буржуазных экономистов, а также знакомится с широким кругом социалистической литературы *.

Война с правительством

Когда Энгельс приступил к непосредственному изучению социально-экономических отношений в Англии, ту же работу начал и Маркс в Германии, главным образом на примере условий жизни сельской бедноты Рейнской провинции. Прусские порядки делали, однако, для Маркса решение задачи несравненно более трудным.

Прошел месяц после той ноябрьской схватки с правительством, когда Марксу удалось вывести «Рейнскую газету» из-под угрозы запрещения. Все это время главный редактор, как опытный лоцман, осторожно вел редакционный корабль через лабиринт цензурных ограничений. Своей гибкой тактикой он сумел усыпить бдительность не только нового цензора, Витауса, но и непосредственно следивших за газетой чиновников в правительстве. 22 декабря министры по делам цензуры докладывали королю, что «по сравнению с предыдущим периодом тон газеты, несомненно, стал значительно спокойнее и что общество пайщиков начинает показывать, что оно не противится желаниям правительства следовать иным, чем до сих пор, путем» (цит. по 75, с. 351). Эта тактика позволила Марксу собрать силы для решающего сражения.

---

* Более подробно о жизни и деятельности молодого Энгельса см.: *М. В. Серебряков*. Фридрих Энгельс в молодости (104); *О. Корню*. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность, т. 1 и 2 (75 и 76); *С. Продев*. Весна гения (Опыт литературного портрета) (101); *Х. Ульрих*. Молодой Энгельс, т. 1 и 2 (161).

Мрачные предзнаменования

На исходе 1842 г. немецкие правительства совместно начали активное наступление на либеральную печать: 18 декабря был запрещен журнал «Патриот», издававшийся Булем; 28 декабря за опубликование письма Гервега, в котором прусский король обвинялся в нарушении честного слова, правительство запретило во всех прусских провинциях «Лейпцигскую всеобщую газету», издававшуюся в Саксонии (там она продолжала выходить до 1 апреля 1843 г.); 3 января 1843 г. саксонское правительство запретило «Немецкий ежегодник».

Комментируя запрещение «Лейпцигской всеобщей газеты», Маркс писал, что немецкая пресса вступает в новый год при мрачных предзнаменованиях. Репрессии против лейпцигской либеральной газеты есть наступление против всей молодой народной прессы, а осуждение этой прессы «мы должны расценивать как осуждение политического духа народа» (1, с. 167).

Только борьба!

Каким же должен быть ответ свободной прессы и ее сторонников? Может быть, сделать вид, что ничего не произошло? Или начать действовать более осторожно, дабы смягчить рассерженных властителей? Некоторое время назад, когда свободная пресса только рождалась, подобная тактика была хороша, тогда преждевременная неуступчивость могла бы оказаться для нее роковой. Теперь же народная пресса стала действительной. Ее голос окреп и слышен далеко. Поэтому именно теперь правительство начало настоящую борьбу против нее, а «борьба против какого-либо явления есть *первая форма* его признания, его действительности и его силы», и ответом может быть тоже только борьба: «только борьба может убедить как правительство, так и народ — и даже самое прессу — в том,

что пресса имеет действительное и необходимое право на существование» (1, с. 167).

Итак, только борьба, другого пути нет теперь для немецкой свободной прессы. И «Рейнская газета» возглавила эту борьбу. Она вновь показала образец тактики: не дать противнику застать врасплох, не позволять правительству расправляться с прессой по скандальным, но по существу не очень значительным поводам, а навязывать ему обсуждение коренных проблем, имеющих жизненно важное значение для возможно более широких слоев населения. Доказать правительству свою силу народная пресса может, только убедив народ в том, что она действительно защищает его интересы. Победить она может, только подняв на борьбу весь народ.

Маркс предает гласности бедствия мозельских крестьян

Начав контрнаступление, Маркс блестяще навязал правительству поле боя: решающее сражение развернулось вокруг оценки положения виноделов Мозельской долины, причин их бедственного состояния и путей выхода из него.

Долина реки Мозель, расположенная в Рейнской провинции, славится своими виноградниками, плоды которых дают дивные сорта мозельвейна. Контрастом столь щедрым дарам природы была невыносимо тяжелая жизнь мозельских виноделов. С принятием в 1834 г. таможенного закона, снявшего запрет на ввоз вин из других государств, цена на виноградную лозу резко упала. Частыми стали аукционы, на которых продавалось за долги имущество разорившихся виноделов. Правительство же продолжало исправно собирать налоги и пресекало жалобы на сложившееся положение. Бедствия мозельских крестьян оставались вне внимания общественности.

Не убоявшись монаршего гнева, Маркс первый предал эти факты гласности и подверг сокрушающей критике

всю систему управления. 12 и 14 декабря он поместил две статьи мозельского корреспондента газеты Кобленца, написанные в резком тоне, рассчитанном на то, чтобы привлечь наконец внимание к бедственному положению мозельских крестьян: «Разве у бедного винодела, измученного самыми различными тяготами, нет права открыто назвать то основное зло, которое приводит его к крайней нищете? Разве у него нет права потребовать, чтоб его избавили от вампиров, уже давно сосущих кровь из его груди, и прикончили бы их?.. В бедственном *положении виноделов* долго *сомневались* в высоких сферах, и их крик о помощи считался наглым визгом». Это было прямым обвинением правительства.

Два рескрипта обер-президента

В ответ на эти статьи обер-президент провинции фон Шапер обратился в газету с двумя рескриптами. Он отверг утверждение, что крик виноделов о помощи считался в высоких сферах наглым визгом, и требовал указать те случаи, когда власти препятствовали публичному обсуждению тяжелого положения жителей примозельского края. Далее он предложил газете открыто описать «главное зло, доводящее виноделов до крайней нищеты», а также определенно назвать «вампиров, сосущих кровь из их груди, чтобы... можно было начать их преследовать», и по возможности «предложить подходящее средство для устранения бедственного положения виноделов» (цит. по 75, с. 353). Наконец, Шапер требовал назвать ту общину, члены которой, как пишет корреспондент, владеющие прекраснейшими лесными участками, практически не имеют возможности пользоваться лесом для своих нужд.

18 декабря «Рейнская газета» опубликовала эти рескрипты обер-президента, поручив автору статей, Кобленцу, подготовить ответ. Поскольку Кобленц не справился с этой задачей, за дело взялся сам Маркс.

Революционный замысел «Оправдания...»

Серия статей «Оправдание мозельского корреспондента» была написана между 1 и 20 января 1843 г., а ее общий замысел сложился у Маркса в конце декабря 1842 г.— начале января 1843 г., т. е. именно в тот момент, когда стала ясна необходимость открытой войны с правительством. Поэтому ответ Шаперу не мог состоять теперь просто в том, чтобы убедительно и достойно возразить по всем пунктам обвинений, как это было в ноябре. Теперь задача была принципиально иной: *превратить полемику с оберпрезидентом во всенародное обсуждение основ прусского государства.* Уже сама попытка путем всестороннего анализа бедствий мозельских виноделов раскрыть антинародный характер прусского политического строя, независимо от исхода этой попытки, составляет выдающуюся заслугу редакции «Рейнской газеты» перед немецким народом.

Ответ Шаперу был лишь поводом, позволявшим изложить обвинение против государства в форме оправдания мозельского корреспондента. Эта форма обусловила и структуру статьи — перечень ее разделов соответствует основным пунктам обвинений Шапера: 1) распределение лесного материала в сельских общинах; 2) препятствия свободному обсуждению в печати положения мозельских крестьян; 3) язвы примозельского края: непосредственное описание самой нужды крестьян, а также история сложившегося положения, в том числе порочная политика правительства как причина бедствий крестьян; 4) вампиры примозельского края (здесь речь должна была пойти о крупных собственниках — владельцах огромных виноградников и оптовых торговцах виноградной лозой, нещадно эксплуатировавших мелких виноградарей); 5) предложения, касающиеся мер к облегчению положения.

Опыт конкретного социального исследования

Осуществление этого замысла требовало кропотливой работы по сбору и изучению разнообразных конкретных данных. 3 января 1843 г. в «Рейнской газете» появилось сообщение, что ответ обер-президенту задерживается «из-за необходимости многих дополнительных расследований» (16, с. 292).

Поскольку готовился ответ официальному представителю власти, основное внимание было уделено сбору *официальных документов*. В их числе были: указы, инструкции и прочие распоряжения правительства и местных государственных органов; отчет о переговорах между министерством финансов, правительственной властью Трирского округа и правлением Общества по развитию культуры виноделия в Мозельском и Саарском районах Трирского округа; протокол совещания одного из общинных органов; коллективные и индивидуальные ходатайства бедноты о смягчении ее тягот и ответы властей на эти ходатайства; сведения из текущей и научной печати.

Для подтверждения официальных данных редакция использовала «различные, разъясняющие друг друга письма» (1, с. 189), т. е. к исследованию вопроса были привлечены и *личные документы*.

Наряду с этим были получены *данные опроса* значительного числа лиц: свидетельства о беседах высокопоставленных представителей администрации с местными чиновниками и о столкновениях чиновников с крестьянами.

Впоследствии обер-президент Шапер так излагал свои впечатления от третьего раздела Марксова «Оправдания...»: «Когда автор прислал, наконец, в цензуру статью под названием «Недуги Мозельской провинции», то оказалось, что он исколесил предварительно бо́льшую часть Мозельской долины, собирая данные о происшедших в ней, давно уже разобранных и забытых конфликтах между

чиновниками и обывателями, с целью извлечь теперь все эти факты на свет божий и преподнести их в качестве примеров угнетения жителей Мозельской долины» (цит. по 113, с. 42).

Эта статья Маркса была запрещена к опубликованию в «Рейнской газете», но начало ее сохранилось: оно оказалось у сотрудника газеты К. Гейнцена, который и опубликовал его в брошюре «Прусская бюрократия», вышедшей в конце 1844 г. «Мы начнем прежде всего с фактов,— писал Маркс,— ...которые не только характеризуют внутреннее хозяйство общины, но интересны с точки зрения того способа, каким правительство осмысливает свое место в отношении подчиненных ему чиновников и властей» (25, с. 324). Далее Маркс последовательно описывает факты бездушного отношения чиновников к заболеваниям мозельских крестьян холерой и др., в том числе десятилетней давности (там же, с. 324—327).

По свидетельству Ф. Энгельса, К. Маркс «ни в коем случае не мог лично собирать такого рода материал» (15, с. 392). Тем не менее он был автором самой идеи их сбора. Говоря современным языком, он осуществил конкретно-социальное исследование.

Изучение фактов означало теперь для Маркса не просто использование их в качестве иллюстративного материала, а дальнейшее развитие самого метода исследования. Маркс подчеркивает: «...мы хотим строить все наше изложение на одних *фактах* и стараемся только, по мере сил, выразить эти факты в обобщенной форме...» (1, с. 199).

Конкретный экономический, политический и правовой материал глубоко и органично пронизывает все Марксово исследование положения мозельских крестьян, а материалистические элементы, накапливавшиеся в воззрениях Маркса в течение 1842 г., основательно подрывают прежние его идеалистические построения.

Движение Маркса к материализму выражается прежде всего в понимании им объективного характера общественных отношений. «При исследовании явлений *государственной* жизни,— писал он,— слишком легко поддаются искушению упускать из виду *объективную природу отношений* и все объяснять *волей* действующих лиц. Существуют, однако, *отношения,* которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания. Став с самого начала на эту объективную точку зрения, мы не будем искать добрую или злую волю попеременно то на одной, то на другой стороне, а будем видеть действия объективных отношений там, где на первый взгляд кажется, что действуют только лица» (1, с. 192—193).

Этот методологический принцип — важная веха на пути философского развития Маркса. Правда, само по себе требование исходить из объективной природы отношений еще не выводит за рамки идеализма. Но Маркс фактически уделяет в «Оправдании...» основное внимание отношениям, *материальным* по своей природе, хотя еще и не выделяет их как таковые и тем более не ставит вопрос об определяющей роли именно производственных отношений. Он фиксирует три ряда объективных, с его точки зрения, отношений: отношения между сферой частных интересов и государством (сферой всеобщего интереса); отношения внутри «организма управления»; состояние печати и общественного мнения. Остановимся подробнее на каждом из этих типов отношений.

Бедственное положение примозельского края Маркс рассматривает как *сложное* состояние, в котором «необходимо различать по меньшей мере *две* стороны: сторону частную и сторону государственную,— ибо так же, как нельзя мыслить примозельский край вне государства, нельзя себе представить его бедственное положение вне

условий государственного управления. *Взаимоотношение* этих двух сторон и образует *действительное* положение примозельского края» (1, с. 193).

Государство и сфера частных интересов

Одну из сторон этого взаимоотношения (отношение сферы частных интересов *к государству*) Маркс проследил уже в прежних статьях и пришел к выводу, что интерес частной собственности стремится подчинить себе государство. Но теперь Маркс столкнулся с бедствием, которое превращается из бедствия частных лиц в государственное бедствие. И он обращает основное внимание на другую сторону отношения — на отношение *государства* к сфере частных интересов.

Это отношение Маркс рассматривает на документально зафиксированном примере: в ответ на жалобы мозельских виноделов правительство Трирского округа поручило одному из своих чиновников разобраться в существе этих жалоб. Чиновник пришел к выводу, что положение вовсе не так плохо, а если в последнее время оно несколько и ухудшилось, то в этом-де виноваты сами жалующиеся. Однако цифры свидетельствуют, что в действительности дело обстояло совершенно иначе. Оказывается, не частное лицо, а государственный чиновник извратил действительность. Источник этого извращения коренится, с точки зрения Маркса, в отношениях *внутри* государственного аппарата («организма управления»).

Законы бюрократической иерархии

Маркс отмечает, что отношения в сфере прусского государственного аппарата есть отношения бюрократической иерархии. Ее основной принцип, как и всякого иерархического организма,— разделение на четко очерченные груп-

пы лиц, каждая из которых занимает строго определенное место в иерархической пирамиде, подчиняется вышестоящим группам и, в свою очередь, требует неукоснительного подчинения от более низко расположенных групп. Любой чиновник, получив назначение, становится членом группы, принципы деятельности которой уже до него определены сверху. Он не может изменять эти принципы, а должен лишь применять их, изменяя, если этого требуют сами принципы, только объекты управления.

Таковы внутренние законы бюрократической иерархии, прочными узами связывающие в единое целое все элементы бюрократического механизма. Эти законы дополняются оправдывающей их *теорией*, «согласно которой граждане государства делятся на две категории — на категорию активных, сознательных граждан, которые управляют, и пассивных, несознательных граждан, которыми управляют...» (1, с. 202). Важным элементом этой теории является взгляд, будто начальство все и всегда лучше знает. «Правители-де могут лучше всех оценить, в какой мере та или иная опасность угрожает государственному благу, и за ними следует заранее признать более глубокое понимание взаимоотношений целого и его частей, чем то, какое присуще самим частям» (1, с. 206).

Это, в сущности, соответствует гегелевской философии права. Именно Гегель считал, что народ — это та часть членов государства, *«которая не знает, чего она хочет»*. Только «высшие государственные чиновники необходимо обладают более глубоким и обширным пониманием природы учреждений и потребностей государства» (62, с. 324). Таким образом, Маркс обнаруживает здесь социальные корни гегелевской философии права как философии прусской бюрократии.

Окруженные ореолом теоретической святости, законы бюрократической иерархии являются той реальной основой, которая определяет враждебное отношение чиновни-

ков к управляемому организму, т. е. к населению вне бюрократического аппарата.

Получая жалобу на неблагополучие в управляемой им области, уже в силу своего положения в системе государственного управления чиновник не может усомниться в общих принципах этого управления и потому должен предположить, что его *лично* обвиняют в плохом управлении. Но он справедливо уверен в своей добросовестности (чтобы легче разобраться в существе дела, Маркс всюду предполагает добросовестное отношение чиновников к своим обязанностям) и потому может лишь заподозрить в недобросовестности самого жалобщика. Чем добросовестнее чиновник, тем больше он должен сомневаться в добросовестности жалобщиков. Приводимые Марксом факты показывают, что чиновник действительно выступает по отношению к жалобщикам «как *враждебная сторона*... Вместо того чтобы использовать сообщаемый ими материал, он старается его опровергнуть» (1, с. 199).

Неудовлетворенный жалобщик может обратиться в высшую инстанцию. Однако и высшие административные власти непоколебимо уверены в правильности общих принципов, а своим чиновникам доверяют больше, чем управляемым ими лицам. Высшая инстанция имеет, кроме того, свои традиции в оценке состояния того или иного края, и уже сложившаяся в соответствии с этой традицией оценка заслоняет перед чиновником действительную картину состояния дел. Авторитет этой бюрократической действительности столь высок, что даже истинная, ясная как день действительность кажется чиновнику иллюзорной по сравнению с той, которая засвидетельствована в официальном порядке.

В итоге с неизбежностью, независимо от добрых намерений тех или иных лиц, отношение отдельных чиновников и всего бюрократического аппарата к населению характеризуется тем, что «он, с одной стороны, будет находить положение далеко не таким бедственным, а с другой

стороны, если он даже и находит его бедственным, то будет искать причины этого *вне* сферы управления,— отчасти в явлениях природы, не зависящих от человеческой воли, отчасти в условиях частной жизни, не зависящих от администрации, отчасти в случайностях, ни от кого не зависящих» (1, с. 202).

Революционный вывод

Население, однако, никак не может удовлетвориться такого рода управлением. (Под населением Маркс имеет в виду не бездельников или мотов, а людей трудолюбивых, бережливых и т. п., т. е. делает в отношении частных лиц точно такое же предположение, как и в отношении чиновников.) Видя, что действительное состояние находится в противоречии с той картиной его, которая складывается в бюрократических канцеляриях, и что их доводы постоянно игнорируются чиновниками, частные лица, в свою очередь, начинают подозревать, что чиновники действуют предвзято, во что бы то ни стало отрицают любое неблагополучие, дабы не нести ответственность за него.

На этой почве развивается острейший *конфликт между правителями и населением:* «...если чиновник бросает частным лицам упрек в том, что они свои частные дела возводят до уровня государственного интереса, то частные лица бросают чиновнику упрек, что он государственный интерес низводит до уровня своего личного дела, так что все прочие смертные оказываются устраненными от участия в государственной жизни» (1, с. 200).

Разделяя отстаиваемую самими чиновниками теорию, будто начальство все знает и все может, частные лица требуют, чтобы чиновники на деле доказывали это свое всезнание и всемогущество, облегчив населению тяготы жизни. А этого сделать чиновники не могут.

Таким образом, *«бедственное положение примозельского края* является одновременно и *бедственным положе-*

нием управления» (1, с. 205). Этот вывод — наиболее революционный из всех, которые были до сих пор публично сделаны молодым Марксом. Ровно год потребовался на его подготовку.

Критикуя цензурную инструкцию, Маркс впервые высказал мысль, что надо менять не лица, а учреждения, имея в виду институт цензуры. Затем Маркс доказал несостоятельность ландтагов и сословных комиссий. И вот теперь — обобщающее заключение о бедственном положении всей системы управления.

Маркс использовал многочисленные факты, чтобы «раскрыть в *воле* действующих личностей мощное влияние общих *отношений»* (1, с. 212) и рассказать в подцензурной газете своим читателям, что причина их бедствий не жестокосердие отдельных чиновников или отдельных органов власти, а проявление жестокости всей системы современных отношений. Именно эти отношения суть те всеобщие и невидимые глазу силы, которые принуждают отдельных чиновников или органы власти к произвольным на первый взгляд актам жестокости. Поэтому надо бороться не против отдельных чиновников или отдельных органов власти, а *против всей системы существующих общественных отношений.*

Пресса и ее законы

Маркс полагает, что устранить конфликт между прусским государством и большинством населения мозельского края можно с помощью «третьего элемента», который был бы политическим, не будучи официальным, и был бы гражданским, не будучи связан с частными интересами. «Этим дополнительным элементом, с *головой гражданина государства* и с *гражданским сердцем,* и является *свободная печать.* В области печати правители и управляемые имеют одинаковую возможность взаимно критиковать свои принципы и требования, но не в рамках отношений субординации, а на равных правах, как *граждане государства* — уже

не как *индивидуальные личности*, а как *интеллектуальные силы*, как выразители разумных воззрений» (1, с. 206).

Каким же образом пресса может осуществлять эту свою социальную функцию?

За ответом мы обратимся не только к «Оправданию мозельского корреспондента», но и к непосредственно предшествовавшей ему полемике Маркса в связи с запрещением «Лейпцигской всеобщей газеты». В ходе этой полемики Маркс сформулировал необходимое условие для решения этой задачи: «...чтобы пресса могла выполнить свое назначение, необходимо прежде всего ничего не предписывать ей извне, необходимо признать за ней то, что́ мы признаем даже за растением, а именно: признать, что она имеет свои *внутренние законы*, которых она не может и не должна по произволу лишаться» (1, с. 169).

Поскольку пресса есть выражение народного духа, который обладает сложной структурой (он включает научное и обыденное сознание, теоретические мысли и эмпирические факты и т. д.), постольку и пресса есть сложное целое. Внутри нее необходимо должно существовать определенное *разделение труда* между различными ее органами: каждая газета должна выявить свои особенности, свой круг проблем и подход к их освещению, свой круг читателей. В одной из них (например, в «Рейнской газете») могут преобладать интересы политической науки, в другой (например, в «Лейпцигской всеобщей газете») — интересы политической практики; в одной преобладает интерес к новым мыслям, в другой — к новым фактам и т. д. «Только при том условии, что элементы народной прессы получают возможность беспрепятственного, самостоятельного и *одностороннего* развития и обособляются в отдельные органы,— только при этом условии может образоваться действительно *«хорошая»* народная пресса, т. е. такая народная пресса, которая гармонически соединяет в себе все *истинные* моменты *народного духа*. Тогда в каждой газете всецело будет воплощен истинный нравственный

дух, как в каждом лепестке розы воплощается ее аромат и ее душа» (1, с. 168—169).

Разделение труда необходимо также и между различными корреспондентами. Корреспондент — частица многосложного организма прессы, в котором он свободно избирает себе определенную функцию. Один, скажем, предпочтет изобразить свое впечатление о бедственном положении виноделов, почерпнув сведения из непосредственного общения с ними. Другой займется историей создавшегося положения. Третий захочет рассмотреть средства, необходимые для уничтожения этого положения, имея при этом право подойти к вопросу либо в местном масштабе, либо в масштабе государства в целом.

Это своеобразие вытекает не из сугубо индивидуальных различий (таких, как сила таланта, особенности стиля, языка и пр.), которые, конечно, всегда имеются, а из таких различий между корреспондентами, в которых выражаются различные стороны общественного мнения по обсуждаемому предмету. Поэтому Маркс высказывает убеждение, что из самой сущности газетной прессы вытекает *анонимность,* которая как раз и превращает газету «из сборного пункта многих индивидуальных мнений в орган *единого разума»* (1, с. 189). Анонимность способствует большей свободе и беспристрастию не только автора, но и публики. Свободная от влияния имени автора, его положения в обществе, авторитета и пр., публика сосредоточивает внимание не на том, *кто* говорит, а на том *деле,* о котором говорится.

И в самих статьях предпочтительно не называть имен чиновников и частных лиц, потому что печать должна раскрывать общее положение дел, а не доносить на отдельных лиц. Разумеется, возможны отступления от этого принципа, когда иначе нельзя предотвратить то или иное общественное зло или когда во всей жизни общества господствует гласность и понятие доноса потеряло свой специфический смысл.

В результате всего этого в «живом движении печати раскрывается *вся правда в целом*. Сперва это целое выступает перед нами только в виде различных, одновременно развивающихся взглядов, выдвигающих — то намеренно, то случайно — какую-либо одну сторону явлений. Но, в конечном счете, пресса этой своей работой только подготовила для одного из своих участников тот материал, из которого он создает *единое* целое. Так пресса, шаг за шагом, посредством разделения труда, выясняет всю правду,— не тем путем, что кто-либо один делает все, а тем, что каждый из этого множества людей делает какое-либо одно небольшое дело» (1, с. 188).

В противоположность законам бюрократической иерархии, внутренние законы свободной прессы демократичны по самой своей сути. Поэтому на их основе в сфере прессы совершается творческий процесс, в результате которого общественное мнение обогащается новым, более глубоким и целостным пониманием того или иного предмета. «В той же мере, в какой «свободная печать» является продуктом общественного мнения, она также и создает это общественное мнение» (1, с. 206).

Она воздействует как на разум народа, так и на его чувства. Поэтому она говорит не только спокойным языком теоретической критики, но и полным страсти языком самой жизни. Суровый голос народной нужды не искажается в свободной прессе законами бюрократической иерархии, но мощно доносится до всех в своей непосредственной форме, принуждающей внимать ему.

«Внешние оковы для свободы печати»

Однако в условиях прусского государства печать испытывает сильное воздействие со стороны законов бюрократической иерархии. Основным проводником этого воздействия является цензура.

В отличие от прежних своих статей, Маркс уделяет здесь внимание воздействию цензуры не только на центральную и вообще «большую», но и на местную печать, которая находится в особо тяжелом положении. Дело в том, что начальники округов, ландраты, выполняют функции цензоров в главных городах своих округов. Это похвальное стремление администрации сэкономить на цензорах местной печати оборачивается для последней подлинным бедствием. Цензор, даже самый придирчивый, был бы все же гораздо лучше для местной газеты, ибо он назначается не местными властями и потому более беспристрастно смотрит на освещение в газете местных событий. Когда же в роли цензора выступает ландрат, административная деятельность которого, как и деятельность всех подчиненных ему органов, как раз и является главнейшим объектом местной печати, он оказывается судьей в собственном деле. Отсюда ясно, что «самый факт существования *ландратов-цензоров* есть достаточное основание для того, чтобы не существовало свободной местной печати» (1, с. 213).

Что касается общей роли цензуры, то Маркс характеризует ее следующим образом: «...цензура, проявляя чрезвычайную мнительность, стала *внешними* оковами для свободы печати; рука об руку с этим шло усиление *внутренней* скованности печати, утратившей мужество и даже отказавшейся от стремления подняться над уровнем сенсаций; наконец, в самом народе были утрачены *интерес к отечественным делам* и *национальное чувство,* т. е. те именно элементы, которые являются не только творческими силами печати, высказывающей откровенно и публично свое мнение, но и единственными предпосылками, при которых такая печать может развернуть свою деятельность и заслужить признание народа; это признание составляет жизненную атмосферу печати, без которой она обречена на полное захирение» (1, с. 209).

Сковав печать, цензура задушила суровый голос народ-

ной нужды. Нужда от этого не исчезла, но превратилась в грандиозное бедствие, из которого ни правительство, ни народ не видят теперь выхода. Следовательно, социальная функция цензуры — наносить ущерб интересам народа, а в конечном счете и самого правительства.

Маркс сломил цензуру

Удивительно, что такие страстные слова обличения, направленные в адрес цензуры и самого правительства, Маркс сумел опубликовать не в нелегальном издании, рассчитанном на узкий круг революционеров, а в подцензурной ежедневной газете, имевшей к тому времени тысячи читателей. Как это стало возможно?

Первым цензором, с которым Марксу пришлось иметь дело как главному редактору газеты, был советник полиции Доллешаль. Он совершенно не мог противостоять интеллекту Маркса и постоянно вынужден был уступать ему в спорах по поводу тех или иных мест, которые он намеревался было вычеркнуть. Уже через месяц, 16 ноября 1842 г., обер-президент Шапер докладывал министрам по делам цензуры: «Доллешаль в последнее время столько раз продемонстрировал свою неспособность в качестве цензора возглавлять газету столь пагубной тенденции, каковой является «Рейнская газета», что я вынужден настоятельно желать скорейшей замены его более способным преемником» (цит. по 75, с. 352). Таковым с 1 декабря стал асессор Витаус. Это был образованный человек, несомненно более способный, нежели прежний цензор. Но вскоре Марксу удалось так «перевоспитать» Витауса, что тот пропустил сначала статьи мозельского корреспондента, а затем и Марксовы статьи против запрещения «Лейпцигской всеобщей газеты».

На этот раз уже сами министры первыми забили тревогу. 13 января министр по делам цензуры пишет Шаперу: «Запрещение «Лейпцигской всеобщей газеты» непрерывно

обсуждается «Рейнской газетой» в тоне, который не только противоречит изданному нами постановлению от 29 прошлого месяца, но и, говоря в общем, не вдаваясь в специальные определения, свидетельствует о бестактности нового цензора, чего мы от него никак не ожидали» (цит. по 75, с. 358).

Следующее упущение Витауса по службе — разрешение к публикации «Оправдания мозельского корреспондента» — составляло, объективно говоря, не вину цензора, а беду, ибо не мог же он запретить газете начать публикацию ответа обер-президенту — ответа, которого Шапер давно добивался. В том-то и состояла мудрость тактики Маркса, что он умел обращать против своих врагов ими же самими выдвинутые требования. Что же касается отдельных положений публиковавшихся статей, то Витаус вынужден был также отступать перед интеллектуальной мощью Маркса, как ранее отступал Доллешаль. В борьбе с Марксом в течение трех месяцев оказались побеждены два цензора подряд. С гордостью вспоминал Маркс впоследствии, что руководимая им газета «сломила силу прусской цензуры» (12, с. 419).

Королевский запрет

Но «Рейнская газета» была все же не столь сильной, чтобы сломить и силу прусского короля. 19 января состоялось заседание совета министров под председательством Фридриха-Вильгельма IV, на котором было принято постановление: закрыть «Рейнскую газету» с 31 марта.

21 января министры по делам цензуры издали специальный рескрипт, излагающий мотивы запрещения «Рейнской газеты». «В газете явно господствовало»,— говорится в рескрипте,— «постоянное намерение нападать на сами основы государственного строя, развивать теории, имеющие целью потрясение монархического принципа, злонамеренно вызывать в общественном мнении подозрения по

отношению к действиям правительства, восстанавливать друг против друга отдельные сословия народа, порождать недовольство существующим законным порядком, поощрять направления, весьма враждебно относящиеся к дружественным державам» * (цит. по 16, с. 295).

Скованный Прометей

Акт о запрещении газеты Маркс сразу же оценил как свидетельство официального признания ее действительной силы, но было горько сознавать, что невозможно дальше продолжать важное дело. «Меня все это не удивило,— писал Маркс Руге 25 января.— Вы знаете, каково с самого начала было мое мнение относительно цензурной инструкции. Я вижу в этом только последовательность; в закрытии «Rheinische Zeitung» я вижу некоторый *прогресс* политического сознания и потому я оставляю это дело. К тому же я стал задыхаться в этой атмосфере. Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, покоряться, считаться с каждой мелочной придиркой. Словом, правительство вернуло мне свободу» (11, с. 372).

Свое решение оставить дело Маркс осуществил не сразу. Он считал себя обязанным непосредственно участвовать в борьбе за отмену запрещения газеты и еще почти два месяца продолжал возглавлять ее.

Все это время Маркс был поистине в положении скованного Прометея. Правительство не только определило газете срок ее смерти, но и на оставшееся до казни время поставило ее в условия, исключительные даже для такого

* Этот «иностранный мотив» возник в связи с тем, что 4 января в «Рейнской газете» была опубликована статья, направленная против попыток вмешательства русского царизма в немецкие дела и вызвавшая протест со стороны царского правительства.

полицейского государства, каким была Пруссия. Как Прометей, похитивший у богов огонь и давший его людям, был прикован за это разгневанным Зевсом к скале, так и «Рейнская газета», возвысившая свой голос в защиту политически и социально обездоленных масс, была поставлена прусским королем под двойное ярмо цензуры. Цензор Витаус был заменен молодым берлинским чиновником Сен-Полем, который и сам крайне рьяно выполнял свои обязанности, а после него в качестве дополнительного цензора газету смотрел правительственный президент Кёльна фон Герлах. В итоге редакция была лишена возможности проводить в газете принципиальную политическую линию. Скованная по рукам и ногам, она мужественно пыталась продолжать борьбу *вне газетных полос*. Можно было, например, подготовить сокрушающий ответ на министерский рескрипт, подобно тому как это было сделано в ноябре 1842 г. Как видно из пометок Маркса на полях данного рескрипта, он и на этот раз мог разбить аргументы министров против «Рейнской газеты» и повернуть эти аргументы в ее же пользу. Так, например, отводя одно из обвинений, он писал:

«Упрек в желании вызвать «недовольство существующим законным порядком» — в такой неопределенной форме не может даже рассматриваться как упрек.

Правительство также пыталось вызвать недовольство существующим законным порядком,— например, недовольство старопрусскими законами о браке. Всякая реформа законодательства и его пересмотр, всякий прогресс основывается на подобном недовольстве.

Так как законное развитие невозможно без развития законов; так как развитие законов невозможно без критики законов; так как всякая критика законов вызывает у граждан разлад между умом — а следовательно, и сердцем — и существующими законами; так как этот разлад ощущается как недовольство,— то лояльное участие печати в развитии государства невозможно, если она лишена

права возбуждать недовольство существующим законным порядком» (16, с. 298).

Но в новых условиях нужно было уже не просто найти теоретические аргументы, а противопоставить акту правительства реальные политические акции возможно более широких слоев населения. В январе 1843 г. «Рейнская газета» имела в своем активе уже 3400 подписчиков, из них три четверти не были жителями Кёльна: она широко распространялась по всей Пруссии и даже за ее пределами. На действенное проявление этого влияния в первую очередь и рассчитывала редакция в борьбе за сохранение газеты. И действительно, ни одно запрещение органа печати не вызывало такой необычайно широкой для Пруссии волны протестов и петиций, как это случилось с запрещением «Рейнской газеты».

Через десять дней после принятия указа о ее запрещении, 30 января, в Кёльне состоялось собрание, на котором была принята петиция королю, содержавшая просьбу отменить этот указ. Петиция была тайно отпечатана и передавалась из рук в руки. Под ней было собрано около тысячи подписей, и 18 февраля она была отправлена в Берлин. Аналогичные петиции были посланы королю и из других городов и местечек Рейнской провинции: из Аахена, Бармена, Бернкастеля-Трарбаха, Везеля, Гютерслоу, Дюссельдорфа, Лёппена, Реда, Ронсдорфа, Трира. Всего около 2 тыс. рейнцев письменно заявили свой протест против запрещения газеты.

Петиции шли не только из городов, где они выражали преимущественно настроения радикальной интеллигенции, но и из сельских округов — это был голос деревенской бедноты. 52 бедных винодела Бернкастеля-Трарбаха и окрестностей (Мозельский край!) писали в своей петиции: «Распространяла ли «Рейнская газета» ложь и клеветала ли она на администрацию, мы не знаем. Но знаем, что о нашей области и о нашей нужде ею была сказана только правда и что эта правда должна была умолкнуть» (136, с. 144).

Они писали далее, что если газета сумела верно изложить существующее положение, то можно ожидать, что с равной проницательностью она предложила бы и меры устранения нужды, если бы ей не стали в этом препятствовать.

Показательно, что сельские богатеи заняли противоположную позицию. Опасаясь быть заподозренными в согласии с петицией 52 бедняков, 30 зажиточных виноделов Трарбаха послали контрпетицию. Они заявили, что не одобряют действия «Рейнской газеты», которая «стремится разрушить основные столпы христианского государства» (136, с. 145).

Под стать этому были и настроения рейнской городской буржуазии. Так, богатый купец Пейль писал: «Рейнская газета» «резко критиковала и осыпала насмешками существующее и пыталась подстрекать народ против государства и правительства» (132, с. 440) *.

Такая позиция крупной буржуазии города и села позволила правительству противопоставить одни петиции «населения» другим и фактически оставить без ответа все протесты, похоронив их в архивах министерства внутренних дел.

Многие акционеры газеты все еще питали иллюзию, будто дело поправимо, стоит лишь смягчить тон публикуемых материалов и обещать правительству впредь не допускать «крайностей». Поэтому действия Маркса как редактора оказывались скованными не только внешними силами, но и силами, непосредственно связанными с газетой. Категорически возражая против изменения принципов газеты и вместе с тем желая доказать ошибочность упомянутых иллюзий, Маркс решил принять на одного себя всю тяжесть ответственности за политику «Рейнской газеты».

* Многие из приведенных фактов борьбы вокруг запрещения «Рейнской газеты» собраны в книге «Письма и акты из истории политического движения 1830—1850 гг. в Рейнской провинции», изданной И. Хансеном еще в 1919 г. (см. 132). В советской литературе эти факты впервые систематически освещены в работе А. В. Лукашева (см. 84).

Л. Фейербах.

Ф. Энгельс. 1839 г.
С рисунка неизвестного художника.

Полицейское дело на «Рейнскую газету».

Ministerium der Geistlichen- Unterrichts- u. Medicinal-Angelegenheiten

Central-Büreau

Geheimes Staatsarchiv

Acta

betreffend:

Die Rheinische Zeitung

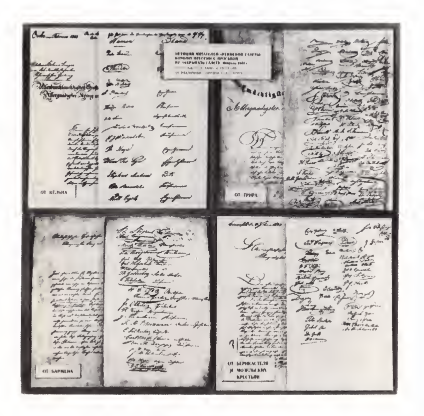
Rep 76 I

vom ~~Dezember~~ Octbr 1842.

Reponirt.
124 Ll.

XII Abtheilung № 19.

Петиции королю от жителей Кёльна, Трира, Бармена, Бернкастеля и Мозельской долины — читателей «Рейнской газеты» с протестом против ее запрещения.



До сих пор Маркс не опубликовал еще ни одной своей статьи под собственным именем, поэтому оно было известно лишь неширокому кругу радикально настроенных лиц. Даже правительство оставалось в неведении относительно подлинной роли Маркса в газете. Теперь Маркс предпринял шаги к тому, чтобы его роль в газете была раскрыта *публично*. Вначале он пытался возложить эту миссию на Карла Гейнцена (см. 133, с. 429), а затем побудил к этому редакцию «Маннгеймской вечерней газеты». 28 февраля 1843 г. она поместила заметку, указывающую на Маркса как на идейного вдохновителя всей крамолы «Рейнской газеты»: «Д-р *Маркс*, конечно, является тем редактором, который придал газете основной колорит... Еще до прихода в редакцию он стал известен статьями о шестом рейнском ландтаге — о «Свободе печати» и о «Краже леса». Читатели этих больших статей, разумеется, очень хорошо помнят острый, решительный ум, поистине удивительную диалектику, с которой автор словно въедается в пустые рассуждения депутатов и затем уничтожает их изнутри; не часто можно наблюдать сто́ль страстно-разрушительную виртуозность критического ума, никогда еще не демонстрировал он с таким блеском свою ненависть к так называемому позитивному, не заманивал его так искусно в свои сети, чтобы задушить в них... *Маркс* вел всю полемику против «Аугсбургской газеты» и против «Кёльнской газеты»; в этой полемике ярко обнаружилось все его полемическое искусство, его последовательность, его неизмеримое превосходство над заурядностью и самодовольством. В общем известно, что Маркс был в «Рейнской газете» полемистом par excellence (по преимуществу.— *Н. Л.*), и не без основания относят на его счет именно полемику, причем большую ее часть. По слухам, из-под его пера вышло и знаменитое «Оправдание мозельского корреспондента», которого добивался г-н фон Шапер и которое было прервано на полуслове, так как именно в это время была запрещена газета... Во всяком случае, в исполнении

этого «Оправдания...» (в той его части, которая стала известна публике) обнаружилось высокое превосходство духа и при всей энергии — известный дипломатический талант, который вывел дискуссию от фактов к общетеоретическим принципам и тем самым пролил столь ослепительный свет на обсуждаемые факты» (30, с. 152—153).

Для надежности Маркс обеспечил аналогичную информацию и по *тайным* правительственным каналам, использовав для этой цели... цензора Сен-Поля. Новый цензор после «нескольких исчерпывающих бесед» с Марксом сообщал правительственному советнику Биттеру: «Бесспорно, теоретическим центром газеты, животворным источником ее теорий является здесь д-р Маркс. Я познакомился с ним — он готов умереть за свои взгляды, ставшие его убеждениями» (30, с. 151).

Неделю спустя после этого сообщения, датированного 2 марта, Сен-Поль отправил еще одно, такое же.

Сосредоточив, таким образом, все внимание правительства на себе, Маркс затем демонстративно вышел из редакции. 18 марта в «Рейнской газете» было опубликовано следующее его «Заявление»: «Нижеподписавшийся заявляет, что с этого дня он в силу *существующих цензурных условий* вышел из состава редакции «Rheinische Zeitung». Кёльн, 17 марта 1843 г. ***Доктор Маркс»*** (1, с. 218). Тем самым Маркс пытался вывести из-под удара остальных сотрудников редакции, облегчив им борьбу за сохранение газеты.

В течение 19—29 марта это заявление Маркса было опубликовано еще в восьми немецких газетах: в Бармене, Гамбурге, Дюссельдорфе, Кёнигсберге, Лейпциге, Трире, Франкфурте (две газеты) (см. 28, с. 1124). Это один из показателей широкого влияния «Рейнской газеты» и ее главного редактора на общественное мнение Германии того времени.

Уже 17 марта Сен-Поль удовлетворенно сообщал Биттеру: «Сегодня обстановка совершенно иная. Идейный

руководитель всего предприятия, д-р Маркс, вчера окончательно вышел из состава редакции, его место занял Оппенгейм, весьма умеренный и, впрочем, заурядный человек... Я очень рад этому, так как сегодня газета не отняла у меня и четверти того времени, которое я затрачивал на нее прежде» (133, с. 490). В связи с уходом Маркса Сен-Поль предложил сохранить газету. «После того, как ушел д-р Маркс...— писал он по тому же адресу,— в Кёльне действительно не осталось ни одной личности, способной сохранить газету с ее прежним одиозным достоинством и энергично отстаивать ее направление» (30, с. 151).

Депутация пайщиков газеты обратилась к правительству с петицией, скрепленной тысячами подписей и содержавшей просьбу о сохранении газеты. Но правительство отказалось принять депутацию и оставило в силе свое решение, как это и предсказывал Маркс. Правительство оказалось на этот раз достаточно проницательным, чтобы понять, что, как ни бесспорна личная роль Маркса в определении содержания газеты, редакция под руководством Маркса уже превратилась в некоторый целостный орган, в котором сложились твердые принципы работы. Эти принципы, как и воспитанный Марксом штат корреспондентов, не могли исчезнуть в одну ночь.

Оставшись без Маркса, редакция «Рейнской газеты» доказала, что она верна традициям своего редактора. В последнем номере газеты, вышедшем 31 марта 1843 г., она обратилась к читателям с гордым прощальным словом:

ПРОЩАНИЕ *

Подняв свободы флаг, мы отплываем
в море.
За борт — бичи, и цепи, и ремни:
Матросы не нуждаются в надзоре,
Со знаньем дела действуют они.

* Перевод Э. Соловьева.

Пускай твердят, что мы судьбой играем,
Смеются и сулят стеченье бед!
Колумб сперва был тоже презираем —
Мостит презрение дорогу в Новый Свет.

На новом берегу ждут новые сраженья,
В них встретимся с друзьями по борьбе,
А если на пути нам суждено крушенье —
В крушеньи будем верными себе.

Глава 2

Через критику Гегеля — к научному мировоззрению

Первая половина 1843 г. была для немецких радикалов, в первую очередь для младогегельянцев, периодом мучительной переоценки ценностей. Крутой поворот прусского правительства к реакции, разгром свободной немецкой прессы вдребезги разбил недавние мечты о возможности осуществить с ее помощью идеалы разумного государственного строя. Так как эти мечты составляли к тому времени основное звено, связывавшее различные течения внутри младогегельянства, то вместе с их крушением распалось и все это философско-политическое движение. Кризис младогегельянства, назревавший с конца 1841 г., стал очевидным.

Уроки поражения

Самоизоляция «Свободных»

Внешне наиболее бурно реагировали на новую обстановку «Свободные». С великим удивлением они обнару-

жили, что их революционные фразы не оказали никакого действия на окружающий мир. Идеи их несли в себе, конечно, определенное прогрессивное содержание. Недаром и Маркс и Энгельс до недавнего времени действовали в союзе с ними. Но широкие слои населения не усваивали это содержание; общественное сознание развивалось по иным законам, нежели это представляли себе «Свободные». Оказалось, мало только отстаивать правильную идею, нужно еще знать, каким образом лучше внедрить ее в общественное сознание, сделать достоянием масс, нужно найти убедительные средства для ее аргументации. В сущности, именно на это и указывал Маркс «Свободным» в своей полемике с ними. Но они оказались не в состоянии понять это. Раз массы не воспринимают идеи философии самосознания, выработанные критически мыслящими личностями именно для масс, значит, рассуждали «Свободные», они исконные и наиболее опасные враги «духа». Так отреклись «Свободные» от собственного идейно-политического прошлого. Бауэр, например, подверг резкой критике точку зрения «Рейнской газеты», что пресса живет и умирает не для себя, а для народа. По его мнению, тем самым газета «высказала лишь свою *несамостоятельность* и свою *неспособность* руководить развитием общественных коллизий» (121, с. 171). «Самосознание критически мыслящей личности» — вот, по мнению Бауэра, та более высокая ориентация, которая не может унизиться до «существования только по милости народа».

Вместо того чтобы научно, объективно-критически разобраться в итогах поражения радикализма 1842 г., «Свободные» допустили ошибку в анализе итогов пройденного пути и проявили неустойчивость в своих жизненных установках: они целиком оказались во власти обиды на не поддержавшие их «массы». Под влиянием этой обиды они перечеркнули прежние идеалы служения народу и подняли новое знамя — знамя гордой в своем одиночестве

критической личности. Это радикальное отрицание массовых, объективных форм развития общественного сознания политически означало добровольный отказ от всякой действительной борьбы.

В самом поражении заключен прогресс

Извлекая уроки из поражения радикализма 1842 г., иные выводы сделал Маркс. Правда, и личный опыт его, связанный с этим историческим событием, был иным.

Как революционный демократ, он в ходе борьбы глубже понял ее законы и сумел повернуть «Рейнскую газету» от абстрактно-теоретических обвинений в адрес прусского государства к обвинениям по конкретным политическим, социальным и экономическим вопросам, имеющим жизненное значение для обездоленных масс. В результате газета обрела поддержку народа, которая оказалась недостаточной, чтобы сломить запрет короля, но достаточной для того, чтобы противостоять ему. В последнем факте Маркс с полным основанием увидел «некоторый *прогресс* политического сознания». И это доставляло известное удовлетворение результатами борьбы, хотя непосредственный финал ее был печален.

Как подвести баланс такому опыту, где радость смешалась с горечью?

Несомненно, для Маркса остается неколебимым жизненное устремление, сформулированное еще в школьном сочинении: трудиться для человечества. На каждом этапе своей жизни Маркс конкретизировал это устремление соответственно новым условиям, но никогда не изменял ему. Верность избранному идеалу давалась нелегкой ценой. Вот и теперь, в 1843 г., Марксу пришлось выдержать своеобразное искушение: через тайного ревизионного советника Эссера, друга умершего отца, прусское правительство предложило Марксу должность крупного чиновника с большим окладом.

С житейской точки зрения предложение было весьма соблазнительным: солидная должность и твердый оклад, очень нужный человеку, лишившемуся наследства и не имеющему никакой другой возможности зарабатывать на существование в пределах Пруссии, открывали Марксу дорогу к женитьбе, а любимая им Женни фон Вестфален смогла бы обрести наконец покой и семейное счастье. Но, верный своему идеалу, Маркс отклонил это предложение.

В поисках новых решений

Чтобы продолжать бороться за достижение своего идеала в новых, радикально изменившихся условиях, необходимо было столь же радикально изменить *средства борьбы*. В 1841 г., когда правительство лишило Маркса возможности пропагандировать свои взгляды с университетской кафедры, он обратился к прессе. Теперь, когда его лишили и этого, Маркс должен был найти такое новое средство, которое вообще поставило бы его вне зависимости от прусского правительства.

«В Германии я не могу больше ничего предпринять,— писал он Руге через три дня после запрещения «Рейнской газеты».— Здесь люди сами портятся... Я работаю над несколькими вещами, которые здесь, в Германии, не найдут ни цензора, ни издателя, ни вообще какой бы то ни было возможности существования» (11, с. 372—373). Те же мысли он высказывает два месяца спустя: «Я не могу ни писать под прусской цензурой, ни дышать прусским воздухом» (11, с. 375).

Лишенный легальных средств борьбы в Пруссии, Маркс принимает решение эмигрировать.

Какое же средство борьбы следует избрать в эмиграции? Можно было перенести за пределы Германии издание типа «Немецкого ежегодника». Казалось бы, возобновление прежнего издания должно принести удовлетворение участникам этого дела. Примерно так и рассуждал Руге,

предлагая Марксу быть одним из редакторов возрожденного журнала: «Мы должны только дать журналу другое название и действительно превратить его в издание вроде «Revue indèpendante» (30, с. 295). На это Маркс возразил: «Даже если бы выпуск «Deutsche Jahrbücher» снова был разрешен, то в лучшем случае мы бы добились слабой копии почившего журнала, а теперь этого уже недостаточно» (11, с. 373).

В изменившейся обстановке требовался существенно новый тип издания, и Маркс открывает его: не «Немецкий ежегодник» или что-то вроде него, а *«Немецко-французский ежегодник»* — «вот это было бы принципом, событием, чреватым последствиями, делом, которое может вызвать энтузиазм»,— писал он в середине марта (11, с. 373).

Сама по себе идея объединения прогрессивных сил Франции и Германии была в то время весьма распространенной и опиралась на следующий ход рассуждений: наиболее сильную сторону немецкого народа составляет мышление, теория; наиболее сильную сторону французского народа — действие, практика; поэтому объединение немцев с французами означает плодотворное, обогащающее обе нации объединение теории и практики. Исходя из этого, Фейербах, например, считал, что «подлинный философ, не оторванный *от жизни, от человека,* должен *быть галло-германской* породы» (107, с. 125). Но если Фейербах ограничился только этим абстрактным конструированием, то Маркс предложил нечто реальное — создание теоретического и политического органа революционеров двух наций, свободного от национальной ограниченности и потому способного оценивать события в каждой стране как бы извне, с более высокой позиции. После некоторых колебаний Руге принял предложение Маркса.

Сомнения в основах идеализма

Определить новое средство продолжения борьбы оказалось не самым трудным. Больше всего Маркса мучил вопрос о той *позитивной программе,* которую должен пропагандировать на своих страницах «Немецко-французский ежегодник». Может ли лежать в ее основе прежняя, в общем идеалистическая концепция? Пригодна ли она для развертывания массовой борьбы, тем более в масштабах двух стран, в одной из которых — Франции — сильны традиции материализма? И вообще, верна ли в принципе идеалистическая концепция мира?

До сих пор мы наблюдали стихийное, незаметное для самого Маркса нарастание материалистических элементов в его воззрениях. Размышления над итогами борьбы, закончившейся поражением, обусловили теперь уже сознательный переход Маркса к материализму. Этому переходу способствовали также «Предварительные тезисы к реформе философии» Фейербаха.

Антропологический материализм Фейербаха

Не случайно, что ни Бруно Бауэр, ни его единомышленники не стали политическими борцами. Бауэровская философия самосознания была слишком абстрактной, чтобы установить прочные контакты с действительностью; для реальной связи с жизнью ей недоставало некоторого важного элемента. Роль такого элемента в истории немецкой идеологии начала 40-х годов выпала на долю фейербаховского гуманизма, или философской антропологии, несмотря на то что сам Фейербах так и не сумел сделать из своего учения необходимые практические выводы.

Несломленный отшельник

Людвиг Фейербах (1804—1872) окончил Берлинский университет как ученик Гегеля; свою докторскую диссертацию «Об едином, универсальном и бесконечном разуме» (1828) он посвятил учителю. Но послушным учеником он никогда не был и вскоре «впал в тайный еретизм». В «Мыслях о смерти и бессмертии» (1830) он, в противоположность ортодоксальному христианству, выступил с отрицанием личного бессмертия. Хотя это смелое произведение вышло анонимно, имя автора стало известно, и он был лишен права преподавания.

В 1836 г. Фейербах поселился в отдаленной тюрингской деревне Брукберг, где прожил четверть века почти безвыездно. Это длительное уединение позволило философу укрыться от прямого влияния реакционных сторон прусской действительности, но в то же время оно явилось добровольной самоизоляцией мыслителя и от развивавшихся прогрессивных, революционных сил Германии. Однако неправильно было бы представлять эту самоизоляцию как полную индифферентность в отношении актуальных политических проблем. «Я жил в непрерывной внутренней оппозиции к политической правящей системе того времени,— вспоминал Фейербах в «Лекциях о сущности религии», прочитанных в декабре 1848— марте 1849 г.,— но я также находился в оппозиции и к идейным правящим системам, то есть к философским и религиозным течениям» (108, с. 496). До 1844 г. «внутренняя эмиграция» была для Фейербаха не изменой радикальным политическим идеалам, а средством их реализации.

Не имея возможности открыто высказываться в печати по злободневным вопросам, Фейербах в 1833—1838 гг. пишет целую серию работ по истории философии нового времени (см. 109), чтобы бороться «против современности... через историю». Уже в этих работах Фейербах утверждал, что задача философии по отношению к догмам

теологии состоит не в том, чтобы доказать их истинность, как это делал Гегель, а в том, чтобы раскрыть их происхождение из сущности человека.

«Сущность христианства»

В 1839 г. в статье «К критике философии Гегеля» Фейербах окончательно порвал с гегелевской философией и провозгласил переход к материализму. Вслед за этим он предпринял серьезное исследование для доказательства земной сущности религии. Итог этой работы запечатлен в книге «Сущность христианства», увидевшей свет в июне 1841 г. Научный подвиг Фейербаха состоял в следующем.

Во-первых, как последовательный атеист, он взял в качестве предмета исследования не догматическое богословие (христианское вероучение и жизнь Иисуса), как это сделал Штраус, и не библейскую теологию (историю евангелий), как это сделал Бауэр, а христианство вообще и главным образом *непосредственное* проявление христианской религии в чувственно-практической жизни людей, в отличие от теоретизированной (философской или теологической) ее формы.

Во-вторых, он применил в этом исследовании не спекулятивно-идеалистический, а материалистический метод, хотя и не смог последовательно провести его, ибо в объяснении исторических процессов остался идеалистом.

В-третьих, он пришел к совершенно новому выводу: сущность религии не субстанциональное свойство духа ранних христианских общин (как полагал Штраус) и не самосознание отдельных творцов евангелий (как полагал Бауэр), а *человек* во всей полноте его духовных и телесных, индивидуальных и родовых качеств. *«Любовь бога к человеку,* составляющая основу и средоточие религии, есть *любовь человека к самому себе,* объективированная и созерцаемая как высшая истина, как высшая сущность человека» (108, с. 90). Иначе говоря, в христианской ре-

лигии выражается отношение человека к самому себе, или, вернее, к своей сущности, которую он рассматривает как нечто постороннее, т. е. к отчужденной сущности.

Это отношение не остается неизменным. Тысячелетия назад религии удалось присвоить не только сущностную, но и внешнюю жизнь человека: древний иудей, например, делал только то, что предписывал бог, авторитет религии простирался даже на сроки и манеры приема пищи. Христианство уже позволяет человеку самостоятельно решать многие вопросы внешней жизни. В сравнении с иудеем, христианин есть свободомыслящий человек. «Такова изменчивость вещей. То, что вчера было религией, сегодня перестает быть ею; то, что сегодня кажется атеизмом, завтра станет религией» (108, с. 63).

Таким образом, тайна теологии — в учении о человеке, т. е. в антропологии как философском учении, а христианство не абсолютная ступень развития духа (как учил Гегель), но исторически преходящая форма его отчуждения. Уничтожение христианства будет означать полное возвращение человеку его сущностных сил. При этом место мистической любви бога к человеку и человека к богу должна занять реальная любовь человека к человеку.

«Сущность христианства» вызвала широкий резонанс среди читателей. Она обсуждалась в многочисленных газетных и журнальных рецензиях, вокруг нее разгорались жаркие споры среди студентов и другой читающей публики. При этом большинство читателей восприняло «Сущность христианства» главным образом с негативной ее стороны — как антирелигиозное произведение. Позитивная же сторона этого труда, его материалистическая методология как противоположность гегелевской и младогегельянской, оказалась первое время скрытой от многих читателей и критиков, так что Фейербах был вынужден выступить с саморазъяснением. В статье «К оценке «Сущности христианства»», написанной в начале января

1842 г. и опубликованной в «Немецком ежегоднике» в середине февраля, он подчеркнул, что его философия «возникла лишь из *оппозиции* к гегелевской и только *из этой оппозиции* может быть понята и оценена. А именно, что́ у Гегеля имеет значение производного, субъективного, формального, то у меня имеет значение первоначального, объективного, существенного» (125, с. 153—154).

В январе 1842 г. Фейербах написал и направил Руге для использования по его усмотрению еще одну небольшую статью «о Штраусе и о себе», выступив на этот раз против извращения его позиции по весьма конкретному вопросу: о христианском понятии чуда. В «Сущности христианства» он обосновывал тезис, что «сила чуда есть только сила воображения» (108, с. 162). Теологи, опираясь на Штрауса, стали обвинять Фейербаха в сведении религии к суетным движениям чувств. В ответ на это в «Немецком ежегоднике» от 11—12 января 1842 г. появилась статья «Христианство и антихристианство» за подписью «Философ» *, содержавшая скорее остроумную, чем глубокую критику Штрауса. Это и побудило Фейербаха самому вступить в спор.

Статья Фейербаха была опубликована Руге лишь год спустя в «Неизданном...» под названием «Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом» за подписью «Не-берлинец» **. Следуя своему материалистическому методу и основному приему, примененному в «Сущности христианства»,— доказательству теоретических выводов с помощью документальных источников, авторитетных для самих христиан, Фейербах приводит

* Предположительно Философ — псевдоним Макса Штирнера (см. 141), который в книге «Единственный и его достояние» (1845) выступил с критикой «Сущности христианства», вызвавшей ответную критику Фейербаха в работе «О «Сущности христианства» в связи с «Единственным и его достоянием» (см. 108). Развернутую критику обеих этих работ дали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии».

** См. примечание 1 в конце книги.

высказывания Лютера, полностью подтверждающие понимание чуда, изложенное в «Сущности христианства».

Одновременно с этими саморазъяснениями Фейербах стал разрабатывать новую философию.

Необходимость реформы философии

Вначале Фейербах написал небольшую статью «Необходимость реформы философии». Если в «Сущности христианства» он показал, что история религии есть история того, как человек возвращает себе все больше тех качеств, которые он раньше приписывал богу, то в статье «Необходимость реформы философии» он пришел к выводу, что подобный процесс характеризует и светскую, политическую историю.

Освобождая свою родовую сущность от религиозного облачения, люди обнаруживают, что земное содержание этой сущности составляют *политические отношения.* Следовательно, политика должна стать на место религии. Но нынешняя политика восприняла отчужденную форму религии: как только реформация лишила *папу* божественного ореола, его место тотчас же занял *король* как единоличный носитель политического суверенитета народа. Поэтому и в сфере политики люди теперь стремятся к тому же, что имела своей целью реформация в сфере религии,— к ликвидации монарха как абсолютного носителя политических качеств человека и к признанию, что эти качества присущи *каждому*, т. е. люди стремятся к республике как *практической ликвидации отчуждения* человеческой сущности. Задача теперь состоит в том, чтобы придать этому сознанию позитивную форму. Тогда и будет завершено упразднение отчуждения, а политика окончательно заменит религию.

Решить эту задачу — значит *создать новую философию*, которая должна не интерпретировать или отрицать религию, как это делали все предшествующие философские системы, а именно заменить религию.

Статью «Необходимость реформы философии» Фейербах оставил в своем личном архиве (она увидела свет лишь в 1874 г. (см. 128), через два года после смерти философа), а для публикации подготовил «Предварительные тезисы к реформе философии» (январь 1842 г.), где в афористической форме (около 70 афоризмов) изложил свое понимание существа новой философии — той, которую, по его мнению, еще предстоит создать. Полтора года спустя, в июле 1843 г., он развернул «Предварительные тезисы...» в «Основные положения философии будущего» (см. 107).

«Предварительные тезисы...» около года находились у Руге, который по цензурным условиям не мог поместить их в «Немецком ежегоднике»; выпуск же сборника «Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики», в который они были включены, в силу различных причин затянулся до января 1843 г.* Большинство работ, помещенных в двух томах этого сборника, в значительной степени уже утратили свое значение. Кроме Марксовых «Заметок о новейшей прусской цензурной инструкции», гениальная проницательность которых была теперь воочию доказана действиями правительства, лишь «Предварительные тезисы...» Фейербаха не утратили своей актуальности. Они, пожалуй, даже выиграли от непроизвольной задержки с их появлением: если год назад «философия самосознания» находилась в зените популярности и самого Фейербаха подавляющее большинство читателей воспринимало как представителя этой идеалистической философии (т. е. просто не понимало), то теперь, когда обнаружился кризис младогегельянства, создались наиболее благоприятные условия для правильного восприятия фейербаховских идей. Эти идеи стали теперь новым теоретическим знаменем прогрессивных младогегельянцев.

* Обычно выход «Неизданного...» в свет датируется февралем 1843 г. Однако из письма Бакунина к Руге от 19 января 1843 г. явствует, что по месту издания, в Цюрихе, сборник появился уже к середине января (см. 50, с. 120).

И все же людей, воодушевленных идеями Фейербаха, насчитывалось немного. Б. Бауэр и его сторонники были неприятно шокированы новыми работами великого гуманиста и материалиста, не без основания усматривая в них опасность для своих собственных идей. Враждебным молчанием встретила эти работы консервативная пресса. Полтора года спустя в «Экономическо-философских рукописях» Маркс напишет: «...против его *«Философии будущего»* и напечатанных в «Anekdota» «Тезисов к реформе философии» — несмотря на то, что эти работы молчаливо используются,— был, можно сказать, составлен настоящий заговор *молчания*, порожденный мелочной завистью одних и подлинным гневом других» (18, с. 44).

Кредо Фейербаха

«Предварительные тезисы к реформе философии» — кредо фейербаховского материализма. Его можно свести к следующим положениям:

1. Антропология — скрытая сущность теологии, а теология — сущность спекулятивной философии, высшим пунктом развития которой (и потому последней рациональной опорой теологии) является философия Гегеля. Следовательно, именно эта философия должна быть подвергнута критике.

2. Подобно тому как теология отчуждает сущность человека, вынося ее за пределы человека и превращая ее в потустороннее божество, так же и спекулятивная философия отчуждает человека от природы и выносит человеческое мышление за пределы человека, превращая это мышление в потусторонний абсолютный дух. Поэтому метод критики спекулятивной философии не должен отличаться от того метода, который уже применен (Фейербахом же) при критике религии: «Достаточно повсюду поставить *предикат* на место *субъекта* и *субъект* на место *объекта* и *принципа*, то есть *перевернуть* спекулятивную

философию, и мы получим истину в ее неприкрытом, чистом, явном виде» (107, с. 115).

3. Этой истиной окажется прежде всего тот факт, что действительным началом философии является не бог, не абсолют, не идея бытия, а реальное, конечное, определенное бытие. «Действительное отношение мышления к бытию таково: *бытие — субъект, мышление — предикат*. Мышление исходит из бытия, а не бытие из мышления» (107, с. 128).

4. Истина, далее, состоит в том, что «сущность бытия, *как бытия*, есть сущность природы... Природа есть *неотличимая от бытия* сущность, человек есть *сущность, отличающая* себя от бытия. Не отличимая сущность есть основание сущности отличающей себя,— таким образом, природа есть основание человека» (107, с. 129).

5. Последней и высшей истиной оказывается *человек*. Причем, в понимании Фейербаха, это не такая абстракция, которая принимает во внимание по преимуществу какое-то одно качество человека (например, самосознание, по Баузру) или одну группу его качеств (например, потребности, по Гегелю), а понятие, выражающее всю совокупность качеств и способов жизнепроявления человека. «...Название «человек» есть... название всех названий. Человеку подобает предикат многоименного» (107, с. 131). Реальный человек существует «как природное существо, одаренное самосознанием, как существо историческое, как существо государственное, как существо религиозное» (107, с. 129). Это и разумное, и эмоциональное существо, оно обладает телом и духом, сердцем и мыслящей головой.

6. Новая философия должна быть по преимуществу учением о человеке, т. е. *антропологией*. Как ее объект обладает не только головой, но и сердцем, так и сама антропология должна быть продуктом и головы, и сердца, находящихся в гармоническом единстве друг с другом.

Теоретическое кредо Фейербаха явилось важной ступенью в развитии материалистической философии и дало мощный толчок прогрессивной мысли *. Но самой позиции Фейербаха было свойственно существенное противоречие.

Показав, что действительным субъектом являются реальные, эмпирически конкретные люди, Фейербах осмыслил эту эмпирическую конкретность в самом общем теоретическом плане. Мало сказать, что человеку подобает предикат многоименного,— надо еще вскрыть *механизм зависимостей* этих «имен» друг от друга, обнаружить первичные и вторичные среди этих связей, а также исторически преходящий характер их. Пройдя мимо всего этого комплекса проблем, Фейербах оказался (вопреки собственным намерениям!) в плену абстрактного, в сущности идеалистического, понимания человека. Он лишь *свел* отчужденные формы сознания к их земным корням — к свойствам реального человека, но не смог *вывести* их из специфической их основы — исторически определенного способа производства.

Здесь и заключена коренная слабость, внутренняя противоречивость фейербаховской концепции отчуждения и всей его философской поэиции вообще, внешним выражением чего служит акцентирование на естественных, природных свойствах человека эа счет социальных его качеств.

Прогрессивные представители различных направлений бывшего младогегельянского течения, восприняв в целом «Предварительные теэисы...» как «философию, отвечающую эапросам человечества», расходились в конкретной трактовке ее содержания. На первых порах это раэличие проявилось в том, какой аспект фейербаховской философии выдвигался ими в качестве основного.

---

* Не только немецкой. Ср. «Антропологический принцип в философии» Н. Г. Чернышевского (см. 112).

Отношение Руге и Гесса к учению Фейербаха

Благодаря своему положению редактора Руге на целый год раньше других познакомился с «Предварительными тезисами...» Фейербаха. Уже в августе 1842 г. он поместил в «Немецком ежегоднике» свою статью «Гегелевская философия права и современная политика», где явственно ощущается влияние этой работы. Но, восприняв отдельные тезисы Фейербаха, Руге не понял их широкого, методологического смысла. Обладая практическим складом ума, он увидел в них скорее методические положения, которые можно непосредственно применять к анализу *политических явлений*. Его статья представляет поэтому не самостоятельную разработку теоретических проблем, а преимущественно популярную иллюстрацию некоторых тезисов Фейербаха.

Более глубоко воспринял «Предварительные тезисы...» Л. Фейербаха Мозес Гесс, который увидел в его учении творческий метод, позволяющий решить насущные *социальные* проблемы. В отличие от Руге, методологическое зерно философии Фейербаха Гесс усматривал в концепции отчуждения. Раздвигая рамки этой концепции, Гесс заключил, что формами отчуждения являются не только извращенное сознание (религия, спекулятивная философия), но и извращенное социальное бытие (общественный строй, денежные отношения). Следовательно, необходимо уничтожить отчуждение, как таковое, и установить отношения братской любви между всеми людьми. Пролетариат склонен к таким отношениям уже в силу условий своей жизни, поэтому остается убедить в необходимости этих отношений остальную, образованную часть общества.

Но, подобно Руге, Гесс склонен был трактовать концепцию отчуждения в методическом смысле, непосредственно применяя ее к объяснению социальных проблем.

Однако учение об отчуждении не было самой сильной стороной воззрений Фейербаха, а материалистический метод его как раз и остался не понят Гессом.

Отношение Маркса к Фейербаху

В отличие от большинства младогегельянцев, Маркс уже в 1842 г. начал приближаться к пониманию существа материалистического метода, реализованного в «Сущности христианства». Мы уже имели возможность убедиться в этом, когда прослеживали развитие философских и политических взглядов Маркса во время его деятельности в «Рейнской газете». Вспомним его стремление анализировать *не понятия* сословий, государства и т. д., а *факты, действительную природу* различных явлений общественной жизни и их действительные взаимоотношения, обнаружившееся уже в «Дебатах по поводу закона о краже леса». Наиболее отчетливо проявилась эта методологическая установка Маркса в «Оправдании мозельского корреспондента»: «...мы хотим строить все наше изложение на одних *фактах* и стараемся только, по мере сил, выразить эти факты в обобщенной форме...» (1, с. 199).

Еще не вполне осознанно тяготея к материализму, Маркс в некоторых существенных отношениях уже шел *дальше* Фейербаха, ибо концентрировал основное внимание на политических и социальных проблемах. Отражением этого явилась его «коллизия с Фейербахом», наметившаяся уже в марте 1842 г. Для Фейербаха действительные отношения между людьми есть отношения нормальные, естественные, подлинно человеческие. Извращения могут быть лишь в сфере сознания, причем наиболее отчетливо они выступают в форме религиозного сознания. В противоположность этому Маркс, анализируя политические отношения, видит, что в ряде случаев действительные отношения между людьми являются неестествен-

ными, извращенными. Причина этого извращения лежит не в природе человека, а в общественных условиях его существования и прежде всего в преобладающем влиянии частных интересов. Искажая отношение людей к тем или иным явлениям, частные интересы извращают и отношение людей друг к другу. Именно эта извращенная действительность и порождает извращенное сознание, классической формой которого является религия: «...религия сама по себе лишена содержания, ее истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращенной реальности, *теоретическим выражением* которой она является, она гибнет сама собой» (11, с. 370).

Так Марксу удается сделать важный шаг к пониманию социальной основы религии. С этим, по-видимому, и связана его «коллизия с Фейербахом». Маркс писал (см. 11, с. 360), что она касается «не принципа» (религия — извращенное сознание), «а его понимания» (религия — извращенное теоретическое выражение извращенной действительности). Отсюда следует необходимость критиковать религию «больше в связи с критикой политических порядков, чем политические порядки — в связи с религией» (11, с. 369).

Этот шаг вперед по сравнению с Фейербахом объясняется тем, что по своим жизненным установкам молодой Маркс уже в тот период превосходил Фейербаха, который ограничил свою задачу разработкой новой теории, отложив до ее создания участие в практической борьбе. Такая установка была исполнена некоторого внутреннего благородства, но несла на себе и трагическую печать немощного великана.

Марксу была чужда подобная раздвоенность. Единство мысли и действия, направленность мысли на действие — вот его принцип, его установка и в личной, и в общественной жизни. Конечно, жить согласно такой установке значительно труднее; не только из-за бремени дополнительных забот, о которых не имеет представления

человек отшельнического типа, но и потому, что приходится преодолевать внутренние конфликты и сомнения, возникающие из-за недостаточной теоретической разработанности проблем, неотложное решение которых диктуется потребностями практической борьбы. Такая жизнь требует от человека максимального напряжения всех его творческих способностей и сил. Зато и результаты более плодотворны.

Отношение Маркса к «Предварительным тезисам...» отличалось и большей критичностью, и более глубоким проникновением в позитивное их содержание, нежели это обнаружилось у Руге и Гесса. 13 марта 1843 г. Маркс писал Руге: «Афоризмы Фейербаха не удовлетворяют меня лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной» (11, с. 374—375).

Маркс был не единственным, кто обратил внимание на этот недостаток Фейербаха. Видели его и Руге *, и Гесс, и Бакунин. Но, в отличие от них, Марксова критика Фейербаха не просто фиксировала этот недостаток и не просто восполняла недостающую сторону фейербаховской позиции. *Она была систематической переработкой этой позиции в целом.* Далее, Маркс воспринял основное содержание взглядов Фейербаха не ученически, как это случилось с Руге и Гессом, и не поверхностно-критически, как Бакунин **, а именно как *метод*, усвоение

---

* В ответном письме Марксу от 19 марта Руге сообщал: «Я согласен с Вами относительно одностороннего увлечения Фейербаха природой» (27, с. 401).

** Прочитав «Предварительные тезисы...», Бакунин почти одновременно с Марксом писал тому же Руге, что, хотя он и ценит Фейербаха, как «единственного живого человека среди философов», данная работа ему «очень не понравилась... это догматическое опровержение догматизма, афористический тон его отличается нестерпимым благородством...» (50, с. 120).

которого требует не простого запоминания, а систематического апробирования в применении к наиболее сложным и общественно значимым объектам. Наконец, в центре внимания Маркса оказался философский *материализм* Фейербаха, в процессе восприятия которого Маркс одновременно делал первые шаги за его рамки, в сторону исторического материализма.

Сознательный переход Маркса к материализму

«Рукопись 1843 года»

Сознательный переход Маркса на позиции материализма произошел в процессе анализа гегелевской философии права, который он предпринял после выхода из «Рейнской газеты» и который представляет собой первую развернутую критику Марксом философии Гегеля. Результаты этой работы запечатлены в виде 40 рукописных листов, сложенных вчетверо (160 с.); из них первый лист утерян. Объем рукописи — около 10 печатных листов.

Прошло почти 85 лет, прежде чем рукопись увидела свет. Заслуга ее публикации принадлежит советским ученым: вызволив рукопись из архива немецких социал-демократов, Д. Рязанов и другие сотрудники Института Маркса — Энгельса при ЦК ВКП(б) включили ее в первый том Сочинений Маркса и Энгельса (1927) и впервые показали, какое важное место в развитии взглядов молодого Маркса она занимает. Тогда же рукописи было дано и название: «К критике гегелевской философии права» * и определено время ее написания — весна и лето 1843 г., в основном в Крейцнахе.

* Для краткости в дальнейшем будем называть ее «Рукопись 1843 года».

Критика гегелевской философии права была важна для Маркса во многих отношениях. Напомним, что интерес к правовым проблемам проявился у него уже в 1835 г., когда он поступил на юридический факультет Боннского университета. Именно трудности при решении проблем правовой науки привели Маркса в 1837 г. к занятиям философией; он был покорен тогда «причудливой дикой мелодией» гегелевской диалектики. Освобождение из этих «объятий врага» началось в 1842 г., когда Маркс в качестве сотрудника и редактора «Рейнской газеты» вновь столкнулся с правовыми проблемами, но на этот раз в их практически-политическом виде. В марте — августе 1842 г. он упоминает в своих письмах о работе над статьей, которая «представляет собой критику гегелевского естественного права, поскольку дело касается *внутреннего государственного строя*. Основное в ней — борьба против *конституционной монархии*, этого ублюдка, который от начала до конца сам себе противоречит и сам себя уничтожает» (11, с. 356). Эту статью он предназначал для «Трубного гласа», затем перерабатывал для «Немецкого ежегодника». Судьба ее неизвестна; возможно, Маркс использовал ее при работе над рукописью 1843 г. В ходе работы над этой рукописью завершается его освобождение от гегелевской спекулятивной философии и от идеалистической философии вообще. Лишь теперь, в 1843 г. Маркс сумел решить те проблемы правовой науки, которые в середине 30-х годов толкнули его к Гегелю, и нашел он это решение именно на пути *преодоления* гегелевского идеализма, на пути усвоения и развития *материализма*.

Структура рукописи

На первый взгляд структура Марксовой рукописи вполне определяется предметом его критики, т. е. структурой соответствующего раздела гегелевской «Философии права». Чтобы лучше уяснить структуру этого раздела, очертим его

место в общей системе учения Гегеля, в основе которой, как известно, лежит абсолютная идея. Она развивается сначала внутри самой себя, в форме чистых логических сущностей, этому соответствует *Логика* как первый раздел гегелевской системы. Затем абсолютная идея отчуждает себя в природу, и, соответственно, второй раздел системы образует *Философия природы*. Наконец, из природы абсолютная идея снова возвращается к себе как духу, и система завершается разделом *Философия духа* *.

Вернувшись к себе, дух развивается. Его развитие состоит в том, что сначала он существует в форме отношения к самому себе (этому соответствует учение Гегеля о субъективном духе), затем принимает форму реальности (учение об объективном духе), а в итоге успокаивается как в себе и для себя сущее и вечно себя порождающее единство объективности духа и его идеальности, дух воплощается в своей абсолютной истине (учение об абсолютном духе) (см. 60, с. 45—51).

Объективный дух есть в себе сущая абсолютная идея. Ее свобода получает здесь форму необходимости, содержание которой составляет закон как основа для многообразных проявлений свободной воли. Последняя выступает сперва как непосредственная, как единичное лицо, обладающее собственностью. Затем она рефлектируется в себя как моральность. Наконец, предстает в качестве субстанциальной воли, реализующейся в нравственности — в семье, гражданском обществе и государстве.

Учение об объективном духе Гегель и изложил в *«Философии права»*, которая делится на три части: «Абстрактное право», «Мораль», «Нравственность». Последняя, в свою очередь, подразделяется на три отдела: «Семья», «Гражданское общество», «Государство».

Непосредственным объектом своей критики в гегелевской «Философии права» Маркс избрал «Государство».

* Подробнее см. 95.

Точнее говоря, он сосредоточил внимание на первом его разделе *«Внутреннее государственное право»*. Именно в этом разделе Гегель трактовал наиболее интересовавшие тогда Маркса вопросы: о соотношении государства и гражданского общества, о королевской, правительственной и законодательной власти. Последующие разделы — «Внешнее государственное право» и «Всемирная история» — остались вне поля зрения Маркса.

В первом разделе Маркс подверг критическому анализу 54 параграфа (с 260 по 313). Из них первые 12 параграфов имели вводный характер. С § 272 начинался подраздел I «Внутренний государственный строй сам по себе», который помимо нескольких вводных параграфов включал три главы: «Власть государя», «Правительственная власть», «Законодательная власть» (из 23 параграфов этой главы Маркс проанализировал первые 16 — с 298 по 313).

Хотя эта структура воспроизведена в Марксовой рукописи, разным разделам гегелевского текста Маркс уделил существенно различное внимание. Вводные параграфы и первая глава проанализированы детально. Параграфы же главы о правительственной власти выписаны почти подряд, перемежаясь лишь краткими замечаниями и общим выводом: «То, что Гегель говорит о «правительственной власти», не заслуживает названия философского анализа» (1, с. 268). Впрочем, после этих выписок Маркс дает довольно пространный обобщенный их анализ. Что же касается главы о законодательной власти, то ей посвящено почти две трети Марксовой рукописи (24 листа из 40). Уже это свидетельствует о том, что работа Маркса имела *свою* логику и следует выявить внутреннюю структуру рукописи, не совпадающую с внешней ее структурой, задаваемой строением «Философии права» Гегеля.

Прежде всего, можно заметить некоторые *ритмы работы* Маркса над крупными разделами гегелевского текста: первые параграфы таких разделов он обычно анализирует каждый в отдельности и достаточно подробно, а затем начинает

выписывать подряд по нескольку параграфов и давать обобщенный их анализ. Первый такой ритм просматривается уже во вводных параграфах. Отчетливо виден указанный ритм в главе о власти государя, первые шесть параграфов которой проанализированы детально, а последние шесть выписаны лишь с краткими комментариями. Вторая глава, как отмечено, начинается с выписок и кратких замечаний, а затем включает обобщенный анализ. Третья глава, как и первая, начинается с подробного анализа первых шести параграфов, а последующие четыре параграфа (304—307) выписаны подряд (см. 1, с. 304—305). Но в этом месте, на XXII—XXIV листах, произошел *перерыв в анализе:* едва начав обобщенный анализ выписанных параграфов, Маркс возвращается к уже рассмотренному § 303, предпринимая повторный его анализ, более обстоятельный, чем первоначальный. Лишь после этого он переходит к рассмотрению ранее выписанных параграфов, причем дает не обобщенный, а детальный анализ каждого из них.

Этот перерыв в изложении выявился благодаря обнаруженной нами неточности в расшифровке, казалось бы, малосущественного значка в рукописи Маркса *. Но как интерпретировать этот перерыв? Можно видеть в нем лишь внешнее обстоятельство: Маркс заблаговременно выписал указанные параграфы, а при анализе предшествующего § 303 ему не хватило места на отведенном листе и он продолжил анализ на последующем листе, после выписанных параграфов (см. 25, с. 578—579). Однако, на наш взгляд, с отмеченным перерывом в изложении связаны существенные содержательные различия в этапах работы Маркса над «Рукописью 1843 года».

Есть основание предположить, что перерыв был вызван работой Маркса над Крейцнахскими тетрадями, которая обогатила его обширной информацией по истории европей-

* См. примечание 2 в конце книги и фотокопии «Рукописи 1843 года».

ских государств и позволила дать более глубокий и конкретный анализ еще не рассмотренных параграфов главы о законодательной власти. Как видно из фотокопии страницы 87, которой начинается лист XXIII Марксовой рукописи, Маркс выписал § 303 и сразу же (почерк идентичен) дал два абзаца комментариев к нему (см. фотокопию в 25, с. 75). Можно считать, что на данном этапе работы этим он закончил анализ § 303. На новом, XXIV листе он выписал подряд §§ 304—307 и дал общую их краткую характеристику.

В этом месте и произошел перерыв в анализе гегелевской «Философии права», непосредственно вызванный, возможно, чисто внешними причинами (например, женитьбой Маркса), а по существу обусловленный его историческими занятиями. После этих занятий Маркс предпринимает заново детальнейшее исследование § 303, обнаружив под его спекулятивной формой острейший политический спор — между представительным и сословным строем.

И не только к этому, но и ко многим другим параграфам, рассмотренным до перерыва, Маркс после перерыва считает нужным вернуться и высказать дополнительную аргументацию (например, возвраты к §§ 300 и 302 при анализе § 304, к §§ 268, 289, 297, 301 при анализе § 306 и др.). После перерыва Маркс написал (на XXIV листе рукописи) обширную вставку к проведенному им ранее анализу § 286 *. Имеются еще несколько более мелких вставок в текст, написанный до перерыва.

Эти и другие соображения содержательного характера позволяют предположить, что «Рукопись 1843 года» была написана в два приема, рубеж между которыми образует работа над Крейцнахскими тетрадями (июль — август). Возможно, началом этого рубежа была женитьба и свадебное путешествие Карла и Женни, т. е. время примерно с се-

* См. 1, с. 262 со слов: «Так называемое...» до слов «...вообще к государству» на с. 264 включительно.

редины и до конца июня. Если согласиться с этим предположением, то правомерно различать *две основные «части» рукописи*: первую часть составляют листы с I до начала XXIII, а также первая половина XXIV (ср. 1, с. 221—299, а также с. 304 — начало 305), написанные до перерыва, т. е. примерно с марта до середины июня; вторую часть рукописи образуют листы XXIII (кроме начала) и с середины XXIV до последнего LX листа включительно, написанные после перерыва, примерно с конца августа до начала октября, т. е. до отъезда Маркса в Париж *.

Вторая «часть» рукописи, в свою очередь, состоит из *трех фрагментов*. Первый из них представляет собой повторный анализ § 303: он начинается с примечания, которое Маркс выписывает после первоначального рассмотрения параграфа, и включает обширный анализ как самого параграфа, так и примечания к нему, изложенный на листах XXIII, второй половине XXIV, на XXV и начале XXVI (ср. 1, с. 300—313). Второй большой фрагмент содержит детальный комментарий ранее выписанных §§ 304—307. Теперь они снова выписываются, но не подряд, а частями, каждая из которых сопровождается подробным анализом. Этот фрагмент занимает листы: с XXVI (кроме начала) до XXXV включительно, причем на последнем листе заполнена только первая страница, а три следующие остались пустыми (ср. 1, с. 313—348). Третий фрагмент, таким образом, четко отделен от предыдущих и выполняет иную роль в рукописи: это уже не возврат к тексту первой «части», не ее разработка на новой основе, а продолжение критики гегелевской «Философии права», новых ее параграфов — §§ 308—313. Данный фрагмент написан на листах XXXVI—LX (ср. 1, с. 349—368).

После описания структуры рукописи в целом обратимся к рассмотрению содержания первой ее части.

---

* См. примечание 3 в конце книги.

Изложение учения о внутреннем государственном праве Гегель начинает в § 260, где утверждает, что «государство есть действительность конкретной свободы».

Вместе с первым листом рукописи Маркса не дошел до нас и проведенный им анализ данного параграфа. Однако о ходе его рассуждений можно судить по второму листу рукописи, где рассматривается § 261 гегелевской «Философии права». «Предшествующий параграф,— читаем мы,— поучал нас относительно того, что ***конкретная свобода*** состоит в тождестве (долженствующем быть, раздвоенном тождестве) системы частного интереса (семьи и гражданского общества) с системой всеобщего интереса (государства). Отношение этих сфер Гегель старается теперь определить более подробно» (1, с. 221).

Рассмотрев затем это более подробное определение, Маркс резюмирует: «В понятиях «подчинение» и «зависимость» Гегель развил дальше одну сторону раздвоенного тождества, а именно, сторону отчуждения внутри единства» (1, с. 222).

Итак, Маркс принимает гегелевский тезис о наличии определенного единства между государством и системой частных интересов, но понимает это единство совершенно иначе, чем Гегель. У Гегеля это вполне благопристойное, респектабельное, гармоничное единство, или тождество. У Маркса, напротив, это лишь «долженствующее быть», раздвоенное тождество, в котором отчуждение составляет существенную сторону, это, следовательно, напряженное единство тетивы и лука.

Подтверждение такого подхода к проблеме можно найти и в последующих листах рукописи: «Гражданское общество и государство оторваны друг от друга» (1, с. 307).

И далее: «Гегель нисколько не устранил *отчужденности* указанных двух сфер тем, что объявил это явление *странным* *» (1, с. 310).

«Клеточка» Марксовой критики

Особое внимание уделил Маркс § 262 «Философии права», в котором как бы сконцентрирована вся мистика гегелевской философии права и анализ которого можно рассматривать как «клеточку» Марксовой критики Гегеля в 1843 г. Вот текст этого параграфа:

«Действительная идея, дух, который сам себя делит на две идеальные сферы своего понятия, на семью и гражданское общество, как на сферы своей *конечности*, с тем чтобы, пройдя через их идеальность, стать *для себя бесконечным* действительным духом,— этот дух распределяет таким образом между указанными сферами материал этой своей конечной действительности, распределяет индивидов в качестве *множества*, так что по отношению к единичному человеку это распределение выступает как *опосредствованное* обстоятельствами, произволом и собственным выбором своего призвания» (цит. по 1, с. 223).

Сложность этого текста для анализа состоит в том, что Гегель сумел здесь сплавить конкретный исторический материал (государство, семья и гражданское общество; индивиды в качестве множества и единичный человек в тех или иных обстоятельствах, со своим произволом и собственным выбором своего призвания) с основной своей идеалистически-мистической позицией, согласно которой подлинным внутренним смыслом всего природного и человеческого мира является стремление божественной идеи стать абсолютно свободным, непосредственно сущим объективным духом. В этой сложности вновь демонстрируются великие и жалкие стороны Гегеля — с одной стороны, мысли-

* Игра слов: «die Entfremdung» — отчуждение, отчужденность; «das Befremdliche» — странное.

теля, который имеет во всемирной истории лишь немногих равных себе, с другой стороны, заурядного и послушного правительству человека.

Второй Гегель всегда был ненавистен Марксу. Первый же в свое время покорил его. Теперь Маркс выполнял весьма тяжелую работу, решительно отделяя одного Гегеля от другого. Работу эту начали до него младогегельянцы, яо, в отличие от них, Маркс не только осуществлял наиболее *радикальное отделение* великого от жалкого, а и самое великое *переворачивал*, ставя его с головы на ноги. Причем, в отличие от Фейербаха, первым начавшего такое переворачивание, Маркс не ограничился лишь одной частью громады — учением о природе, а захватил ее всю целиком, включая учение об обществе и мышлении.

Анализ рассматриваемого параграфа Маркс начинает с того, что переводит его на язык прозы: оставляя пока в стороне спекулятивно-мистическое обрамление конкретного исторического материала, Маркс фиксирует те *действительные связи*, которые удалось схватить Гегелю.

Так как среди взятого Гегелем исторического материала наибольшей конкретностью обладают *индивиды*, то и вопрос о действительном содержании связи государства с семьей и гражданским обществом сводится к тому, как обнаруживает себя эта связь именно по отношению к индивиду. Гегель правильно уловил, что *в этом отношении* указанная связь опосредствуется «обстоятельствами, произволом и собственным выбором своего призвания».

Отсюда Маркс заключает: «Разум государства не имеет, следовательно, никакого отношения к распределению материала государства между семьей и гражданским обществом. Государство возникает из них бессознательным и произвольным образом. Семья и гражданское общество являются как бы темной природной основой, из которой возгорается светоч государства» (1, с. 223). Вывод о том, что государство не определяет своими законами сферу частных интересов, а, наоборот, само бессознательным и произ-

вольным образом возникает из этой сферы, исключительно важен, поскольку он открывает дорогу к материалистическому пониманию истории. Каким же образом Гегель вместо этого трезвого вывода пришел к выводу противоположному?

Коренной порок гегелевского хода мыслей

Мы уже отмечали заслугу Гегеля, выдвинувшего задачу: не «конструировать *государство, каким оно должно быть*», а «постичь то, что *есть*». Но что такое «есть» для философа?

Предмет науки вообще и философии в особенности составляет не всякое «есть», не эмпирическая действительность сама по себе, а ее сущность, ее законы. Причем сущность и явление не совпадают, а подчас даже выглядят как противоположности: например, закон стоимости гласит, что все товары продаются по стоимости; но проявляется этот закон таким образом, что в реальном обмене товаров практически ни один товар не продается по стоимости.

Что же это за неуловимая сущность? Какова ее природа? Материализм, опираясь на результаты всего предшествующего развития науки, заключает, что сущность есть *существенное отношение между самими объектами* и постичь ее можно только путем изучения самих этих объектов, не привнося при этом ничего априорного.

Гегель занимает по этому вопросу противоречивые позиции. С одной стороны, он в «Логике» мастерски раскрыл диалектическую природу соотношения между явлением и сущностью: сущность является, но и явление существенно. Познавая непосредственный предметный мир «как явление,— писал Гегель,— мы, следовательно, познаем вместе с тем сущность, которая не остается скрытой за явлением или по ту сторону его» (59, с. 222).

С другой стороны, в силу своей идеалистической установки Гегель объявил универсальной сущностью абсолют-

ную идею, божественный разум. «Постичь то, что *есть*,— вот в чем задача философии»,— писал Гегель в «Философии права» и добавлял: «...ибо то, что *есть*, есть разум» (62, с. 16). Это «ибо» и было коренным заблуждением Гегеля, стремившегося анализировать конкретный материал таким образом, чтобы непременно обнаружить скрытый за ним «разум», движение абсолютной идеи.

В «Философии права» Гегель уже как бы забывает о принятом на себя в «Логике» обязательстве искать сущность в конкретных исторических явлениях и без обиняков утверждает идею, дух как предшествующую этим явлениям их сущность.

Согласно общей схеме гегелевской «Философии права», семья и гражданское общество предшествуют государству, как их синтезу. Отсюда можно было бы заключить, что государство зависит от семьи и гражданского общества, обусловлено ими. Но у Гегеля такого рода зависимость оказывается лишь эмпирической стороной отношения. Утверждая же сущность этого отношения, Гегель исходит из того, что семья и гражданское общество лишь идеализированные сферы, на которые дух «сам себя делит... как на сферы своей *конечности*, с тем чтобы, пройдя через их идеальность, стать *для себя бесконечным* действительным духом».

«В этом месте совершенно ясно обнаруживается логический, пантеистический мистицизм...— пишет Маркс.— Идея превращается в самостоятельный субъект, а *действительное* отношение семьи и гражданского общества к государству превращается в *воображаемую внутреннюю* деятельность идеи. В действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства, именно они являются подлинно деятельными; в спекулятивном же мышлении все это ставится на голову. Но если идея превращается в самостоятельный субъект, то действительные субъекты — гражданское общество, семья, «обстоятельства, произвол и т. д.» — становятся здесь *недействи-*

тельными, означающими нечто отличное от них самих, объективными моментами идеи... Эмпирическая действительность, таким образом, принимается такой, какова она есть; она объявляется также разумной, но разумной не в силу своего собственного разума, а в силу того, что эмпирическому факту в его эмпирическом существовании приписывается значение, лежащее за пределами его самого. Факт, из которого исходят, берется не как таковой, а как мистический результат» (1, с. 224—226).

Анализ последующих параграфов «Философии права» окончательно убеждает Маркса, что «Гегель всюду делает идею субъектом, а действительного субъекта в собственном смысле... превращает в предикат» (1, с. 228). Это идеалистическое переворачивание действительных отношений с ног на голову молодой Маркс характеризует как коренной порок гегелевского хода мыслей (см. 1, с. 245).

В послесловии ко второму изданию «Капитала» (январь 1873 г.) Маркс с полным основанием отмечал: «Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад...» (7, с. 21).

Отныне с партией материалистов

«Рукопись 1843 года» свидетельствует о *сознательном* переходе Маркса к материализму. Этот сознательный переход совершался в борьбе с гегелевским идеализмом, положив тем самым начало формированию марксистского принципа партийности в философии.

40-е годы XIX века — период складывания ряда ведущих направлений новой буржуазной философии. В 1841 г. с проповедью «философии откровения» выступил Ф.-В. Шеллинг. В 1842 г. завершил «Курс позитивной философии» О. Конт. В 1843 г. вышла в свет «Система логики силлогистической и индуктивной» Д. Милля. Тогда же появилась работа С. Кьеркегора «Или — Или», к которой восходит современный экзистенциализм.

Общая тенденция всех этих направлений — поиски «третьего пути» в философии, стремление встать над основными философскими направлениями. Величие Маркса состояло именно в том, что, не отвлекаясь ни на одну из новейших идеалистических концепций, суть современной ему полемики он усмотрел в дилемме Гегель — Фейербах (идеализм — материализм) и решительно стал на сторону материализма.

«Рукопись 1843 года» осталась неизвестной В. И. Ленину. Однако, опираясь на письмо Маркса Фейербаху в октябре 1843 г., Ленин понял глубоко партийный характер философской позиции, которую занимал Маркс уже в тот период. Подчеркивая эту сторону философских взглядов молодого Маркса, Ленин в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» писал: «...еще в 1843 году, когда Маркс только еще становился Марксом», он «с поразительной ясностью намечал коренные линии в философии... Что «скептики», называются ли они юмистами или кантианцами (или махистами, в XX веке), кричат против «догматики» и материализма и идеализма, Маркс видел уже тогда и, не давая отвлечь себя одной из тысячи мизерных философских системок, он сумел через Фейербаха прямо встать на материалистическую дорогу против идеализма» (34, с. 357—358).

Углубление материализма и движение к коммунизму: исторические типы общества

Внутренняя динамика «Рукописи 1843 года»

«Рукопись 1843 года» представляет собой многогранное и определенным образом развивающееся целое. С самого начала противопоставляя гегелевскому идеализму материа-

листический подход к анализу действительности, Маркс в процессе критики уточняет и развивает свои позиции, обнаруживает все новые и новые преимущества материализма перед идеализмом, более полно и точно уясняет значение некоторых ранее выдвинутых им положений, приходит к новым теоретическим обобщениям. Внутренняя динамика рукописи отражает развитие воззрений молодого Маркса, зарождение элементов нового, подлинно научного мировоззрения.

Отличие Марксовой критики Гегеля от критики Гегеля Фейербахом коренится прежде всего *в различии путей*, приведших к этой критике. У Фейербаха таким путем были его теоретические исследования, главным образом в области философии религии. У Маркса это была борьба за социальные и политические интересы трудящихся, в ходе которой развивались его философские и социально-политические взгляды, взаимно обусловливая друг друга.

Отсюда и различие непосредственных *объектов* критики: у Фейербаха это спекулятивная теория религии и общефилософская концепция Гегеля; у Маркса — гегелевская философия права, т. е. спекулятивное учение об обществе.

Поэтому Фейербах, переворачивая гегелевскую философию, *мог* оставаться в пределах общефилософского вопроса о соотношении бытия и мышления. Перейдя на позиции материализма в понимании этого вопроса, он не затронул более конкретного вопроса: о соотношении общественного бытия и общественного сознания и остался идеалистом в понимании общества.

Маркс же, переворачивая гегелевскую философию именно в ее применении к обществу, *должен был* дать ответ и на более конкретный вопрос: о соотношении гражданского общества и государства. Правда, это пока еще не был вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания, вследствие чего Маркс не сразу осознал всю громадность совершаемого им переворота в фило-

софии и некоторое время считал себя продолжателем дела Фейербаха. Тем не менее это был один из коренных вопросов, материалистическое решение которого открывало путь к научному пониманию общества в целом.

По мере развертывания критики гегелевской философии права центр внимания Маркса перемещается с общих вопросов к более конкретным. Непосредственный стимул к этому давал сам предмет критики: начиная с § 275 Гегель переходит к рассмотрению таких сторон современного ему общества, как «власть государя», «правительственная власть», «законодательная власть». Каждая из этих сторон, в свою очередь, предполагала анализ целого комплекса еще более детальных аспектов общества. В этом богатстве реальной проблематики, прорывающейся сквозь спекулятивную оболочку, вновь обнаруживается величие Гегеля как мыслителя.

Поистине Гегель был достоин критики Маркса. Даже будучи побеждаем, он многому учил своего победителя.

В «Рукописи 1843 года» Маркс уже нащупал ариаднину нить — философский материализм,— облегчавшую его движение к научному мировоззрению, но эта нить временами еще рвется, а сам Маркс пока не знает, куда именно она приведет его. Вот почему первым его движениям недостает уверенности, а подчас и точности.

Иногда это проявляется в чрезмерной придирчивости к Гегелю, которому с молодым задором ставятся в вину даже стилистические погрешности. Но прежде всего это находит отражение в том, что часто в понимании одной из сторон исследуемого объекта Маркс уже сделал решающий шаг вперед, а в понимании другой стороны этого же объекта он еще скован грузом прежних своих представлений. Такого рода противоречивость проявилась, например, в Марксовой трактовке социальной природы индивида.

«Функции и сферы деятельности государства связаны с индивидами (государство является действенным только через посредство индивидов)»,— констатирует Маркс, освобождая от мистификации очередной тезис Гегеля. И далее подчеркивает: «Если бы Гегель исходил из действительных субъектов в качестве базисов государства, то для него не было бы никакой надобности в том, чтобы заставить государство превратиться мистическим образом в субъект» (1, с. 242, 244).

Итак, индивид есть подлинно действительный субъект и потому базис государства. Что же он представляет собой? Может быть, это воспетый Фейербахом абстрактный человек как член человеческого рода? И да, и нет.

Да — потому что Маркс пока еще не выделяет его как члена класса. Это именно человек вообще, т. е. совершенно равный другим член человеческого рода. И постольку Маркс остается в рамках абстрактного гуманизма, нашедшего к тому времени классическое выражение в трудах Фейербаха, но вообще-то свойственного всем просветителям нового времени, и в особенности французским материалистам XVIII в.

Нет — потому что Маркс акцентирует не природные, а *социальные свойства* человеческого рода и его отдельных членов. Он подчеркивает, что «сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*, и что государственные функции и т. д. — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека» (1, с. 242).

Следовательно, всякому человеку как члену человеческого рода вообще *присущи* определенные социальные качества. Одно из важнейших таких качеств — потребность человека проявлять себя не только в сфере част-

ных своих интересов, но и в сфере интересов общества в целом.

В понимании содержания этой потребности Маркс существенно отличается как от французских материалистов XVIII в., так и от Фейербаха. Первые видели в индивиде лишь *разумного эгоиста*, которому разум диктует необходимость в собственных же интересах сообразовывать свой эгоизм с эгоизмом других. Государство выступает при этом как возникшее в результате договора эгоистов средство коллективной безопасности от крайних проявлений эгоизма. Фейербах, напротив, считает, что человеческая *сущность* налицо только в *общении человека с человеком* и для нее характерен не эгоизм, а *любовь* индивида к индивиду, Я к Ты.

Молодой Маркс не отвергает вовсе эгоизма как побудительной силы в поведении индивида. В «Рейнской газете» он бичевал процветание эгоистических интересов в Рейнском ландтаге, в сословных комиссиях и в самом государственном аппарате Пруссии. Однако он не считает эгоизм истинной сущностью человека и в этом отношении становится на сторону Фейербаха. Он убежден, что подлинно человеческое в индивиде составляет благородная потребность в бескорыстном общении с другими людьми. Но при этом Маркс поворачивает Фейербаха к политике и наполняет его позицию конкретно-политическим содержанием: дело не в том, что один индивид любит другого (этого может и не быть), а в том, что он *желает действовать ради блага других,* ради всеобщего блага. Такие действия не просто объединяют Я и Ты, а сплачивают индивидов *в народ,* и сама эта их деятельность есть деятельность *политическая.* Именно народу присуща та политическая функция, способами существования и действия которой являются функции и сферы деятельности государства.

Народ и государство

Гегель утверждал: «Народ, взятый *без* своего монарха и без того *расчленения* целого, которое необходимо и непосредственно связано *именно с монархом*, есть бесформенная масса, не представляющая собой больше государства» (цит. по 1, с. 251). Уже в «Рейнской газете» Маркс разоблачил антинародный характер подобных представлений. Теперь он далее развертывает свою аргументацию.

Конечно, пишет он, если народ *уже имеет* монарха и связанное с ним расчленение целого, т. е. если он уже организован как монархия, тогда, разумеется, взятый вне этой организации, он превращается в бесформенную массу. Но это отнюдь не значит, будто политическая организация народа необходимо связана именно с монархией или что вообще государство обладает особым, отличным от народа существованием. Не государство привносит определенную организацию в народ, а *народ сам себя организует в определенное государство*. «Подобно тому как не религия создает человека, а человек создает религию,— подобно этому не государственный строй создает народ, а народ создает государственный строй» (1; с. 252).

При этом Маркс не отрицает *обратного воздействия государства на народ*, на гражданское общество. Напротив, он видит в этом самую суть проблемы соотношения государства и гражданского общества. Установив, что существовало несколько типов этого отношения, Маркс углубляет свои общие взгляды на историю и приходит к мысли о существовании различных исторических типов общества.

Как трудно дать объекту имя

Мы употребили выражение «тип общества». Однако в «Рукописи 1843 года» этого термина еще нет.

Дело в том, что перед основоположниками исторического материализма Марксом и Энгельсом стояла и такая

трудная задача, как создание терминологического костяка науки об обществе. «Рукопись 1843 года» отражает начальный этап этого процесса. Здесь молодой Маркс не столько создает новые термины, сколько испытывает неудовлетворение старыми. Так, не удовлетворенный абстрактно-сентиментальным содержанием фейербаховских терминов «человек» и «человеческий род», Маркс наполняет их иным, конкретно-политическим содержанием. То же неудовлетворение испытывает он и в отношении гегелевского содержания термина «государство», «государственный строй»: продолжая иногда употреблять их в традиционном смысле, как обозначение лишь политического строя, Маркс часто использует их здесь и для обозначения социально-политического устройства общества в целом. Только с учетом этого можно понять Марксово обвинение Гегеля в том, что он смешивает «государство, как совокупное целое существование народа, с политическим государством» (1, с. 309). При этом под «политическим государством» разумеется государство в собственном смысле слова, а противостоящее ему гражданское общество Маркс подчас называет «неполитическим государством». Однако термины «государство» в расширительном смысле, а также «политическое государство», равно как и «неполитическое государство», фактически не вышли за пределы «Рукописи 1843 года». Вкладывавшееся в них содержание Маркс закрепил впоследствии в терминах «общество», или «общественный строй», и «социально-экономический строй», или «базис» общества.

Немногим долговечнее оказалась и судьба термина «демократия», в который Маркс вкладывает в «Рукописи 1843 года» обширное социально-политическое содержание, обозначая им тип будущего общества, понимаемого в духе, близком коммунизму. Но лишь в «Немецко-французском ежегоднике» Маркс широко пользовался этим термином именно в таком значении; впоследствии он заменил этот термин другими, более адекватными.

Итак, *в «Рукописи 1843 года» мы имеем дело с рабочими гипотезами в области терминологии.*

Проявляя осторожность или вообще еще не сознавая всего значения нащупанного им нового содержания, Маркс иногда излагает это содержание лишь описательно, не связывая его ни с каким термином. В этом случае нам приходится, как бы забегая вперед, давать имя этому объекту в соответствии с направлением дальнейшего развития взглядов Маркса.

Именно так обстоит дело с термином «тип общества». Этим термином мы обозначаем то, что Маркс характеризует в «Рукописи 1843 года» как *тип связи между гражданским обществом и государством.*

Маркс различает здесь четыре исторических типа общества: античное, или древнее; средневековое, или феодальное; общество нового времени, или современное; демократия, или общество будущего.

Античное общество

Античное общество, или «государства древности», Маркс характеризует как «субстанциальное единство между народом и государством» (1, с. 255). Речь идет о рабовладельческих государствах, где под «народом» понимались только свободные граждане, т. е. в подавляющем большинстве рабовладельцы. Только эти граждане обладали политическими правами. Каждый из них выступал в отношении рабов как носитель всей полноты государственной власти (например, мог убить любого раба и нести ответственность за это не перед государством, а перед владельцем раба — лишь как за нанесение материального ущерба его собственности). Государство здесь еще не развилось в особую форму, отличную от повседневной жизни «народа», и является действительно *частным делом* свободных граждан, действительным содержанием их деятельности.

«Народ» и государство здесь тождественны. А граждан-

ское общество. т. е. люди, занимающиеся производством необходимых для жизни средств, еще не есть народ. Труд — удел рабов, и поэтому «у греков гражданское общество было *рабом* политического общества» (1, с. 302).

Средневековое общество

В средние века общество состоит из сословий, которые в равной мере обладают значимостью как в сфере гражданского общества, так и в сфере государства. Гражданское общество было поэтому политическим обществом, а принцип гражданского общества был принципом государства. Но в основе своей этот принцип противоположен принципу античности: не свободный гражданин, а именно *несвободный человек*. Тождество государства и гражданского общества осуществляется здесь исключительно через сословия, каждое из которых выполняло строго определенную функцию. Государственные функции утрачивают характер функций *общества* и превращаются в привилегию одного из сословий. В результате каждое сословие выступает не как носитель общего всему народу интереса, а как самостоятельное общество, как *частная сфера* тождества государства и гражданского общества.

Такое тождество не только не приобщает человека к его социальной, всеобщей сущности, но и саму эту сущность рассекает по элементам и тем умерщвляет ее живую душу.

Современное общество

В новое время происходит мнимое воссоединение политических элементов всеобщей сущности человека. «Из различных моментов народной жизни с наибольшим трудом совершилось формирование политического государства, государственного строя,— пишет Маркс.— Он развивался по отношению к другим сферам как всеобщий разум, как нечто

потустороннее по отношению к ним» (1, с. 254). Все формы государства провозглашают теперь своим принципом социальное качество человека, все претендуют на то, чтобы быть носителями всеобщего разума народа. Различие между республикой и монархией состоит лишь в том, что в первой *общественный* человек, т. е. человек как политическое существо, признается свободным, а во второй он оказывается еще несвободным.

Если в средние века сословия были действительно *политически*-сословным элементом, то в новое время политическое стало исключительным достоянием государства и потому сословия превратились в сугубо *частный элемент* общества. Их принципом стал теперь *свободный, но частный человек*. Такое, частное, сословие принадлежит гражданскому обществу и *противополагает себя* государству. Государство и гражданское общество оказались оторванными, *отчужденными* друг от друга. Поскольку гражданское общество есть «действительное, материальное государство», постольку реальная жизнь в современном обществе, разорванном на противостоящие друг другу элементы, оказывается на стороне гражданского общества, а государство выступает лишь как формальный элемент этого общества.

Формализм отчужденного государства

Этот государственный формализм находит свое воплощение в *бюрократии*. Характеризуя ее, Маркс использует в своей рукописи те выводы, к которым он пришел в «Рейнской газете», формулирует вскрытые еще в тот период законы бюрократической иерархии.

«Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частностей; низшие же круги доверяют верхам во

всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение» (1, с. 271—272).

В рукописи получает теоретическое осмысление и личный опыт борьбы Маркса против прусской бюрократии, иезуитски выдающей свой корыстный интерес за интерес государственный и при этом попирающей действительно государственные, народные интересы. Бюрократия имеет в своем обладании государство — это *ее частная собственность,* пишет Маркс. Самое себя считает она конечной целью государства, а действительную цель государства представляет противогосударственной целью. «Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, в *погоню за чинами,* в *делание карьеры*» (1, с. 272).

Принципом знания оказывается для бюрократии *авторитет,* а его обоготворение есть ее образ мыслей. Действительная наука представляется поэтому бюрократу бессодержательной, а всякая вещь приобретает двойственное значение: реальное и бюрократическое.

Диалектика существования бюрократии

Маркс теоретически осмысляет не только свой личный опыт борьбы с прусской бюрократией, но и более широкий исторический опыт политического лавирования прусской бюрократии за последние годы: вначале решительное утверждение своего господства во всех сферах государственной жизни, вплоть до почти полного подавления роли сословий, а затем, начиная с 1840 г., когда пробуждается политическое движение немецкого народа, заигрывание с сословиями — созыв ландтагов, не собиравшихся многие годы, созыв сословных комиссий в масштабе всей Пруссии, лицемерная «свобода печати» в новой цензурной инструкции и т. п.

Смысл подобных деяний прусской бюрократии Маркс усматривает в том, что бюрократия имеет своей предпосылкой сословные корпорации, ибо государство нового времени вырастало из средневекового сословно-корпоративного государства. Как всякое следствие, она борется против существования своих предпосылок. «Но как только государство пробуждается к действительной жизни и гражданское общество, действуя по побуждению своего собственного разума, освобождается от власти корпораций, бюрократия старается восстановить их...» У нее общий с корпорациями принцип — принцип частного интереса. Поэтому «следствие начинает бороться за существование своих предпосылок, как только появляется новый принцип, выступающий не против *существования* этих предпосылок, а против *принципа* этого существования» (1, с. 270).

Но бюрократия может устоять в этой борьбе только до тех пор, пока, противопоставляя себя подлинно всеобщему, ей удается выступать в качестве «всеобщего» — выдавать свой частный интерес за всеобщий. «Упразднение бюрократии возможно лишь при том условии, что всеобщий интерес становится особым интересом *в действительности*, а не только — как у Гегеля — в мысли, в *абстракции;* это, в свою очередь, возможно лишь при том условии, что *особый* интерес становится в действительности *всеобщим*» (1, с. 273).

Эти мысли свидетельствуют о глубоком проникновении Маркса в стратегию политической, в сущности классовой, борьбы. Невольно напрашивается аналогия со знаменитыми Марксовыми работами, подытоживающими опыт классовых битв 1848—1850 и 1871 гг. В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» он также обращает внимание на борьбу следствия против своих предпосылок и на последующую борьбу его за их сохранение, когда выступает на историческую арену сила, стремящаяся уничтожить сам принцип, лежащий в основе и предпосылок, и их следст-

вия. В этой же работе Маркс дает мастерский анализ того, как именно бюрократия служит «маленькому Бонапарту» основой, реальным механизмом, который позволяет ему вводить в заблуждение целую нацию, выдавая свое мелочное тщеславие за общенациональный интерес.

Конечно, не следует приравнивать «Рукопись 1843 года» к классическим работам Маркса в *методологическом* отношении. Но почерк великого стратега политических сражений за счастье народа проступает уже на страницах данной рукописи. Так, именно здесь он делает важный вывод, что для упразднения бюрократии требуется такой особый интерес, который бы действительно стал всеобщим. Маркс, правда, не указывает еще на носителя этого интереса. Его он откроет через полгода, сотрудничая в «Немецко-французском ежегоднике».

А пока, в рукописи, Маркс лишь констатирует, что «исторической задачей стало... вернуть политическое государство в реальный мир...» (1, с. 254), т. е. прежде всего упразднить отчуждение в обществе, восстановить субстанциальное единство государства и народа, государства и гражданского общества, причем принципом такого единства должен стать свободный человек.

Демократия будущего

Каждое из этих требований в отдельности уже осуществлялось в истории: первое — в античном обществе, второе — в средневековом, третье — в современном. Теперь предстоит соединить все эти принципы в качественно новое, гармоничное целое. Имя этому целому — демократия, т. е. «социализированный человек как *особая* форма государственного строя... Демократия относится ко всем остальным государственным формам как к своему ветхому завету. В демократии не человек существует для закона, а закон существует для человека; законом является здесь *человеческое бытие*, между тем как в других формах государственного строя человек есть *определяемое законом*

бытие. Таков основной отличительный признак демократии» (1, с. 252).

Итак, стержнем Марксова рассуждения о будущем обществе является идея *социализированного человека.* Она заложена уже в данной Марксом характеристике природы человека: не биологические, а социальные качества составляют его сущность. Все прежние общества, каждое на свой лад, калечили эту сущность. Задача и состоит теперь в том, чтобы восстановить ее в подлинно человеческом содержании, ценности и форме. Такое восстановление и есть социализация человека.

Хотя формулировки эти имеют фейербахианский оттенок, по содержанию они существенно отличаются от фейербаховских: не об абстрактном, изолированном индивиде идет здесь речь, а о человеке как единице политической общности — народа. Выдвинуть *человека* как принцип демократического общества для Маркса означает то же самое, что провозгласить таким принципом *народ.* Характеризуя уже в другой связи принцип будущего общества, Маркс пишет: «...необходимо, чтобы движение государственного строя, его *прогрессивное движение* стало *принципом государственного строя,* следовательно, чтобы принципом государственного строя стал действительный носитель государственного строя — народ. Самый прогресс и есть тогда государственный строй» (1, с. 284).

По существу позиция Маркса направлена против всякого общественного строя, основанного на частной собственности. «Собственность и т. д., словом, все содержание права и государства в Северной Америке, с немногими изменениями, те же самые, что и в Пруссии. Там, следовательно, *республика* является просто государственной *формой,* как здесь монархия. Содержание государства лежит вне рамок этих форм государственного строя. Гегель поэтому прав, когда говорит: политическое государство есть государственный строй. Это значит: материальное государство не является политическим» (1, с. 254).

Всеобщее как принцип политического государства не является, следовательно, принципом «материального государства», т. е. гражданского общества. Частные интересы — вот что составляет действительный принцип последнего и в Северной Америке, и, с немногими изменениями, в Пруссии.

Демократия же, полагает К. Маркс, как раз и представляет собой такое новое общество, в котором всеобщее, интересы всего народа становятся действительным принципом не только политического, но и материального государства, т. е. принципом *всей* жизни общества, *всего* его строя.

Вырабатываемый Марксом новый общественно-политический идеал пока еще слишком абстрактен, но он явственно приближается к коммунистическому. Нет никаких оснований усматривать в нем, как это пытаются сделать некоторые зарубежные исследователи Марксова наследия, буржуазный идеал, в основе которого как раз и лежит ненавистный Марксу принцип частного интереса.

Тайна производственных отношений остается тайной

Правда, идеал Маркса (в той форме, в какой он получил выражение в «Рукописи 1843 года») был еще недостаточно обоснован. В самом деле, выдвинутая им тогда схема смены исторических типов общества еще не позволяла делать научно обоснованные выводы относительно будущего. Ведь из того, что, государство и гражданское общество оторваны друг от друга, вовсе еще *не вытекает* историческая необходимость соединения их. Это провозглашаемое молодым Марксом соединение есть лишь один из возможных путей дальнейшего развития общества, и не было еще *доказано,* что история должна пойти именно таким путем. В середине 1843 г. Маркс вообще еще недостаточно знал законы современного ему общества; коренные экономические законы капитализма ему только предстояло открыть. А пока в

«Рукописи 1843 года» объективные *отношения внутри гражданского общества* еще не привлекают должного внимания Маркса, он не опирается на понимание решающей роли в обществе производственных отношений между индивидами, обусловленных, в свою очередь, уровнем развития производительных сил. Продвижение его взглядов вперед совершается пока по боковым путям, как бы в обход таинственного противника с флангов. Одним из этих флангов было *изучение конкретной истории* возникновения отчужденного, т. е. буржуазного, общества; ближайшим результатом этого изучения стало стремление раскрыть природу и законы частной собственности. Другим флангом — продвижение в *абстрактно-теоретической сфере*, первые попытки разрабатывать диалектику на почве материализма.

Углубление материализма и движение к коммунизму: отчужденный мир и диалектика

С изучением конкретной истории, в частности с работой Маркса над Крейцнахскими тетрадями, и связан отмеченный выше перерыв в изложении, образующий рубеж, который позволяет различать две основные «части» «Рукописи 1843 года». Конечно, существование такого рубежа еще нельзя считать однозначно доказанным. Но нельзя и не учитывать того, что после перерыва, с середины XXIV листа рукописи (ср. 1, с. 305, со слов «Более глубоким является у Гегеля то...»), само изложение вопросов Марксом стало более ясным и конкретным, как бы опирающимся на более широкое знание эмпирического материала. Откуда появились эти новые аргументы, эта конкретность, обилие материала и т. д.?

Ответ на эти вопросы связан, по-видимому, прежде всего с изучением Марксом нового круга литературы, что было вызвано потребностями развития его теоретических взглядов.

Маркс работал над рукописью не только в Кёльне, но и в Крейцнахе, где жила его невеста и куда сам он переехал в мае 1843 г. с намерением жениться. Еще в январе, приняв решение эмигрировать из Германии, Маркс твердо решил сделать это не один, а вместе с Женни. «Я обручился и не могу, не должен и не хочу покинуть Германию без своей невесты»,— писал он.

Многое изменилось за семь лет, прошедших с тех пор, как пылкий юноша сделал предложение своей возлюбленной и получил согласие. Но ни время, ни житейские трудности не повлияли на их чувства друг к другу, которые стали лишь глубже и прочнее. «Могу Вас уверить без тени романтики,— писал Маркс Руге в марте 1843 г.,— что я по уши влюблен, и притом — серьезнейшим образом» (11, с. 374).

Сохранился документ, свидетельствующий о том, что 12 июня 1843 г. был заключен брачный контракт между Карлом и Женни (см. 16, с. 660—662). Через неделю состоялась скромная свадьба, и они в сопровождении матери Женни и ее брата Эдгара отправились в непродолжительное свадебное путешествие по маршруту: Крейцнах — Эбернбург — Пфальц — Баден-Баден — Крейцнах.

Лето 1843 г. было поистине счастливой порой в жизни молодого Маркса. Взлет его чувств дополнялся интенсивной теоретической работой. Именно в этот период Маркс с особой остротой ощутил недостаточность своих конкретно-исторических знаний для решения возникших перед ним проблем. И потому, вернувшись из свадебного путешествия, на время прервавшего работу над критикой геге-

левской «Философии права», он, прежде чем продолжить эту работу, погрузился в море книг по истории различных стран.

Крейцнахские тетради

Выписки из этих книг сохранились в виде пяти тетрадей, датированных июлем — августом 1843 г. и пронумерованных самим Марксом. На обложке первой из них он написал: «Историко-политические заметки». Но в литературе чаще встречается другое название, фиксирующее место их написания,— «Крейцнахские тетради». В 1929 г. в первом издании MEGA дано детальное описание этих тетрадей включая почти все собственные заметки Маркса. Однако полностью Крейцнахские тетради впервые опубликованы лишь в 1981 г. в составе нового издания MEGA (см. 29, с. 9—278) *.

В рукописи эти пять тетрадей составляют в совокупности свыше 250 страниц (более 17 печатных листов) текста, написанного убористым Марксовым почерком, и содержат извлечения из 23 произведений. Здесь труды итальянского мыслителя эпохи Возрождения Н. Макиавелли, французских просветителей Монтескье и Руссо, таких английских и французских государственных деятелей — современников Маркса, как Дж. Рассел, А. П. Бругхэм, П. Дарю и Ф. Р. Шатобриан, а также таких представителей различных направлений исторической науки того времени, как немцы И. М. Лаппенберг, Ю. Мёзер, Л. Ранке и В. Вахсмут, англичанин Дж. Лингард, швед Э. Г. Гейер.

В большей части изученных Марксом трактатов описывается история отдельных стран, но вышли они в составе популярной тогда серии «История европейских госу-

* На русском языке из Крейцнахских тетрадей опубликован лишь небольшой отрывок о взглядах Гегеля на соотношение между конкретно-историческими формами государства и абстрактной идеей государства; эта заметка написана Марксом при конспектировании «Историко-политического журнала» Л. Ранке в четвертой тетради (см. 16, с. 312).

дарств». Эта серия издавалась с 1829 г. А. Хеереном, который принадлежал к Геттингенской школе историков, находившейся под влиянием французского и немецкого Просвещения, и библиотекарем Гёте, географом Ф. Укертом. Издатели хотели не просто представить историю отдельных государств, а, концентрируя внимание на важнейших пунктах европейской истории, дать некоторый ее синтез, обобщения по теории и истории государств и политики (подробнее см. 29, с. 605—606).

В совокупности работы этой серии давали разностороннее представление об истории многих стран Европы — Франции, Англии, Германии, Италии, Польши, Швеции и др.— за гигантский период, начиная от 600 г. до н. э. Причем Маркс не просто накапливал эмпирические данные, а изучал историю различных стран в их сопоставлении друг с другом, что позволяло ему за специфическими особенностями развития отдельных стран выявить общие тенденции исторического процесса. Особенность этого постижения законов истории состояла в том, что оно происходило одновременно с сознательным переходом Маркса на позиции материализма. Таким образом, *Маркс сознательно стал использовать материализм как метод изучения исторических процессов.*

В Крейцнахских тетрадях Маркс использовал различные способы отбора и анализа исходной научной информации. Иногда это дословные выписки из источников. В других случаях выписки имеют характер конспекта, т. е. свободного и сокращенного изложения материала. Встречаются хронологические группировки событий и обзоры, в которых уже более определенно выражаются собственные исследовательские интересы Маркса. В тетрадях собран значительный библиографический материал (свыше 80 названий). Особую ценность представляют собственные замечания Маркса — от кратких заметок до более развернутых комментариев. Своеобразное резюме интересов Маркса представляют составленные им предметные

указатели к своим тетрадям, содержащие названия тем и номера страниц тетрадей, где имеются выписки по данной теме (подробнее см. 29, с. 607—608).

Тематика выписок необычайно разнообразна. Однако нетрудно убедиться, что это не бессистемная пестрота, а богатая нюансами концентрация материала для решения той теоретической задачи, которая стала для Маркса основной при работе над «Рукописью 1843 года»: выяснение взаимоотношения между государством и гражданским обществом, история отчуждения первого от второго.

Уже в первой тетради, целиком заполненной выписками из трехтомной «Истории Франции» Х. Хайнриха, Маркс тщательно прослеживает возникновение парламента как политической организации, обособленной от остального общественного организма. Внимание Маркса привлекла проблема возникновения привилегий узкого круга лиц, вершивших делами общества. Возникновению таких привилегий посвящены также выписки из «Истории республики Венеции» П. Дарю. В предметном указателе ко второй тетради тема привилегий выделена особо, как предпосылка рассмотрения вопроса о чиновнической бюрократии, завершающей отделение государства от народа. Конспектируя «Историю Англии» И. Лаппенберга, Маркс в третьей тетради обращает внимание на тот факт, что члены английского парламента, так же как и французского, по большей части защищают свои собственные интересы, а не интересы народа.

Изучая историю отчуждения государства от гражданского общества, Маркс сосредоточивает внимание на отношениях собственности и их влиянии на государство и на весь общественный строй. В первой же тетради изучение периода Каролингов подытоживается указанием на связь между военизированным строем и отношениями собственности (29, с. 36). Во второй тетради эта тема получает более широкое звучание: собственность как условие участия в выборах, отношение собственников к общине, связь собст-

венности с господством и рабством, собственность и равенство — вот далеко не полный перечень вопросов, получивших здесь специальное освещение. В последующих тетрадях Маркс уясняет исторический характер различных форм собственности и связанных с ними форм социальных отношений. В пятитомной «Истории германцев. По первоисточникам» И. Пфистера особое внимание Маркса привлекли факты, свидетельствующие о том, что в древнюю эпоху, когда основу жизни германцев составляла земельная собственность в различных ее формах (частная собственность свободных граждан, королевская собственность, общинная собственность), в центре общественной жизни стояло местное собрание; напротив, в последующий период, когда возросла роль форм собственности, развившихся в городах, общественная жизнь стала все больше определяться общегосударственными нормами и законами, устанавливаемыми королем.

Историзм пронизывает все аспекты Марксова интереса к частной собственности. Даже из поверхностной книги Ю. Мёзера «Патриотические фантазии» Маркс сумел почерпнуть ценные сведения: конституции античных государств, фиксирует он, гарантировали только те свободы, которые заключены в самой личности; позднее свобода личности ограничилась свободами, связанными с владением землей; у древних римлян кабала представляла собой частно-правовое отношение, а у немцев крепостная зависимость есть отношение государственно-правовое. В книге К. Жофруа «Принцип наследственности и французские и английские пэры» внимание Маркса привлекло сопоставление процессов развития ленной зависимости в Англии и Франции. Книга Т. Гамильтона «Люди и нравы в Соединенных штатах Северной Америки» дала Марксу материал об острейших социальных противоречиях в США: федералисты выступают против предоставления неимущим избирательного права; негры хотя формально и свободны, но фактически это парии, действительное освобождение

которых требует преодоления расовых предрассудков белых; богачи притязают на привилегии, хотя формально все граждане равны перед законом; деньги и бизнес — вот подлинные боги американцев (см. 29, с. 266—275).

Как отметил В. Г. Мосолов, К. Маркс подробно законспектировал то место в книге, где были изложены требования рабочих, в том числе и тех, «более крайних», как выражался Гамильтон, которые требуют равного раздела имущества. Интересно отметить, что К. Маркс каждый раз обрывает цитирование в том месте, где Гамильтон обрушивается на рабочих с обычными буржуазными выпадами (см. 87, с. 100—101). При конспектировании второго тома «Истории Англии» И. Лаппенберга в центре внимания Маркса оказался тезис о том, что нынешняя система частной собственности — продукт длительного развития.

Обозревая многообразие социальных процессов за 2500 лет, Маркс отчетливо сознает всемирно-историческое значение Великой французской революции и потому стремится возможно глубже и детальнее изучить это событие — его подготовку, ход и последствия. Большинство законспектированных им книг посвящено именно истории Франции, и среди них почти все так или иначе касаются революции 1789 г. Так, во второй тетради содержатся выписки из «Истории последних пятидесяти лет» К. Людвига (1833), где внимание Маркса приковано к политическим и социальным процессам, связанным с революцией. Здесь же имеются выписки из критического анализа книги м-м де Сталь о французской революции, осуществленного Ж. Бейлёлем. В предметном указателе к выпискам из этих книг Маркс специально выделяет такие темы: структура феодального режима; взаимоотношение трех сословий перед революцией; собственность и ее последствия, «варфоломеевская ночь частной собственности» *; конфискация

* Имеется в виду ночь с 3 на 4 августа 1789 г., когда под давлением крестьянских восстаний Учредительное собрание провозгласило полное уничтожение феодального режима: безвозмездное упразднение личных повинностей, церковной десятины и т. п.

церковных богатств и удовлетворение претензий государственных кредиторов *; максимум и система террора ** (см. 29, с. 116).

Важные сведения о самом ходе французской революции Маркс почерпнул из «Истории Франции в революционную эпоху» В. Ваксмута. Отсюда он выписывает многие статьи знаменитой «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. и Конституции 1791 г. (Маркс использует их затем не только в «Рукописи 1843 года», но и в статьях в «Немецко-французском ежегоднике»). Здесь он познакомился с перипетиями революционной деятельности Кондорсе, Демулена, Дантона, эбертистов, Робеспьера, санкюлотов и др.

Последовавшим за революцией событиям Маркс посвятил выписки из двух небольших работ Ф. Шатобриана о реставрации и конституционной монархии во Франции после июльской революции 1830 г., из «Истории Франции после реставрации» Ш. Лакретеля и из книги К. Ланцицолле «О причинах, характере и последствиях июльских дней», а также из некоторых журналов и газет той эпохи.

В четвертой тетради Маркс, наряду с выписками, составляет библиографию по истории Франции, включающую около 200 источников, в том числе труды классиков буржуазной исторической науки: «Очерки истории Фран-

---

* В этом пункте Маркс обращает винмание на противоречие, перед лицом которого оказалось Национальиое собрание в отиошеиии к частиой собственности: за счет частиой собственности одного сословия (духовенства) утверждается частная собствениость другого сословия (крупных буржуа, кредитовавших королевскую власть) (см. 29, с. 85).

** Имеется в виду система принудительных предельных цен на предметы первой необходимости, строгой регламентации торговли и сурового преследования спекуляции, установленная революционным правительством в период якобинской диктатуры. Эти меры ограничивали свободу распоряжения собственностью и вызвали острое недовольство буржуазии.

ции» и «История цивилизации во Франции» Гизо, «Письма об истории Франции» и «Преобразования внутренних отношений после смерти Карла Великого» Тьерри. Нарастающий интерес Маркса к истории французской революции и в связи с ней к истории Франции вообще превратился к концу 1843 г. в намерение написать историю Конвента *. Однако осуществлению этого намерения в 1844 г. помешали интенсивные занятия Маркса экономическими проблемами.

Общность тетрадей и рукописи

Полученный в процессе занятий историческими вопросами конкретный материал оказал существенное воздействие на ход дальнейшей работы Маркса над «Рукописью 1843 года» не только тем, что дал ему новую эмпирическую аргументацию, но и тем, что способствовал выработке более глубокого понимания самого существа изучаемых проблем **.

Сопоставив некоторые фрагменты и формулировки, встречающиеся во второй части «Рукописи 1843 года», с Крейцнахскими тетрадями, нельзя не заметить, что она несет в себе следы влияния этих тетрадей. Более того, явно под их влиянием Маркс делает ряд вставок в первую часть рукописи. Вот некоторые примеры.

Еще в мае 1843 г. в письме к Руге из Кёльна Маркс писал о французской революции как о «революции, снова восстановившей человека» (1, с. 373). Теперь же, овладев новым историческим материалом, он пришел к иному за-

* Подробнее об этом см. 135.

** Обширный и многообразный материал Крейцнахских тетрадей Маркс использовал не только в «Рукописи 1843 года», но и в ряде последующих работ: в статьях «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», в «Экономическо-философских рукописях», в «Немецкой идеологии». Исторические занятия Маркс продолжал, в сущности, на протяжении всей своей жизни. Разносторонний анализ их роли в формировании и развитии взглядов Маркса содержится в книге «Маркс — историк» (87).

ключению: французская революция завершила отделение государства от гражданского общества, вследствие чего «человеку... приходится подвергнуть самого себя *существенному раздвоению»* (1, с. 307).

В первой и других тетрадях, как уже говорилось, внимание Маркса привлекла проблема возникновения привилегий. Эта проблема нашла отражение и во второй части «Рукописи 1843 года», где он пишет: «Часто высказывался взгляд, что в средние века каждая форма права, свободы, социального существования выступает как *привилегия...»* (1, с. 346). При этом Маркс указывает на частную собственность как на всеобщее основание привилегий.

Во второй тетради, в конспекте книги К. Людвига «История последних пятидесяти лет» и в предметном указателе к этой тетради со ссылкой на эту же книгу Маркс употребляет выражение «assemblée constituante». В первой части «Рукописи 1843 года» после написания основного текста сделана соответствующая вставка: «Эту коллизию пытались разрешить посредством различения между assemblée constituante и assemblée constituée» (1, с. 285). Факт позднейшей вставки подтверждает фотокопия рукописи *.

Примечательно, что именно после перерыва в написании рукописи наблюдается возросшее внимание Маркса к гражданскому обществу и его внутренней структуре — внимание, имеющее под собой твердое намерение обратиться вслед за критикой гегелевского учения о государстве к «критике гегелевской концепции гражданского общества» (1, с. 311; см. также с. 313). Поскольку такое намерение свидетельствует о ходе рассуждений, не вписывающемся в общую логику гегелевской «Философии права» (отдел «Гражданское общество» предшествует отделу «Государство»), можно заключить, что Маркс внес коррективы в свой первоначальный замысел под влиянием исторических занятий в Крейцнахе.

* ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед.хр. № 113, с. 69.

Характерны также замечания, сделанные Марксом при чтении «Историко-политического журнала» за 1832—1836 гг., редактором которого был Леопольд Ранке. Маркс отмечает, что при определенных условиях в ходе исторического процесса происходит резкое изменение соотношения между историческими факторами: определяющее и определяемое меняются местами. Например, это имеет место, когда сословие, вершившее до сих пор судьбами народа, вдруг оказывается вытесненным со своих господствующих позиций одним из тех сословий, которые прежде находились внизу. Однако консервативные силы рассматривают такую перемену лишь как случайное, поверхностное явление, за которым неизбежно последует возвращение добрых старых времен. Следовательно, реакция мнит, будто ее прошедшее будет продуктом настоящего, иначе говоря, ей «старый мир представляется истиной нового мировоззрения». Такого рода идеологическую иллюзию Маркс называет «политической теологией».

Именно как политическую теологию консервативных сил немецкого общества характеризует он гегелевскую философию права, в которой устаревшие для своего времени формы прусского государства изображались соответствующими «истинной идее» государства:

«Итак, превращая тем самым моменты государственной идеи в субъект, а старые формы существования государства в предикат,— в то время как в исторической действительности дело обстояло как раз наоборот: идея государства была всегда предикатом тех [старых] форм его существования,— Гегель лишь высказывает общий дух времени, его *политическую теологию*. Здесь дело обстоит точно так же, как и с его философско-религиозным пантеизмом... Эта метафизика есть метафизическое выражение реакции, для которой старый мир есть истина нового мировоззрения» (16, с. 312).

Эту мысль из четвертой тетради Маркс как бы непосредственно продолжает в «Рукописи 1843 года». Показав,

что сословия нового времени, утратившие политическое значение, Гегель отождествляет в этом смысле со средневековыми сословиями, имевшими такое значение, Маркс заключает: «Это все та же *некритическая, мистическая* манера *интерпретировать старое мировоззрение* в духе нового... Эта *некритичность*, этот *мистицизм* составляют как загадку современных форм государственного строя (...его сословных форм), так и тайну гегелевской философии, преимущественно его *философии права* и *философии религии*» (1, с. 314).

Анализируя реальные исторические процессы и превратное представление, складывающееся о них у реакционеров типа Ранке, и сопоставляя с этим представлением гегелевскую философию права, Маркс устанавливает связь идеологического явления (гегелевской философии) с характером выдвинувших его социально-политических отношений, т. е. делает важный шаг к историческому материализму.

Свободное владение обширным историческим материалом позволило теперь Марксу установить, что Гегель, отстаивая политические функции сословий в современном государстве, «не называет того дела, о котором идет речь, его общеизвестным именем. Спор идет между *представительным* и *сословным* строем. Представительный строй — это большой шаг вперед...» (1, с. 305). Именно потому, что Маркс смог более конкретно увидеть теперь связь гегелевской позиции с реальными историческими процессами,— именно поэтому и предпринял он вторичный разбор § 303 гегелевской «Философии права».

Французская революция завершила отчуждение государства

В ходе работы над Крейцнахскими тетрадями Маркс пришел также к более глубокому и конкретному пониманию процесса отчуждения государства от гражданского обще-

ства. «Историческое развитие,— пишет он,— привело к превращению *политических сословий* в *социальные* сословия... Самый процесс превращения *политических сословий* в *гражданские* происходил в *абсолютной монархии»* (1, с. 310).

Как видим, изменился самый стиль Маркса. На смену преимущественно логической контраргументации приходят характеристики реальных исторических процессов. Теоретическое долженствование уступает место фактической достоверности. В результате даже те самые термины, которые у Гегеля, Фейербаха, а нередко и у Маркса были не вполне определенными, допускающими различное толкование, теперь связываются с вполне определенными историческими явлениями и тем самым приобретают большую точность.

Точность стиля обусловлена точностью содержания. Лапидарно характеризует Маркс существо указанного исторического процесса: выступив под флагом идеи единства государства, бюрократия ограничила политические функции сословий; но некоторое время эти их функции продолжали существовать *наряду* с функциями бюрократии. Когда же они *целиком* были присвоены ею? Логика не могла помочь Марксу ответить на этот вопрос. Ответ он получил из истории: «Лишь французская революция завершила процесс превращения *политических* сословий в *социальные,* или сделала *сословные различия* гражданского общества исключительно *социальными* различиями, различиями частной жизни, лишенными политического значения. Этим был завершен процесс отделения политической жизни от гражданского общества» (1, с. 310—311).

Такой вывод можно назвать программным, ибо французская революция была тем событием всемирно-исторического значения, от которого на протяжении более 100 лет, вплоть до Великой Октябрьской революции, вели счет времени революционеры всех стран. Как ныне объективная оценка исторического места Октябрьской революции, так

и тогда объективная оценка французской революции была показателем зрелости самого революционера. И Маркс с честью выдержал экзамен.

Поскольку еще не было выработано учение об общественно-экономических формациях, нельзя было точно определить само содержание французской революции как узлового пункта при переходе от одной формации к другой. И все же Маркс сумел наметить ее место в поступательном движении истории:

а) он видит сделанный ею *большой шаг вперед* в том, что она похоронила привилегии сословий и провозгласила все политические права человека неотъемлемым достоянием каждого индивида. Отныне «отдельные члены народа *равны* в небесах их политического мира...» (1, с. 310);

б) но этим она сделала *лишь первый*, и не самый значительный, из предстоявших тогда человечеству шагов. Люди остались «не равны в земном существовании, в их *социальной жизни*» (1, с. 310). Социальное равенство станет результатом новой революции — непременно революции, ибо, как уже понял Маркс, для установления действительно нового строя всегда недостаточно было постепенного перехода и требовалась настоящая революция (см. 1, с. 283).

Коммунистическая направленность взглядов Маркса выступает здесь весьма отчетливо, хотя само слово «коммунизм» еще не произнесено.

Раздвоенный человек

Итак, в результате французской революции установился общественный строй, насквозь пронизанный противоречием между частной собственностью как принципом действительной жизни и всеобщей сущностью человека, существующей лишь в небесах политической его жизни. Вследствие такого раздвоения общества действительный человек оказывается вынужденным подвергнуть и самого себя

существенному раздвоению: «Как *действительный гражданин* он находит себя в двойной организации: в *бюрократической*,— она представляет собой внешнее формальное определение потустороннего государства, правительственной власти, не затрагивающей гражданина и его самостоятельной действительности,— и в *социальной*, в организации гражданского общества. Но в последней он, в качестве *частного лица*, стоит вне государства; эта организация не касается политического государства как такового. Первая организация есть государственная организация, *материю* которой всегда составляет гражданин. Вторая организация есть *гражданская организация*, для которой государство не является материей» (1, с. 307).

Таким образом, уже в «Рукописи 1843 года» (еще до «Экономическо-философских рукописей») свой взгляд на современное общество как на общество отчужденное Маркс развил до вывода о раздвоенности, или, как он скажет впоследствии, «разорванности», человека этого общества.

Люди, стоящие вне господствующих форм

Отсюда Маркс сделал вывод, что человек не является действительным членом общества ни как член бюрократической организации (поскольку она есть лишь формализм гражданского общества), ни как член социальной организации (поскольку она есть организация гражданского общества, т. е. построена на принципах частного интереса). Следовательно, чтобы стать *действительным* членом общества, человек должен отрешиться как от той, так и от другой организации — «уйти от всей этой организации в свою индивидуальность» (1, с. 307).

Такой вывод не есть проповедь индивидуализма, как может показаться на первый взгляд: отрешившись от существующих видов общности, чуждых истинной сущности человека, индивид впервые обнажает свою *человеческую*

индивидуальность. Яркий пример тому — жизненный путь самого Маркса: порвав с мещанской средой семьи, а затем с реакционным прусским правительством, Маркс отрешился от тех видов общности, которые сковывали его активность, и обрел подлинную свободу как человек и гражданин. Именно таким путем он получил возможность решительно бороться за высшие человеческие идеалы. Так что этот вывод Маркса был отнюдь не абстрактно-логическим, а представлял собой выстраданный итог определенного отрезка жизни.

Понятно, что на подобный разрыв с окружающей средой *по велению долга* способны не многие. Но сделанный Марксом вывод применим и к несравненно более широкой группе людей — к тем членам существующего общества, которые *в силу законов самого этого общества,* независимо от собственной воли, оказываются *вне* господствующих сфер общности. В «Рукописи 1843 года» сам Маркс еще не устанавливает такой связи, но для этого уже имеются необходимые предпосылки.

Так, говоря о текучем характере сословий в современном гражданском обществе, Маркс подчеркивает, что «люди, *лишенные всякой собственности,* и *сословие непосредственного* труда, конкретного труда, в меньшей степени являются сословием в гражданском обществе, чем той почвой, на которой покоятся и движутся его круги» (1, с. 311). В ходе исторического развития образуются, следовательно, группы людей, объективное положение которых в отчужденном обществе оказывается вне официально фиксированных форм общности.

Отчуждение предметной сущности человека

При изучении конкретной истории в поле зрения Маркса попали такие явления, как «различия потребностей и труда», «различия между городом и деревней» и некоторые

другие предметно-трудовые отношения. Правда, он еще не понимает всей громадной важности такого рода отношений, но у него уже мелькает догадка об их причастности к современным социальным проблемам.

Если средние века, пишет Маркс, отделяют человека от его всеобщей сущности, то «наше время, *цивилизация*, совершает ошибку в обратном направлении. Оно отделяет от человека,— как нечто только *внешнее*, материальное,— его *предметную* сущность. Оно не считает содержание человека его истинной действительностью» (1, с. 313).

Маркс признает, следовательно, предметную деятельность человека его содержанием и даже его сущностью. Правда, тесно связанной с общественным содержанием человека предметная деятельность была лишь в средние века, где жизнь государства была в субстанциальном единстве с жизнью гражданского общества. Ввиду отчуждения этих сфер в современном обществе предметная деятельность превратилась в исключительно частное дело частных лиц и потому утратила свой подлинно человеческий характер. Она выступает теперь как нечто внешнее человеку, отделенное, отчужденное от него.

Здесь явственно намечается подход Маркса к анализу отчужденного труда. Конечно, не следует переоценивать значение ни этого подхода, ни рассмотренной выше мысли о раздвоенности человека в том виде, как они обнаружились в «Рукописи 1843 года». Да и сама категория «отчуждение» занимает здесь Маркса главным образом в связи с характеристикой *отношений* между гражданским обществом и государством. К анализу самого гражданского общества она еще не применяется, поскольку такой анализ здесь вообще не проводится, а лишь созревает решение осуществить его.

И все же факт начинающегося на последних листах рукописи применения этой категории к характеристике человека в буржуазном обществе весьма многозначителен: он прокладывал путь к пониманию самой сути проб-

лем существования и предстоящей гибели буржуазного мира.

Выдвинув приведенную выше формулу: наше время отделяет от человека его предметную сущность, Маркс тут же сделал пометку: «Более подробно мы остановимся на этом в отделе «Гражданское общество»» (1, с. 313). До нас не дошел этот анализ. Видимо, он вообще не был проделан: вместо того чтобы подвергать критике *философское* учение о гражданском (экономическом) строе общества, Маркс предпочел проанализировать *экономические* теории. Результатом этого анализа явились «Экономическо-философские рукописи», в центре которых и стоит проблема отчуждения.

В связи с этой и другими проблемами Маркс подвергнет там радикальной переработке гегелевскую диалектику. Однако некоторые эскизы такой переработки набрасываются уже в «Рукописи 1843 года».

О типах противоречий

В самом начале рукописи Маркс фиксирует антиномический характер гегелевских определений государства. По мере углубления критики, по мере обнаружения и рассмотрения противоречий самой действительности, отразившихся в философии Гегеля, все более очевидным становится для Маркса глубокий методологический смысл этой антиномичности: «...именно в том и сказывается глубина Гегеля, что он везде начинает с *противоположности* определений (в том их виде, в каком они существуют в наших государствах) и на ней делает ударение» (1, с. 281).

Однако, принимая абсолютную идею за сущность мира, Гегель рассматривал реальные противоречия лишь как проявления, как способы существования этой универсальной сущности. Но противоречие способов существования одной и той же сущности есть лишь определенный тип противоречия: противоречие существования. Наиболее не-

примиримым, резким характером обладают существенные противоречия — противоречия *в самой сущности* и *между различными сущностями.*

В гегелевской же философии по необходимости всякое противоречие выступает как противоречие существования. Поэтому «главная ошибка Гегеля заключается в том, что он *противоречие явления* понимает как *единство в сущности, в идее,* между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто более глубокое, а именно — *существенное противоречие»* (1, с. 324).

Сводя противоречия к явлению, в конечном счете — к видимости, Гегель вынужден довольствоваться лишь простой видимостью их разрешения, выдаваемой за самую суть дела. Типичной формой такого рода «преодоления» противоречия оказывается у Гегеля опосредствование сторон противоречия некоторым третьим элементом.

Например, Гегель не может не заметить столкновения двух совершенно различных принципов в современной законодательной власти: всеобщего интереса и частного интереса. Но он старается доказать, что это лишь противоречие существования, находящее свое единство в идее государства. В качестве посредствующего элемента он выдвигает сословие. Но именно в сословиях и сходятся все противоречия современных государственных организаций, пишет Маркс. Сословия играют роль посредников во всех отношениях, так как во всех отношениях представляют «нечто среднее».

Однако наличие существенных противоречий невозможно скрыть при любом спекулятивном конструировании. Поэтому Гегель вынужден попеременно выдвигать на роль посредников фактически все элементы государственной организации, включая короля: необходимость монарха он обосновывает якобы благотворной ролью его в качестве посредника между сословиями и... правительством!

«Здесь выступает вся несообразность этих крайностей,

играющих попеременно то роль крайности, то роль середины» (1, с. 320),— заключает Маркс и показывает, что действительные противоположности именно потому и не могут быть опосредствованы, что являются действительными: «...они и не требуют никакого опосредствования, ибо они противоположны друг другу по своей сущности. Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга. Одна крайность не носит в себе самой стремление к другой крайности, потребность в ней или ее предвосхищение» (1, с. 321), т. е. это — противоположности двух различных сущностей.

Дуализм гегелевской логики

Гегелю удавалось создать видимость опосредствования действительных противоположностей, потому что он превращал их в *логические* противоположности. Но вместе с тем собственно логические противоположности (например, всеобщность и единичность как моменты умозаключения) он рассматривает как *действительные;* «в этом именно сказывается основной дуализм его логики. Дальнейшее об этом относится к критике гегелевской логики» (1, с. 321).

Обратимся к этому «дальнейшему», заключенному в последующем тексте: «Против сказанного говорит на первый взгляд следующее: «крайности сходятся», северный полюс и южный взаимно притягиваются, женский пол и мужской также взаимно притягивают друг друга, и лишь благодаря соединению их крайних различий и возникает человек.

С другой стороны, всякая крайность *есть* своя собственная противоположность. Абстрактный *спиритуализм* есть *абстрактный материализм; абстрактный матёриализм* есть *абстрактный спиритуализм* материи» (1, с. 321).

Поскольку первый из приведенных абзацев касается весьма обыденных вещей, а во втором, напротив, речь идет

об *основном вопросе философии*, то внимание исследователей молодого Маркса сосредоточивается главным образом на этом втором абзаце, но тем самым общий его контекст ускользает из их поля зрения. А вне контекста, сам по себе, этот абзац звучит так, как будто Маркс признает свою позицию дуалистической.

В действительности же не только в первом, но и во втором абзаце Маркс излагает *возможные возражения* против выдвинутого выше тезиса («действительные крайности не могут быть опосредствованы именно потому, что...» и т. д.).

Правильность такого подхода подтверждается последующим текстом. Маркс пишет: «Что касается первого (возражения.— *Н. Л.*), то северный полюс и южный являются одинаково *полюсами*, их *сущность* тождественна... Что касается второго возражения, то главное определение заключается здесь в том, что какое-нибудь *понятие* (наличное бытие и т. д.) берется *абстрактно*, что это понятие имеет значение не как нечто самостоятельное, а в качестве *абстракции* от чего-то другого и лишь как эта *абстракция*. Так, например, дух есть лишь *абстракция* от материи. Тогда ясно само собой, что это понятие, именно потому, что указанная форма должна составлять его содержание, представляет собой, напротив, свою *абстрактную противоположность*, тот предмет, от которого его абстрагируют, в его абстракции. В приведенном нами примере реальной сущностью предмета является, стало быть, абстрактный материализм» (1, с. 321—322).

Второй абзац представляет, следовательно, не позицию Маркса, а возможное «второе возражение» против его позиции. Этому «второму возражению» Маркс противопоставляет в третьем абзаце *контрвозражение — именно оно и представляет разъяснение собственной позиции Маркса.*

Существо этой позиции заключается в следующем: если противоположные понятия (материя и дух) берутся не в

их действительном содержании, а *лишь как абстракции* от своей противоположности («наличное бытие» — лишь как понятие логики, т. е. как абстракция от духа, а «дух» — лишь как абстракция от материи), т. е. *фактически берутся* как не имеющие самостоятельного значения, но при этом *изображаются* как совершенно самостоятельные сущности, то тогда, действительно, «абстрактный спиритуализм есть абстрактный материализм» и наоборот *.

Постигать специфическую логику специфического предмета

В основе этого дуализма, с помощью которого Гегель опосредствует действительные крайности, лежит то, что *«различие* в пределах существования *одной* сущности» смешивается «частью с *превращенной в самостоятельную сущность абстракцией* (абстракцией, разумеется, не от чего-либо другого, а, собственно, от себя самого), частью же с *действительной* противоположностью взаимно исключающих друг друга сущностей...» (1, с. 322).

На почве такого смешения возникает «троякая ошибка»: 1) всякая абстракция и односторонность считает себя истиной на том основании, что истина есть лишь крайность; 2) резкость действительных противоположностей считается чем-то вредным; 3) эти противоположности пытаются опосредствовать.

Вторая ошибка свойственна либералам, стремящимся сгладить остроту борьбы. Третья ошибка характерна пре-

* Поразительно совпадение в этом вопросе формулировок молодого Маркса и молодого Энгельса. На рубеже 1843—1844 гг., в «Набросках к критике политической экономии», Энгельс писал: «XVIII век, век революции... Но... все революции этого века были односторонними и оставались в рамках противоположности». Так, революция в области философии свелась к тому, что «абстрактному спиритуализму был противопоставлен абстрактный материализм... Всюду остались те же предпосылки; материализм не затронул христианского презрения к человеку и его унижения и только вместо христианского бога противопоставил человеку природу как абсолют...» (1, с. 545).

жде всего для Гегеля. Специального рассмотрения требует, очевидно, лишь первая ошибка. Почему же неверно утверждать, что всякая крайняя односторонность есть истина? Да потому, пишет Маркс, что, сколько бы обе крайности ни выступали как действительные и как крайности, положение их. неодинаково: «...свойство быть крайностью кроется все же лишь в *сущности* одной из них, в другой же крайность не имеет *значения истинной действительности*. Одна из крайностей берет верх над другой» (1, с. 322).

Например, религия и философия есть крайности. Но это не значит, что обе они истинны: философия постигает, что религия есть в действительности иллюзия; поэтому религия есть противоположность, не несущая в себе истины. С таким же правом Маркс мог бы сказать это и в отношении «абстрактного спиритуализма».

Следовательно, мало обнаружить противоречивость предмета. Необходимо постичь специфику этого противоречия, открыв, какая из сторон заключает в себе истину.

Истинный путь к постижению такой специфики проложил Фейербах. Раскрывая иллюзорную сущность христианства, он отнюдь не ограничился чисто логической аргументацией, а подошел к вопросу *исторически*. В противоположность прежним критикам религии, оспаривавшим догму святого триединства указанием на противоречие между понятиями «один» и «три» и потому не вышедшим за рамки догматической критики, Фейербах раскрыл внутренний генезис святого триединства в человеческом мозгу, описал акт рождения этой догмы. Это и есть истинная критика.

Правда, историзм глубоко пропитывает и всю концепцию Гегеля. Но Гегель саму историю сводит к логике, а постижение конкретных предметов — к поискам в них логических понятий, итогом чего является лишь иллюзия действительного познания предмета.

Эмпирическая действительность, которую Гегель пы-

тается представить как иллюзорную, мстит ему не только тем, что выдает иллюзорность его собственного мышления о ней, но и тем, что в конце концов выступает в его конструкции целиком в качестве истины. «...Некое *эмпирическое существование,*— подчеркивает Маркс,— принимается *некритически* за действительную истину идеи» (1, с. 263).

Младогегельянцы, в особенности «Свободные», также подвергли критике гегелевскую попытку искать истину противоречий путем их опосредствования. Но это была вульгарная критика, допускающая противоположную Гегелю *«догматическую* ошибку. Так, например, она критикует конституцию. Она обращает внимание на взаимное противоположение властей и т. д. Она везде находит противоречия. Это все еще догматическая критика, *борющаяся* со своим предметом... Подлинно философская критика современного государственного строя не только вскрывает его противоречия как реально существующие, но и *объясняет* их; она постигает их генезис, их необходимость. Она их постигает в их *специфическом* значении. Это *понимание* состоит, однако, не в том, чтобы, как это представляет себе Гегель, везде находить определения логического понятия, а в том, чтобы постигать специфическую логику специфического предмета» (1, с. 325).

Итак, задача подлинно научного знания состоит в том, чтобы, конкретно раскрывая генезис действительно существующих противоречий своего специфического предмета, постичь его специфическую логику.

Этот весьма зрелый методологический вывод Маркс не просто провозглашает. Он старается применить его при исследовании не только проблем гегелевской философии как таковой, но и конкретных жизненных вопросов (особенно в последних листах рукописи, где явственно ощущается, что Маркс опирается на обширный материал Крейцнахских тетрадей).

Так, Маркс предпринял здесь первые попытки исторически подойти к вопросу об отношении между государством и частной собственностью. Размах этого подхода предельно широк — от древнеримского положительного права до гегелевской философии права:

«Частная собственность носит на себе печать *римской* рассудочности и *германской* сентиментальности. Поучительно будет провести здесь параллель между этими обоими полюсами развития одного и того же института. Это нам поможет при решении обсуждаемой политической проблемы» (1, с. 347).

Этим как бы замыкался круг занятий Маркса правовыми проблемами, начатых в 1837 г.: именно на примере римского права попытался он тогда провести идеалистическую философию через всю систему права; теперь, обогащенный опытом и знаниями, он вновь обращается к римскому праву, но уже с иной целью — применить принципы *материалистической* философии к анализу общества.

Маркс считает, что римляне впервые, и притом классически, разработали право частной собственности как право абстрактной личности. Свободные от мистификации, они направили главный интерес «на развитие и определение тех *отношений*, которые являются *абстрактными* отношениями частной собственности. Собственное основание частной собственности, *владение*, берется *как факт, как необъяснимый факт, а не как право*» (1, с. 347).

Столь же трезво рассматривали римляне и право монарха: они трактовали его целиком в рамках норм частного права, т. е. частное право они понимали как высшую норму государственного права. При этом сама власть императора выступала как власть именно данного частного лица, суверенитет эмпирической воли как таковой.

Характерной чертой римского права является утверждение свободы завещания и вообще произвола владельца в обращении с собственностью. Тут не собственность владеет лицом, а лицо владеет собственностью. Этот принцип распространялся на всех, вплоть до самого императора, который не рассматривал частную собственность как связь между собой и своими подданными, а произвольно распоряжался ею.

В противоположность римлянам, германцы — это мистики частной собственности. Наглядно их собственнический мистицизм проявился в развитии такого экономико-политического института, как майорат. Майорат есть устанавливаемый *государством* правовой принцип, согласно которому *вся частная собственность* после смерти ее владельца переходит только к старшему сыну. Будучи собственником, человек здесь не свободен даже в своем последнем праве — праве завещания. «Неотчуждаемость» частной собственности, пишет Маркс, оказывается «отчуждаемостью» всеобщей свободы воли и нравственности.

При этом Маркс достигает исключительной четкости как в постановке, так и в решении вопроса о взаимоотношении государства и частной собственности: «К чему же сводится власть политического государства над частной собственностью? К *собственной власти частной собственности*, к ее сущности, которая доведена до существования. Что остается политическому государству в противоположность этой сущности? Остается *иллюзия*, будто оно является определяющим, в то время как оно является определяемым» (1, с. 335). Государственное право здесь отделяется от частного и противостоит ему. Однако именно здесь гарантией политического строя оказывается частная собственность. «Государственный строй является здесь, таким образом, *государственным строем частной собственности»* (1, с. 346).

Придавая большое значение этим выводам с точки зрения перспектив развития взглядов Маркса, не следует,

однако, непосредственно связывать содержащиеся в «Рукописи 1843 года» формулировки зависимости государства от частной собственности с категориями исторического материализма, с которыми понятие «частная собственность» связывается в сознании современных марксистов. Такие категории в то время еще не были разработаны.

Как и год назад, в 1843 г., частная собственность интересует Маркса прежде всего как грубое, бездушное (в этом смысле материальное) *воплощение частного интереса* и, следовательно, противоположность общественной, социальной сущности индивида как члена человеческого рода. Еще нет и речи о частной собственности как о выражении общественных, *производственных* отношений.

Таким образом, здесь налицо лишь отдельные элементы, подготавливающие возникновение научного мировоззрения как целостной концепции, но еще не сама эта концепция.

У истоков целостного научного мировоззрения

Глава 1
Исходный рубеж коммуниста

В начале октября 1843 г. Маркс вместе с Женни покинул Германию и вскоре прибыл в Париж, избранный местом издания «Немецко-французского ежегодника». Здесь их ждали Руге, Гесс, издатель Фрёбель и другие сотрудники журнала. Дело с его изданием налаживалось: скупой Руге раскошелился на 6 тыс. талеров, обеспечив начало издания, и теперь задачей Маркса стала по возможности быстрая подготовка статей для первых номеров.

Казалось, обстановка благоприятствует новому предприятию. Немецкие радикалы, которых посетил Руге летом, обещали ему поддержку своими статьями и распространением журнала. В Париже жило 85 тыс. немцев, в том числе немало интеллигентов — предполагаемых абонентов издания. Наконец, и сами французы не могли не заинтересоваться журналом, целью которого было сближение двух наций.

Руге, в обиходе щеголявший гуманистическими фразами с коммунистическим оттенком, предложил даже, чтобы основные сотрудники журнала — он, Маркс, Гервег и другие, включая членов их семей,— составили нечто вроде бытовой коммуны: поселились в соседних квартирах одного дома, имели бы общие расходы на продукты и обслуживание, общую кухню, столовую и т. п. (см. 31, с. 315). Но эти разговоры продолжались недолго: различие между радикально-коммунистическими фразами Руге и рождавшейся принципиальной коммунистической убежденностью Маркса обнаружилось уже при выработке программы журнала.

Две программы «Немецко-французского ежегодника»

Первый двойной выпуск журнала вышел в свет в конце февраля 1844 г. Он открывался статьей Руге «План «Немецко-французского ежегодника»». Однако фактическим введением в проблематику журнала была «Переписка 1843 года», состоящая из восьми писем Руге, Маркса, Фейербаха и Бакунина и раскрывающая социально-политические и социально-психологические предпосылки самой идеи создания журнала.

Действие в письмах

«Переписка...» не представляла собой обычного собрания аутентичных (т. е. полностью принадлежащих перу самих авторов) документов. 19 декабря 1843 г. Руге сообщал Фрёбелю: «Еще я пишу несколько писем по оригиналам Бакун(ина), Фейерб(аха), Маркса и своим» (26, с. 939). Поскольку письма-оригиналы отсутствуют, трудно судить, в какой мере они были переработаны Руге, но нет сомнения,

что в некоторые из них он внес существенные коррективы, дабы создать из них целостное литературное произведение, подчиненное единому политическому замыслу. В итоге получилось своеобразное действие в письмах, развертывающееся следующим образом.

Акт первый: действующее лицо — ***Маркс***, путешествующий по Голландии в марте 1843 г. Его письмо к Руге служит как бы увертюрой ко всей «Переписке...»; переплетение двух противоположных мотивов составляет содержание этого письма: стыд за позорное настоящее Германии и уверенность в предстоящей революции.

Акт второй: Германия, Берлин, тот же март месяц; на сцене ***Руге*** в роли одного из активных участников радикального движения 1842 г., которые теперь, под впечатлением поражения, разочаровались в своих прежних идеалах и готовы покинуть арену борьбы.

Акт третий: май — июнь, различные пункты Германии; все участники «Переписки...»: Маркс, Бакунин и Фейербах, каждый по-своему, убеждают Руге в необоснованности его отчаяния. ***Маркс*** возражает против обвинения в склонности к иллюзиям и заявляет, что берет мир таким, каков он есть: это мир филистеров, мир политических животных. Но именно потому, что этот мир опустился до самого низкого уровня, более глубокая реакция уже невозможна, и всякое дальнейшее движение может быть только осуществлением перехода к человеческому миру демократии. ***Бакунин*** убежден, что в Германии XIX в. философии еще предстоит сыграть ту роль, которую она так славно выполнила во Франции в XVIII в.; нужно только, подобно французам, не вести обособленной жизни в небесах ученой теории, а привлечь на свою сторону народ. Наконец, ***Фейербах*** с эпическим спокойствием мудреца полагает, что успех будет достигнут в Германии не скоро и для этого потребуется очистить головы людей от старых взглядов и внедрить в них новый принцип; поэтому, если можно создать новый орган для нового принципа, то нельзя с этим медлить. Под

влиянием этих аргументов *Руге* постепенно склоняется к мысли о необходимости действовать.

Акт четвертый: август, действие переносится за границу, в Париж; на сцене *Руге*, обращающийся к Марксу: «Новый Анахарсис (Бакунин.— *Н. Л.*) и новый философ (Фейербах.— *Н. Л.*) меня убедили... Германский союз справедливо запретил возобновление *«Немецких ежегодников»*, он кричит нам: не надо никакой реставрации! Как это разумно!.. Мы должны предпринять нечто новое, если желаем вообще что-нибудь делать. Я хлопочу о коммерческой стороне дела. Мы рассчитываем на вас. Пишите, что вы думаете о программе нового журнала, которую я прилагаю при этом письме» (20, с. 349).

Таким образом, замысел «Переписки...» состоял в том, чтобы сначала пробудить в немецком читателе чувство стыда за положение дел в Германии, затем в отчаянии и сомнениях, запечатленных в первом письме Руге, дать этому читателю узнать свое собственное отчаяние и свои собственные сомнения, после чего постепенно, от письма к письму, разбивать эти сомнения и утверждать решимость к новой борьбе и к принятию нового революционного принципа — программы «Немецко-французского ежегодника».

Реализуя этот замысел, Руге, по-видимому, внес изменение в оригиналы своих собственных писем; он использовал эти письма, чтобы выразить эволюцию отчаявшегося было радикала, а не свою личную позицию, которая была, несомненно, иной: если бы в марте — мае он действительно пребывал в состоянии отчаяния и полной утраты веры в будущее немецкого народа, то не смог бы в то же самое время налаживать работу по подготовке «Немецко-французского ежегодника», а фактически Руге уже в мае заключил вполне конкретный договор с Марксом об издании журнала.

Есть основания предполагать, что и в письмо Фейербаха, датированное июнем 1843 г., Руге привнес значи-

тельный элемент собственного творчества. Имеется подлинное письмо Фейербаха к Руге от 20 июня 1843 г., в котором в ответ на предложение открыть своей статьей «Немецко-французский ежегодник», как в свое время Штраус открыл «Галлеский ежегодник», Фейербах заявил: «Я совершенно ничего не имею против идеи самой по себе — напротив, сближение с французским духом представляется мне заманчивым даже более того; но с *практической* точки зрения ему именно сейчас не судьба и не место... Мы еще не можем переходить от теории к практике, так как у нас все еще нет теории, по крайней мере во всесторонне разработанной форме. Доктрина все еще является главным делом» (128, с. 358). Вряд ли можно предположить, что в том же июне Фейербах написал Руге еще одно письмо по тому же самому вопросу и с существенно иным содержанием. Известно, что месяц спустя, 22 июля, Руге посетил Фейербаха и имел с ним беседу относительно сотрудничества в журнале; возможно, именно результаты этой беседы Руге и изложил в виде письма Фейербаха к нему, но и в этом случае нельзя быть уверенным, что мысли Фейербаха переданы совершенно точно. Энгельс позднее прямо указывал на неоднократные заявления Маркса, что при редактировании «Переписки...» Руге «внес туда много чепухи» (14, с. 444).

Наряду с изложенным выше политическим замыслом Руге преследовал при работе над «Перепиской...» и некоторые личные цели, честолюбиво поставив себя в центр ее: пишет либо он сам (три письма), либо ему (пять писем); остальные же корреспонденты не имеют контактов друг с другом. Кроме того, «Переписка...» должна была служить, по замыслу Руге, подкреплением его же собственной программы «Немецко-французского ежегодника», о которой он сообщает в конце последнего письма Марксу.

В оригинале это письмо Руге оканчивалось не скупым сообщением о написанной им программе журнала, а припиской, в которой говорилось о ее «французском и немецком проспектах». Эта приписка, не опубликованная в «Немецко-французском ежегоднике», была восстановлена Руге при переиздании «Переписки 1843 года» в составе собрания его сочинений (см. 155, с. 141—142).

Там же мы находим и упомянутый «французский проспект», текст которого также отсутствовал в самом журнале. Это короткая статья на французском языке под громким названием — «Программа «Немецко-французского ежегодника»». Обращенная к французскому читателю, «Программа...» обещала давать «философское и политическое решение различных проблем, которые волнуют сегодня в Европе любое общество... По своему философскому характеру он (журнал.— *Н. Л.*) будет ориентирован главным образом на Германию. По своим социальным тенденциям и практическим устремлениям он будет ближе к Франции» (155, с. 143—144). Подчеркнув затем значение союза Франции и Германии в борьбе за подлинную свободу наций, Руге заканчивал «Программу...» указанием на следующие три направления деятельности журнала: 1) обсуждение политических, религиозных и социальных систем, оказывающих полезное или вредное влияние на будущее общество; 2) обзор газет и журналов, их целей и тенденций, их воздействия на общественное сознание; 3) критический анализ книг, публикуемых по обе стороны Рейна (см. 155, с. 143—144).

За «Программой...» следует довольно пространная статья на немецком языке под названием «План «Немецко-французского ежегодника»» (эта статья была сохранена в журнале и даже, как мы упомянули, открывала его). Она начиналась с того, чем «французский проспект» кончался: с изложения с небольшими изменениями трех направлений

работы журнала. Далее обосновывалась необходимость объединения передовых сил Франции и Германии. Равнодушие большинства к запрету в Германии свободной философской мысли «свидетельствует о том, сколь далека еще в Германии философия от того, чтобы стать делом нации. Но она должна им стать... Народ не может быть свободным, пока не сделает философию принципом своего развития; и задача философии состоит в том, чтобы поднять народ до этого образования» (126, с. 4). Руге подчеркивает, что речь идет здесь о действительно человеческой, т. е. политической, свободе.

В этом отношении Франция составляет образец для Германии: со времени Великой революции 1789 г. Франция работает над реализацией философии и потому является, можно сказать, сплошь философской страной. Впрочем, и труд немцев в сфере чистых принципов также не был затрачен напрасно: сформулированные ими принципы предстоит воплотить в жизнь во Франции, и когда это произойдет, то будет навсегда обеспечено великое преобразование, начатое революцией XVIII в. «Действительное соединение немецкого и французского духа есть соединение в принципе гуманизма» (126, с. 7).

Эти абстрактно-гуманистические теоретические положения в духе Фейербаха были совершенно недостаточны для программы журнала. Между тем они не получили в статье Руге дальнейшей конкретизации в теоретическом плане и очень мало — в плане практическом. Практическое выражение связи немецкого и французского духа в недавнем прошлом Руге усматривал главным образом в фактах культурного обмена: взаимный перевод и распространение лучших теоретических и беллетристических произведений и т. п. Теперь же, по мнению Руге, решающий практический шаг должен состоять в том, чтобы создать наглядный *образец* подлинно свободной прессы — такой, которая сама себе является господином и сама себе полагает законы. Эта функция и возлагается на «Немецко-французский ежегодник».

Таким образом, точка зрения Руге на конкретные задачи революционной борьбы в конце 1843 г. мало чем отличалась от той, которую он занимал в 1842 и даже в 1841 гг. Тот же принцип — воплотить философию в жизнь, и то же средство — свободная печать. Только вместо гегелевской философии фигурирует фейербаховский гуманизм, а вместо немецкой печати — немецко-французский орган.

Понятно, что подобная программа уже не могла удовлетворить К. Маркса.

Программа Маркса

В связи с болезнью Руге непосредственно готовить журнал к печати пришлось одному Марксу. Среди прочих материалов он вынужден был редактировать и «Переписку...», и программные статьи Руге. Не считая возможным радикально перерабатывать статьи своего коллеги, Маркс все же внес в них некоторые изменения.

Сохранилась страничка, запечатлевшая попытку Маркса видоизменить заключительную часть «французского проспекта», т. е. формулировку трех основных направлений журнала. Используя два варианта этой формулировки (французский и немецкий), Маркс дополняет французский текст некоторыми положениями из немецкого текста и одновременно придает обоим более конкретный и политически определенный смысл. Так, приведенная выше во французском варианте формулировка второго направления журнала после редакции Маркса приняла следующий вид: «...мы дадим обзор газет, который будет своего рода карой за раболепие и низость одних и привлечет внимание к достойным усилиям других, направленным на благо человечества и свободы...» (16, с. 313). Политическую заостренность придал Маркс и третьему направлению, подчеркнув неизбежность разложения и гибели устаревших немецких порядков.

Эти коррективы Маркса нашли некоторое отражение в

опубликованном немецком варианте «Плана...» (16, с. 686—687). Французский же вариант не был опубликован в журнале. Видимо, в этой связи была снята и «приписка» к последнему письму Руге, поскольку в ней как раз и шла речь о наличии двух проспектов: французского и немецкого. Наряду с этим Маркс нашел удачную (тактичную по отношению к Руге) форму выдвижения собственной программы: изложил ее в виде своего письма к Руге, заключающего «Переписку 1843 года» и датированного сентябрем *.

В этом письме Маркс прежде всего возражает против принятия какой-либо из имеющихся философских концепций в качестве готовой доктрины, которую остается лишь осуществить, как это полагал Руге. Среди нынешних теоретиков, пишет Маркс, существует большая путаница относительно того, каким должно быть будущее общество и, следовательно, в каком направлении должна вестись борьба. Было бы неверно усугублять эту путаницу, поддерживая какую-нибудь из существующих доктрин. «...Преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир» (1, с. 379).

Существовавшие в то время утопические теории социализма (Фурье, Прудон) и коммунизма (Кабе, Дезами, Вейтлинг) не удовлетворяют Маркса именно потому, что они лишь противопоставляют новые принципы старому миру, а не выводят их из него. *Найти новый мир посредством критики старого мира* — вот основная методологическая позиция, выдвигаемая Марксом в противовес этим теориям, которые он справедливо характеризует как дог-

* В 1847 г., воспроизводя «Переписку 1843 года» в собрании своих сочинений, Руге не включил данное письмо Маркса. Отсюда Д. Рязанов не без основания заключил: «Руге хотел подчеркнуть, что он не согласен с этим письмом, которое в сущности представляет программу журнала, сильно расходящуюся с программой самого Руге» (19, с. 14).

матические. Дело в том, что ни одна из этих теорий не разрабатывает весь комплекс новых принципов, а берет лишь один из них, в результате чего каждая догматически противопоставляет себя не только старому миру, но и остальным, не освоенным ею, новым принципам.

Так, упомянутые теории коммунизма все свое внимание сосредоточивают лишь на проблеме уничтожения частной собственности и противополагают частному бытию людей различные проекты жизни в условиях общественной собственности. Принимая необходимость уничтожения частной собственности как нечто само собой разумеющееся, Маркс, однако, замечает, что эти теории фактически сами еще не освободились от влияния своей противоположности — частного бытия. Такой коммунизм есть не всестороннее, а лишь особое, одностороннее осуществление социалистического принципа. «Поэтому уничтожение частной собственности и этот коммунизм отнюдь не тождественны, и не случайно, а совершенно неизбежно рядом с коммунизмом появились другие социалистические учения» (1, с. 379), которые обращают внимание не на одну лишь собственность, а и на прочие стороны бытия социализированного человека — на его способности, талант и пр. «Да и социалистический принцип в целом представляет собой опять-таки только одну сторону, касающуюся *реального бытия* истинной человеческой сущности. Мы же должны обратить такое же внимание и на другую сторону, на теоретическое существование человека, следовательно, сделать предметом своей критики религию, науку и пр.» (1, с. 379—380).

Требование всесторонней разработки бытия истинной человеческой сущности вовсе не означает отказ от определенности и конкретности. Конкретность подхода к этим проблемам диктуется особенностями обстановки, исторически сложившимися в каждой стране. Поскольку в теперешней Германии преимущественный интерес вызывают религия и политика, именно они и должны быть взяты за

исходную точку при рассмотрении любых сторон борьбы немцев за подлинно человеческое бытие.

Иллюстрируя этот тезис, Маркс использует результаты своих занятий в Крейцнахе. Современное государство, пишет он, есть государство политическое, т. е. имеющее своей сущностью *общественного* человека; однако реальные его предпосылки составляет *частная* собственность. Это противоречие обнаруживается во всех, даже самых специальных политических вопросах. Следовательно, из анализа политики всегда можно вывести социальную истину. Так, различие между сословной и представительной системами есть лишь политическое выражение различия между господством частной собственности и господством общественного человека. Подлинное содержание представительной системы составляет общественный характер всех сторон жизни человека, а не только политической его жизни, как это полагают сами защитники данной системы. Выявляя это истинное ее значение, критик побуждает ее сторонников выйти за чисто политические рамки борьбы, так как в противном случае ее победа окажется и ее концом.

«Ничто не мешает нам, следовательно, связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой. В таком случае, мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что́ собственно он борется... Итак, мы можем выразить направление нашего журнала одним словом: работа современности над уяснением самой себе (критическая философия) смысла собственной борьбы и собственных желаний. Это — работа для мира и для нас» (1, с. 381).

Таково было содержание заключительного акта «Переписки...», появившегося вопреки замыслу Руге. Именно оно и стало действительной программой «Немецко-французского ежегодника», все материалы которого (за исключением «программной» статьи Руге) были посвящены не общей разработке идеи единства французского и немецкого духа, а практически значимой работе над уяснением смысла различных форм действительной борьбы, происходящей в современном мире. Наиболее плодотворной оказалась работа, проделанная самим Марксом (статьи «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение») и его будущим соратником Энгельсом (статьи «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии») *.

Эмансипация политическая и человеческая

Поскольку, как отмечал Маркс в своем программном письме, преимущественный интерес в теперешней Германии вызывают религия и политика, обе его статьи в «Немецко-французском ежегоднике» были посвящены именно

* Кроме этих статей Маркса и Энгельса, а также упомянутых «Плана...» Руге и «Переписки...» в журнале были помещены: стихи Г. Гейне («Хвалебные песнопения королю Людвигу») и Г. Гервега («Измена»), «Письма из Парижа» М. Гесса, материалы обвинительного заключения по делу доктора У. Якоби, анализ «Заключительного протокола Венской конференции министров» (1834) и «Обзор газет» К. Бернайса.

Маркс надеялся также получить от Фейербаха статью о Шеллинге, но бругбергский отшельник ответил вежливым отказом. Уклонились от участия в журнале и также французские публицисты, как Ламартин и Ламенне (см. 16, с. 314). С другой стороны, и сам Маркс «вынужден был — после длительных препирательств — отвергнуть» ряд статей немецких эмигрантов, находившихся в Париже (см. 11, с. 379).

этим предметам *. Они продемонстрировали плодотворность конкретного анализа для обоснования общих выводов о необходимости новых, подлинно человеческих общественных отношений и для раскрытия того, что борьба за такие отношения фактически уже ведется, хотя сами ее участники и не сознают этого.

Исходная точка анализа — реальный факт

В статье «К еврейскому вопросу», написанной осенью 1843 г., за исходную точку Маркс берет конкретный факт: верующие евреи, т. е. сторонники иудейской религии, борются в Германии за равные политические права с остальными немцами. Каков подлинный смысл этой борьбы?

Поскольку иудейская религия объявляет евреев богоизбранным народом, все христианские религии видят в иудаизме своего смертельного врага и стараются всячески ущемлять сторонников иудаизма. Особенно это ощутимо там, где христианство является государственной религией. Например, в Германии евреи, исповедующие иудаизм, существенно ограничивались в политических правах: указом от 4 мая 1816 г. они были лишены права занимать государственные должности. Борясь за ликвидацию этого положения, евреи объективно оказались в русле общей борьбы против устаревших политических порядков в Германии, хотя их позиции в этой борьбе были ограниченны.

Как же относиться к борьбе евреев за свои политические права? Либералы обычно поддерживают ее, усматривая в ней один из элементов борьбы за отделение государства от церкви — борьбы, начатой просветителями еще на заре нового времени. Стремясь быть более ради-

---

* Эти статьи были первыми публикациями Маркса за его собственною подписью.

кальным, Бауэр в работе «Еврейский вопрос», опубликованной в ноябре 1842 г. в виде статьи в «Немецком ежегоднике», а затем переизданной в качестве брошюры, наоборот, пришел фактически к отрицанию смысла борьбы евреев как таковой.

Пока государство остается христианским, рассуждал он, оно не может предоставить равные права евреям, как сторонникам религии, враждебной христианству. Следовательно, политическая эмансипация евреев предполагает уничтожение христианского государства. Но для того, чтобы с полным правом добиваться этого уничтожения, евреи должны отказаться и от своей собственной религии. Атеизм — вот предпосылка политической эмансипации.

Иначе говоря, евреям, борющимся за свою политическую эмансипацию, Бауэр заявляет: вся ваша борьба ни к чему не ведет; на самом деле вы должны бороться с собственной религиозностью и т. д. При всем радикализме, критика Бауэра являет пример догматической критики, которая не исходит из предмета, развивая его принципы, а противопоставляет себя предмету, пытается навязать ему свои принципы и потому неизбежно терпит крах.

Еще в марте 1843 г. Маркс писал: «Как мне ни противна израильская вера, но взгляд Бауэра кажется мне все же слишком абстрактным. Надо пробить в христианском государстве столько брешей, сколько возможно...» (11, с. 375). И следуя логике такого подхода, Маркс в статье «К еврейскому вопросу» стремится постичь специфическую природу предмета и *из нее* развить всеобщую истину, каковой является для него необходимость утверждения *общественн*ого человека во *всех* сферах жизни. Поэтому борьбу немецких евреев за политическую эмансипацию он принимает как реальный исходный факт, который, однако, надлежит правильно осмыслить, т. е. понять его глубинную связь с общим историческим процессом и тем самым раскрыть его историческую перспективу.

Ограниченность политической эмансипации

Это осмысление предполагает изучение еврейского вопроса в *различных* исторических условиях. В Германии не существует политического государства как носителя общественной сущности человека. Поэтому здесь еврейский вопрос и в самом деле оказывается чисто религиозным: еврей находится в *религиозной* противоположности к государству, признающему своей основой христианство. Иначе обстоит дело в государстве с республиканским строем, в США, где религия низведена до уровня частного дела гражданина и где поэтому еврейский вопрос теряет свое теологическое значение и превращается в *мирской* вопрос. Но если даже в стране с «завершенной политической эмансипацией» религия существует и проявляет жизнеспособность, то не означает ли это, что сама политическая эмансипация есть не доведенная до конца, противоречивая эмансипация человека?

Отвечая на этот вопрос, Маркс излагает материалистическое существо своих методологических установок с такой отчетливостью, на какую способен лишь *сознательный материалист:* «Мы не утверждаем, что граждане государства должны покончить со своей религиозной ограниченностью, чтобы уничтожить свои мирские путы. Мы утверждаем, что они покончат со своей религиозной ограниченностью только тогда, когда уничтожат свои мирские путы. Мы не превращаем мирские вопросы в *теологические.* Мы превращаем теологические вопросы в мирские. После того как историю достаточно долго объясняли суевериями, мы суеверия объясняем историей. Вопрос об *отношении политической эмансипации к религии* становится для нас вопросом об *отношении политической эмансипации к человеческой эмансипации»* (1, с. 388).

Отношение государства к религии есть не философско-теологическая абстракция, а конкретное отношение к ре-

лигии тех людей, которые образуют государство. Если даже в условиях республики люди продолжают оставаться религиозными, то это значит, что в основе государства лежит такой тип отношений между людьми, который необходимо порождает и религиозные отношения. Этой основой Маркс считает то, что существующее государство, *как и религия*, признает человеческое в человеке лишь *окольным путем*, лишь с помощью посредствующего звена. «Как Христос есть посредник, на которого человек перекладывает всю свою божественность, всю свою *религиозную ограниченность*, так и государство есть посредник, в которого он вкладывает всю свою небожественность, всю свою *человеческую свободу*» (1, с. 389).

В силу каких причин государство оказывается не средством реализации человеком своей свободы, а *посредником* между человеком и его свободой, фактически отчуждающим свободу от человека? Коренную причину этого Маркс усматривает в противоположности между государством как политической общностью, в которой человек признает себя *общественным* существом, и гражданским обществом, где человек действует как *частное* лицо. Практическая жизнь человека протекает в сфере гражданского общества, где господствует частная собственность; поэтому практическое применение права человека на свободу есть прежде всего право на частную собственность. В такой ситуации всякий человек вынужден рассматривать другого человека как предел своей свободы, т. е. в повседневной жизни он свободен не объединяться с другим человеком, а обособляться от него. Следовательно, человек не обладает подлинно человеческой свободой. От этой последней остается лишь иллюзия, воплощением которой и являются «небеса политической жизни», где якобы осуществляется универсальная связь человека с человеком.

Так сама жизнь людей оказывается разорванной на реальную и иллюзорную, земную и небесную. Этот мирской раскол, эта двойная жизнь служит благоприятной почвой

и для раскола в мыслях, как раз и выражаемого религией. «Члены политического государства религиозны вследствие дуализма между индивидуальной и родовой жизнью, между жизнью гражданского общества и политической жизнью; они религиозны, потому что человек относится к государственной жизни, находящейся по ту сторону его действительной индивидуальности, как к своей истинной жизни; они религиозны, поскольку здесь религия есть дух гражданского общества, выражение отрыва и отдаления человека от человека» (1, с. 397). *Политическая эмансипация, следовательно, не только не уничтожает религиозность человека, но и не стремится к этому.*

Каково же действительное место политической эмансипации в истории? Политическая революция, ниспровергнув феодализм с его деспотической властью, превращает государственные дела в дело всего народа. Однако свержение политического ярма было в то же время уничтожением уз, сковывавших эгоистический дух гражданского общества, разложением его и сведением к своей основе — к *эгоистическому* человеку. Мир потребностей, труда, частных интересов, частного права политическая революция принимает как свою конечную предпосылку, как свой *естественный базис.*

Деньги — квинтэссенция отчуждения

Итак, практическая потребность, эгоизм — вот принцип гражданского общества. Как только оно освободилось от уз феодализма и породило из своих собственных недр политическое государство, указанный принцип выступил *в чистом виде: «Бог практической потребности и своекорыстия — это деньги»* (1, с. 410). По идее политическая власть должна возвышаться над денежной властью; но на деле она стала ее рабыней.

Господство эгоистической потребности вынуждает че-

ловека подчинять всю свою деятельность власти чуждой сущности — деньгам и придавать деятельности значение этой чуждой сущности, т. е. практически отчуждать самого себя. «Деньги — это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей» (1, с. 410).

Разбирая вторую работу Бауэра, «Способность современных евреев и христиан стать свободными», опубликованную в сборнике Гервега «Двадцать один лист» (1843), Маркс предпринимает попытку установить связь между религией как продуктом отчужденного состояния земной жизни вообще и деньгами как квинтэссенцией этого отчуждения.

Вопрос об эмансипации евреев, превращенный Бауэром в философско-теологическую проблему, Маркс переводит на земные рельсы: «...какой особый *общественный* элемент надо преодолеть, чтобы упразднить еврейство?» И отвечает:

«Поищем тайны еврея не в его религии,— поищем тайны религии в действительном еврее.

Какова мирская основа еврейства? *Практическая* потребность, *своекорыстие.*

Каков мирской культ еврея? *Торгашество.* Кто его мирской бог? *Деньги*» (1, с. 407, 408).

Следовательно, отчужденная сущность современного человека и мирской бог современного еврея *совпадают*. Выходит, что еврей воплотил в себе наиболее характерные черты современного человека. Как это случилось?

Будучи мировоззрением практической потребности, иудаизм мог развиваться дальше и получить свое завершение не в теории, а прежде всего в практике. Своей высшей точки иудаизм достигает там, где своекорыстная потребность разрывает все родовые узы человека и превращает человеческий мир в мир враждебно противостоящих

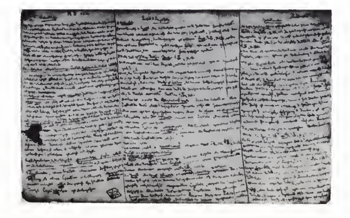
Скованный Прометей.
Аллегория на запрещение
«Рейнской газеты».

Дом в Париже, где жил К. Маркс в 1843—1845 гг.

Поэт Г. Гейне, К. Маркс и Женни Маркс. Париж 1844 г. Художник Н. Жуков.

Страницы из «Рукописи 1843 года» с анализом § 303 «Философии права» Гегеля.

Первая страница тетради I «Экономическо-философских рукописей».



друг другу индивидов, т. е. там, где гражданское общество достигает завершения, подминая под себя общество политическое.

Но это происходит в *христианском* мире. Следовательно, круг замкнулся: «Христианство возникло из еврейства. Оно снова превратилось в еврейство... Только после этого смогло еврейство достигнуть всеобщего господства и превратить отчужденного человека, отчужденную природу в *отчуждаемые* предметы, в предметы купли-продажи, находящиеся в рабской зависимости от эгоистической потребности, от торгашества. Отчуждение вещей есть практика самоотчуждения человека» (1, с. 412).

Итак, сущность современного еврея есть не только ограниченность еврея, но и «еврейская ограниченность» *общества*. Следовательно, «*общественная* эмансипация еврея есть *эмансипация общества* от *еврейства*» (1, с. 413), сутью которого являются деньги и отношения торгашества.

Человеческая эмансипация

Как видим, Марксу действительно удалось превратить религиозный вопрос в мирской и при этом не снизить его значение, а впервые раскрыть его подлинно всеобщий смысл. Он показал, что борьба немецких евреев за эмансипацию имеет вполне реальное содержание, ибо служит одним из проявлений борьбы против отчуждения государства от гражданского общества. Поскольку, однако, политическая эмансипация не устраняет отчуждения, а лишь доводит его до конца, то следует раздвинуть рамки этой борьбы и поднять ее до уровня борьбы за *человеческую эмансипацию*, т. е. за эмансипацию человека не в каком-то одном только отношении — в политическом, религиозном и т. д.,— а универсально, как человека вообще.

Такая эмансипация предполагает устранение порожденного отчуждением раздвоения человека на частное лицо и на гражданина государства.

«Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым существом;* лишь тогда, когда человек познáет и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы,— лишь тогда свершится человеческая эмансипация» (1, с. 406).

Но дело человеческой эмансипации упирается опять-таки в деньги и связанные с ними отношения торгашества, которые стали главным *антисоциальным элементом* современного общества, достигшим высшей ступени своего исторического развития. Поскольку эти отношения составляют в то же время суть практического, реального еврейства, получается, что эмансипация евреев предполагает человеческую эмансипацию, а последняя, в свою очередь, требует эмансипации общества от практического еврейства. Успех борьбы евреев за эмансипацию лежит, следовательно, не на пути свертывания ее практического содержания и ограничения рамками борьбы против собственной религиозности как таковой, а на пути всемерного расширения ее и направления главным образом против «практического еврейства» современного общества — против торгашества и денег. В этом случае борьба евреев за *свою* эмансипацию сливается с общей борьбой за эмансипацию *человека.*

Нетрудно заметить, что весь изложенный выше ход рассуждений Маркса непосредственно связан с «Рукописью 1843 года» и Крейцнахскими тетрадями и служит первым публичным выражением сделанных там теоретических выводов. Связь эта настолько тесная, что вопросы об отчуждении гражданского общества от государства, о превращении феодального общества в буржуазное и некоторые другие излагаются в статье «К еврейскому вопросу»

текстуально близко к изложению их в «Рукописи 1843 года». Наряду с этим данная статья развивает многие положения рукописи, реализует в некоторых случаях содержащиеся там обещания.

Например, относительно § 270 гегелевской «Философии права» Маркс указывает в «Рукописи 1843 года»: «Примечание к этому параграфу — об отношении между церковью и государством — рассмотрим позже» (1, с. 233). Однако он возвращается к этому примечанию не в самой «Рукописи 1843 года», а в статье «К еврейскому вопросу»: *«Гегель* поэтому совершенно правильно определяет отношение *политического государства* к религии, когда говорит:

«...только *возвысившись над* особыми церквами, государство обретает и осуществлиет *всеобщность* мысли, принцип своей формы» (Гегель. «Философия права», 1-е изд., стр. 346).

Конечно! Только возвысившись *над особыми* элементами, государство конституирует себя как всеобщность» (1, с. 390) *.

Почти все источники, на которые опирается Маркс в статье «К еврейскому вопросу», полемизируя с Бауэром, заимствованы из Крейцнахских тетрадей **.

Тесная связь с «Рукописью 1843 года» и Крейцнахскими тетрадями обусловила как сильные, так и слабые

---

* Ссылка ив Гегеля, процитированная нами лишь чвстично, есть ссылка именно нв примечание к § 270 «Философии права».

** Книга Гамильтона «Люди и нравы в Соеднненных Штатах Северной Америки» цитируется Марксом дважды; «Общественный договор» Руссо цитируется имеиио в том виде и с теми сокращениями, как это выписаио в первой Крейцнахской тетради (ср. 1, с. 406, и — соответствеиио — 103, с. 34); рид статей из «Декларации прав человека» 1791 г. приводятси по конспекту второго тома киига Вахсмута «История Франции в революциоииую эпоху»; ссылка на Мюнцера (см. 1, с. 410) заимствована из «Немецкой истории в эпоху реформации» Раике.

стороны статьи «К еврейскому вопросу». К сильным сторонам относится сознательная материалистическая установка, позволяющая Марксу подвергнуть Бауэра сокрушающей критике и дать принципиально новое решение обсуждаемого вопроса. Слабую сторону статьи составляет идущее от рукописи значительное влияние фейербаховского антропологизма: коммунистический идеал облекается в форму «человеческой эмансипации», преувеличена роль религии (иудаизма и христианства) в истории отчужденного мира и т. п.

И все же в рассматриваемой статье явственно проступают некоторые новые мотивы. Сказалось более глубокое знакомство Маркса с историей французской революции 1789 г., полученное в ходе дальнейшего изучения литературы: «Истории французской революции» О. Минье, многотомной «Парламентской истории французской революции» Ф. Ж. Б. Бюше и П. Ру, а также других трудов (см. 135, с. 22). Углубляется и философский, методологический анализ социально-политических проблем. Если у Фейербаха человеческая эмансипация в значительной мере сливается с эмансипацией политической, то Маркс четко различает и даже противопоставляет их *. Кроме того, здесь впервые сформулирован тезис о деньгах как воплощенной сущности отчуждения и об их ликвидации (вместе со всеми связанными с ними антисоциальными элементами) как *главном мирском содержании* человеческой эмансипации.

Но оставался еще неясным весьма существенный вопрос: *где же та сила, которая призвана низвергнуть мирского бога современного общества?* Ответ на этот вопрос

* Отсюда вовсе не следует, будто Маркс противопоставляет социальную *революцию* политической. Уже в «Переписке...» он критикует позицию «завзятого социалиста» за недооценку политической борьбы, а вскоре подвергнет критике Руге за противопоставление политической и социальной революций.

Маркс дает в следующей своей статье, также опубликованной в «Немецко-французском ежегоднике». По замыслу она представляет собой введение к критике гегелевской философии права, которую Маркс рассчитывал развить на основе «Рукописи 1843 года».

Пролетариат — сердце человеческой эмансипации

Как и в работе о еврейском вопросе, в статье «К критике гегелевской философии права. Введение» Маркс анализирует реально происходящую борьбу с целью уяснения ее собственного смысла и перспектив. Непосредственным объектом его пристального внимания оказалась на этот раз проблема человеческой эмансипации как таковая — ее историческая необходимость, ее практические предпосылки и движущие силы.

Разоблачить несвятые формы отчуждения

Человеческая эмансипация, в понимании Маркса, есть освобождение всех жизненных сил человека как общественного существа. Ее осуществление предполагает ликвидацию всякого отчуждения, все виды которого можно сгруппировать в два основных типа: религиозное и светское. Борьба против какого из них выдвигается теперь на первый план?

В программном письме Маркс говорит о религии и политике как о двух основных, в равной мере важных объектах критики. «Введение» к критике гегелевской философии права он начинает с констатации иного положения вещей: «Для Германии *критика религии* по существу окончена...» (1, с. 414). Коль скоро стало ясно, что фантастическая действительность неба есть всего лишь *отражение*,

или отблеск (Widerschein), мирской действительности человека — государства, общества, то на первый план выдвигается критика этого реального мира.

«Задача истории, следовательно,— с тех пор как исчезла *правда потустороннего мира*,— утвердить *правду посюстороннего мира.* Ближайшая *задача философии*, находящейся на службе истории, состоит — после того как разоблачен *священный образ* человеческого самоотчуждения — в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его *несвященных образах*. Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, *критика религии* — в *критику права, критика теологии* — в *критику политики»* (1, с. 415).

Эти выводы, сделанные Марксом из наблюдения за реальным ходом борьбы в Германии, имели практическое значение для ее дальнейшего развертывания. Они звучат как лозунги, обращенные ко всем участникам борьбы. Отмечая, что борьба проходит в настоящий момент свой поворотный пункт, они помогали уяснить ее новое направление и призывали к перегруппировке сил. В сущности, они имели значение не только для Германии, но и для Франции, призывая местных социалистов покончить с религиозными исканиями и уделить главное внимание политическим проблемам.

Не все и не сразу поняли правильность этих призывов. Среди неспособных понять наступление нового этапа борьбы оказался человек, деятельность которого в максимальной степени подготовила этот этап. Таким человеком был Фейербах: трижды — в ответ на два предложения Руге и одно предложение Маркса — отклонил он в 1843 г. приглашение участвовать в «Немецко-французском ежегоднике». Этот отказ оказался роковым для всей последующей его биографии как мыслителя и общественного деятеля: с этого времени началась его действительная изоляция от основных сил, борющихся за преобразование общественного строя Германии, от тех социальных процессов, ради связи с которыми он в свое время совершил

крутой, под стать подвигу, поворот; а его мощный интеллект стал тускнеть, так и не подарив больше миру произведений, равных по своей значимости тем, которые он создал в 1839—1843 гг.

Способность всегда быть готовым к восприятию нового (вообще довольно редкая и в общественном смысле исключительно ценная способность) была в высшей степени развита и у Маркса, и у Энгельса. Не случайно поэтому одновременно с Марксом молодой Энгельс также констатировал завершение в Германии критики пантеизма, составляющего теоретическую основу религиозного мировоззрения. В статье «Положение Англии», включенной Марксом в «Немецко-французский ежегодник», Энгельс писал:

«За последнее время в Германии критика пантеизма проведена с такой исчерпывающей полнотой, что ничего больше не остается добавить» (1, с. 590).

Выдвигая на первый план критику светского типа отчуждения, Маркс считает необходимым развертывать ее в обеих формах: теоретической и практической. Однако масштаб значения одной и другой формы неодинаков: критика *немецкой действительности* имеет значение преимущественно для самой Германии, а критика ***немецкой теории*** государства и права — для всех развитых стран. Дело в том, что современный немецкий режим — это исторический анахронизм, отвергнутый французами свыше полувека назад; немецкие порядки находятся ниже уровня истории.

В области же теории немцы находятся вполне на уровне современности: восприняв французскую философию, подготовившую революцию 1789 г., немцы двинули ее дальше, подобно тому как французы двигали дальше дело революции. В итоге современная немецкая философия, получившая самую последовательную, самую богатую и законченную формулировку в работах Гегеля, *соответствует* не немецкой, а французской и иной развитой современной действительности. И критика этой философии соответствует критике этой развитой действительности.

В особенности критика гегелевской философии государства и права «есть одновременно и критический анализ современного государства и связанной с ним действительности» (1, с. 421).

Но отсюда не следует, будто такая критика не имеет значения для отсталой *немецкой действительности*. Будущее немецкого народа — это отрицание отживших порядков и тем самым осуществление его собственной философии. Однако оно не может этим *ограничиться*, потому что немецкий народ «почти уже *пережил*» осуществление своей философии, наблюдая жизнь соседних народов, а с другой стороны — уже и *теоретически начал критику* гегелевской философии. Следовательно, будущее немецкого народа необходимо связано с критикой его собственной философии, и наоборот — такая критика связана с этим будущим. Но именно потому, что она связана с реальным, практическим будущим немецкого и других народов, критика спекулятивной философии права связана с такими задачами, для решения которых имеется одно только средство — практика.

Радикальная теория как предпосылка человеческой эмансипации

В чем же состоят эти практические задачи? Очевидно, что отсталые немецкие порядки требуют не теоретического опровержения, а уничтожения материальной силой, критики оружием. Однако при определенных условиях сама теория становится такого рода ниспровергающей силой: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (1, с. 422). Первая практическая задача заключается, следовательно, в том, чтобы *выработать такую теорию, которая могла бы овладеть массами и стремилась бы к этому*.

Создание новой философии предполагает критику существующей. В этом смысле правы сторонники практического направления, отрицающие существующую философию. Но при этом они не понимают, что нельзя упразднить эту философию, не осуществив ее. Напротив, теоретическая партия (младогегельянцы) ставит своей целью именно осуществление существующей философии, не понимая, что это невозможно без одновременного ее отрицания. Правильное решение проблемы требует выработки *радикальной философии*, которая доказывает не только рационально, но и эмоционально, ad hominem, и именно поэтому *способна* овладеть массами. «Быть радикальным — значит понять вещь в ее корне. Но корнем является для человека сам человек. Очевидным доказательством радикального характера немецкой теории, следовательно — ее практической энергии, служит то, что ее исходным пунктом было решительное, *положительное* упразднение религии. Критика религии завершается учением, что *человек — высшее существо для человека*, завершается, следовательно, *категорическим императивом, повелевающим ниспровергнуть все отношения*, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом...» (1, с. 422).

В этой позиции Маркса очевидно влияние фейербаховского антропологизма. Но из учения Фейербаха о человеке как высшем существе для человека Маркс делает *революционные выводы*, которые как раз и оказываются завершением критики религии, т. е. тем, что Маркс провозгласил в самом начале статьи. Вместе с тем эти выводы и есть как раз аргументация ad hominem, обращенная к чувствам людей и доступная для понимания каждого, кто находится в положении униженного и порабощенного. Тем самым радикальная теория Маркса, выступающая предпосылкой человеческой эмансипации в Германии, не тождественна фейербаховскому материализму, а является его продолжением и развитием.

Теория, однако, осуществляется лишь постольку, поскольку она отвечает потребностям народа. Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей. Каковы же предпосылки и почва для их зарождения в Германии?

Они коренятся в универсальной отсталости немецкой действительности. Не разделяя с другими народами их революций, немецкий народ исправно разделял их реставрации, воплотив в себе страдания развития современных народов. Немецкие правительства, в свою очередь, наряду с варварскими недостатками феодального государства усвоили и цивилизованные недостатки современного государственного мира, воплощая в себе грехи всех государственных форм. Поэтому, говорит Маркс, ни народ не может избавиться от части своих страданий, не избавившись одновременно от всякого страдания, ни правительства не могут очиститься от некоторых своих грехов, не очистившись одновременно от своей греховной природы вообще.

Невозможность частичной, только политической, революции в Германии становится еще более очевидной, если учесть, что не было реальной силы, способной совершить такой частичный акт. Частичная революция основана на том, что *часть* гражданского общества возбуждает на мгновение энтузиазм в себе и в массах, так что ее особый интерес предстает в качестве интереса *всего общества*. Это возможно лишь тогда, когда недостатки общества сосредоточиваются в определенном классе, а сфера деятельности последнего общепризнана *«преступлением* в отношении всего общества, так что освобождение от этой сферы выступает в виде всеобщего самоосвобождения» (1, с. 425).

В Германии же ни один класс не находился тогда в

таком положении. Исторически отношения между классами развивались таким образом, что каждый из них начинал осознавать себя и выдвигать свои особые требования не тогда, когда он находился в положении угнетенного класса, а тогда, когда возникал другой класс, в отношении которого первый сам оказывался в положении угнетателя. В результате «каждый класс, как только он начинает борьбу с классом, выше его стоящим, уже оказывается вовлеченным в борьбу с классом, стоящим ниже его. Поэтому княжеская власть находится в борьбе с королевской, бюрократ — в борьбе с дворянством, буржуа — в борьбе с ними со всеми вместе, а в это время пролетарий уже начинает борьбу против буржуа» (1, с. 426—427).

Итак, в Германии невозможна частичная, только политическая, революция и, наоборот, всеобщая эмансипация есть необходимое условие всякой частичной. Но «ни один класс гражданского общества до тех пор не чувствует ни потребности во всеобщей эмансипации, ни способности к ней, пока его к тому не принудят его *непосредственное* положение, *материальная* необходимость, его *собственные цепи*.

В чем же, следовательно, заключается *положительная* возможность немецкой эмансипации?

Ответ: в образовании класса, скованного *радикальными цепями*, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое *особое право*, ибо над ней тяготеет не *особое бесправие*, а *бесправие вообще*...— одним словом, такой сферы, которая представляет собой *полную утрату* человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека*. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть *пролетариат*... Возвещая *разложение существующего миропорядка*, пролетариат раскры-

вает лишь *тайну своего собственного бытия*, ибо он и *есть фактическое* разложение этого миропорядка. Требуя *отрицания частной собственности*, пролетариат лишь возводит в *принцип общества* то, что́ общество возвело в *его* принцип, что́ воплощено уже в *нем*, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества» (1, с. 427—428).

Так впервые формулирует Маркс на рубеже 1843—1844 гг. одно из величайших открытий научного коммунизма — *открытие исторической миссии пролетариата как единственного в истории класса, который в силу своего объективного положения борется не за установление собственного господства над обществом как новой формы гнета, а за ликвидацию всякого господства и всякого угнетения*. Революционное самоосвобождение пролетариата оказывается тождественным самоосвобождению общества, общечеловеческой эмансипации. Это коренным образом отличает пролетарскую революцию от всех предшествующих революций.

Духовное оружие пролетариата

Вот и найдена та реальная сила, которая способна и самой историей призвана осуществить человеческую эмансипацию. Именно пролетариат должен воплотить в жизнь теорию, объявляющую высшей сущностью человека самого человека. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация *немца* в *человека*... *Голова* этой эмансипации — *философия*, ее *сердце* — *пролетариат*. Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность» (1, с. 428—429).

Здесь отчетливо сформулирована мысль о необходимости соединения революционной теории с практикой борьбы революционного класса. Лишь овладев такой теорией, пролетариат становится грозной силой, ниспровергающей отношения частной собственности и эксплуатации. И лишь в революционной борьбе пролетариата научная философия перестает быть только философией и превращается в духовное оружие практических преобразований.

Так осуществлял Маркс в «Немецко-французском ежегоднике» свой программный принцип: посредством критики старого мира найти новый мир. Не стремясь догматически предвосхитить будущее, он раскрывал перспективы реально ведущейся борьбы и в сфере теории, и в сфере практики. Это были грандиозные, захватывающие дух перспективы. Не многим под силу было сразу понять и принять их. Тем более поразительно, что независимо от Маркса, иным путем, но к тем же выводам и в то же самое время пришел и молодой Энгельс.

Переход Энгельса к материализму и коммунизму

Прошел год после первой встречи Маркса с Энгельсом и публикации в «Рейнской газете» корреспонденций, в которых Энгельсу удалось ухватить самую суть положения дел в Англии: предстоящая там революция будет проведена не ради принципов, а ради материальных интересов и потому будет революцией социальной.

Каковы же эти интересы и соответствующие им политические силы? Энгельс раскрывает их в четырех «Письмах из Англии», опубликованных в мае — июне 1843 г. в журнале «Швейцарский республиканец», издававшемся тем же самым Фрёбелем, который вскоре взялся и за выпуск «Немецко-французского ежегодника».

В своих «Письмах...» Энгельс отмечает, что в Англии партии идентичны с социальными классами и слоями: тори — с дворянством и ортодоксальной фракцией англиканской церкви; виги — с фабрикантами, купцами и диссентерами *, а в целом — с высшими слоями буржуазии; радикалы — с низшими слоями буржуазии; чартисты — с рабочим людом, пролетариями; лишь социалисты не образуют замкнутой партии, вербуя своих сторонников и из пролетариев, и из низших слоев буржуазии.

Изображая эту лестницу классов, Энгельс обращает внимание на «тот замечательный факт, что чем ниже стоит класс в обществе, чем он «необразованнее» в обычном смысле слова, тем он прогрессивнее, тем бóльшую будущность он имеет» (1, с. 513). С этой точки зрения наиболее прогрессивными и потому наиболее влиятельными в национальных масштабах оказываются чартисты и социалисты. Этим двум революционным силам английского общества автор «Писем...» и уделяет основное внимание.

Чартизм выражает наиболее революционные тенденции английского пролетариата и пользуется все большим влиянием. Национальная чартистская ассоциация стала настолько мощной по числу своих членов, что скоро сможет собирать до 1 млн. пенсов еженедельно. Однако слабость чартизма, даже лучших его вождей, таких, как О'Брайен, О'Коннор, Гарни и др., состояла в переоценке чисто политических средств борьбы, вследствие чего на первый план они выдвигали не уничтожение частной собственности, а борьбу за всеобщее избирательное право.

Социалисты, напротив, более четко представляют себе конечные цели борьбы. Это привлекает к ним широкие слои пролетариев и малообеспеченных трудящихся вообще,

* *Диссентеры* — представители религиозных сект и направлений в Англии, отступающих от догматов официальной англиканской церкви.

которые для социального преобразования готовы отдать все: свое добро и жизнь. Социалисты регулярно устраивают собрания с целью пропаганды своих идеалов. Их слабость, однако, состоит в переоценке просветительской деятельности и недооценке политических средств борьбы.

Наряду с чартистами и социалистами Энгельс описывает и третью революционную силу в Англии, не организованную в особую партию, но тем не менее вполне реальную и грозную, это *ирландцы.* Условия жизни ирландской бедноты были самыми тяжелыми в Англии. Но ее революционная энергия растрачивалась пока попусту, ибо ирландские пролетарии, находясь под влиянием националистических идей, не понимали еще своих классовых целей. Но и ошибки служат школой политического воспитания, которая в конце концов приведет ирландский пролетариат к осознанию своих подлинных интересов.

Коммунистам разных стран необходимо знать друг друга

Содержание «Писем из Англии» убеждает, что одну из важнейших задач английского революционного движения Энгельс видит в сближении основных его сил на базе того ценного, что имеется в каждой из них. Спустя четыре месяца он выдвигает аналогичную идею уже в *интернациональном* масштабе. В статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», опубликованной в октябре — ноябре 1843 г. в журнале английских социалистов «Новый нравственный мир», Энгельс показал, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала настоятельной необходимостью в трех наиболее развитых европейских странах: Англии, Франции и Германии. К осознанию этой необходимости каждая из наций пришла самостоятельно, своим собственным путем. «Факт

этот неопровержимо доказывает, что коммунизм — не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации.

Вот почему представляется желательным, чтобы три нации установили взаимное понимание и постарались выяснить, в чем они между собой согласны и в чем расходятся...» (1, с. 525).

Поскольку Энгельс выступал в английском органе, то понятно, что основное внимание он сосредоточил на характеристике коммунистического движения во Франции (Бабеф, Сен-Симон, Фурье, Кабе и др.) и Германии (от Мюнцера до Вейтлинга), подчеркнув в заключение, что в наиболее развитой теоретической форме немецкий коммунизм представлен философской партией, выросшей из классической немецкой философии (Гесс, Руге, Маркс, Гервег).

Новый шаг вперед, знаменующий окончательный переход Энгельса к материализму, составили две его статьи в «Немецко-французском ежегоднике», написанные в конце 1843 — январе 1844 г.

Поводом для одной из них — «Положение Англии» — послужила книга Карлейля «Прошлое и настоящее», в которой отразились отдельные существенные моменты английской истории, позволившие Энгельсу нарисовать свою картину положения дел в Англии. Усматривая в рабочих главную силу революционных событий 1842 г., Энгельс, как и Маркс, считает своей задачей разъяснение истинного смысла их борьбы. Соглашаясь с автором книги, что современный человек опустошен и требуется возвратить ему его содержание, Энгельс настаивает на человеческой природе этого содержания: человеку надо вернуть его собственную сущность. Демократия лишь переходная ступень на этом пути возвращения человека к самому себе, это ступень к истинной, человеческой свободе. «Демокра-

тия, чартизм должны вскоре одержать верх, и тогда массе английских рабочих останется один только выбор — между голодной смертью и социализмом» (1, с. 596).

«Наброски к критике политической экономии»

Из опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике» работ Энгельса наиболее важной являются «Наброски к критике политической экономии», оказавшие немалое влияние на дальнейшее развитие взглядов Маркса.

Политическая экономия, пишет Энгельс, есть наука обогащения, сформировавшаяся в эпоху, когда на место «простого ненаучного торгашества» выступила развитая система дозволенного обмана. Первыми формами ее были монетарная и меркантилистская системы, откровенно выражавшие алчность купцов. XVIII век революционизировал эту науку, придав ей гуманный дух общенационального интереса; но, как и в области политики, это был лишь наполовину прогресс: «политической экономии не приходило в голову поставить вопрос о *правомерности частной собственности»* (1, с. 545). Поэтому политическая экономия, подобно христианству, где на смену католической прямоте пришло протестантское лицемерие, стала лицемерной; начало этому положил Адам Смит — «Лютер политической экономии», и чем ближе экономисты к нашему времени, тем дальше они от честности: *«...Рикардо* более виновен, чем *Адам Смит,* а *Мак-Куллох* и *Милль* более виновны, чем *Рикардо»* (1, с. 547).

Положительным же достижением этой либеральной науки Энгельс считает разработку законов частной собственности. Если имеется *частная собственность,* то первым ее следствием оказывается *торговля.* Торговля порождает *стоимость:* абстрактную (или реальную) и меновую. Англичане, особенно Мак-Куллох и Рикардо, утверждают, что реальная стоимость определяется издержками производ-

ства; француз Сэй — полезностью вещи. Но оба определения односторонни: в действительности стоимость вещи есть отношение издержек производства к полезности. Под влиянием *конкуренции* это отношение видоизменяется: полезность зависит от случая, моды, прихоти богатых, а издержки производства — от случайного соотношения спроса и предложения. Поэтому меновая стоимость, или *цена,* отличается от реальной стоимости, хотя последняя лежит в основе первой. Таким образом, в политической экономии все «поставлено на голову: стоимость, представляющая собой нечто первоначальное, источник цены, ставится в зависимость от последней, от своего собственного продукта. Как известно, это переворачивание и образует сущность абстракции, о чем смотри у Фейербаха» (1, с. 554).

Издержки производства состоят из земельной ренты, капитала и труда. Согласно Смиту, *рента* есть отношение между конкуренцией тех, кто добивается пользования землей, и ограниченным количеством имеющейся земли. Рикардо оставил конкуренцию в стороне, определяя ренту как разницу между доходностью участка, приносящего ренту, и самого худшего участка, окупающего только труд по его обработке. Оба эти определения также односторонни, и требуется их соединить: рента есть соотношение между урожайностью участка и конкуренцией. Что касается *капитала* и *труда,* то вначале они должны быть тождественны, ибо сами же экономисты определяют капитал как «накопленный труд». Однако частная собственность порождает раздвоение труда в самом себе, следствием чего является раскол между капиталом и трудом, каждый из которых, в свою очередь, раздваивается: капитал делится на первоначальный капитал и *прибыль,* причем последняя также расщепляется на собственно прибыль и *проценты;* труд же распадается на собственно труд и противостоящий ему в виде *заработной платы* продукт труда. Противопоставление интересов землевладельцев, капиталистов и ра-

бочих дополняется борьбой интересов внутри каждого класса.

Частная собственность есть по своей природе *монополия* на обладание предметом, поэтому первоначально, у меркантилистов, лозунгом была именно монополия. Либеральные экономисты подняли новое, на первый взгляд противоположное, знамя *конкуренции*. Но в действительности всякий конкурент или группа конкурентов должны желать для себя монополии, поэтому конкуренция переходит в монополию, сопровождаясь разорением конкурентов, потерпевших поражение. В этой борьбе конкурентов за монополию обнаруживаются преимущества крупного капитала перед мелким, так что средние классы должны все более и более исчезать, пока мир не окажется разделенным на миллионеров и пауперов.

Субъективной стороной этого процесса оказывается рост преступности, причем статистика показывает, что каждый вид преступности порождается вполне определенными социальными причинами, связанными прежде всего с распространением фабричной системы. Регулярность преступлений «доказывает, что и преступность управляется конкуренцией; что общество порождает *спрос* на преступность, который удовлетворяется соответствующим *предложением;* что брешь, образующаяся вследствие арестов, высылки или казни некоторого числа людей, тотчас же снова заполняется другими, совершенно так же, как всякая убыль населения тотчас же заполняется новыми пришельцами...» (1, с. 570).

Энгельс не ограничивается здесь разоблачением противоречий и безнравственности капитализма, как это делали социалисты-утописты. Он указывает на объективную основу гибели частной собственности в силу ее собственных законов. Закон конкуренции есть «естественный закон», покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно. Это с неизбежностью порождает *кризисы,* которые появляются так же регулярно, как кометы,

и бывают в среднем через каждые пять — семь лет. Причем «каждый последующий кризис должен быть универсальнее, следовательно — тяжелее предыдущего, должен разорять большее число мелких капиталистов и увеличивать в возрастающей прогрессии численность класса, живущего только трудом; должен, следовательно, заметно увеличивать массу людей, нуждающихся в получении работы, что является главной проблемой наших экономистов, и, наконец, все это должно вызвать такую социальную революцию, какая и не снится школьной мудрости экономистов» (1, с. 561),— революцию, уничтожающую саму частную собственность и несущую примирение человечества с природой и с самим собой.

Как видим, статьи Энгельса несли в себе взрывчатый заряд не меньшей мощности, чем статьи Маркса, хотя горючий материал в них был другим.

Коммунист перед лицом сложных проблем

Неверно было бы думать, что с того времени, когда Маркс и Энгельс окончательно перешли на позиции материализма и коммунизма, дальнейшее развитие их взглядов сводилось лишь к более пространному изложению этих позиций. В действительности же данный переход лишь позволил впервые оценить всю громадную сложность стоявших задач и методологически правильно подойти к их решению, не говоря уже о том, что звание коммуниста накладывало тяжкое бремя преследований со стороны властей.

Вот почему, став убежденным материалистом и коммунистом, Маркс столкнулся со сложным сплетением теоретических и практических проблем, решение которых потребовало от него максимального напряжения всех сил.

Ордер на арест

«Немецко-французский ежегодник» вышел в свет в конце февраля 1844 г., сразу же вызвав многочисленные отклики * — и восторженные, и враждебные. По-своему откликнулось и прусское правительство: оно обратилось к председателю совета министров Франции Гизо с требованием, чтобы тот запретил журнал и выслал его редакторов за пределы страны. Однако Гизо, опасаясь обвинения со стороны либеральных членов парламента в подчинении диктату Пруссии, уклонился от прямого ответа.

16 апреля 1844 г. министр внутренних дел Пруссии разослал обер-президентам прусских провинций следующий циркуляр: «Содержание первого и второго выпусков «Немецко-французского ежегодника», издаваемого в Париже Руге и Марксом, как во всей тенденции этого журнала, так и во многих местах является преступным, в частности, таковой является попытка государственной измены и оскорбления величества. За это ответственны издатели и сочинители отдельных преступных статей. Поэтому я покорнейше прошу Ваше Превосходительство, не будете ли Вы так добры, не производя шума, дать указание надлежащим полицейским властям арестовать д-ра А. Руге, К. Маркса, Г. Гейне и Ф. К. Бернайса с конфискацией их бумаг, как только они окажутся по эту сторону области» (цит. по 75, с. 528).

Обер-президенты не замедлили «дать указания надлежащим полицейским властям». Некоторый шум при этом

* Журнал нашел читателей не только в Германии и Франции, но и в других странах, в том числе в России. В. Г. Белинский, например, писал А. И. Герцену о большом впечатлении, которое произвели на него статьи Маркса своей атеистической направленностью (см. 53, с. 525). Появились рукописные переводы этих статей, ходившие из рук в руки. А статья Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» впервые после своей журнальной публикации была переиздана в 1887 г. именно в русском переводе — по инициативе и с предисловием П. Л. Лаврова (см. 80, с. 583—613).

все же был произведен и вскоре достиг слуха самих «преступников». Маркс мужественно встретил известие о решении правительства арестовать его: он хорошо знал, на что идет, и был готов к репрессиям; полицейские меры правительства лишь убеждали его в правильности избранного пути. Для Гейне такого рода меры вообще были не новы. А вот Руге обеспокоился — прежде всего за свои капиталы в Германии.

Разрыв Маркса с Руге

Волнения Руге усилились в связи с начавшейся конфискацией журнала при транспортировке через немецкую границу: так, баденское правительство конфисковало 100 экземпляров, а пфальцское — 214. Кроме того, в апреле Фрёбель из финансовых и политических соображений отказался от издания журнала. Продолжать публикацию журнала в ближайшее время оказалось невозможно. Для Руге это могло обернуться потерей вложенных капиталов, с чем он никак не желал примириться. Он стал необычайно подозрительным и придирчивым. Так, он обиделся на Маркса, предложившего ему поехать в Швейцарию, дабы на месте обеспечить распространение оставшихся экземпляров; это предложение было в интересах самого Руге, позволяя ему вернуть часть капитала, но Руге усмотрел в нем якобы унижающее его достоинство предложение «быть книготорговцем» (см. 154, с. 342). Он стал проявлять мещанскую придирчивость в повседневной жизни, особенно по отношению к Гервегу, которого Маркс ценил за революционные стихи. Это дало повод Марксу в мае 1844 г. письменно заявить об отказе от дальнейшего своего сотрудничества с Руге. Разрыв отношений между соредакторами обусловил окончательное прекращение издания «Немецко-французского ежегодника».

В письмах к разным лицам: Фейербаху, Фрёбелю, матери и др.— Руге пытался очернить Маркса и свести

ссору к мелким личным мотивам. В действительности же разрыв был закономерным следствием быстро углублявшихся противоречий между пролетарским коммунизмом Маркса и мелкобуржуазным гуманизмом Руге.

Дружба Маркса и Гейне

Разрыв с Руге воспринимался Марксом менее остро, а во многом и с юмором благодаря тесному общению с Гейне; в Париже они познакомились и скоро стали друзьями. Их сближали личные качества и общность политических убеждений.

Генрих Гейне (1797—1856) — великий немецкий поэт, по образованию юрист, имел степень доктора права, был также ярким публицистом и глубоким мыслителем, автором проницательной книги «К истории религии и философии в Германии» (1834), а по своим политическим убеждениям — революционным демократом, симпатизировавшим коммунизму. Уже в 1842 г. в статьях из Парижа во «Всеобщую Аугсбургскую газету» Гейне провидел значение коммунизма для мировой истории и признал, что будущее принадлежит коммунистам.

Правда, он двойственно относился к коммунизму, опасаясь, что грубые руки рабочих разобьют мраморные статуи красоты и уничтожат те «безделушки искусства», которые так любил поэт. И все же в середине 1843 г. Гейне писал о коммунистах как о «единственной партии во Франции, заслуживающей безусловного уважения» (64, с. 265).

Неудивительно, что Маркс и Гейне в Париже быстро нашли друг друга. Начало их отношений было положено уже публикацией в «Немецко-французском ежегоднике» стихотворного произведения Гейне «Хвалебные песнопения королю Людвигу». Именно в период сближения с Марксом поэт создал политически наиболее острые стихи:

«Силезские ткачи» — о восставших силезских ткачах (июль 1844 г.) *, «Германия. Зимняя сказка» (октябрь—ноябрь 1844 г.).

Гейне часто бывал в парижской квартире Маркса и с глубокой симпатией относился к его жене, к демократическому укладу жизни молодой семьи. Но эти тесные отношения длились недолго. Уезжая в начале 1845 г. из Франции, Маркс писал своему другу-поэту: «Из всех людей, с которыми мне здесь приходится расставаться, разлука с Гейне для меня тяжелее всего. Мне очень хотелось бы взять Вас с собой» (11, с. 387).

Углубление связей Маркса с рабочими

В статьях в «Немецко-французском ежегоднике» Маркс публично провозгласил пролетарскую революцию как единственный путь освобождения человечества от всяческого гнета. И в своей практической деятельности он все глубже входил в контакт с коммунистами: имел личные связи с руководителями и членами немецкого «Союза справедливых» и тайных французских рабочих обществ, участвовал в их политических собраниях. Коммунистические собрания так характеризовались в одном из донесений полиции: «Здесь сходятся часто 30, 100, 200 немецких коммунистов, которые снимают это помещение. Они произносят речи, открыто проповедуя убийство короля, отмену всякой собственности, расправу с богатыми и т. д.; при этом уже нет речи ни о какой религии... Я пишу Вам это очень спешно, чтобы Маркс, Гесс, Гервег, А. Вёйль, Бернштейн не могли продолжать таким образом ввергать в несчастье молодых людей» (цит. по 76, с. 17).

Активно участвуя в деятельности легальных и тайных коммунистических обществ, Маркс, однако, ни в одном из

---

* Это стихотворение так понравилось молодому Энгельсу, что он перевел его на английский язык и опубликовал.

них не состоял в качестве официального члена, так как был не согласен со многими пунктами их программ. Тем не менее он видел в этих обществах проявление самоорганизации рабочих для борьбы за освобождение всего человечества и прилагал максимум усилий для освобождения их членов из-под влияния утопического социализма и коммунизма. Он пытался убедить их, что «дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества» (4, с. 451) *.

Другим моментом, усилившим теоретические разногласия Маркса и Руге, было то, что идея пролетарской революции побудила Маркса оставить выдвинутый им же галло-германский принцип журнала. Фактически этот принцип проводился в «Немецко-французском ежегоднике» только в статьях Руге, а включение в журнал статей Энгельса, посвященных английской политической экономии и положению в Англии, и вовсе убило указанный принцип как таковой. Вместо принципа единства *двух наций* Маркс начинает на практике осуществлять подлинно пролетарский принцип *интернационализма* — единство борцов за революционное освобождение пролетариата во всех странах.

Руге, типичному представителю либерально-гуманистического, но ограниченного в своем историческом кругозоре мелкого буржуа, все это было чуждо. Свою враждебность рабочему движению он публично продемонстрировал в статье «Король прусский и социальная реформа», посвященной восстанию силезских ткачей. Спустя четыре дня после опубликования этой статьи, в конце июля 1844 г.,

* Приведенные слова Маркса из книги-памфлета «Господин Фогт» непосредственно относятся к деятельности Маркса и Энгельса в Брюсселе в 1845 г. Но их сходство с основной идеей программного письма Маркса в 1843 г. дает основание считать, что этим же Маркс руководствовался в своей деятельности в 1844 г. в Париже.

Маркс уже закончил «Критические заметки» на нее. Содержание его ответа свидетельствует об огромной теоретической работе, проделанной Марксом в марте — июле, главным образом над «Экономическо-философскими рукописями». Здесь мы обратим внимание лишь на один момент «Критических заметок» Маркса: «Для мыслящего и любящего истину человека, перед лицом первого взрыва силезского рабочего восстания, задача состояла не в том, чтобы разыгрывать по отношению к этому событию роль *школьного наставника,* а, наоборот, в том, чтобы изучать его *своеобразный* характер. Для этого требуется, конечно, некоторая научная проницательность и некоторая любовь к людям, тогда как для первой операции вполне достаточно более или менее ловкой фразеологии, пропитанной пустым себялюбием» (1, с. 444—445).

Именно научная проницательность и подлинная любовь к людям, отсутствие которых у Руге оттолкнули его от рабочего движения, побуждали Маркса не опускать руки, несмотря на запрещение журнала, который замышлялся и подготавливался почти год. Маркс стремился глубже изучать жизнь рабочих, их труд и быт, их настроения и чаяния, ставить и решать вопросы, имеющие жизненно важное значение для практических участников революционного движения. Каковы общие исторические предпосылки, делающие коммунистическую революцию *необходимой?* Почему эта необходимость назрела именно в *современную* эпоху? Каковы (хотя бы в общих чертах) содержание и основные этапы коммунистического преобразования общества?

Окончательно связав свою личную судьбу с революционным движением, Маркс хорошо чувствовал огромное значение подобных проблем, и в то же время ответы, которые он мог тогда дать на эти вопросы, далеко не удовлетворяли его самого. А от него, уже ставшего одним из известных теоретиков-революционеров, ожидали глубоко обоснованных ответов.

Вот почему, освободившись от обязанностей редактора журнала, Маркс вновь отдается теоретическим занятиям, тематика которых, по сравнению с периодом Крейцнаха, значительно расширилась и усложнилась. Этому несомненно способствовал тот факт, что теперь он трудился в Париже — центре политической жизни того времени.

Поворот к экономическим проблемам

В конце 1843 — марте 1844 г. Маркс, продолжая работу в области *критики гегелевской философии права*, обратился к проблеме, заинтересовавшей его еще в период работы над Крейцнахскими тетрадями,— к *истории Конвента*. В частности, он составляет конспект первого тома «Мемуаров» якобинца Левассёра, концентрируя внимание на противоположности стратегии и тактики якобинцев и жирондистов, на выявлении внутренней логики борьбы этих партий в ходе французской революции. «Жирондисты, осуждавшие мероприятия Горы, ни разу не противопоставили им какого-нибудь другого плана. Они вообще ничего не делали»,— заключает Маркс (16, с. 330).

В то же время Маркс делает краткие выписки из пяти работ древнегреческого писателя и историка Ксенофонта. Три из этих работ относились к истории государственного строя древнегреческого полиса (в Афинах и Лакедемонии), а последние две затрагивали вопросы хозяйственной жизни в Древней Греции. Выписки содержат лишь одно замечание Маркса: «Ксенофонт показывает, как земледелие помогало охоте, занятия гимнастикой — войне» (30, с. 391).

Эти выписки косвенно указывают на возрастающее внимание Маркса к экономическим проблемам. Уже в ходе работы над «Рукописью 1843 года» у него сложилось твердое намерение основательно изучить гражданское общество, т. е. сферу экономических отношений между людьми. Теперь, после «Набросков к критике политической эконо-

мии» Энгельса, Марксу стало ясно, что именно *в области политической экономии* кроются коренные проблемы человеческих отношений, систематическое изучение которых с выработанных им философско-материалистической и пролетарско-политической позиций может оказаться весьма многообещающим. Поэтому свои занятия он вскоре сосредоточил главным образом на политической экономии. Основным результатом этих занятий и явились знаменитые «Экономическо-философские рукописи» 1844 г.

Глава 2

Экономически-философское обоснование коммунизма

Если «Капитал» являет собой вершину экономического учения Маркса, то «Экономическо-философские рукописи» 1844 г. составляют реальный исходный пункт его восхождения к этой вершине. И хотя итог оказался радикально иным, нежели он представлялся вначале, все же исторически движение началось именно в 1844 г.

Будучи опубликованы лишь 88 лет спустя после их написания, «Экономическо-философские рукописи сразу же вызвали острейшие идейно-теоретические споры, не ослабевающие до настоящего времени *. И это понятно: характерная особенность рукописей 1844 г. состоит в том, что к разработке центральных проблем политической экономии Маркс под-

* Критический анализ этой борьбы читатель найдет в работах Е. П. Канделя (72), И. С. Нарского (94), Т. И. Ойзермана (96), а также в одной из работ автора этой книги (81).

ходил не только как специалист-экономист (он очень быстро стал специалистом и в этой области), но и как философ и социолог, историк и политик, как революционный мыслитель и революционер-практик одновременно. Три составные части марксизма: философия, политическая экономия и научный коммунизм,— формируясь, сплавляются здесь воедино. Формирование марксизма запечатлено в «Экономическо-философских рукописях» именно как *процесс*, когда рождающееся научное мировоззрение еще не обрело устойчивой структуры.

Структура и характер экономическо-философских исследований Маркса

Экономические занятия Маркса в парижский период его жизни, начавшиеся в конце 1843 г. и достигшие наибольшей интенсивности в мае — августе 1844 г., осуществлялись в двух формах: а) накопление исходной научной информации в Парижских тетрадях, включающих выписки из произведений экономистов и социалистов, попутно сопровождаемые критическими замечаниями, подчас весьма обширными; б) самостоятельный теоретический анализ широкого круга экономических и философских проблем, осуществленный в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г.

Парижские тетради

По свидетельству Ф. Энгельса, «свои экономические занятия Маркс начал в 1843 г. в Париже изучением великих англичан и французов; из немцев он знал только Рау и Листа...» (8, с. 11). Сохранились 7 тетрадей и 2 отдельные страницы с выписками, относящимися к парижскому периоду жизни Маркса и называемыми поэтому «Париж-

скими тетрадями». Они включают дословные выписки и конспекты из 21 произведения 16 авторов, а также собственные замечания Маркса в связи с прочитанным. Их общий объем составляет около 18 печатных листов, в том числе собственные замечания Маркса — свыше 2 печатных листов.

Парижские тетради Маркс использовал при подготовке не только «Экономическо-философских рукописей», но и главного труда своей жизни — «Капитала». В 1890 г. в предисловии к четвертому изданию первого тома «Капитала» Энгельс отмечал: «Некоторые места цитированы по старым тетрадям, составленным в Париже в 1843—1845 гг., когда Маркс еще не знал английского языка и читал английских экономистов во французском переводе...» (7, с. 36).

Значительная часть Парижских тетрадей была опубликована в 1932 г. в составе первого издания MEGA, а затем в некоторых других изданиях. Но впервые полностью они опубликованы лишь в 1981 г. в составе второго издания MEGA (см. 29) *.

В отличие от Крейцнахских тетрадей Парижские тетради не датированы и не нумерованы Марксом. Вернее, лишь одну из них Маркс пометил римской цифрой I. Но это еще не означает, что она была первой среди тетрадей парижского периода; скорее, данная тетрадь была первой среди тех, материал которых непосредственно относится к «Экономическо-философским рукописям».

Далеко не все тетради Маркс заполнял выписками подряд от начала до конца. Нередко, начав одну тетрадь, он оставлял ее неоконченной и переходил к следующей тетради, которую тоже мог оставить неоконченной. На

* На русском языке из Парижских тетрадей опубликованы лишь конспекты статьи Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и книги Д. Милля «Основы политической экономии» (см. 18, с. 3—40), а также выписки из «Мемуаров» Р. Левассёра (см. 16, с. 315—330).

последующих же стадиях работы, когда выписки не умещались в одной тетради, Маркс заканчивал их на свободных страницах тетрадей, начатых ранее. Поэтому, как отмечается в комментариях редакции MEGA-2, последовательность процесса экономических занятий Маркса (написания тех или иных тетрадей и их разделов) пока не удается установить однозначно, а можно лишь выделить основные линии этих занятий (см. 29, с. 711—715).

Однако некоторые факты позволяют все же составить определенное представление об этой последовательности. Прежде всего имеются в виду факты буквального использования Марксом своих выписок в тексте «Экономическо-философских рукописей»: ясно, что та или иная тетрадь выписок или ее раздел в этих случаях написаны до соответствующей тетради рукописей.

Вторым, косвенным, основанием для выявления последовательности работы Маркса над Парижскими тетрадями может служить *характер* содержащихся в них выписок, формы усвоения изучаемого материала. На начальных стадиях работы, как правило, преобладают буквальные выписки на языке оригинала; в дальнейшем выписки чередуются с конспективным изложением существа вопроса, преимущественно на немецком языке, при этом Маркс разрабатывает собственную терминологию в новой для него области знания; на более поздних стадиях работы возрастает объем собственных комментариев Маркса, подчас выходящих далеко за пределы конспектируемого текста, что свидетельствует о переходе к самостоятельным исследованиям (см. 29, с. 724).

Опираясь на эти основные и некоторые аргументы более частного характера, правомерно предположить, что всю работу Маркса над Парижскими тетрадями можно разделить на шесть стадий *, учитывая, однако, что

* При характеристике этих стадий условно будем называть различные тетради именами авторов тех произведений, с выписок из которых начинаются соответствующие тетради.

в содержательном отношении эти стадии не равнозначны, а последовательность некоторых из них остается под вопросом.

По-видимому, к *первой стадии* следует отнести выписки, сделанные в начале двух тетрадей: «Левассёр» и «Ксенофонт». Как уже было отмечено, по своему содержанию выписки из работ этих авторов тесно связаны с проблематикой Крейцнахских тетрадей, а последние выписки из Ксенофонта отражают начало перехода Маркса к изучению экономических проблем.

Вторую стадию, вероятно, составляет тетрадь «Шюц», заключающая выписки из работ немецких экономистов К. Шюца, Ф. Листа и Г. Осиандера (она впервые опубликована в MEGA-2). Существуют различные предположения о ее месте в составе Парижских тетрадей. Однако больше аргументов в пользу того, что это одна из самых ранних тетрадей Маркса с экономическими выписками (см. 29, с. 721—722): содержание произведений названных экономистов таково, что оно могло интересовать Маркса именно в начале его экономических занятий; критическое отношение Маркса к изучаемому материалу выражено еще слабо, собственные его замечания почти отсутствуют. Сомнения, однако, связаны с тем, что эти выписки не используются ни в «Экономическо-философских рукописях», ни в наброске статьи с критикой Ф. Листа, написанной в начале 1845 г.

Третью стадию образуют тетради «Сэй» и «Смит», а также вторая часть тетради «Левассёр». Тетрадь «Сэй», содержащая выписки из произведений Сэя и Скарбека, внешне напоминает предыдущую. В тетради «Шюц» выписки из Листа и критикующего его Осиандера расположены параллельно, на соседних колонках, на которые разделена каждая страница тетради. Точно так же и в тетради «Сэй» параллельно расположены выписки из Сэя и Скарбека. Эти выписки использованы Марксом уже в первой тетради «Экономическо-философских рукописей», из чего можно

заключить, что тетрадь «Сэй» написана до создания рукописей. Более того, именно эту тетрадь Маркс пометил цифрой «I», что позволяет назвать ее первой из Парижских тетрадей, непосредственно относящихся к «Экономическо-философским рукописям» Маркса.

К «Сэю» примыкает тетрадь «Смит» и окончание «Левассёра». Тетрадь «Смит» целиком заполнена выписками из главного труда родоначальника английской классической политической экономии. Выписки перемежаются с конспектом, дополняются некоторыми собственными замечаниями Маркса. Этой тетради Марксу не хватило, и окончание работы над книгой Смита находится в тетради «Левассёр», в которой оставалось много свободных страниц. В итоге изучение революционной политики (выписки из «Мемуаров» якобинца Левассёра) весьма символично соседствует с анализом экономики.

В первой же тетради «Экономическо-философских рукописей» Маркс активно использует многие выписки из «Сэя» и «Смита». Это позволяет объединить написание «Сэя» и «Смита» в одну стадию работы Маркса над Парижскими тетрадями, непосредственно предшествующую началу работы над «Экономическо-философскими рукописями».

Четвертая стадия — тетрадь «Мак-Куллох», включающая выписки из произведений Мак-Куллоха, Прево и Дестюта де Траси. Сюда относятся также две отдельные страницы, на одной из которых Маркс сжато законспектировал статью Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (эта страница вложена в тетрадь «Мак-Куллох» между конспектами из Прево и Дестюта де Траси), а на другой находится конспект заключительной главы «Феноменологии духа» Гегеля (он вложен в третью тетрадь рукописей, в конце фрагмента с критикой гегелевской философии). Выписки из «Мак-Куллоха» активно использованы в третьей тетради «Экономическо-философских рукописей».

Содержание *пятой стадии* составляют, по нашему предположению, выписки из произведений Рикардо и Милля, включая все более обширные собственные критические замечания Маркса к ним или по поводу них. Место этих выписок и замечаний в составе как Парижских тетрадей, так и его экономических занятий в 1844 г. в целом остается наименее ясным и служит предметом дискуссий среди специалистов.

Обширные выписки из главного труда Рикардо находятся в тетради «Ксенофонт», т. е. в одной из наиболее ранних тетрадей парижского периода, где оставалось много свободных страниц. По-видимому, как и в случае с выписками из Смита, закончившимися в тетради «Левассёр», Маркс сделал выписки из Рикардо в тетради, первоначально предназначавшейся для материалов другого рода. В той же тетради «Ксенофонт» после выписок из Рикардо находится начало конспекта произведения Милля, а заканчивается этот конспект в тетради «Мак-Куллох», следуя за выписками из Дестюта де Траси. Кроме того, к этой стадии можно отнести краткие выписки из второго тома Рикардо, сделанные в тетради «Шюц», после выписок из Осиандера, а также нереализованные намерения законспектировать работы Сисмонди и Бентама (в тетради «Мак-Куллох», после конспекта работы Милля).

Такое расположение материалов позволяет строить различные предположения о времени их написания. Во-первых, есть аргументы в пользу того, что конспект труда Рикардо был написан до тетради «Мак-Куллох», сразу после первой тетради «Экономическо-философских рукописей», с которой у него поразительное внешнее сходство (деление на три колонки, нумерация римскими цифрами, что не свойственно никакому другому конспекту из Парижских тетрадей). Если это предположение верно, то после Рикардо Маркс обратился к Мак-Куллоху, Прево и Дестюту де Траси, а вслед за ними — к Миллю (см. 29, с. 717—718).

Но в содержательном отношении конспект труда Рикардо свидетельствует о более глубоком проникновении Маркса в существо проблем политической экономии, нежели выписки из Мак-Куллоха и др. К тому же в «Экономическо-философских рукописях» используются выписки из Мак-Куллоха и др., но нет буквальных заимствований выписок из Рикардо и Милля. Отсюда следует второе предположение: Маркс законспектировал Рикардо и Милля не только после Мак-Куллоха и др., но и после завершения «Экономическо-философских рукописей» (см. 26, с. 696—697).

Возможно и третье предположение: конспекты трудов Рикардо и Милля написаны Марксом после выписок из Мак-Куллоха и др., но до завершения рукописей 1844 года, поскольку имеются косвенные свидетельства использования их в данных рукописях. Мы придерживаемся именно этого предположения, правомерность которого более подробно обоснуем дальше.

Шестую стадию написания Парижских тетрадей составляет тетрадь «Бюре», содержащая конспект книги французского социалиста Бюре «О нищете рабочих классов в Англии и во Франции». Эту книгу Маркс неоднократно цитирует уже в первой тетради «Экономическо-философских рукописей», но в конспекте большинство этих цитат отсутствуют. Очевидно, сначала Маркс использовал саму книгу, а после завершения рукописей составил ее конспект.

Таков состав Парижских тетрадей и основные стадии их написания. Как видим, некоторые важные моменты их создания остаются не вполне ясными и нуждаются в дальнейших исследованиях.

«Экономическо-философские рукописи»

Другой формой экономических занятий Маркса 1844 г. была предпринятая им *первая попытка самостоятельной разработки проблем политической экономии*, ее структуры и содержания. Она осуществлялась в виде записей для самого себя — для «самоуразумения», как любил выражаться Маркс. Записи эти и составили «Экономическо-философские рукописи», дошедшие до нас в виде трех тетрадей общим объемом около 11 печатных листов.

Осуществленная в 1982 г. публикация этих рукописей в составе второго тома первого отдела MEGA-2 представляет собой качественно новый этап в их публикации, максимально приближающий читателя к оригиналу. Она сопровождается детальным описанием состава рукописей и содержит ряд существенных уточнений по сравнению с предыдущими публикациями. Прежде всего, более лаконичным стало само название работы.

Напомним, что рукописи никак не озаглавлены самим Марксом. При первой их публикации в 1932 г. в составе MEGA-1 они получили редакционное название «Экономическо-философские рукописи 1844 года», довольно точно выражавшее их содержание (см. 31). Однако включение в заголовок даты написания рукописей не является необходимостью, поскольку у Маркса и Энгельса нет других произведений, носящих такое же название. Вполне оправдано поэтому принятое в MEGA-2 более краткое (без указания года написания) название: «Экономическо-философские рукописи».

Во-вторых, во всех предыдущих публикациях термин «рукописи» использовался для обозначения не только всех рукописных материалов, составляющих данное произведение Маркса, но и каждой из трех основных его частей, которые фигурировали под редакционными заголовками: «Первая рукопись», «Вторая рукопись», «Третья

рукопись». Между тем первая часть («Первая рукопись») имеет яазваяие, данное самим Марксом: «Тетрадь I» (Heft I). Соответственно этому авторскому указанию в MEGA-2 заменены заголовки всех трех частей, которые носят теперь названия: «Тетрадь I», «Тетрадь II», «Тетрадь III».

Тетрадь I состоит из девяти листов большого формата. Согнутые пополам и вложенные друг в друга, ояи и образуют тетрадь, яасчитывающую 36 страниц. Но текст рукописей занимает лишь 27 страниц, прояумерованных Марксом римскими цифрами: I — XXVII. Кроме того, одяа страница занята заголовком: «Тетрадь I», а еще на одной выписаны названия 29 кяиг по экономическим проблемам. 7 страниц тетради остались пустыми.

Большую часть первой тетради (страницы I — XXI) занимает анализ трех источников дохода («Заработная плата», «Прибыль яа капитал», «Земельная рента»), а последние шесть страниц содержат фрагмент, назваяяый при первой публикации «Отчужденный труд», а теперь получивший название: «Отчужденный труд и частная собственность».

Из *тетради II* сохранились лишь два разрозненных листка, четыре страницы которых имеют нумерацию от XL до XLIII. Они включают фрагмент, называемый теперь «Отношения частной собственности».

Долгое время у марксоведов существовало единственное предположение, что до нас не дошли не менее 39 страяиц этой тетради. Но в 1976 году Г. А. Багатурия выдвияул другую гипотезу: «Так называемые I и II рукописи — это не две самостоятельные рукописи, а две части — начало и конец — одной и той же рукописи» (49, с. 209). Поскольку тетрадь I заканчивается страницей XXVII, а тетрадь II начинается со страницы XL, есть основание допустить, что тетрадь II является прямым продолжением тетради I и отсутствуют всего 12 страниц (с XXVIII до XXXIX), содержание которых к тому же можно частично рекоя-

струировать по тетради III. В редакционных комментариях MEGA-2 признается правомерность обеих гипотез, хотя наиболее вероятной считается первоначальная гипотеза (см. 26, с. 697, 740).

Тетрадь III состоит из 17 больших листов, которые, как и в тетради I, согнуты пополам и вложены один в другой; таким образом, всего в ней 68 страниц. Из них заполнена текстом 41 страница, причем марксова нумерация заканчивается страницей XLIII (Маркс дважды ошибочно пропустил очередной номер страниц).

В этой тетради содержатся дополнения к несохранившимся страницам XXXVI и XXXIX тетради II — дополнения, нередко весьма пространные, а иногда сопровождающиеся еще более обширными добавлениями к ним. Маркс развивает здесь свои взгляды по проблемам частной собственности, труда, коммунизма, гегелевской диалектики, потребностей и разделения труда. Кроме того, в конце тетради имеется черновой набросок «Предисловия» к книге, которая должна была быть написана на основе трех тетрадей, а также самостоятельный фрагмент о деньгах.

Как видим, «Экономическо-философские рукописи» представляют собой композиционно весьма многослойное, далекое от завершения произведение. В нем непосредственно запечатлен один из важнейших этапов того беспрецедентного в истории общественной мысли прорыва к принципиально новому, подлинно научному мировоззрению, осуществление которого составляет теоретический подвиг Маркса. Содержание трех тетрадей отражает последовательный процесс этого великого прорыва. Именно прорыва, а не прямолинейного восхождения. Он проявляется и в наличии параллельных текстов в тетради I, и в ряде внутренних отсылок в тетради III, свидетельствующих о намерении Маркса перегруппировать написанное в соответствии с формировавшейся в процессе работы новой теоретико-методологической концепцией.

Все это делает крайне сложной задачу не только иссле-

дования, но и публикации текста «Экономическо-философских рукописей». Какой путь избрать? Воспроизводить ли текст в его «первозданном виде», рискуя при этом затушевать ряд звеньев его логической структуры? Или же осуществить перегруппировку текста в соответствии с указаниями самого Маркса, рискуя, однако, устранить конкретные аспекты непосредственного движения творческой мысли Маркса, придать некую стерильность атмосфере его творческой лаборатории?

Начиная с редакции MEGA-1, большинство публикаторов «Экономическо-философских рукописей» Маркса предпочитали второй путь. Это способствовало выявлению общего теоретического содержания рукописей, но создавало ряд трудностей при исследовании конкретного процесса их создания, а также при уяснении некоторых тонкостей динамики теоретической и методологической позиции Маркса. Чтобы восстановить первоначальный текст, необходимо было провести обратную его реконструкцию, для чего нередко требовалось обращение к фотокопии рукописей.

Редакция MEGA-2 нашла исчерпывающее решение вопроса, опубликовав «Экономическо-философские рукописи» в двух вариантах: 1) в первоначальном их виде, максимально соответствующем процессу их написания (см. 26, с. 187—322), и 2) в перегруппированном их виде, более отчетливо выявляющем логическую их структуру (см. там же, с. 323—438). И в том, и в другом вариантах даются редакционные подразделения текста на компактные фрагменты, но основания этого деления существенно разные: в первом случае они отражают хронологические этапы написания рукописей, во втором — выделяются прежде всего логически целостные фрагменты.

Тетрадь I, по сути, воспроизведена даже трижды — в качестве третьего варианта можно рассматривать фотокопии всех 27 ее страниц, приведенные в составе аппарата второго тома первого отдела (см. 26, с. 711—739).

Все это позволяет глубже проникнуть как в содержание «Экономическо-философских рукописей», так и в творческую лабораторию их создания.

Взаимосвязь Парижских тетрадей и «Экономическо-философских рукописей»

До недавнего времени в литературе было распространено представление, будто вначале Маркс накопил в Парижских тетрадях выписки из работ экономистов и попутные замечания к ним, а затем приступил к самостоятельной разработке своих взглядов в рукописях. Однако в действительности ход марксовых исследований экономических проблем был значительно сложнее.

Действительно, начались эти занятия со знакомства с «Набросками...» Энгельса и с работы над тетрадями. Первые две ее стадии (начало тетрадей «Левассёр» и «Ксенофонт», тетрадь «Шюц») служили переходом от изучения философско-исторической проблематики 1843 г. к экономическо-философской проблематике 1844 г. Третья стадия (тетради «Сэй» и «Смит») непосредственно предшествовала началу работы над «Экономическо-философскими рукописями», а точнее — созданию первой тетради рукописей, но оказалась недостаточной для решения тех проблем, которые формулирует Маркс в конце данной тетради.

Анализ этих проблем потребовал от Маркса изучения новых пластов литературы, что он и делает на четвертой и пятой стадиях написания Парижских тетрадей (тетрадь «Мак-Куллох», конспекты «Набросков...» Энгельса, трудов Рикардо и Милля). За ними следует разработка широкого круга экономических и философских проблем во второй и третьей тетрадях «Экономическо-философских рукописей». Рукописи остались незаконченными, а шестая стадия работы над Парижскими тетрадями служила пере-

ходом к иной проблематике, анализ которой был продолжен Марксом после переезда из Парижа в Брюссель.

Исходя из всего этого, можно выделить *два основных этапа* экономическо-философских исследований Маркса с конца 1843 г. (или начала 1844 г.) по август 1844 г.:

1) первое знакомство с «Набросками...» Энгельса, вторая и третья стадии накопления материала в Парижских тетрадях, создание первой тетради «Экономическо-философских рукописей»;

2) четвертая и пятая стадии работы над Парижскими тетрадями, создание второй и третьей тетрадей рукописей 1844 г.

Заметим, что объем первоисточников, использованных Марксом при создании «Экономическо-философских рукописей», значительно шире того, что зафиксировано в его Парижских тетрадях. Это произведения Фурье, Сен-Симона, Прудона, Сисмонди, Пеккёра, Шевалье, Шульца, Кенз, Мальтуса и других экономистов и социалистов, прямо или косвенно используемые или упоминаемые в «Экономическо-философских рукописях». Многие из них имелись в личной библиотеке Маркса и сохранились со следами многочисленных его пометок.

За написанием «Экономическо-философских рукописей» должен был следовать этап окончательной разработки и систематического изложения сформулированных проблем, т. е. этап превращения рукописей в книгу. Но в действительности последовал не один, а несколько этапов грандиозной работы по сбору и осмыслению «Монблана фактов» — работы, которую Маркс продолжал всю жизнь и бессмертным итогом которой стал «Капитал». Эти позднейшие этапы выходят за рамки темы о молодом Марксе, и потому ограничимся рассмотрением намеченных выше двух основных этапов.

Однако, прежде чем мы к нему непосредственно перейдем, остановимся еще на одном вопросе, имеющем методологическое значение для понимания всего процесса

формирования взглядов Маркса в целостное научное мировоззрение. Это вопрос о диалектическом характере *способов* и *приемов* освоения Марксом исходной научной информации и критического ее переосмысления.

Диалектика освоения и переосмысления исходной научной информации

Уже в самой «технологии» (способы, приемы) работы по освоению и переосмыслению научной информации (глубинное методологическое ее содержание будет раскрыто далее) обнаруживается диалектическая природа марксова мышления.

О том, как эта работа выглядела со стороны, можно судить по письму Руге Фейербаху от 15 мая 1844 г.: Маркс «читает очень много; он работает с необыкновенной интенсивностью и обладает критическим талантом, который подчас переходит в чрезмерный задор диалектики, но он ничего не заканчивает, он все обрывает на середине и всякий раз снова погружается в безбрежное море книг... Маркс сейчас так вспыльчив и раздражителен, что дальше некуда, в особенности после того, как дорабатывается до болезни и по три, даже по четыре ночи не ложится в постель» (154, с. 343).

Оставим на совести Руге далеко не беспристрастные оценки о «чрезмерном задоре диалектики», о предельной «вспыльчивости и раздражительности» Маркса. Напомним лишь, что именно в это время обнаружились глубокие идейно-политические разногласия, завершившиеся разрывом Маркса с Руге *. Для нас важны рациональные

* О том, что уже несколько месяцев спустя Руге не гнушался никакими средствами в борьбе против Маркса, свидетельствует его письмо издателю Фрёбелю в ноябре 1844 г.: «Вы не можете принимать к напечатанию никакие книги Маркса, которые он Вам предложит. Вы, без сомнения, знаете, в каких я отношениях с этим человеком» (154, с. 380).

моменты в приведенном свидетельстве Руге: необыкновенная интенсивность работы Маркса; диалектически-критическая ее направленность, ее многостадийность, означающая определенную неудовлетворенность достигнутым на каждой стадии, потребность овладения новым материалом и переход на следующей стадии к более глубокому пониманию проблем и т. д. Но и это — лишь взгляд *со стороны* на мыслительную работу Маркса.

Более существенно раскрытие ее «технологии» *изнутри*. Неоценимое значение имеет методологический анализ этой работы, который дал сам Маркс в «Предисловии», написанном в конце «Экономическо-философских рукописей»: «В «Deutsch-Französische Jahrbücher» я обещал дать критику науки о праве и государстве в виде критики *гегелевской* философии права. При обработке материалов для печати оказалось, что совмещение критики, направленной только против спекулятивного мышления, с критикой различных предметов самих по себе совершенно нецелесообразно, что оно стесняет ход изложения и затрудняет понимание. Кроме того, обилие и разнородность подлежащих рассмотрению предметов позволили бы втиснуть весь этот материал в *одно* сочинение только при условии совершенно афористического изложения, а такое афористическое изложение, в свою очередь, создавало бы *видимость* произвольного систематизирования. Вот почему критику права, морали, политики и т. д. я дам в ряде отдельных, следующих друг за другом самостоятельных брошюр, а в заключение попытаюсь осветить в особой работе внутреннюю связь целого, взаимоотношение отдельных частей и, наконец, подвергну критике спекулятивную обработку всего этого материала... Читателя, знакомого с политической экономией, мне незачем уверять в том, что к своим выводам я пришел путем вполне эмпирического анализа, основанного на добросовестном критическом изучении политической экономии... Само собой разумеется, что, кроме французских и английских социалистов, я

пользовался трудами также и немецких социалистов» (18, с. 43—44).

На первый взгляд может показаться, что приведенные высказывания из «Предисловия» объясняют лишь специфику «предлагаемого сочинения» (так и незавершенного), его отличие от той работы, которая была обещана в «Немецко-французском ежегоднике». Такой аспект действительно в них присутствует. Вместе с тем они содержат и указания на методологический анализ той мыслительной работы, которая уже была проделана Марксом в Парижских тетрадях и «Экономическо-философских рукописях». Вот элементы этой методологии, которые были отмечены Марксом:

«добросовестное и критическое изучение» трудов экономистов и социалистов;

«вполне эмпирический анализ» этих трудов и проблем;

«обилие и разнородность подлежащих рассмотрению предметов»;

«совмещение критики, направленной только против спекулятивного мышления, с критикой различных предметов самих по себе»;

«афористическое изложение», а также — «афористический способ уплотнения» материала *;

«систематизирование» материала;

выявление «внутренней связи целого, взаимоотношения отдельных частей» этого целого.

Анализ содержания Парижских тетрадей и «Экономическо-философских рукописей» показывает, что все это — вполне реальные элементы исследовательской методологии Маркса, отражающие особенности того периода его теоретического развития, который мы охарактеризовали как

* В соответствии с новой публикацией (MEGA-2), у Маркса написано: «...aphoristische Weise der Zusammendrängung.., solche aphoristische Darstellung» (26, 325).

формирование целостного научного мировоззрения. Опираясь на эти элементы, можно следующим образом представить совокупность *способов и приемов* освоения Марксом исходной научной информации и критического ее переосмысления в данный период:

а) отбор источников исходной информации, непременно с учетом социально-политической ее направленности (в потоке экономической литературы Маркс особо выделяет труды социалистов);

б) эмпирический анализ исходной информации, который включает: вычленение информации, наиболее значимой для целей исследования (преимущественно в тетрадях конспектов или выписок); дифференциация существенно различных, разнородных предметов исследования, описываемых в источниках информации; сопоставительное описание этих предметов, в том числе путем «параллельного конспектирования» различных произведений на соседних столбцах тетрадей выписок; уплотнение (иногда многократное) исходной информации путем повторного, более афористического ее изложения;

в) теоретический анализ исследуемых предметов, включающий: начало изложения собственного понимания предмета, которое подчас выступает как прямое продолжение предшествующей фазы анализа, вырастает из уплотненной исходной информации (иногда это начало возникает уже в тетрадях выписок); критический, нередко сопоставительный, параллельный теоретический анализ разнородных предметов (иногда на соседних столбцах рукописей, как, скажем, при анализе трех источников дохода), способствующий уяснению взаимосвязи этих предметов, их глубинной сущности; неоднократное обобщение собственных выводов, приводящее к уплотнению результатов теоретического анализа, так что итоговые выводы из обширного эмпирического и теоретического материала концентрируются в одном-двух абзацах текста;

г) переход к новому кругу проблем и предметов исследования: выдвижение новой задачи — выявить наличие взаимосвязи исследованных предметов и проблем со смежным, а чаще всего с более широким кругом проблем и предметов; такая связь обычно нащупывается не столько как предметная, сколько как проблемная, а сама проблематизация достигнутых результатов выражается в форме постановки новых, более фундаментальных вопросов, нуждающихся в исследовании; в заключение дается набросок плана дальнейших исследований.

Так завершается данный цикл исследования и начинается новый: отбор новых источников исходной информации, ее эмпирический анализ и т. д. * Цикличность исследовательского процесса, включающая совокупность разнообразных способов и приемов освоения Марксом исходной научной информации и критического ее переосмысления, является по своей природе глубоко *диалектической*. Можно выделить три важнейших элемента этой диалектики:

а) вскрытие противоречий в исследуемом предмете и в существующих теориях предмета, что выражается в сознательном внимании к разнородным предметам, в использовании такого приема, как параллельное описание и параллельный анализ этих предметов, в обнажении антиномий, в которые впадает буржуазная наука, и т. д.;

б) постоянное развитие, движение ко все более и более глубоким слоям взаимосвязей между разнородными предметами, выступающее как следствие анализа противоречивости этих предметов и приобретающее в начальных

* Г. А. Багатурия первым обратил внимание иа наличие определенных циклов исследования как на одиу из тнпичиых особенностей методологии научиой работы Маркса. Он особо подчеркнул значение проблемы «иачала» цикла и доказал, что на различных этапах теоретического развнтия Маркса «определеиные циклы исследоваиия к концу часто переходят в фрагментариое и коиспективное изложеиие мыслей н завершаются набросками планов дальнейшей работы» (49, с. 210).

фазах исследовательского цикла форму уплотнения знаний, повышения степени общности теоретических выводов, а в завершающей фазе — форму проблематизации полученных теоретических результатов;

в) отрицание отрицания как всеобщая форма движения мысли, означающая при этом отнюдь не «зряшное, голое отрицание», а диалектическое «снятие» достигнутого, перевод его в основание для постановки новых проблем; затем — новый исследовательский цикл, ведущий к решению этих проблем и выдвижению новых и т. д.

К изложенным здесь выводам о структуре исследовательского процесса, о совокупности способов и приемов, которыми пользовался молодой Маркс при освоении исходной научной информации и критического ее переосмысления, автор данной книги пришел в результате конкретного изучения самого этого процесса. Излагаются же они здесь, *перед* тем как приступить к конкретной характеристике экономических и философских исследований Маркса в 1844 г., лишь с единственной целью — облегчить читателю восприятие непростого материала, сделать его восприятие более адекватным.

Начало экономических занятий Маркса

Знакомство Маркса с «Набросками...» Энгельса

Одной из непосредственных побудительных причин к экономическим занятиям Маркса явилось знакомство с «Набросками к критике политической экономии» Энгельса. В рукописях 1844 г. Маркс охарактеризовал «Наброски...» как оригинальный труд немецкого социалиста, критиче-

ски занимающегося политической экономией. Позднее, в предисловии к работе «К критике политической экономии», Маркс назвал произведение Энгельса гениальными набросками к критике экономических категорий.

Что же особенно импонировало молодому Марксу в работе молодого Энгельса? Это — ее революционная устремленность, выраженная с позиций рабочего класса, постановка вопроса о неизбежности ликвидации частной собственности. Это — убедительное доказательство, что в абстракциях политической экономии реальные отношения поставлены на голову, и потому задача состоит в их переворачивании,— с прямой ссылкой на аналогичную работу, проделанную Фейербахом в философии. Наконец, это — мастерская критика метафизического метода буржуазных экономистов, выхватывающих лишь одну из сторон противоречивого движения (полезность или издержки производства, конкуренция или монополия и т. д.) и потому не постигающих его специфики как единства противоположностей. Все это не могло не радовать Маркса, встретившего в Энгельсе *единомышленника* по коренным политическим и философским проблемам.

Кроме того, Маркс выделил в «Набросках...» *собственно экономические проблемы*, в разработке которых молодой Энгельс оказался в данный момент *впереди* него. Там, где сам Маркс еще чувствовал себя новичком, его младший товарищ уже заявил себя специалистом. Однако, сосредоточив внимание на законе конкуренции, Энгельс не отметил в этой первой своей экономической работе огромного научного значения теории трудовой стоимости Рикардо. Недооценку этой теории на первом этапе своих занятий разделил с ним и Маркс. С другой стороны, Маркс далеко не сразу воспринял все специальное содержание произведения Энгельса. Вот почему после выхода в свет «Немецко-французского ежегодника», уже на втором этапе своих занятий, Маркс вторично обратился к статье Энгельса и составил ее конспект.

Гесс о сущности денег и отчуждения

Наряду с работой Энгельса Маркс упоминает в рукописях статьи Гесса из сборника «Двадцать один лист». Эти статьи, как уже отмечалось, представляли собой попытку применения фейербаховской теории отчуждения к социально-экономическим проблемам. Маркс имел возможность ознакомиться и еще с одной статьей Гесса — «О сущности денег», которая предназначалась для «Немецко-французского ежегодника» и которую справедливо оценивают как наибольшее теоретическое достижение Гесса (см. 146, с. 204). В связи с тем что журнал прекратил существование, статья смогла увидеть свет лишь полтора года спустя.

«Чем является *бог* в *теоретической* жизни,— писал Гесс в этой статье,— тем *деньги* являются в *практической* жизни превратного мира: это *отчужденные способности* людей, их *распроданная жизнедеятельность*. Деньги — это выраженная в *числах человеческая ценность*, *печать нашего рабства*, неизгладимое клеймо нашего порабощения... *Деньги* — продукт *взаимно отчужденных людей, отчужденного человека*» (134, с. 334—335). «Только теперь принцип рабства — *отчуждение* человеческой *сущности* путем *изоляции индивидов* и низведение этой сущности до *средства существования* этих индивидов — смог стать всеобщим принципом жизни» (134, с. 339).

Гесс впечатляюще выразил *ужас*, охвативший мелкобуржуазного интеллигента перед открывшимися его взору бессмысленностью и бесчеловечной, хищнической природой отчужденного мира капитализма: «Мы находимся сейчас на вершине социального животного мира, в его *кульминационном пункте;* поэтому мы теперь — *социальные хищники*, законченные, *сознательные эгоисты*, которые *в свободной конкуренции санкционируют* войну всех против всех, в так называемых *правах человека* — права изолированных индивидов, частных лиц, «абсолютных лично-

стей», в *свободе промышленности* — взаимную эксплуатацию, *жажду денег,* которая есть не что иное, как *жажда крови социальными хищниками»* (119, с. 345).

Но мелкобуржуазный социалист не увидел главного — того, что завершенное отчуждение человеческой сущности посредством *изоляции* индивидов есть *исторически необходимый* путь развертывания сущностных сил человека как *общественного* существа. Гесс видит только одно (утопическое) средство преодоления отчуждения: проповедь всеобщей любви человека к человеку. «На той ступени развития, которой мы достигли,— заключает он,— мы можем лишь в большей степени эксплуатировать и пожирать друг друга, если мы не объединимся в любви» (119, с. 348).

Только Маркс и Энгельс, как идеологи самого угнетенного и потому самого решительного в своей борьбе, самого революционного класса — пролетариата, сумели открыть средство ликвидации отчуждения *в самом отчуждении:* развитие отчужденного труда ведет к развитию пролетариата, историческую задачу которого составляет уничтожение всякого отчуждения.

Стать идеологом пролетариата в то время значило *создать научное мировоззрение.* Как пролетариат, создавая новый мир, призван был не просто уничтожить старый, но переработать его, сохранив все накопленные им ценности, так и Марксу с Энгельсом пришлось проделать в своей области аналогичную работу. Один из начальных этапов этого труда запечатлен в выписках из произведений немецких, французских и английских экономистов, сделанных Марксом на второй и третьей стадиях работы над Парижскими тетрадями.

Шюц — Лист — Осиандер

Как уже отмечалось, впервые опубликованные в 1981 г. выписки Маркса из работ немецких экономистов Шюца, Листа и Осиандера составляют тетрадь, условно назван-

ную нами «Шюц» и представляющую собой, по-видимому, наиболее раннюю марксову тетрадь с экономическими выписками.

Тетрадь открывается выписками из книги Карла Шюца «Основы политической экономии», изданной в Тюбингене в 1843 г., незадолго до отъезда Маркса в Париж. Профессор Тюбингенского университета Шюц принадлежал к школе немецкого вульгарного буржуазного экономиста Карла Генриха Рау, который по отдельным вопросам разделял взгляды Смита и Рикардо. Книга К. Шюца представляла собой учебник, в котором систематически излагалась экономическая наука с древних времен до Смита и Рикардо включительно. При этом Смит характеризовался как «отец новой политической экономии». Учебник был снабжен обширным списком произведений экономистов различных стран и направлений.

Выписки Маркса из книги Шюца уместились на одной странице в две колонки. Преобладают дословные цитаты по вопросам меркантилизма, ценообразования, теории ренты, таможенной защиты, банковского дела и др. Собственные замечания Маркса отсутствуют, а содержание самой книги таково, что она могла заинтересовать Маркса лишь в начале его экономических занятий. В последующих работах Маркса эти выписки не используются и даже имя Шюца не упоминается (см. 29, с. 721, 793).

Гораздо более обширные выписки сделал Маркс из «Национальной системы политической экономии» Фридриха Листа. Этот вульгарный буржуазный экономист проповедовал крайний протекционизм, чем снискал популярность среди неокрепших немецких буржуа, требовавших высоких таможенных барьеров для защиты немецкого рынка от наплыва товаров из более развитых капиталистических стран — таких, как Франция и Англия. Книга Ф. Листа, имевшая подзаголовок «Международная торговля, торговая политика и немецкий таможенный союз», служила теоретическим оправданием отсталой

практики немецких буржуа. Эта книга вышла в 1841 г. Маркс уже в редакционном примечании к статье «Ганноверские предприниматели и покровительственные пошлины», опубликованном в «Рейнской газете» 22 ноября 1842 г., выступил против системы покровительственных пошлин. Он охарактеризовал эту систему как средневековую, когда «каждой *особой* сфере обеспечивалось *особое* покровительство». По-видимому, уже тогда Маркс знал о Листе как теоретике немецкого протекционизма. Во всяком случае, как мы уже отмечали, выступление о свободе торговли и покровительственных пошлинах в «Рейнской газете» было *первым обращением Маркса к собственно экономическим проблемам*. Но это было обращение с позиций революционного демократизма, в рамках еще не вполне осознанного движения от идеализма к материализму.

Вторично Маркс обратился к проблеме покровительственных пошлин уже с материалистических и коммунистических позиций — в статье «К критике гегелевской философии права. Введение». Он сделал это в широком контексте осмеяния немецкого статус-кво как исторически устаревшей формы жизни, которую следует весело проводить в могилу. «Отношение промышленности, вообще мира богатства, к политическому миру есть одна из главных проблем нового времени. В какой форме начинает эта проблема занимать немцев? В форме *покровительственных пошлин, запретительной системы, национальной экономии»* (1, с. 418—419). Прогнившие порядки, против которых восстают во Франции и Англии, «приветствуются в Германии как восходящая заря прекрасного будущего, едва еще только отваживающегося перейти от *лукавой* теории к самой беззастенчивой практике» (1, с. 419).

Игра слов «*listige* Theorie» («лукавая теория») содержит намек на протекционистскую теорию *Листа*. Не ко времени ли написания «Введения...» (конец 1843 — нача-

ло 1844 г.) относится возникновение тетради «Шюц» с конспектом книги Листа?

В конспекте Маркс выписывает слова Листа о политике как гарантии независимости нации и его критику теории Смита за то, что она игнорирует существование нации и ставит в центр учение о стоимости (см. 29, с. 506, 518—520). Однако, возражает Маркс, «все основы теории г-на Листа обращаются прямо против частной собственности. Он принимает нынешнюю теорию применительно к делам внутри нации. Но отличается лишь в отношении внешней торговли. Г-н Лист принимает завершенное буржуазное общество за безусловный идеал» (29, с. 529).

Конспект книги Листа находится в левых столбцах марксовой тетради. А на тех же ее страницах в правых столбцах Маркс законспектировал книгу Г. Осиандера, вышедшую в 1842 г. и содержавшую резкую критику Листа. Генрих Осиандер имел большой опыт практической работы в одной из торговых контор Голландии и считал теорию Листа утопической химерой. «Только в утопии,— заключает он,— можно мыслить абсолютную свободу [внутренней] торговли, допускающую в то же время систему таможенных пошлин» (29, с. 546).

Знакомство с работами немецких экономистов, позитивное научное содержание которых было элементарным, не оставило заметного следа в творчестве Маркса. Оно лишь убедило его в необходимости обратиться к трудам французских и английских экономистов. Начальный этап изучения этих трудов и составил третью стадию работы над Парижскими тетрадями, результатом которой явились тетради «Сэй» и «Смит».

Сэй — Скарбек

В тетради «Сэй» содержатся выписки из «Трактата по политической экономии» французского экономиста Жана-Батиста Сэя (левый столбец) и из «Теории обществен-

ного богатства» польского экономиста Фредерика Скарбека (правый столбец); тот и другой — последователи Смита.

Почему первые выписки сделаны именно из работ Сэя? Дело в том, что вслед за Энгельсом Маркс тогда еще не проводил различия между классиками политической экономии и их вульгаризаторами; точнее, он еще не знал о таком различии. Сэй же считался самым крупным распространителем идей Смита во Франции и главой ранней школы французских экономистов. В своем «Трактате...» он переработал учение Смита, весьма неудачно расчлененное самим автором, в стройное, легко доступное обозрению целое. Однако при этом выпало главное в учении Смита — начатки *теории трудовой стоимости*, которые Сэй подменил своей поверхностной теорией полезности. Но многим читателям как раз эта-то теория и представлялась верхом ученой премудрости. В итоге сочинения Сэя получили в свое время широкую известность.

Не удивительно поэтому, что и Маркс, находясь во Франции, начал изучение работ профессиональных экономистов именно с «Трактата...» Сэя. Из этой книги он сделал более 200 выписок на языке оригинала. Лишь в одном месте они сопровождаются собственными замечаниями Маркса, затрагивающими, однако, самую суть дела:

«*Частная собственность* есть факт, обоснованием которого политическая экономия не занимается, но который составляет ее основу. Не существует *богатства* без частной собственности, и политическая экономия по сути своей есть *наука обогащения*. Итак, без частной собственности нет политической экономии. Вся политическая экономия зиждется, таким образом, на факте, отнюдь не обязательном» (29, с. 316—319).

Эти замечания лежат в русле идей Энгельса: та же характеристика политической экономии как науки

обогащения и тот же тезис, что она даже не ставит вопроса о правомерности частной собственности. Данный тезис станет исходным в методологии марксовой критики буржуазной политической экономии в фрагменте об отчужденном труде.

Продолжая замечания, Маркс фиксирует логическую непоследовательность Сэя: понятие «богатство» Сэй определяет через понятие «стоимость», а последнее, в свою очередь, предполагает «обмен»; но в то же время он рассматривает богатство в отделе о производстве, а стоимость и обмен — в *последующем* отделе, об обращении.

Весьма существенное значение имеет заключительный тезис Марксовых замечаний: «Богатство состоит в вещах, которые «не обязательно» иметь, которые не нужны для «личной потребности»» (29, с. 319). Здесь впервые пробивается мысль о *вещном богатстве как чуждом реальным потребностям человека,* об отчужденном отношении человека и продуктов труда.

Выписки из «Теории общественного богатства» Скарбека лаконичны и не сопровождаются собственными замечаниями Маркса. При всей своей краткости, они, однако, содержат ряд принципиальных положений. Например: «Фонд — это накопленная стоимость»; «капитал — это стоимостной фонд, создающий новую стоимость» (29, с. 329). В «Экономическо-философских рукописях» Маркс не использует эти положения, предпочитая брать аналогичные суждения непосредственно у Смита. Но к выпискам о разделении труда, сделанным на первой же странице конспекта (29, с. 328), Маркс вернется в конце третьей тетради рукописей.

Адам Смит

Немного времени потребовалось Марксу, чтобы от работ второстепенных представителей смитовской школы дойти до самого ее истока: тетрадь «Смит» и большая часть тет-

ради «Левассёр» содержат выписки из «Исследования о природе и причинах богатства народов» — главного произведения Адама Смита, положившего начало новейшей буржуазной политической экономии. Маркс сразу почувствовал фундаментальную природу этого научного труда и решил тщательно и всесторонне освоить его.

Свою книгу Смит начинает с характеристики *разделения труда,* рассматривая его как основную причину богатства народов. Однако объяснить причину самого разделения труда Смит оказался не в состоянии, и Маркс тотчас подметил это: «Очень забавен круг доказательств, в который впадает Смит. Чтобы объяснить разделение труда, он предполагает обмен. Но для того, чтобы был возможен обмен, он уже должен предположить разделение труда, различие человеческой деятельности. Перенеся проблему в первобытное общество, Смит не решает ее» (29, с. 336).

Однако проблема эта была по своей природе более сложной, нежели это отразилось в приведенном замечании Маркса. Не только Смит, но и все остальные буржуазные теоретики (экономисты, философы, историки) сводили ее к эгоизму как конечному мотиву поведения людей. В действительности же коренной причиной и разделения труда, и обмена, и всего движения человеческой истории является развитие производительных сил — орудий труда и навыков к труду. Но эту причину еще только предстояло открыть. В тот момент молодой Маркс был далек от подобного решения. Поэтому и значение отмеченной им проблемы не было тогда понято им в полной мере.

К тому же по Смиту получалось, что, сколь естественно разделение труда, столь же естественно и деление цены товаров на три составные части: заработную плату, прибыль на капитал и земельную ренту. Законспектировав шестую и седьмую главы («О составных частях цены товаров» и «О естественной и рыночной цене товаров»)

первого тома книги Смита, Маркс прерывает последовательность конспектирования. Оставив в стороне VIII—XI главы, в которых рассматриваются три источника дохода и которыми заканчивается первый том, он обратился к первым главам второго тома, который называется «О природе капитала, его накоплении и применении».

Здесь Смит прежде всего стремился показать, что возрастающее разделение труда как основная причина богатства народов возможно только по мере накопления запасов продуктов различного рода. Он выделяет две части этих запасов: одна часть идет на потребление, а от другой ожидается доход, т. е. она образует капитал. В свою очередь, капитал подразделяется на основной и оборотный, «который характеризуется тем, что приносит доход только в процессе обращения или меняя хозяев» (105, с. 208).

Со смитовской характеристики оборотного капитала Маркс и начинает конспект данного тома. Он фиксирует составные части оборотного капитала, отмечает роль денег как особой части этого капитала, замену золотых и серебряных денег бумажными (см. 29, с. 344—346). Сделав краткие выписки из первых двух глав второго тома, Маркс возвращается к пропущенным главам первого тома — к главам об источниках доходов.

Этот *перерыв последовательности конспектирования* книги Смита характерен в двух отношениях. Во-первых, Маркс, видимо, почувствовал, что для более глубокого понимания вопросов о цене товаров необходимо уяснить, что же представляет собой капитал, в особенности оборотный, какова роль денег в его функционировании и т. п. Во-вторых, обращение Маркса к вопросу о природе капитала и его внутренней структуре непосредственно перед изучением вопросов об источниках дохода оказывалось методологически весьма важным: в противоположность Смиту, который рассматривал заработную плату, прибыль и ренту просто как естественное в условиях частной

собственности (последняя некритически принимается им как данное) деление цены товаров на эти три части, Маркс нащупывает иной подход — анализ трех источников дохода *в связи с самой природой капитала.*

Однако содержание первых глав второго тома книги Смита мало что могло дать Марксу при уяснении этой задачи. Он ограничивается краткими выписками и сосредоточивает внимание на тщательно разработанном Смитом круге проблем — на *заработной плате, прибыли на капитал* и *земельной ренте* как «источниках дохода» трех основных классов: рабочих, капиталистов и землевладельцев. Вычленению именно этих проблем способствовали как структура произведения Смита *, так и собственная идейная устремленность Маркса, видевшего цель своих экономических занятий в том, чтобы понять реальные основы борьбы классов. Эта устремленность сопутствовала Марксу всю жизнь, но в данный момент она сочеталась с убеждением, будто корень социально-политических проблем можно постичь, начав с анализа трех источников дохода. Проштудировав книгу Смита, молодой Маркс почувствовал в себе достаточно сил для такого анализа.

Анализ трех источников дохода

Три источника дохода и отчужденный труд

Тетрадь I «Экономическо-философских рукописей» состоит из двух основных частей: первую ее часть (с. I—XXI) составляет анализ трех источников дохода, а вторая часть (с. XXII—XXVII) содержит гениальный фрагмент

* Вот названия VIII—XI глав этого произведения: «О заработной плате», «О прибыли на капитал», «О заработной плате и прибыли при различных применениях труда и капитала», «Земельная рента» (см. 105).

«Отчужденный труд и частная собственность», в котором впервые сформулирована одна из фундаментальных идей научного мировоззрения, сыгравшая особую роль на данном этапе развития взглядов Маркса. Представляет значительный интерес процесс рождения этой идеи. Возникает, в частности, вопрос: имеется ли связь между фрагментом об отчужденном труде и предшествующим анализом трех источников дохода?

Такая связь, причем неоднoплановая, прослеживается как в теоретическом, так и в методологическом отношениях. Хотя к идее отчуждения Маркс неоднократно обращался, начиная с докторской диссертации, важно выявление этой существенной связи, характеризующей процесс непосредственного возникновения *идеи отчужденного труда.*

Три параллельных текста

Прежде всего обращает на себя внимание необычное расположение трех текстов рукописи, содержащих анализ трех источников дохода: большинство страниц тетради I разграфлены на три столбца, левый из которых имеет заглавие «Заработная плата», средний — «Прибыль на капитал», правый — «Земельная рента». Иными словами, в рукописи имеются три параллельных текста (см. фотокопию рукописи).

Что означает параллельное расположение трех текстов? Всего лишь технический, формальный прием пространственного размещения трех групп материалов или же нечто большее — методологический прием, облегчавший сопоставление этих материалов, их содержательный анализ?

До недавнего времени второй вариант ответа на этот вопрос даже не возникал, а публикаторы и исследователи, отмечая наличие параллельного расположения текстов, делали лишь тот вывод, что и написаны эти тексты были в строгой последовательности «слева направо»: сна-

чала фрагмент о заработной плате (левый столбец), затем о прибыли на капитал (средний столбец), наконец, о земельной ренте (правый столбец). Именно в такой последовательности эти тексты и публиковались.

Изучение фотокопии «Экономическо-философских рукописей» *, тщательное текстологическое и содержательное их исследование привели автора этих строк к следующему выводу: параллелизм трех текстов есть не просто формальный прием расположения материалов, но и отражение определенного *параллелизма в реальном процессе исследования* Марксом трех источников дохода. Более того, рассмотрение самого содержания данного процесса показывает, что Маркс сознательно использовал параллельное рассмотрение трех различных и в то же время взаимосвязанных между собой предметов как *эвристический прием*, стимулирующий новые постановки и новые решения стоявших перед ним сложных экономическо-философских проблем.

Публикация «Экономическо-философских рукописей», осуществленная в составе MEGA-2, позволяет более глубоко изучить этот эвристический прием Маркса, поскольку теперь впервые тетрадь I опубликована в строгом соответствии с расположением текста в рукописи (см. 26, с. 189—247).

Взаимосвязь трех текстов выражается уже в том, что работа над каждым из них проходила *в несколько стадий:* начав один текст, Маркс в какой-то момент прерывал работу над ним и приступал к работе над другим текстом (в другом столбце), которую, в свою очередь, прерывал, чтобы написать часть третьего текста, после чего вновь обращался к одному из предыдущих текстов и т. д.

---

* Использовалась фотокопия, хранящаяся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 130).

Редакция MEGA-2 обосновала наличие четырех таких стадий, а поскольку фрагмент об отчужденном труде, следующий за анализом источников дохода, составляет еще одну стадию *, то в итоге выделяются *пять стадий* написания Марксом тетради I (см. подробную схему в 26, с. 708—709, а также аналогичную схему в нашей книге на с. 319).

С чего начинался анализ источников дохода?

Установлено, что *первая стадия*, занимающая почти целиком страницы I—VII рукописи, охватывает работу Маркса над всеми тремя текстами. Но остается вопрос: с какого же текста начинался анализ трех источников дохода?

Конечно, если не усматривать определенного параллелизма работы над тремя текстами и придерживаться того взгляда, что они создавались в порядке расположения столбцов, то вопрос этот вообще не возникает, ибо возможно только одно заключение: Маркс начал анализ трех источников дохода с исследования природы заработной платы.

Впрочем, такое заключение возможно и с учетом параллелизма трех текстов, многостадийности их написания. Оно имеет под собой, как минимум, два серьезных основания. Во-первых, работа над тетрадью I отражает начальный этап экономических занятий Маркса, когда он еще далеко не адекватно оценивал достижения буржуазной экономической мысли и вполне мог воспринять у А. Смита последовательность анализа трех источников дохода как составных частей «естественной цены» товара. Не случайно, видимо, в тетради выписок Маркс воспроизводит главы сочинения Смита, касающиеся источников

* См. примечание 4 в конце книги.

СХЕМА СТАДИЙ НАПИСАНИЯ ТЕТРАДИ I

№№ страниц	Содержание столбцов		
I–IV	Заработная плата	Прибыль на капитал	Земельная рента
V	Заработная плата	Прибыль на капитал	Земельная рента
VI	Заработная плата	Прибыль на капитал	Земельная рента
VII	Заработная плата Заработная плата	[Прибыль на капитал]	[Земельная рента]
VIII–X	Заработная плата	Прибыль на капитал	Земельная рента
XI	Заработная плата	Прибыль на капитал	Земельная рента Земельная рента
XII	Заработная плата	Прибыль на капитал	Земельная рента
XIII–XV	Заработная плата	Прибыль на капитал	
XVI	[Заработная плата] Земельная рента	Прибыль на капитал	
XVII–XXI	Заработная плата [нет текста]	Земельная рента	Прибыль на капитал [нет текста]
XXII–XXVII	[Заработная плата] Отчужденный труд и частная собственность	[Прибыль на капитал]	[Земельная рента]

Обозначения: стадия 1 — ▭ - I–VII
стадия 2 — (штриховка)
стадия 3 — (мелкий точечный узор)
стадия 4 — (крупный точечный узор)
стадия 5 — ▭ - XXII–XXVII

В скобки [ ] заключены заголовки столбцов, заполненных текстом, содержание которого не соответствует этим заголовкам; в этих случаях второй заголовок выражает содержание текста данного столбца.

дохода, в той же последовательности, что и у автора (см. 29, с. 346—364), да и названия трех столбцов в тетради I «Экономическо-философских рукописей» даются, как правило, в той же последовательности. Соответственно, в редакционных комментариях MEGA-2 сказано: «С высокой вероятностью можно принять, что изложение следовало воспринятому от Смита порядку: заработная плата, прибыль на капитал и земельная рента» (26, с. 690).

Во-вторых, предшествующим развитием своих теоретических и политических взглядов Маркс в наибольшей степени был подготовлен именно к анализу заработной платы. Приступая к написанию соответствующего текста, Маркс уже имел сформировавшееся понимание исторической роли пролетариата и располагал немалыми познаниями относительно его положения и борьбы. Поэтому марксов «анализ взглядов Смита на заработную плату проводился уже в сознательной, с принципиально иных классовых позиций обоснованной конфронтации по отношению к буржуазной политической экономии» (26, с. 691). Обоснованность этого суждения подтверждает и высокий уровень обобщенности текста о заработной плате по сравнению с двумя другими текстами, которым не присуща такая концептуальность: значительное место в них занимают цитаты, воспроизводимые Марксом из своих же тетрадей выписок или же заимствованные непосредственно из произведений буржуазных и социалистических авторов.

Хотя приведенные аргументы позволяют «с высокой вероятностью» считать возможным, что Маркс начал анализ трех источников дохода с написания текста о заработной плате, они не дают окончательного, безусловного решения этого вопроса и не могут исключать других предположений. На наш взгляд, имеются не менее серьезные аргументы в пользу иного вывода — о том, что анализ источников дохода Маркс начал с *текста о капитале*.

Перерыв в последовательности конспектирования Марксом книги Смита (напомним, что, подойдя к главам об источниках дохода, Маркс пропускает их, делает выписки из первых глав следующего тома, где идет речь о природе капитала, а затем возвращается к главам первого тома — об источниках дохода) можно рассматривать как его попытку сначала уяснить вопрос о природе капитала, а затем, на основе такого уяснения, анализировать источники дохода. Это предположение подтверждается также тем, что фрагмент о прибыли на капитал начинается как раз с рассуждения о капитале, как таковом, о его природе и сущности и лишь потом о собственно прибыли на капитал.

Следует принять во внимание и тот факт, что текст о заработной плате представляет собой обобщение информации не только по вопросам заработной платы, но в определенной мере и по другим источникам доходов. Имеется около 10 случаев, когда Маркс в тексте о заработной плате обобщенно использует эмпирические данные, содержащиеся в двух других фрагментах (сюда они, в свою очередь, попали из тетрадей выписок). Напрашивается вывод о том, что текст о заработной плате написан как обобщающий, как *завершающий* первую стадию работы Маркса над тетрадью I.

Но не мог ли Маркс сначала дать обобщенное изложение вопроса, а затем, в других столбцах, более конкретный анализ? Это, конечно, возможно. Однако такой порядок исследовательского процесса, при котором сначала Маркс накопил конкретный материал в тетрадях выписок, затем дал высокообобщенный его анализ в виде текста о заработной плате, после чего вновь обратился к его конкретизации в текстах о прибыли и ренте, представляется менее логичным, чем последовательное движение от эмпирического материала к первоначальному его анализу и затем к обобщениям концептуального характера. В качестве конкретных этапов такого последователь-

ного движения в процессе работы Маркса над «Экономическо-философскими рукописями» можно выделить:

а) накопление эмпирического материала в тетрадях выписок из работ экономистов;

б) отбор и первоначальный анализ этого материала в текстах о прибыли и ренте на первой стадии работы над тетрадью I;

в) обобщающий анализ этого и дополнительного материала в тексте о заработной плате на той же стадии работы.

Обобщающая роль текста о заработной плате становится особенно очевидной в завершающих его разделах (на VI и VII страницах тетради I). Здесь речь идет уже не только о заработной плате, но и о капитале, прибыли на капитал и земельной ренте. Например: «Политэконом говорит нам, что все покупается на труд и что капитал есть не что иное, как накопленный труд... В то время как земельная рента бездеятельного землевладельца в большинстве случаев составляет третью часть продукта земли, а прибыль деятельного капиталиста даже вдвое превышает процент с денег, на долю рабочего приходится в лучшем случае столько, что при наличии у него четырех детей двое из них обречены на голодную смерть» (18, с. 52). А конкретный материал, обобщенный в этих высказываниях, содержится на предыдущих страницах рукописи, в текстах о прибыли и ренте *.

И далее Маркс резюмирует: «В соответствии с теорией, земельная рента и прибыль на капитал суть *вычеты* из заработной платы. В действительности же заработная плата есть допускаемый землей и капиталом вычет на долю рабочего, уступка продукта труда рабочему, труду» (18, с. 53).

Все это, на наш взгляд, свидетельствует в пользу предположения, что анализ трех источников дохода Маркс

* См. примечание 5 в конце книги.

начал с текста о прибыли на капитал *, а завершил первую стадию этого анализа обобщающим текстом о заработной плате.

Теоретико-методологический смысл проблемы первого начала

Стоит ли, однако, так много внимания уделять вопросу о том, с чего начинался анализ источников дохода? Так ли уж важно выявить это первое начало? И вообще, что меняется от перестановки слагаемых?

В том-то и дело, что меняется *оценка уровня понимания* Марксом теоретических проблем политической экономии, с которым он приступал к работе над «Экономическо-философскими рукописями». Конечно, это был сравнительно начальный уровень, когда Маркс не подошел еще к теории трудовой стоимости Рикардо. Вместе с тем уже завершился переход Маркса к материализму и коммунизму, и Маркс вполне осознавал определяющее значение экономических отношений в обществе, равно как и необходимость подвергнуть решительной критике философские и политические основания буржуазной политической экономии. Анализ трех источников дохода представлялся естественным исходным пунктом для такой критики.

Но одно дело — критика «в лоб», начиная непосредственно с анализа заработной платы, от размеров которой зависела жизнь рабочих и их семей, и совсем другое — начинать критику даже не с того или иного источника дохода, а с наиболее существенного отношения, определяющего все источники дохода,— *с отношения частной собственности, воплощенного в капитале.* У Маркса были все основания начать критику с отношения частной собствен-

* Соглашаясь с этим выводом, Г. А. Багатурия назвал текст о прибыли на капитал «первым началом» «Экономическо-философских рукописей» и выявил еще пять различных начал этих рукописей. Он показал, что в хронологической последовательности шести начал определенным образом раскрывается внутренняя логика рукописей 1844 г. как целого (см. 49, с. 210—222).

ности, с капитала, потому что уже в «Немецко-французском ежегоднике» он провозгласил «категорический императив», повелевающий *«ниспровергнуть все отношения*, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом...» (1, с. 422). Там же он открыл и философски обосновал историческую миссию пролетариата: «Требуя *отрицания частной собственности,* пролетариат лишь возводит в *принцип общества* то, что̀ общество возвело в *его* принцип...» (1, с. 428). Теперь Маркс приступал к экономическому обоснованию этой исторической необходимости, и центральной проблемой «Экономическо-философских рукописей» стала проблема частной собственности — ее сущности, истории возникновения и развития, предпосылок ее гибели и замены новым историческим типом собственности — общественной, коммунистической собственностью.

Отсюда вытекает и та специфическая *методологическая установка,* с которой Маркс подходил к исследованию стоявших перед ним проблем в рукописи 1844 г.: сначала «станем целиком на точку зрения политэконома», а затем поднимемся «над уровнем политической экономии и поищем в изложенных выше, переданных чуть ли не собственными словами политэкономов положениях ответа» на фундаментальные проблемы развития человечества — так писал Маркс на первой стадии работы над тетрадью I (см. 18, с. 52, 54). И вновь подчеркнул ту же мысль на пятой стадии работы: «Мы исходили из предпосылок политической экономии. Мы приняли ее язык и ее законы... Эти законы она не *осмысливает*, т. е. не показывает, как они вытекают из самого существа частной собственности»; поэтому «нам предстоит теперь осмыслить существенную взаимосвязь...» (18, с. 86, 87).

Следуя такой методологической установке, Маркс должен был начать «Экономическо-философские рукописи» не с обобщенного текста, каким является текст о заработной плате, а именно с того, который содержит

изложение вопросов «чуть ли не собственными словами политэкономов». Такими являются тексты о прибыли и ренте, а из них первым начал создаваться текст о прибыли на капитал.

Капитал как проблема

Итак, мы исходим из того, что первым началом «Экономическо-философских рукописей» был текст «Прибыль на капитал»; точнее, первые его разделы. В этом выражалась методологическая установка Маркса, который уже тогда видел корень всех проблем буржуазного общества в частной собственности, прежде всего в *капитале* и его природе как источника дохода, т. е. прибыли. Уже в первой половине 1844 г. он подходил к вопросу о положении и задачах рабочего класса не просто как сострадательный гуманист, не из одних лишь нормативно-этических убеждений, как об этом продолжают писать буржуазные марксологи *, но как ученый-материалист, проникающий в корень вещей. На этих методологических предпосылках и базировалось развитие его теоретической позиции, тогда еще весьма гипотетической, в подлинно научное коммунистическое мировоззрение.

Приступая к написанию текста «Прибыль на капитал», Маркс имел определенный план изложения материала этой темы. Он с самого начала стал нумеровать пункты изложения, а вскоре ввел названия разделов данного текста (первые два в виде вставок в написанный текст): 1) Капитал, 2) Прибыль на капитал, 3) Господство капитала над трудом и мотивы капиталиста, 4) Накопле-

* В диссертации одного из представителей западногерманских марксологов Ф. фон Магнисса предпринята попытка доказать существование у молодого Маркса парадоксального расхождения между «утверждаемой необходимостью» и ценностными представлениями. При этом нормативно обосновываемая аргументация Маркса изображается как альтернатива, неадекватная его выводам относительно необходимых тенденций исторического развития (см. 139, с. 406—410).

ние капиталов и конкуренция среди капиталистов. Как видим, первый раздел в «Экономическо-философских рукописях» он назвал тем словом, которое впоследствии стало названием главного труда всей его жизни: «Капитал» («Das Capital», в старой транскрипции).

Хотя весь текст имеет общее заглавие «Прибыль на капитал», непосредственно этой теме посвящен лишь один из четырех разделов, к тому же не первый. Прежде всего Маркса интересует *проблема капитала как такового.* Он начинает анализ с вопросов: «На чем зиждется *капитал,* т. е. частная собственность на продукты чужого труда? Как человек становится собственником производительных фондов? Как он становится собственником продуктов, производимых с помощью этих фондов... Что такое капитал?» (18, с. 59—60).

За ответами на эти вопросы он обращается к Сэю и в особенности к Смиту, который писал: капитал — это «определенное количество *накопленного* и отложенного про запас *труда»,* т. е., замечает Маркс, «капитал есть *накопленный труд»* (18, с. 60).

Но капитал есть не всякий накопленный труд, а лишь такой, который приносит своему владельцу определенный доход, или *прибыль.* Капитал как производительный фонд служит лишь копилкой, воплощающей прошлый труд; и только прибыль, словно по волшебству, регулярно доставляет в эту копилку новый овеществленный труд. Не будь этой волшебницы, копилка потеряла бы способность накапливать труд.

Чей же труд накапливается в копилке?

Может быть, это труд самого капиталиста, скажем труд по надзору и управлению? Тогда никто не может иметь к капиталисту никаких претензий. Но нет! Уже буржуазные экономисты разъяснили, что величина прибыли на капитал определяется всецело размером вложенного капитала, хотя труд по надзору и управлению при различных капиталах может быть одинаков. Вдобавок и этот труд на

крупных предприятиях всецело доверен специальным лицам (управляющему, надзирателям и т. п.). Напротив, собственник, труд которого в подобных случаях сводится почти к нулю, получает прибыль строго пропорционально величине своего капитала.

Итак, капитал есть накопленный труд, но это не труд самого владельца капитала. Следовательно, капитал есть накопленный *чужой* труд, или, как пишет Маркс, «частная собственность на продукты чужого труда» (18, с. 59).

Классово-антагонистическая природа трех источников дохода

Парадокс состоит в том, что продукты чужого труда не считаются чужими продуктами. Напротив, существующее в буржуазном обществе законодательство рассматривает их как принадлежащие именно нетрудящемуся собственнику капитала.

Закон на стороне капиталиста. Иначе говоря, капиталист — хозяин закона. Значит, вместе с капиталом человек приобретает не просто имущество, средство материального благосостояния, а и что-то еще, пожалуй, даже более важное. Что же именно?

«...Капитал есть *командная власть* над трудом и его продуктами. Капиталист обладает этой властью не благодаря своим личным или человеческим свойствам, а лишь как *собственник* капитала. Его сила есть *покупательная* сила его капитала, против которой ничто не может устоять» (18, с. 59).

Так уже в самом начале работы над рукописями Маркс начинает лишать ореола святости те традиционные фетиши, которым буржуазная политическая экономия неустанно курит фимиам. Прежде всего оказался разоблачен главный фетиш — капитал: выступая под респектабельно-благообразной, освященной законами и религией маской

«накопленного труда», в действительности он есть *командная власть* общества, находящаяся в *частной собственности* и позволяющая классу капиталистов систематически и на законном основании присваивать продукты *чужого* труда — труда рабочего класса.

Два других источника дохода Маркс рассматривает тоже под углом зрения отношений между классами: «Размер земельной ренты определяется в результате *борьбы между арендатором* и *земельным собственником»* (18, с. 74); *«Заработная плата* определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим» (18, с. 47).

Уже сам факт единства принципов, на основе которых строятся определения всех трех источников дохода, демонстрирует содержательный смысл параллельного их анализа: этот параллелизм способствовал обнаружению того общего, что лежит в основе всех источников дохода, и позволял использовать один текст в качестве обоснования другого.

Мысль о том, что реальное жизненное содержание всех источников дохода составляет борьба классов общества, является одним из наиболее ценных научных результатов, к которому Маркс самостоятельно пришел на первой стадии работы над фрагментами о капитале и о земельной ренте.

Остальное содержание этих фрагментов (на данной стадии) сводится к определенным образом сгруппированным и метко, но весьма лаконично резюмируемым выпискам из Смита, а третий раздел фрагмента о капитале, имеющий многообещающее название — «Господство капитала над трудом и мотивы капиталиста», сплошь занимают выписки из Смита. Трудно поверить, будто Марксу вообще нечего было сказать по столь интересующей его теме.

Недоумение рассеивается при сравнительном анализе содержания всех трех фрагментов. Основной авторский текст фрагмента «Заработная плата», завершающий пер-

вую стадию параллельного анализа, как раз и представляет собой *теоретическое резюме* конкретного экономического материала, сконцентрированного Марксом во втором и третьем фрагментах. Этот богатый материал складывается там в собственную концепцию Маркса, стержень которой составляют интересы рабочего класса. Разумеется, при этом Маркс не ограничивается данными, собранными во втором и третьем фрагментах, но неоднократно обращается к тетрадям выписок и к самим первоисточникам. Так, идея о трех основных состояниях общества: упадочном, прогрессирующем и максимально богатом,— выдвинутая Смитом, находит у Маркса весьма глухое отражение в третьем разделе фрагмента о капитале. Но в фрагменте о заработной плате она выдвигается в центр и становится той основой, на которую нанизываются конкретные сведения из второго и третьего фрагментов, приобретая при этом не буржуазно-апологетический смысл, как у Смита, а значение обвинительного приговора буржуазному обществу в целом и буржуазной политической экономии в особенности — приговора, выносимого теоретиком рабочего класса.

За полупризнаниями, полуправдами и полуложью буржуазных экономистов, то лицемерных, то циничных, вскрывает молодой Маркс отсутствие гармонии и наличие антагонизма классов, превращающего всю жизнь общества в непрерывную войну противоположных интересов. Это поистине война всех против всех.

Рабочий всегда в проигрыше

Особенно страдают от этой войны рабочие. В конкурентной борьбе с капиталистом рабочий всегда оказывается побежденным, потому что капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста. Капиталисты с самого начала объединены в борьбе против рабочих, организации же рабочих преследуются. Капиталист и зе-

мельный собственник могут присовокупить к своим доходам проценты на капитал или земельную ренту, рабочий же ничего не может добавить к своей заработной плате.

Вот почему сильна конкуренция и среди рабочих. Но она лишь ослабляет их основные позиции в борьбе с капиталистом: если даже часть рабочих в результате конкуренции получит работу в данный момент, то в целом конкуренция позволяет капиталисту снизить заработную плату под угрозой заменить одних рабочих другими, оставшимися без работы.

На рабочих отражается и конкуренция между капиталистами; при выигрыше капиталиста рабочий не обязательно выигрывает, при убытке же капиталиста рабочий обязательно вместе с ним теряет.

На положение рабочих ощутимо влияют также колебания цен на предметы первой необходимости, в то время как цены на труд более устойчивы. Сказывается и разница в ценах на труд рабочих разных профессий — гораздо большая, чем разница в прибылях в разных отраслях приложения капитала.

Словом, как бы ни складывалась ситуация, рабочий либо ничего не выигрывает, либо теряет. Чтобы предельно убедительно доказать эту мысль, Маркс анализирует положение рабочего во всех трех возможных состояниях общества:

1) если богатство общества приходит в упадок, то больше всех страдает рабочий;

2) если богатство общества прогрессирует и наступает наиболее благоприятное для рабочих состояние, то они надрываются на работе, вследствие чего сокращается продолжительность их жизни. Увеличивая число продуктов своего труда, они лишь увеличивают противостоящую им чужую собственность. Увеличение капитала стимулирует разделение труда, в результате чего рабочий во все большей степени попадает в зависимость от односторонней, машинообразной работы. В условиях растущей конкуренции

между капиталистами часть их разоряется и пополняет класс рабочих, в результате чего спрос на рабочую силу падает, конкуренция между рабочими возрастает и многие из них вынуждены влачить жалкое существование;

3) если рост богатства общества достиг своей высшей точки, то конкуренция между рабочими очень велика, а заработная плата достаточна лишь для поддержания данного числа рабочих и не допускает увеличения их количества.

Итак, *рост богатства капиталистов неизбежно имеет своим следствием рост нищеты и страданий рабочих.* Заработная плата необходимо опускается до уровня, достаточного лишь для того, чтобы рабочий мог прокормить себя и свою семью и чтобы рабочая раса не вымерла.

«*Спрос на людей неизбежно регулирует производство людей, как и любого другого товара.* Если предложение значительно превышает спрос, то часть рабочих опускается до нищенского уровня или до голодной смерти. Таким образом, существование рабочего сводится к условиям существования любого другого товара. Рабочий стал товаром, и счастье для него, если ему удается найти покупателя» (18, с. 47—48).

Антигуманизм буржуазной науки

Низведение трудящегося человека до положения бездушного товара, превращение создателя всех товаров в одну из разновидностей товаров,— это ли не край социальной несправедливости, бесчеловечности отношений, господствующих в обществе?

И все же идеологи капиталистического общества умудряются преступать даже этот край: они не просто оправдывают бесчеловечность, возводя ее в ранг естественного человеческого бытия, но скрупулезно разрабатывают научные рекомендации, позволяющие собственнику с максимальным эффектом пользоваться этой бесчело-

вечностью в целях личного обогащения. В адрес такой «науки» молодой Маркс находит слова, огромная впечатляющая сила которых заключается в их будничной простоте:

«Само собой разумеется, что *пролетария*, т. е. того, кто, не обладая ни капиталом, ни земельной рентой, живет исключительно трудом, и притом односторонним, абстрактным трудом, политическая экономия рассматривает только как *рабочего*. В силу этого она может выставить положение, что рабочий, точно так же как и всякая лошадь, должен получать столько, чтобы быть в состоянии работать. Она не рассматривает его в безработное для него время, не рассматривает его как человека; это она предоставляет уголовной юстиции, врачам, религии, статистическим таблицам, политике и надзирателю за нищими» (18, с. 53—54).

Таким образом, вначале низвергнув главный фетиш буржуазной экономической науки, а затем разрушив храм, воздвигнутый ею буржуазному обществу как якобы воплощению разумной гармонии естественно-противоречивых интересов, Маркс сбрасывает псевдосвященные облачения и с самой буржуазной политической экономии, этой подлинной библии капиталистического общества. Лишенная пышных одеяний, предстает она теперь не как наука о процветании национальной экономики, а как наука обогащения немногих лиц за счет разорения и обнищания большинства нации; это наука не гуманности, а корыстолюбия, и подлинная цель ее — несчастье общества.

Нерешенные антиномии

Попранный буржуазной наукой гуманизм мстит ей, искажая само ее содержание. Имея дело с насквозь противоречивым объектом, она и сама впадает в антиномии, решить которые не в силах. С блеском обнажает Маркс эту исконную антиномичность буржуазной политэкономии:

— первоначально она утверждает, что весь продукт труда принадлежит рабочему, но затем признает, что в действительности рабочему достается самая малая доля продукта;

— она говорит, что все покупается на труд и что сам капитал есть не что иное, как накопленный труд; однако одновременно с этим она говорит, что рабочий не только не может купить всего, но вынужден продавать самого себя и свое человеческое достоинство;

— согласно ей, труд есть единственный источник богатства, но в то же время этим богатством владеют нетрудящиеся, привилегированные и праздные люди, которые всюду одерживают верх над рабочим и диктуют ему законы;

— по ее словам, труд есть единственная неизменная цена вещей, но нет ничего более подверженного случайным колебаниям, чем цена на труд;

— разделение труда увеличивает его производительную силу и в то же время обрекает рабочего на одностороннюю работу, принижающую его до уровня машины;

— труд вызывает накопление капиталов, но тем самым он делает рабочего все более зависимым от капиталиста;

— согласно ей, «интерес рабочего никогда не противостоит интересу общества, тогда как в действительности общество всегда и непременно противостоит интересу рабочего» (18, с. 53).

С позиций пролетарского гуманизма

В противоположность буржуазной науке, в центре внимания подлинного гуманизма должны быть не абстрактные выкладки о росте общего богатства нации, а реальные жизненные условия *конкретного человека.* Коль скоро человечество преимущественно состоит из трудящихся, а

среди них наиболее тяжелое положение у пролетариев, то *реальным*, т. е. действительно заботящимся об интересах всякого человека, гуманизм может стать, лишь выступая в интересах пролетариев. Но это не исключает заботы об интересах других классов. Напротив, с точки зрения реального гуманизма положение нетрудящегося человека в этом обществе благополучно лишь в чисто внешнем отношении (и то не всегда), а по существу оно недостойно высокого звания человека.

Борясь за *свои* интересы, пролетариат выступает в интересах *всего человечества.* Поэтому единственно реальный, не абстрактный, не иллюзорный гуманизм есть гуманизм пролетарский. И ученый, выступающий с позиций такого гуманизма, оказывается на единственно реальной и истинной, а не иллюзорной и ложной научной позиции.

Существо этой позиции — *впервые выраженный принципиально новый, собственно Марксов* подход к оказавшимся в поле его зрения проблемам политической экономии,— сформулировано в заключительной части основного авторского текста фрагмента о заработной плате. Если до сих пор Маркс вел преимущественно имманентную критику буржуазных экономистов («Теперь станем целиком на точку зрения политэконома...» — писал он), то здесь он высказывает намерение решительно раздвинуть эти узкие, сковывающие его собственную позицию рамки:

«Поднимемся теперь над уровнем политической экономии и поищем в изложенных выше, переданных чуть ли не собственными словами политэкономов положениях ответа на два вопроса:

1) Какой смысл в ходе развития человечества имеет это сведение большей части человечества к абстрактному труду?

2) Какие ошибки совершают реформаторы en gétail (по мелочам.— *Ред.*), которые либо хотят *повысить* заработную плату и этим улучшить положение рабочего клас-

са, либо (подобно Прудону) усматривают цель социальной революции в *уравнении* заработной платы?

Труд фигурирует в политической экономии лишь в виде *деятельности для заработка*» (18, с. 54).

Здесь Маркс затрагивает два кардинальных вопроса науки об обществе: о направлении развития человеческой истории и о средствах, содействующих этому направлению. Возникли они не вдруг, а уже и ранее стояли перед молодым Марксом, но в иной форме. Их нынешняя форма — результат проведенного им анализа положения рабочего в прогрессирующем обществе. Маркс отмечал, что свойственное прогрессирующему обществу «повышение заработной платы имеет предпосылкой и следствием накопление капитала (т. е. накопленного чужого труда.— *Н. Л.*); поэтому продукт труда противостоит рабочему как нечто все более и более чуждое. Точно так же и разделение труда делает рабочего все более и более односторонним и зависимым; оно порождает конкуренцию не только людей, но и машин» (18, с. 51).

В чем сущность нынешнего труда?

Вопрос о содержании, ***о сущности самого труда*** привлекает Маркса все более и более. Вскрываемые им антиномии буржуазных экономистов непосредственно относятся именно к этой проблеме. Даже последняя из них (о соотношении интереса общества и интереса рабочего), которая в своей формулировке как бы не содержит проблемы труда, по существу как раз и сводится к ней, на что Маркс обращает специальное внимание:

«А что сам труд — не только при нынешних его условиях, но и вообще постольку, поскольку его целью является лишь увеличение богатства,— оказывается вредным, пагубным, это вытекает из собственных рассуждений политэкономов, хотя они этого и не замечают» (18, с. 53).

Подводя итог анализу положения рабочего в наиболее благоприятном для него состоянии общества, Маркс уже все внимание сосредоточивает на связи между нищетой рабочего и характером его труда: «...при прогрессирующем состоянии общества гибель и обнищание рабочего есть продукт его труда и произведенного им богатства. Иными словами, нищета вытекает из *сущности* самого нынешнего труда» (18, с. 53).

Вопрос о «*сущности* нынешнего труда» — кардинальный для содержания «Экономическо-философских рукописей» в целом. Постановка этого вопроса уже на первой стадии работы над тетрадью I служит еще одним свидетельством глубины философского мышления Маркса.

Буржуазная политическая экономия, отмечает Маркс, близка к выводу о том, что основу трех источников дохода составляет *труд,* но постоянно впадает в антиномии, которые остаются нерешенными. Она оставляет в стороне вопрос о сущности труда, а в пролетарии видит лишь рабочего, но не человека с его многообразными потребностями, не в многообразных проявлениях его жизнедеятельности.

Такая односторонность буржуазных экономистов зиждется на том, что сам труд пролетария в буржуазном обществе — «односторонний, абстрактный труд» (см. 18, с. 53). По мере развития «разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей» (18, с. 50).

Итак, у Маркса возникает понятие *абстрактного труда* как одностороннего и зависимого труда, который и состав-

ляет сущность нынешнего труда. Можно даже усмотреть в этом понятии главный вывод из первого обобщения результатов сопоставительного анализа трех источников дохода. Во всяком случае, именно это понятие оказывается ключевым при формулировке первого фундаментального вопроса: «Какой смысл в ходе развития человечества имеет это сведение большей части человечества к абстрактному труду?» Далее следует начало ответа на этот вопрос: «*Труд* фигурирует в политической экономии лишь в виде *деятельности для заработка*». Но на этом авторский текст о заработной плате, по сути дела, заканчивается. Одновременно заканчивается и первая стадия параллельного анализа трех источников дохода.

Почему вопрос остался без ответа?

Дальнейшая работа Маркса над «Экономическо-философскими рукописями» показала, что наиболее конструктивным итогом первой стадии было все же не само понятие абстрактного труда (хотя и оно было весьма важным — как шаг на пути к понятию отчужденного труда), а именно постановка *фундаментального вопроса,* включавшего это понятие,— вопроса о смысле сведения большей части человечества к абстрактному труду.

Чтобы ответить на этот вопрос, Марксу нужно было конкретно уяснить, к чему же ведет *конкуренция* как основной, как ему тогда казалось, механизм развития капиталистического производства и буржуазного общества в целом. Вот почему вторая стадия анализа источников дохода, как и первая, начинается с текста о прибыли на капитал — с раздела «4) Накопление капиталов и конкуренция среди капиталистов».

Внимание Маркса привлекла здесь борьба крупного и мелкого капитала, в ходе которой крупный капиталист во всех отношениях обладает решающими преимуществами: крупный капитал накопляется, в соответствии со своей ве-

личиной, быстрее; отношение основного капитала к оборотному складывается для крупного капитала гораздо более благоприятно, чем для более мелкого; крупный капиталист вводит для себя своего рода организацию процесса производства и т. п. В итоге крупный капиталист, как правило, побеждает в конкурентной войне, подчиняя себе мелких или вовсе разоряя их и в обоих случаях превращаясь в монополиста. Затем развертывается война между монополистами, где опять побеждает более крупный и т. д.

«Вообще при накоплении крупных капиталов имеет место также и соответственная концентрация и упрощение основного капитала по сравнению с более мелкими капиталистами. Крупный капиталист вводит для себя своего рода организацию орудий труда» (18, с. 67),— заключает Маркс.

Этим заканчивается вторая стадия работы над тетрадью I. Следующая, третья стадия состояла в извлечении выписок из книг Шульца, Пеккёра, Лаудона, Бюре и Смита, которые делались одновременно в два столбца: «Прибыль на капитал» и «Заработная плата». Ознакомившись с одним произведением, Маркс заносил выписки в каждый из двух столбцов соответственно их тематике, затем переходил к другому источнику и т. д. Что же заинтересовало его в этих произведениях?

В столбце о заработной плате Маркс зафиксировал немало впечатляющих данных о беспощадной эксплуатации рабочих капиталистами. В них он находит подтверждение ранее высказанным мыслям о том, что буржуазная политическая экономия видит в рабочем лишь рабочее животное, скотину, потребности которой сведены к самым необходимым физическим потребностям. При этом в центре остается проблема труда и его «злосчастных свойств» при капитализме: для рабочего труд — это жизнь, он *вынужден* сдавать свой труд в наем; капиталист же *волен* использовать или не использовать предлагаемый труд за ту или иную плату.

Обобщая такого рода факты, заимствованные главным образом из работ мелкобуржуазных социалистов Пеккёра и Бюре, Маркс заключает: «Политическая экономия рассматривает труд абстрактно, как вещь; «труд есть товар»... Таким образом, если труд есть товар, то это — товар с самыми злосчастными свойствами. Но, даже согласно основным положениям политической экономии, труд не есть товар, так как он не является *свободным «результатом свободной рыночной сделки»* (18, с. 57).

В столбце о прибыли Маркс вновь выписывает из Пеккёра: «Сдавать внаем свой труд — значит положить начало своему рабству; сдавать внаем предмет труда — значит утвердить свою свободу...» (18, с. 68). Но теперь внимание Маркса направлено уже на самого капиталиста — к чему ведет эта его свобода? А ведет она к обостряющейся конкуренции, которая сопровождается ростом банкротств, внезапных разорений и т. п. фактам борьбы внутри капиталистов. Общий вывод Маркса из всех этих выписок перекликается со сделанным перед началом выписок заключением о движении к победе крупного капитала. «Накопление капиталов возрастает, а их конкуренция уменьшается, когда капитал и землевладение оказываются в одних руках, а также в том случае, когда капитал благодаря своим крупным размерам становится способным объединять различные отрасли производства» (18, с. 71). Этим резюме и заканчивается третья стадия анализа источников дохода.

По существу, эти выписки мало продвинули Маркса вперед в понимании природы крупного *промышленного* предприятия. Имевшийся у него в то время материал по этому вопросу был крайне недостаточен. Иначе обстояло дело в отношении крупных хозяйств *в земледелии*, выяснением исторической тенденции которых Маркс и занялся на четвертой стадии параллельного анализа источников дохода.

Маркс констатировал, что уже в самом общем виде отношение между крупной земельной собственностью и мелкой таково же, как между крупным и мелким капиталом. Кроме того, ряд особых обстоятельств еще более усугубляет это соотношение в пользу крупного землевладения, что приводит к исчезновению мелкой земельной собственности.

Здесь Маркс вновь оказался перед проблемой, занимавшей его еще с весны 1842 г.,— проблемой *дробления земельной собственности*. Но теперь, подойдя к вопросу как пролетарский революционер и — одновременно — экономист, философ и историк, он смог вскрыть историческую необходимость раздела земельных владений, а главное — открыть социально полезный путь его преодоления.

Неизбежность устранения частной собственности

Теперь он видит, что земельная собственность, освободившись от феодальной монополии, крайней формой которой является майорат, втягивается в орбиту конкуренции и, как всякий товар, подчиненный ее законам, теряет устойчивость: то сокращается, то увеличивается, попадает из рук в руки и т. п. Непосредственным результатом такой неустойчивости является распыление земельной собственности по многим владельцам. Это ведет и к *распылению* труда (не к разделению, а именно к распылению), когда все виды работ выполняются каждым от начала до конца, что крайне нерационально. Напротив, в крупных хозяйствах труд расчленен на простые операции и потому более эффективен. Вследствие этого мелкие хозяйства неизбежно поглощаются крупными и возникает новая монополия, циничная в утверждении своекорыстия как принципа, и потому еще более отвратительная, чем феодальная монополия.

«Поэтому,— заключает Маркс,— там, где имеет место раздел земельных владений, не остается ничего иного, как

либо вернуться к монополии в еще более отвратительном виде, либо подвергнуть отрицанию, упразднить самый раздел земельных владений. Но это уже не возврат к феодальному землевладению, а устранение частной собственности на землю вообще» (18, с. 83).

Следовательно, *устранение частной собственности* на землю Маркс выдвигает как оптимальное средство избежать капиталистической монополии там, где она еще не утвердилась. Но и там, где эта монополия восторжествовала, следствием ее собственного развития также будет упразднение частной собственности, но уже как революционный переворот. А именно: капиталистическая монополия на землю низводит заработную плату сельскохозяйственных рабочих к минимуму; однако под действием конкуренции с промышленностью и с зарубежными земледельцами-монополистами «сведенную до минимума заработную плату приходится снижать еще больше, чтобы можно было выдержать новую конкуренцию. А это неизбежно ведет к революции» (18, с. 85).

Таким образом, Марксу вслед за Энгельсом уже до известной степени удается объяснить не только прошлое и настоящее частной собственности на землю, но и грядущее ее уничтожение действием конкретных экономических законов. Правда, он, в сущности, пока ограничивается обращением к законам конкуренции в их наиболее общей форме. Но и это уже был существенный прогресс на пути материалистического обоснования общественного идеала в сравнении не только с «Рукописью 1843 года», но и с «Немецко-французским ежегодником».

Будущее — за ассоциацией

Сам этот идеал выступает здесь уже как идеал *социалистический*, получивший более конкретную и весьма впечатляющую форму. Маркс яркими мазками рисует перспективы земледелия на социалистических началах. «Ассо-

циация, в применении к земле, использует выгоды крупного землевладения в экономическом отношении и впервые реализует первоначальную тенденцию раздела — равенство. Точно так же ассоциация восстанавливает разумным путем, а не посредством крепостничества, барства и нелепой собственнической мистики, эмоциональное отношение человека к земле: земля перестает быть объектом торгашества и благодаря свободному труду и свободному наслаждению опять становится подлинным, личным достоянием человека» (18, с. 83).

Термином *«ассоциация»*, заимствованным из словаря французских социалистов, Маркс конкретизирует свое понимание общественного идеала (до сих пор, как мы знаем, Маркс выражал его в основном в терминах «демократия» и «социализированный человек»). Именно ассоциация выступает теперь как та форма социальных связей между людьми, которая явится непосредственным продуктом устранения частной собственности, наступающего в силу законов развития самой частной собственности.

Как и Энгельс, Маркс распространяет эти законы и на земледелие, и на промышленность. «Земельная собственность должна была развиваться и тем и другим путем (и в условиях насильственного запрещения раздела, и по законам свободной конкуренции.— *Н. Л.*), чтобы в том и другом случае прийти к своей неизбежной гибели, подобно тому как промышленность и в форме монополии и в форме конкуренции должна была прийти к разорению, чтобы научиться верить в человека» (18, с. 85).

Этим гуманистически-социалистическим аккордом завершается анализ трех источников дохода. Таков итог Марксова анализа природы и перспектив *крупной капиталистической собственности*, ради которого он и прервал ответ на два кардинальных вопроса, поставленных в конце первой стадии работы. Теперь, видимо, пришло время дать этот ответ, и Маркс дает его на последующих шести стра-

ницах первой рукописи. Это цельный, как бы на одном дыхании написанный фрагмент об отчужденном труде, составляющий заключительную, пятую стадию работы Маркса над тетрадью I.

Сущность отчужденного труда

Фрагмент «Отчужденный труд и частная собственность» — центральный раздел «Экономическо-философских рукописей», ключевой этап развертывания общего их содержания. Это первая попытка общетеоретического, *философского осмысления* достигнутых к тому времени результатов *экономических* занятий Маркса, и в особенности результатов параллельного, сопоставительного анализа трех источников дохода. Здесь дан всесторонний анализ отчуждения труда как сущности *частной собственности* вообще, буржуазной собственности в особенности, а также анализ снятия отчужденного труда и упразднения всех видов частной собственности. В Марксовом анализе последовательно проведена точка зрения пролетарского гуманизма, более глубоко и отчетливо, нежели ранее, выражен *социалистический идеал*. Разрабатываемая Марксом новая *философско-экономическая концепция* получает здесь определенное *историческое обоснование*, являясь в этом смысле развитием его философско-исторических занятий, осуществленных в 1843 г.

Логическая структура текста «Отчужденный труд и частная собственность» выглядит следующим образом. Вначале дается теоретико-методологическое резюме результатов, полученных на предыдущих стадиях работы, содержанием которых был анализ источников дохода. Затем фиксируется в качестве отправного «*современный* экономический факт» — отчуждение продуктов труда от производителей, от рабочих,— который далее получает

теоретическое объяснение с помощью понятия «отчужденный труд» и всестороннего анализа данного понятия. Вслед за этим Маркс показывает, как «понятие отчужденного труда выражено и представлено в реальной действительности» (18, с. 95) — экономической, социальной, политической, духовной. В заключение Маркс формулирует новые задачи, делает набросок плана дальнейших исследований.

Ключевой характер фрагмента об отчужденном труде в общей структуре «Экономическо-философских рукописей» определяется тем, что, с одной стороны, он выступает как *второе обобщение* полученных ранее результатов (текст о заработной плате был первым таким обобщением), с другой стороны, он оказался, согласно верной характеристике Г. А. Багатурия, и *вторым началом* рукописей 1844 г. (см. 49, с. 215—217). Сформулированные здесь идеи получают дальнейшее развитие в последующих разделах рукописей и в определенных отношениях изменяются — как по существу, так и по их месту в мировоззрении молодого Маркса.

Соединение материалистической диалектики с политической экономией

Философское осмысление результатов экономических занятий проявляется на данном этапе развития взглядов Маркса прежде всего в *диалектико-материалистической критике методологических основ буржуазной политической экономии.* Начатое год назад диалектико-материалистическое переворачивание науки об обществе (на примере гегелевской философии права) Маркс продолжает теперь (вслед за Энгельсом) на примере политической экономии.

Уже в ходе параллельного анализа трех источников дохода он обратил внимание на то, что сведение Смитом

земельной ренты к большему или меньшему плодородию земли «ясно свидетельствует об извращении понятий в политической экономии, которая превращает плодородие земли в свойство землевладельца» (18, с. 73). Философское, диалектико-материалистическое осмысление подобные наблюдения как раз и получают в разделе об отчужденном труде.

Реальные экономические процессы, пишет Маркс, превращаются буржуазными теоретиками в систему абстрактных категорий, которые обретают некое самостоятельное существование на манер гегелевских спекулятивных конструкций. «Политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснения ее она нам не дает. *Материальный* процесс, проделываемый в действительности частной собственностью, она укладывает в общие, абстрактные формулы, которые и приобретают для нее затем значение *законов*. Эти законы она не *осмысливает*, т. е. не показывает, как они вытекают из самого существа частной собственности» (18, с. 86).

Об этом методологическом пороке свидетельствуют и многочисленные антиномии, в которые впадают буржуазные экономисты. Противоположности труда и капитала, заработной платы и прибыли на капитал, капитала и земли, прибыли на капитал и земельной ренты, конкуренции и монополии, дробления земельной собственности и ее концентрации, ценности труда и обесценения трудящегося и т. п. метафизически изображаются в буржуазной политической экономии как случайные, не связанные друг с другом.

Возникновение категории «отчужденный труд»

Свою задачу Маркс видел прежде всего в том, чтобы «осмыслить существенную взаимосвязь» между всеми этими и им подобными противоположностями, т. е. раскрыть то

общее им всем основание, к которому они сводятся и из которого они с необходимостью следуют.

Это была очень сложная, диалектическая по своей природе задача. С одной стороны, она требовала от Маркса подняться на еще более высокую ступень абстракции, нежели это сделали буржуазные экономисты, ибо иначе невозможно привести к общему знаменателю сформулированные ими абстрактные формулы и законы. С другой стороны, ее решение должно было служить средством преодоления абстрактного подхода к экономической жизни, средством превращения экономической науки в ключ к пониманию коренных потребностей трудящихся, и прежде всего пролетариата.

Молодой Маркс решил эту задачу, открыв категорию, удовлетворяющую обоим, казалось бы, взаимоисключающим требованиям. Эта категория — «отчужденный труд». Она характеризует все экономические процессы современного Марксу общества и в этом смысле является их общим знаменателем. В то же время она выражает самое повседневное, предельно осязаемое в этих процессах — труд, и с самой существенной стороны — со стороны его отчужденности, т. е. в этом смысле она является предельно конкретной и непосредственно направленной на понимание коренных интересов пролетариата.

Открытие категории «отчужденный труд» было до известной степени подготовлено всем предшествующим ходом духовного развития молодого Маркса (влияние Гегеля и Фейербаха, отчасти — Бауэра и Гесса, а также движение собственной мысли Маркса)*. Одна из предпосылок идеи отчужденного труда заключается уже в «Рукописи 1843 года», где Маркс разрабатывал тезис об *отчуждении политического государства от гражданского общества* как основе предстоящих социальных преобразований и высказал догадку, что в новое время происходит *отчуждение*

* Подробнее об этом см. 94.

от человека его предметной сущности. В «Немецко-французском ежегоднике» он проницательно усматривал квинтэссенцию предметной отчужденности в *деньгах* и открыл в *пролетариате* материальную силу, которая может и неизбежно должна уничтожить всякое отчуждение.

Так возникли философский, экономический и политический аспекты идеи отчуждения. Однако тогда они еще не сложились в целостную диалектико-материалистическую концепцию: их связь была лишь терминологической, но не содержательной. Чтобы произошло их объединение по существу, нужно было *увидеть* общее для них содержание в исторически определенном характере труда, а для этого сблизить проблематику труда с проблемами гражданского общества, денег, государства, социалистической революции. Этому как раз и способствовал рассмотренный выше параллельный анализ трех источников дохода.

Уже сам метод параллельного анализа стимулировал стирание привычных границ различных объектов и рассмотрение всех их с единой точки зрения. Он создавал предпосылки того сближения различных областей знания, без которого было невозможно открытие идеи отчужденного труда. С другой стороны, как мы видели, в ходе параллельного анализа внимание Маркса все более сосредоточивалось на вопросе о сущности труда в условиях капитализма как труда принудительного, служащего целям увеличения богатства собственников, труда одностороннего, пагубного для самих рабочих. Маркс уже сформулировал понятие *«абстрактный труд»*, от которого оставался «один шаг» до понятия отчужденного труда. Фрагмент «Отчужденный труд и частная собственность» является как бы развернутым ответом на поставленный в процессе параллельного анализа источников дохода вопрос о смысле сведения жизнедеятельности большей части человечества к абстрактному труду.

Разумеется, идею отчужденного труда не следует рассматривать лишь как реализацию имевшихся ранее предпосылок или просто как ответ на поставленные ранее вопросы. Она была одним из редких по своей силе и энергии взлетов могучего ума, для которых предшествующее развитие — *необходимая* предпосылка, но все же лишь *предпосылка*. Эта идея — результат переплавки экономических проблем и понятий в горниле диалектико-материалистического подхода к обществу и его истории.

Современный экономический факт

Как бы предвидя фальсификацию категории «отчужденный труд» современными буржуазными теоретиками, молодой Маркс с самого начала предупреждал, что он вовсе не намерен объяснять этой категорией всю человеческую историю, подобно тому как теолог объясняет происхождение зла грехопадением. Напротив, для обоснования этой категории Маркс берет «отправным пунктом *современный* экономический факт:

Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции. Рабочий становится тем более дешевым товаром, чем больше товаров он создает. В прямом соответствии с *ростом стоимости* мира вещей растет *обесценение* человеческого мира... Этот факт выражает лишь следующее: предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как *сила, не зависящая* от производителя» (18, с. 87—88).

Сам факт увеличения бедности рабочих по мере возрастания производимых ими богатств буржуазная политическая экономия отнюдь не отрицает. Однако признавая этот факт, она не осмысливает его сущности именно как проявления *отчуждения* продукта труда от самого труда, от рабочего. Более того, *«политическая экономия замалчивает отчуждение в самом существе труда тем, что она не*

подвергает рассмотрению ***непосредственное*** *отношение между* ***рабочим*** (трудом) *и производимым им продуктом»* (18, с. 90).

Между тем именно здесь коренится *сущность трудовых отношений*. Непосредственное отношение труда к его продуктам есть одновременно и отношение рабочего к предметам производства. Следствием этого отношения является и отношение имущего, собственника к предметам производства и к самому производству. Таким образом, в отчужденном характере непосредственного отношения между рабочим (трудом) и производимым им продуктом кроется *тайна частной собственности* на предметы производства (позднее Маркс скажет: на средства производства), тайна командной власти капитала над трудом. Именно поэтому буржуазная политическая экономия не рассматривает данное отношение и тем самым замалчивает отчуждение в самом существе труда.

Маркс, как идеолог пролетариата, видит свою задачу в том, чтобы вскрыть сущность трудовых отношений буржуазного общества в отчужденном труде и подвергнуть содержание отчужденного труда всестороннему анализу.

Отчуждение в опредмечивании труда

Отчужденный труд имеет своей предпосылкой «предмет, производимый трудом». Этот предмет, в свою очередь, имеет своей предпосылкой внешний мир, природу. «Рабочий ничего не может создать без *природы*, без *внешнего чувственного мира*» (18, с. 89).

Итак, изначальным условием не только отчуждения, но и самого труда является природа, внешний чувственный мир. Здесь отчетливо запечатлена *материалистическая позиция* Маркса, которая делает беспочвенными всевозможные домыслы буржуазных историков об идеалистической тенденции «Экономическо-философских рукописей 1844 года».

Природа доставляет тот материал, в котором труд осуществляется и с помощью которого он создает продукты. «Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание* труда. Осуществление труда есть его опредмечивание» (18, с. 88). Следовательно, опредмечивание является результатом всякой трудовой (предметной) деятельности.

Не тождественно ли опредмечивание отчуждению? В самом деле, опредмечивая свои жизненные силы, человек перестает обладать ими как непосредственно, органически присущими ему лично, ибо эти силы обретают внешнее по отношению к рабочему, объективное существование. Если всякое такое отделение (объективирование) жизненных сил человека и есть отчуждение, то последнее превращается в процесс, свойственный всей истории человечества и именно поэтому непригодный для решения проблемы, над которой бился молодой Маркс,— проблемы отчуждения как «*современного* экономического факта». Но под «отчуждением» Маркс понимает не всякое опредмечивание, а лишь *специфическую* его форму. Что это за форма и чем она обусловлена?

«При тех порядках, которые предполагаются политической экономией (т. е. при капиталистических порядках.— *Н. Л.*), это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как *выключение* рабочего *из действительности*, опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом*, освоение предмета — как *отчуждение*» (18, с. 88)*.

Отчуждение рабочего в продукте его труда есть не просто обретение трудом предметного, внешнего существования, но такое опредмечивание, когда воплощенный в предмете труд становится противостоящей, враждебной рабочему силой. Превращение опредмечивания в отчуждение

* См. примечание 6 в конце книги.

означает, что чем больше предметов рабочий производит, тем меньшим количеством их он может владеть и тем сильнее он подпадает под власть своего продукта. Поскольку к числу продуктов труда относятся средства труда и средства к жизни, то в конце концов рабочий лишается тех и других. «Осуществление труда выступает как выключение из действительности до такой степени, что рабочий выключается из действительности вплоть до голодной смерти» (там же).

Самоотчуждение в процессе труда

Отчуждение предмета, или отношение рабочего к предметам своего труда как к чуждым, лишь одна сторона отчуждения труда. Другую его сторону составляет отчужденное отношение рабочего к самому *акту производства*, к самой производственной деятельности. Иначе говоря, продукт труда как отчуждение возможен потому, что само производство его есть деятельное отчуждение, или отчуждение деятельности.

Эта сторона отчуждения состоит «в том, что труд является для рабочего чем-то *внешним*, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя» (18, с. 90).

Это, следовательно, такой труд, в процессе которого рабочий отчуждает себя от самого себя. «Это есть *самоотчуждение*, тогда как выше речь шла об отчуждении *вещи*» (18, с. 91). Самоотчуждение в процессе труда означает, что труд принудительно навязан рабочему извне и служит не удовлетворению потребности в труде (т. е.

сам труд еще не стал потребностью), а лишь средством получения заработной платы (т. е. средством для удовлетворения других потребностей).

Отчуждение родовой жизни человека

Отчужденный труд проявляется в отчуждении от человека не только продуктов его труда (вещей) и его трудовой деятельности (самоотчуждение), но и самой родовой сущности его как человека, всех видов его родовой жизнедеятельности. Человеку свойственны многие виды деятельности: еда, питье и т. д. Но подлинно человеческими все эти деятельности становятся лишь постольку, поскольку они связаны с трудом, так как именно в *переработке* предметного мира человек действительно утверждает себя как родовое существо. В ходе этой переработки сама природа превращается в неорганическое тело человека, а его родовая жизнь обретает второе, не отраженное только в сознании, а эмпирически реальное бытие. Человек созерцает самого себя в созданном им мире.

Но отчужденный труд отнимает у человека и этот мир, и сам акт его производства. Тем самым он отнимает у человека его *родовую жизнь*, сводя ее к *индивидуальному существованию*.

Отчуждение человека от человека

Все три изложенных выше аспекта отчужденного труда (отчуждение предмета, самоотчуждение в акте производства, отчуждение родовой жизни) непосредственно проявляются в четвертом его аспекте — в отчуждении человека от человека.

В самом деле, «если продукт труда не принадлежит рабочему, если он противостоит ему как чуждая сила, то это возможно лишь в результате того, что продукт принадлежит *другому человеку, не рабочему*» (18, с. 95).

Отчуждение продукта труда порождает не только утрату этого продукта рабочим, но и присвоение его нерабочим, не только выключение рабочего из действительности, вплоть до голодной смерти, но и власть над этой действительностью того, кто не производит, его роскошь и пресыщение продуктами чужого труда. Отчуждение продукта труда выражается, следовательно, в отчужденном, враждебном взаимоотношении трудящегося и нетрудящегося, рабочего и капиталиста.

Самоотчуждение рабочего в акте производства означает не только отношение рабочего к своей собственной деятельности как к деятельности подневольной, но и отношение к ней со стороны другого, не производящего человека как к деятельности, находящейся у него на службе, ему подвластной, подчиненной его принуждению, игу. Следовательно, самоотчуждение рабочего в процессе производства выражается также в антагонистическом взаимоотношении рабочего и капиталиста.

«Вообще положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности» (18, с. 95). Коль скоро именно родовая сущность объединяет людей, то отчуждение от нее ввергает людей в состояние атомарной изолированности. Причем отчужденным от родовой сущности человека оказывается не только рабочий, но и нерабочий, однако каждый из них — противоположным образом: отчужденный труд лишает рабочего его собственной родовой сущности (его собственной производственной деятельности), а нерабочий сам по себе этой сущностью не обладает, но присваивает ее себе в опредмеченном другим человеком виде.

И отчуждение человека от его родовой сущности в конце концов сводится к отчужденному отношению рабочего и капиталиста.

Итак, уже в *общетеоретическом* рассмотрении отчужденного труда молодой Маркс резюмирует свое понимание

проблемы в классовом, практическом ее аспекте. Однако он специально подчеркивает: «В практическом действительном мире самоотчуждение может проявляться только через посредство практического действительного отношения к другим людям. То средство, при помощи которого совершается отчуждение, само есть *практическое* средство» (18, с. 96).

Частная собственность как продукт отношений отчужденного труда

Чтобы ответить на вопрос, что же это за средство (или средства), Маркс приступает к *выведению* категорий политической экономии из содержания отчужденного труда как наиболее общего понятия, к которому все они сводятся как к своему основанию. Прежде всего он это делает в отношении центральной экономической категории — *частной собственности*:

«Итак, посредством *отчужденного труда* рабочий порождает отношение к этому труду некоего человека, чуждого труду и стоящего вне труда. Отношение рабочего к труду порождает отношение к тому же труду капиталиста, или как бы там иначе ни называли хозяина труда. Стало быть, *частная собственность* есть продукт, результат, необходимое следствие *отчужденного труда*, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе» (18, с. 97).

Таким образом, изначально частная собственность оказывается не причиной, а следствием отчужденного труда. Такого вывода можно было ожидать: для того Маркс и ввел понятие отчужденного труда, чтобы не исходить из факта частной собственности, как это делали буржуазные экономисты, а *объяснить* этот факт, т. е. вывести его в результате анализа. Лишь впоследствии, поясняет Маркс, частная собственность становится основой и причиной отчужденного труда, так что это отношение превращается в отношение взаимодействия.

Далее явствует, что изначальным элементом всех отношений, составляющих отчужденный труд, Маркс в то время считал отношение рабочего *к самому себе*, к своему труду и его продукту: именно на почве этого отношения складываются и развиваются отношения *между людьми*, а не наоборот. Правда, последним Маркс уже тогда придавал огромное значение, рассматривая их именно как «практические действительные отношения». Но при всем том они оказываются лишь «проявлениями» отношения человека к самому себе как сущностного отношения.

В более отчетливой форме Маркс выразил эту свою позицию в заметках, сделанных им при чтении книги Джемса Милля «Основы политической экономии»: «От человека не зависит, быть или не быть этой (истинной.— *Н. Л.*) общественной связи; но до тех пор, пока человек не признает себя в качестве человека и поэтому не организует мир по-человечески, эта *общественная связь* выступает в форме *отчуждения*. Ибо *субъект* этой общественной связи, человек, есть отчужденное от самого себя существо. Люди — не в абстракции, а в качестве действительных, живых, особенных индивидов — *суть* это сообщество. *Каковы* индивиды, такова и сама эта общественная связь» (18, с. 24).

В этой позиции Маркса еще сказывается влияние фейербаховского понимания реального субъекта общественной связи именно как индивида (данный взгляд был развит Марксом и в «Рукописи 1843 года»). С таким пониманием мирно соседствует, казалось бы, противоположный тезис: существование общественной связи не зависит от человека. Выхода из этого затруднения Маркс не намечает ни в цитированных заметках, ни в самих рукописях 1844 г.

Тем не менее выделение самостоятельного существования общественной связи (отношений между людьми) и подчеркивание действительного, практического характера этих отношений помогли Марксу уже на данном этапе по-

нять частную собственность не просто в эмпирическом ее аспекте (как «некую вещь вне человека»), а в сущностном плане — как совокупность определенных *отношений самого человека*. Это был важный шаг вперед, все значение которого Маркс осознал позднее.

Ключ к решению всех проблем?

А пока, к концу фрагмента об отчужденном труде, Маркс исполнен уверенности, что обнаруженная им тайна развития частной собственности как продукта отчужденного труда и одновременно средства его отчуждения «сразу же проливает свет на различные до сих пор не разрешенные коллизии» (18, с. 97).

И действительно, в свете понятия «отчужденный труд» в совершенно ином виде предстала такая кардинальная проблема, как противоположность между трудом и капиталом: стало ясно, что это не просто противоположность двух внешних друг другу явлений, а противоречие отчужденного труда с самим собой; ясно также, что буржуазная политическая экономия потому и впадает в антиномии, что она сформулировала законы не истинно человеческого, а отчужденного труда.

Яснее стали и пути практического решения этой проблемы. Маркс подошел к ответу на второй кардинальный вопрос, поставленный в разделе о заработной плате. Теперь он уже четко указывает существо ошибок «реформаторов по мелочам», «которые либо хотят *повысить* заработную плату и этим улучшить положение рабочего класса, либо (подобно Прудону) усматривают цель социальной революции в *уравнении* заработной платы...» (18, с. 54).

Теперь он уже четко определяет существо подобного рода ошибок: «Насильственное *повышение заработной платы*... было бы, как это вытекает из вышеизложенного, не более чем *лучшей оплатой раба* и не завоевало бы ни

рабочему, ни труду их человеческого назначения и достоинства.

Даже *равенство заработной платы*, как его требует Прудон, имело бы лишь тот результат, что оно превратило бы отношение нынешнего рабочего к его труду в отношение всех людей к труду. В этом случае общество мыслилось бы как абстрактный капиталист» (18, с. 97—98).

Корень обеих ошибок «реформаторов по мелочам» кроется в непонимании того, что заработная плата, как и частная собственность,— следствие отчужденного труда. Тот, кто выступает против частной собственности, должен требовать упразднения отчужденного труда, а тем самым и упразднения заработной платы, как такой системы, при которой труд не самоцель, а слуга заработка.

Здесь же Маркс устанавливает непосредственную связь между задачей упразднения отчужденного труда и всемирно-исторической миссией пролетариата: уничтожение частной собственности предполагает уничтожение отчужденного труда, а вместе с ним и *всей* коренящейся в нем кабалы человечества. Следовательно, борьба рабочих против частной собственности есть борьба за эмансипацию не только самих рабочих, но и всего человечества. Так выдвинутый в «Немецко-французском ежегоднике» тезис об исторической миссии пролетариата получил в «Экономическо-философских рукописях 1844 гóда» новое, более глубокое теоретическое обоснование, в котором философские, экономические и политические воззрения Маркса сливаются воедино.

Вдохновленный тем, что из понятия «отчужденный труд» ему удалось путем анализа получить понятие частной собственности, Маркс высказывает здесь убеждение в возможности «с помощью этих двух факторов развить все экономические *категории*, причем в каждой из категорий, например торговле [Schacher], конкуренции, капитале, деньгах, мы найдем лишь то или иное *определенное* и *развернутое выражение* этих первых основ» (18, с. 98).

Снова два вопроса

Прежде чем переходить к развертыванию своей концепции отчужденного труда как современного политико-экономического факта, Маркс решил взглянуть на нее с более широкой, исторической точки зрения. Это выразилось в постановке двух кардинальных вопросов:

1) В чем состоит всеобщая сущность частной собственности как результата отчужденного труда и каково ее отношение к истинно человеческой собственности?

2) Как дошел человек до отчуждения своего труда?

Маркс не только ставит эти вопросы, но и набрасывает план их рассмотрения. В особенности детально проработан план изложения первого вопроса, в содержании которого Маркс выделил три аспекта, или три отношения: во-первых, частная собственность как практическое, материальное выражение отчужденного труда, которое необходимо рассмотреть как со стороны рабочего, так и со стороны не-рабочего; во-вторых, теоретическое отношение не-рабочего к процессу производства и продукту труда; в-третьих, «не-рабочий делает против рабочего все то, что рабочий делает против самого себя, но этот не-рабочий не делает против самого себя того, что он делает против рабочего. Рассмотрим подробнее эти три отношения»,— записал Маркс, и на этом заканчивается текст тетради I (18, с. 99).

Таким образом, в конце фрагмента «Отчужденный труд и частная собственность» выявились *два замысла* дальнейшей работы Маркса: первый, экономический замысел — «развить все экономические категории», опираясь на сформированные им понятия отчужденного труда и частной собственности; второй, философско-исторический замысел — проанализировать отношение частной собственности к собственности подлинно человеческой, ассоциированной, выяснить происхождение отчужденного труда и пути его устранения.

Реализация этих замыслов, в особенности первого, требовала изучения дополнительных материалов. И Маркс, прервав изложение темы, вновь обратился к изучению работ экономистов.

В центре проблем политической экономии

Открытием отчужденного труда и изложением общего содержания и методологического значения этой категории для решения проблем политической экономии закончился первый этап экономических занятий Маркса в 1844 г. Обретя компас для ориентации, Маркс направляется теперь в новое, дальнее экономическое плавание. Этот путь охватывает четвертую и пятую стадии работы над Парижскими тетрадями. Не только Смит и его школа (Сэй и другие), но также школа Рикардо (сначала Мак-Куллох и Прево, затем сам Рикардо и Милль), а также Дестют де Траси, Сисмонди, Кенэ, Мальтус и другие экономисты (в сущности, все крупнейшие и ряд менее значительных) становятся предметом изучения Маркса.

Многочисленные выписки из работ этих авторов, собственные замечания к ним и на их основе суммарная разработка во второй и третьей рукописях коренных проблем всей прежней истории, глубокое проникновение в суть текущих событий и дерзостный эскиз открывающихся перед человечеством перспектив — вот что обретет молодой Маркс, вернувшись из «дальнего плавания».

В центре внимания Маркса — взгляды представителей школы Рикардо. Это соответствует его намерению, сформулированному в конце фрагмента об отчужденном труде: подробно рассмотреть теоретическое отношение не-рабочего к процессу производства и продукту труда. Именно Рикардо и его школа в наиболее откровенной, циничной форме выражали и отстаивали теоретические представле-

ния о процессе производства и о распределении продуктов труда с позиций не-рабочего, т. е. капиталиста. Англичанин Давид Рикардо — один из авторов теории трудовой стоимости, придавший ей предельно строгий вид, насколько это возможно было с позиций буржуазного экономиста..

Однако подлинное место Рикардо в истории политической экономии тогда еще не было ясно Марксу. Более того, имеются сомнения относительно того, знаком ли был Маркс во время работы над рукописями 1844 г. непосредственно с произведениями Рикардо. Существует гипотеза, что в это время Маркс знал об учении Рикардо лишь через труды его последователей.

Так или иначе, Маркс начал новый этап экономических занятий с изучения произведений не Рикардо и даже не его популяризатора Джемса Милля, а менее значительных, как потом стало ясно, фигур.

Мак-Куллох и Прево

Прежде всего его внимание привлекла книга английского экономиста Джона Рамси Мак-Куллоха «Рассуждение о политической экономии, ее происхождении, ее успехах, рассматриваемых в ней предметах и о важности этой науки», трактовавшая экономические проблемы от имени школы Рикардо (она вышла вскоре после смерти основателя школы). Французский перевод этой книги был сопровожден «Рассуждениями переводчика о системе Рикардо», автором которых был молодой французский экономист Гийом Прево. «Рассуждения...» включали общее изложение системы Рикардо, построенное на основе популярного изложения этой системы Миллем, и обсуждение ряда спорных проблем. Таким образом, книга давала некоторое представление о взглядах как самого Рикардо и его популяризатора Милля, так и их новейших английских и французских последователей. Поэтому, видимо,

Маркс на втором этапе работы и обратился сначала к данной книге.

Но Прево и особенно Мак-Куллох были вульгаризаторами, затушевывавшими основное достижение Рикардо — теорию трудовой стоимости. Впоследствии, в «Теориях прибавочной стоимости», Маркс писал: «Мак-Куллох — вульгаризатор экономической теории Рикардо и вместе с тем самый жалкий образчик ее разложения.

Вульгаризатор не только Рикардо, но также и Джемса Милля.

Вообще во всех отношениях вульгарный экономист, апологет существующего. Единственное, что до комизма его тревожит, это — тенденция прибыли к падению... Внутреннейшего ядра учения Рикардо — как реализуется прибыль на основе обмена товаров *по их стоимости* — Куллох не понимает, и оно для него не существует» (10, с. 171, 174). Прево также проявил в ряде своих возражений чисто ученическое непонимание Рикардо и, со своей стороны, стремился доказать, что непрерывное уменьшение прибыли не является неизбежным.

Однако при конспектировании работ Мак-Куллоха и Прево Маркс рассматривал этих экономистов прежде всего как новейших представителей школы Рикардо. Вначале он не придал должного значения и «внутреннейшему ядру учения Рикардо». В то время Маркс отрицательно относился и к тем аспектам учения Рикардо, которые Прево подчас не без основания считал достижением. Примером может служить спор о роли средних величин в политической экономии.

«Прево,— возражает Маркс,— хвалит рикардианцев, «этих глубоких экономистов», за то, что они «свели науку к большой простоте, *взяв за основу средние величины* и игнорируя случайные обстоятельства» (как, например, великий Рикардо игнорировал число людей, населяющих страну), «что и позволило им дать обобщения». Что же доказывают эти *средние величины?* Что все больше и больше

абстрагируются от людей, что действительная жизнь все больше остается в стороне и все больше принимается во внимание абстрактное движение материальной, нечеловеческой собственности. *Средние величины* — это форменное поругивание, издевательство над отдельными действительными индивидами» (29, с. 480).

Эту позицию Маркса пронизывают два мотива. Прежде всего, это пролетарский гуманизм, требующий не прикрывать язвы капитализма плащом средних величин, а вскрывать их скальпелем хирурга. Против средних величин, устанавливаемых буржуазной политической экономией, Маркс выступает потому, что с их помощью «она может доказывать, что если я все потребляю, а ты все производишь, то с точки зрения общества производство и потребление находятся в полном порядке» (29, с. 482).

Но вместе с тем здесь звучит и другой, фейербаховский мотив индивида как единственного реального субъекта общества. Он и приводит Маркса не к требованию правильного, научного применения метода средних величин в политической экономии (их группировки, адекватно выражающей реальное положение различных классов, и т. д.), а к выступлению против применения средних величин вообще. Это значительно ослабляло тогда аргументацию Маркса *.

Маркс конспектирует «Наброски...» Энгельса

Определяя свою позицию в отношении спора рикардианцев со школой Смита, Маркс, по-видимому, именно в этот момент вторично обратился к энгельсовским «Наброскам к критике политической экономии» и составил их конспект. В пользу такого предположения говорит уже то, что страничка с конспектом работы Энгельса оказалась

* Подробнее см. 160, с. 123—128.

именно в данной тетради. Характерно также, что конспект охватывает не всю работу Энгельса, а лишь немногим более половины ее: Маркс не затрагивает вопросы, освоенные им уже на первом этапе занятий (механизм действия закона конкуренции и др.), и основное внимание сосредоточивает на позиции Энгельса в отношении спора между школой Смита и школой Рикардо.

«*Сэй*,— конспектирует Маркс,— определяет реальную стоимость полезностью, Рикардо и Милль — *издержками производства*». У англичан, когда они говорят об издержках производства, конкуренция занимает место полезности, тогда как у Сэя, наоборот, конкуренция привносит с собой издержки производства. «Определение *земельной ренты*, данное Рикардо, неверно, потому что оно предполагает, что падение спроса немедленно отражается на земельной ренте и сразу же забрасывается соответствующее количество самой плохой обрабатываемой земли. Это неверно. Это определение упускает из виду конкуренцию, а определение Смита — плодородие» (18, с. 3).

С такого рода установками Маркс и обратился к изучению «Начал политической экономии и налогового обложения» Рикардо, сделав обстоятельные выписки из этого капитального произведения и сопроводив их замечаниями.

Рикардо

Рассматривая капиталистический способ производства как самый продуктивный, Рикардо ставит в центр внимания *рост производительности труда*. С этой точки зрения он заменяет смитовское понятие «купленный труд» понятием «затраченный труд», а вместо неопределенного понятия «труд» вводит научно точное понятие «рабочее время». Отсюда следует вывод, составляющий историческую заслугу Рикардо перед наукой: *стоимость* продуктов определяется не конкуренцией, как думал Смит, не полезностью, как думал Сэй, а *рабочим временем*, затраченным на их производство.

Рикардо последователен в проведении открытых им принципов и, как правило, не принимает во внимание те жертвы и несчастья, которые несет с собой многим людям и даже целым классам капиталистическая форма роста производительности труда. Столь же последователен он и в борьбе со своими теоретическими противниками. Его книга не бесстрастно-академическое произведение; она сочетает мастерское изложение оригинальных идей с принципиальной полемикой в адрес их противников. Уже в предисловии к первому изданию (1817) Рикардо подчеркивает, что намерен подвергнуть критике установившиеся взгляды, в особенности многие аспекты сочинений Смита и Сэя, и систематически осуществляет это намерение в ходе всего исследования. В третьем издании он еще более усилил критику в адрес Сэя. Тот не остался в долгу и сопроводил французский перевод «Начал...» Рикардо (1835) своими критическими замечаниями.

В 1844 г. Маркс конспектировал «Начала...» как раз по этому переводу и, таким образом, имел возможность не просто изучать позицию самого Рикардо, но и сопоставлять ее с позицией Смита и Сэя. Первое же замечание, которое делает Маркс в ходе выписок из Рикардо, заключает в себе именно такое сопоставление: «Рикардо придерживается в определении стоимости только издержек производства, Сэй — полезности (пригодности). У Сэя конкуренция замещает издержки производства» (29, с. 392).

Поскольку Маркс вслед за Энгельсом воспринял, а в ходе параллельного анализа трех источников дохода посвоему развил идею об определяющей роли конкуренции в механизме капиталистического общества, понятно, что при конспектировании «Начал...» у него на первых порах чувствуется негативное отношение к Рикардо и более позитивное — к Смиту и замечаниям Сэя. «Рикардо развивает ту мысль,— пишет Маркс,— что труд охватывает всю сумму стоимости, ибо капитал тоже является трудом. Сэй... указывает, что он забывает о прибыли на капитал и

о земле, которые доставляются не безвозмездно. Прудон отсюда справедливо заключает, что там, где существует частная собственность, вещь *ценится* (kostet) больше, чем она *стоит* (wert), это и составляет дань частным собственникам» (29, с. 395).

Итак, затраты труда суть необходимые издержки производства, а прибыль и рента не имеют отношения к этим издержкам и составляют дань частным собственникам. Более того, поскольку заработная плата зависит от борьбы между капиталистами и рабочими и от конкуренции среди капиталистов, то «сами издержки производства определяются, следовательно, конкуренцией, а не производством» (29, с. 404).

Нетрудно заметить, что здесь Маркс отрицательно относится к теории трудовой стоимости Рикардо. Однако по мере изучения «Начал...» сквозь это отрицательное отношение все больше начинает проступать уважение Маркса к их автору за отсутствие каких бы то ни было иллюзий относительно социальных последствий капиталистического производства. Рикардо утверждает, что капитализм обеспечивает максимальную производительность труда, но ему чуждо намерение доказывать, будто тем самым обеспечивается рост благосостояния всего общества, тем более рабочих. И это не ускользает от внимания Маркса: «Рикардо очень хорошо подчеркивает, что рабочий ничего не выигрывает от увеличения производительной силы труда» (29, с. 395).

Ту же трезвость обнаруживает далее Маркс и в последовательно проводимом Рикардо тезисе, что интересы землевладельцев всегда противоположны интересам потребителей и фабрикантов. Поскольку еще в ходе параллельного анализа трех источников дохода Маркс самостоятельно пришел к тому же выводу, он усматривает в Рикардо союзника по этому вопросу: «Следовательно, вопреки Смиту, согласно которому интерес земельного собственника всегда идентичен интересу общества, Рикардо доказывает проти-

воположное. Так политэкономы взаимно низвергают своих богов» (29, с. 419).

Прослеживая подобные взаимные опровержения, Маркс начинает постепенно более критически относиться к позиции Смита и особенно Сэя. Ему становится ясно, что многие возражения Сэя против Рикардо — это возражения лавирующего обывателя против принципиального ученого, последовательно проводящего свой взгляд. Так, Рикардо доказывал, что для капиталистического производства главное — это прибыль, чистый доход. Сэй же утверждал, что различие между валовым и чистым доходом имеет значение с точки зрения частных интересов, но не с позиций интересов нации в целом; тем самым он создавал иллюзию, будто агенты капиталистического производства могут руководствоваться не частными, а общенациональными интересами. Сходную с этой позицию занимал и Сисмонди. Маркс же в данном случае увидел правоту Рикардо: «Когда Сэй и Сисмонди... воюют против Рикардо, то они воюют только против *циничного* выражения политико-экономической истины. С точки зрения политической экономии положение Рикардо правильно и последовательно. Какое значение для политической экономии имеет то обстоятельство, что, оспаривая нечеловечные выводы, Сисмонди и Сэй вынуждены выйти *за ее пределы?* Это доказывает лишь то, что человечность находится *за пределами* политической экономии, а бесчеловечность — заложена *в ней*...

Положение Рикардо правильно; чистый доход нации есть не что иное, как прибыль капиталистов и рента земельных собственников, а к рабочему он не имеет отношения. И рабочий не имеет отношения к политической экономии, поскольку он есть машина этой частной прибыли.

Экономические и политические выводы Сэя имеют вкусовой характер» (29, с. 421—422).

Так Маркс уже подходит к выводу, что среди буржуазных экономистов Рикардо — наиболее последовательный и

честный ученый. Осмысление вскрываемых Рикардо противоречий между интересами частных собственников и интересами наций приводит Маркса к выводу, «что различие между капиталом и прибылью, между землей и рентой, между твоим и моим капиталом и т. д. не имеет никакого значения для национальной экономики. Так почему же рабочему классу не уничтожить бы это различие, лишенное значения для общества и смертельное для него?.. Дело отнюдь не в том, чтобы *Я* заработал на столько-то *больше*, все дело в том, чтобы эта прибыль пошла всем нам впрок; иными словами, следует отбросить точку зрения частного интереса, а если он не захочет сам ее отбросить, другие вправе поставить его на свое место» (29, с. 422).

Как видим, научная критика буржуазной политической экономии дает Марксу все новые и новые аргументы в пользу выводов о необходимости революционной замены буржуазного общества коммунистическим.

Возвращаясь к дискуссионному вопросу о месте конспекта «Начал...» Рикардо в Парижских тетрадях Маркса, можно добавить следующее. Во-первых, в содержательном отношении Марксов конспект «Начал...» во всех отношениях превосходит его выписки из Мак-Куллоха и Прево, содержит обстоятельные рассуждения Маркса по коренным проблемам экономической науки. Первоначальные негативистские оценки в адрес Рикардо и его школы сменяются искренним уважением к глубине и трезвости мысли Рикардо, а критика в его адрес становится все более основательной. Это приводит к выводу, что конспект «Начал...» Рикардо был составлен Марксом не до, а после выписок из Мак-Куллоха и Прево.

Во-вторых, немало страниц «Экономическо-философских рукописей» несет на себе следы использования конспекта «Начал...» Рикардо. В конце конспекта Маркс отмечал: «Нам уже неоднократно случалось дивиться свободному от всех человеческих иллюзий цинизму Рикардо в политической экономии» (29, с. 423). В начале третьей тет-

ради рукописей 1844 г. он обобщает: *«Цинизм* политической экономии растет не только относительно от Смита через Сэя к Рикардо, Миллю и т. д., поскольку перед взором последних те результаты, к которым приводит *промышленность*, выступают в более развитом и более противоречивом виде, но и положительно экономисты всегда, и притом сознательно, идут по пути отчуждения от человека дальше своих предшественников, однако *только* потому, что их наука становится более последовательной и более истинной» (18, с. 109—110).

Эти и другие высказывания Маркса позволяют заключить, что он законспектировал труды Рикардо (и Милля) на пятой стадии работы над Парижскими тетрадями, непосредственно перед написанием второй и третьей тетрадей «Экономическо-философских рукописей».

Милль

Вслед за «Началами...» Рикардо Маркс проштудировал «Основы политической экономии» Джемса Милля (1821 г., французское издание 1823 г.). Как отмечал Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», «Милль был первым, кто изложил теорию Рикардо в систематической форме, хотя лишь в довольно абстрактных очертаниях» (10, с. 81). Подобно Рикардо, он открыто защищал интересы промышленного капитала против земельной собственности и не затушевывал противоположности между трудом и капиталом. В то же время Милль положил начало разложению рикардианской школы: более явственно, чем сам основоположник школы, ощущая противоречия учения Рикардо и будучи не в состоянии преодолеть их, он частично *возвращается* к смитовской теории спроса и предложения. Особенно отчетливо это проявляется в его попытке решить противоречие между законом трудовой стоимости (стоимость определяется рабочим временем) и постоянным нарушением этого закона в оплате непосредственного труда

рабочего капиталистом: не понимая, что рабочий продает не труд, а рабочую силу (это открытие было позднее сделано именно Марксом), Милль не находит ничего лучшего, как объяснить размер заработной платы соотношением между спросом на труд и его предложением, т. е. конкуренцией между рабочими и капиталистами.

Но в середине 1844 г. Маркс смотрел на Милля иными глазами: он видел в нем систематизатора Рикардо (это было общепризнано), а его частичный возврат к теории спроса и предложения в сочетании с четким противопоставлением труда и капитала должен был даже импонировать молодому Марксу, еще не уяснившему значения теории трудовой стоимости Рикардо.

Как и замечания к выпискам из Рикардо, Марксовы заметки по поводу книги Милля начинаются с вопроса об издержках производства в качестве фактора стоимости: «...Милль — как и вообще школа Рикардо — совершает ту ошибку, что формулирует *абстрактный закон*, не учитывая изменения и постоянного упразднения этого закона, благодаря чему он только и осуществляется. Если *постоянным* законом является, например, то, что издержки производства в конечном счете — или, вернее, при спорадически, случайно устанавливающемся соответствии спроса и предложения — определяют цену (стоимость), то столь же *постоянным законом* является и то, что такого соответствия нет и что, следовательно, стоимость и издержки производства не находятся в необходимом отношении друг к другу» (18, с. 17).

На первый взгляд здесь нет движения вперед по сравнению с началом выписок из Рикардо: закон трудовой стоимости оказывается лишь частным случаем закона спроса и предложения. И все же шаг вперед есть. Он состоит в том, что издержки производства не противопоставляются конкуренции (как это делал Сэй и с чем вначале был согласен Маркс), а связываются с нею. Более того, как абстракция закон трудовой стоимости признается впол-

не *правомерным.* Методологические возражения Маркса связаны не с логической необоснованностью данной абстракции, а со свойственным ему в то время пониманием закона как такой формулы, которая в сфере своего действия непременно должна находить строгое подтверждение в каждом отдельном случае. То есть эти возражения носят тот же характер, что и прежние его возражения против применения рикардианцами средних величин. Лишь впоследствии, когда Маркс уяснит для себя статистическую природу экономических законов, он выдвинет тезис, что *всякая* наука становится точной в такой мере, в какой ее законы получают математическое выражение.

Уяснение статистической природы законов не означало, однако, ослабления внимания Маркса к конкретным, в особенности противоречивым их фактическим проявлениям. Задачу научного исследования он считал решенной лишь в том случае, когда в деталях выяснен механизм действия законов, реальные нити, сводящие противоречивые факты к одной формуле. Наличие противоречивых фактов всегда служило для Маркса стимулом для исследования скрытой от поверхностного взора связи их друг с другом. С учетом этих особенностей подхода Маркса к научным исследованиям становится ясен еще один шаг, сделанный им в самом начале заметок о Милле: фиксирование противоречия между фактическим состоянием дела (товары продаются не по стоимости) и законом стоимости и одновременное признание обоснованности закона стоимости как абстракции объективно послужили одним из стимулов на пути Маркса к открытию различия между трудом и рабочей силой, прибылью и прибавочной стоимостью и т. д.

В заметках о Милле Маркс рассматривает не только вопрос об издержках производства, но и ряд других, собственно экономических проблем. Много внимания он уделяет *деньгам*, начиная разрабатывать свое учение о кре-

дите, о бумажных деньгах и пр. * Все это показывает, что из дальнего экономического плавания Маркс вернулся уже вполне квалифицированным специалистом. С полным основанием он написал в предисловии к рукописям 1844 г.: «...к своим выводам я пришел путем вполне эмпирического анализа, основанного на добросовестном критическом изучении политической экономии» (18, с. 43).

Что это было именно критическое изучение, видно уже из самих выписок, и заметки к выпискам из Милля подтверждают, что рассматриваемые экономистами проблемы анализируются Марксом в широком методологическом плане. В центре его внимания по-прежнему находится проблематика отчуждения, но в некоторых новых ее аспектах. Проблема денег как *посредника обмена* побудила Маркса дать развернутый анализ обмена как *общественной связи* между людьми, т. е. как родовой деятельности людей, которая в условиях частной собственности отчуждается от них; в итоге человек оказывается обесчеловеченным, а его опосредствующая деятельность принимает отчужденную форму денег.

Содержание конспекта произведения Милля столь тесно переплетается с содержанием второй и особенно третьей тетрадей «Экономическо-философских рукописей», находит в этих тетрадях так много отзвуков, что вполне естественно предположить, что конспект был составлен до завершения рукописей, а не после них. К тому же в рукописях имеются следы заимствований (хотя и не буквально идентичных) из конспекта. Это, во-первых, использование выписок из раздела «О производстве». В рукописях, правда, приведены более полные выписки, свидетельствующие о том, что Маркс пользовался не только конспектом, но и самой книгой Милля (ср. 18, с. 5 и 142—143). Есть основание считать, что, осуждая морализаторские сентен-

* Более подробно эти вопросы рассмотрены Д. И. Розенбергом (см. 102, с. 78—87).

ции Милля в адрес бедных, неосторожно создающих большие семьи, Маркс также использовал в рукописях выписки, имеющиеся в конспекте (ср. 18, с. 9 и 143). И дуэт цитат из трудов Дестюта де Траси и Смита, имеющийся в конспекте, использован (хотя и в ином порядке) в конце рукописей 1844 г. (ср. 18, с. 24 и 142). Менее естественно предположение, что в этих и подобных случаях Маркс сначала сделал соответствующие выписки непосредственно в «Экономическо-философских рукописях», а затем «использовал» их в конспекте книги Милля.

Таким образом, больше аргументов в пользу того, что этот конспект непосредственно предшествовал написанию второй и третьей (или же только третьей) тетрадей рукописей 1844 г. *

Этапы развития отчужденного труда

Взаимосвязь трех тетрадей

Опираясь на имевшийся теперь в его распоряжении обширный материал, Маркс приступил к реализации замыслов, сформулированных в конце тетради I (т. е. текста «Отчужденный труд и частная собственность»):

во-первых, замысла экономического — намерения осуществить систематическое изложение своих взглядов по основным проблемам политической экономии;

во-вторых, замысла философско-исторического — выявить всеобщую сущность частной собственности, раскрыть процесс возникновения отчужденного труда и его исторические судьбы, а тем самым и судьбы частной собственности.

* Среди всех выписок, содержащихся в Пврижских тетрадях, именно выписки из Милля были в максимальной степени использованы в рвботах Маркса зрелого периодв, особенно в четвертом томе «Квпиталв» («Теории прибавочной стоимости»).

В какой мере реализованы эти замыслы во второй и третьей тетрадях? Можно с уверенностью сказать, что второй, *философско-исторический*, замысел получил широкое воплощение в сохранившихся страницах второй тетради (страницы LX—LXIII) и в третьей тетради, большая часть которой представляет собой пространные вставки к несохранившимся страницам XXXVI и XXXIX второй тетради. В этих текстах содержится многоплановый анализ тех двух вопросов, постановкой которых завершается фрагмент об отчужденном труде, в том числе и под углом зрения намеченных там трех отношений, в которых проявляется отчуждение труда как сущность частной собственности. При этом Маркс использовал результаты не только экономических занятий 1844 г., но и исторических занятий 1843 г. *

Что касается реализации *экономического замысла*, то в сохранившемся тексте он получил не полное воплощение. О возможности его осуществления на несохранившихся страницах второй тетради можно судить лишь сугубо предположительно, и, как показывают результаты последних исследований, не однозначно.

Первое предположение, которое до недавнего времени было единственным, сводится к тому, что и экономический замысел Марксу удалось реализовать достаточно полно, поскольку это заняло 39 страниц текста. Этот вывод подкреплялся убеждением, что при написании второй тетради Маркс использовал свои выписки не только из Сэя, Скарбека и Смита, Мак-Куллоха, Прево и Дестюта де Траси, но также и Рикардо и Милля.

Согласно второму предположению, выдвинутому в 1976 г. Г. А. Багатурия, вторая тетрадь — не самостоятельная рукопись, а прямое продолжение первой тетради, и утрачены лишь 12 страниц текста, на которых, как и на

* Подтверждением этого служат ссылки Маркса в конце второй тетради на книги Мёзера и Ланцицолле, законспектированные им в Крейцнахе (см. 18, с. 104—105).

предыдущих и последующих, Маркс реализовал философский, а не экономический замысел; лишь в самом конце третьей тетради, в фрагменте о деньгах, Маркс возвращается к собственно экономической проблематике, но на этом его работа и останавливается. По мнению Багатурия, «основная экономическая часть труда Маркса отсутствует не потому, что до нас не дошла почти вся «вторая рукопись», а потому, что Маркс этой экономической части так и не написал» (49, с. 219). В пользу этого вывода говорит также предположение о том, что конспект произведений Рикардо и Милля Маркс составил лишь после написания «Экономическо-философских рукописей».

Признавая вполне обоснованным предположение Г. А. Багатурия о взаимосвязи первой и второй тетрадей как единой рукописи со сплошной нумерацией страниц *, мы считаем, однако, возможным выдвинуть еще одно, третье предположение: при написании тетради II философско-исторический замысел был преобладающим, но отнюдь не единственным — он существенно дополнялся анализом собственно экономических проблем и категорий. Иными словами, происходило определенное *соединение двух замыслов*, заключавшееся в том, что на широком фоне философско-исторического анализа переосмысливались и конкретные экономические проблемы и понятия. Примерами такого *двуединого* анализа могут быть фрагменты о разделении труда и о деньгах из третьей тетради. Сохранившаяся часть тетради II, если рассмотреть ее под таким методологическим углом зрения, представляет собой анализ истории политической экономии как выражения исторического развития частной собственности, движения от-

* Слабый пункт этого предположения заключается, однако, в том, что в тетради I не была дописана не только последняя, XXVII страница текста, но еще 9 страниц заготовленной тетради остались пустыми. Следовательно, получается, что текст тетради II Маркс начал писать в новой тетрадке, продолжая нумерацию неоконченной тетради. Это не может не вызывать сомнений.

ношений между трудом и капиталом от первоначального их единства к «враждебной взаимной противоположности»; заключительные абзацы тетради II резюмируют диалектику этого движения (см. 18, с. 106—107).

Выдвинутое нами предположение допускает любой вариант решения вопроса о времени написания Марксом конспектов произведений Рикардо и Милля. Но оно выглядит более обоснованным, если согласиться, что Маркс располагал этими конспектами при написании тетради III.

Наше предположение служит одним из аргументов в пользу того, что в ходе работы над «Экономическо-философскими рукописями» происходил процесс соединения философских, экономических, исторических и политических взглядов Маркса и их переработки в качественно новое мировоззрение. Стержень этого процесса в данный период составляла *проблема исторических этапов возникновения, развития и ликвидации отчужденного труда, проблема коммунизма как упразднения всех форм отчуждения.*

В центре внимания Маркса в процессе написания второй тетради находилась проблема взаимоотношения между трудом и капиталом, анализ исторических этапов развития этого взаимоотношения. В конце второй тетради Маркс следующим образом резюмирует сущность таких этапов: «*Во-первых — непосредственное* или *опосредствованное единство обоих*», т. е. труда и капитала; «[*Во-вторых*] — *противоположность обоих по отношению друг к другу*»; «[*В-третьих*] — *противоположность* каждого *по отношению к* самому себе», а в итоге — *«враждебная взаимная противоположность»* (18, с. 106, 107). Этими словами заканчивается вторая тетрадь.

Приведенное резюме является *одновременно философским, экономическим и историческим.* Оно занимает особое место в структуре «Экономическо-философских рукописей»: если принять во внимание, что сохранившиеся страницы второй тетради в структурном (но не в хроноло-

гическом) отношении расположены после третьей тетради (поскольку большая ее часть представляет собой вставки к несохранившимся предшествующим страницам второй тетради), то становится ясным, что резюме этапов развития отчуждения между трудом и капиталом — не что иное, как *структурное окончание* «Экономическо-философских рукописей», их *концептуальный итог*, как он представлялся Марксу до написания третьей тетради.

Если же учесть развитие взглядов Маркса в процессе работы иад третьей тетрадью и рассматривать содержание второй и третьей тетрадей как единое и развивающееся целое, а также принять во внимание положения, содержащиеся в Марксовых выписках из трудов экономистов (в том числе Милля), то открывается возможность получить более полную картину того, каким образом Маркс представлял себе тогда этапы возникновения и развития отчужденного труда.

Труд непосредственно ради потребностей

Первый этап. В диком, варварском состоянии имеет место труд ради непосредственного удовлетворения потребностей человека в средствах существования (пища, одежда, жилье). Продукты труда потребляются самим производителем, поэтому «человек в этом состоянии производит *не больше* того, в чем он непосредственно нуждается... В этом случае обмен не имеет места, или он сводится к обмену своего труда на продукт своего труда, и этот обмен есть скрытая форма (зародыш) действительного обмена» (18, с. 32).

Соответственно этому Маркс делает следующий вывод: «Вначале капитал и труд еще объединены» (18, с. 106), поскольку здесь весь накопленный труд есть труд самого производителя. Здесь, следовательно, нет еще никакого отчуждения.

Второй этап. У производителя возникли излишки продуктов, производимых им самим, и потребность в продуктах, производимых другими. В результате появляется *обмен.* Первоначально этот обмен совершался в «грубой форме *отчужденной* частной собственности, в *меновой торговле*» (18, с. 27). Целью производства здесь по-прежнему являлось удовлетворение непосредственных потребностей производителя, а образование излишков и обмен выступали как нечто случайное, не входившее в расчеты производителя. Но поскольку обмен имеет место, фактически «*труд* отчасти становится *источником дохода.* Цель этого труда и его бытие стали различны» (там же). Накопленный труд перестает быть целиком своим трудом и становится отчасти чужим, хотя и непосредственно обмененным на свой труд. Именно на этой стадии, по-видимому, труд и капитал (= накопленный труд) «хотя и разъединены и отчуждены, но обоюдно поднимают и стимулируют друг друга как *положительные* условия» (18, с. 106).

По мере того как производство излишков становится устойчивым и развивается потребность в продуктах труда других, люди начинают уже сознательно производить продукты с целью обмена. Это означает радикальный переворот в содержании человеческих отношений. Пока люди производили непосредственно для себя, они оставались индивидами самими по себе. Теперь обмен и разделение труда утверждаются как непосредственные формы *общественной* связи между людьми. Но связь эта возникает и утверждается не как истинно человеческая, а как продукт нужды и эгоизма индивидов. В самом деле, нуждаясь в продукте труда другого человека, я вынужден удовлетворять эту свою потребность только путем обмена на продукт собственного труда, т. е. путем утраты этого продукта. С другой стороны, этот утрачиваемый продукт я лишь по

видимости произвожу как свой, а «в действительности я произвожу некоторый *другой* предмет, предмет твоего производства, на который я думаю обменять свой излишек, и этот обмен я мысленно уже совершил. Поэтому и то *общественное* отношение, в котором я нахожусь к тебе, мой труд для твоей потребности является всего лишь *видимостью*, и наше взаимное дополнение друг друга тоже является всего лишь *видимостью*, в основе которой лежит взаимный грабеж» (18, с. 33—34).

Так произошло отчуждение продукта от производителя, а вместе с ним и само социальное общение превратилось во внешний, отчужденный родовой акт.

Деньги и отчуждение опосредствующей деятельности человека

Третий этап. Подобно тому как взаимный обмен «продуктами *человеческой деятельности* выступает как *меновая торговля*, как *торгашество* [Schacher], так взаимное дополнение и взаимный обмен самой деятельностью выступают как *разделение труда*... Вместе с цивилизацией растет и *разделение труда*» (18, с. 28).

Развитие разделения труда приводит к тому, что весь продукт производится уже не для собственного пользования, а для обмена. Труд целиком превращается в *труд ради заработка*. Это означает, что наряду с отчуждением продукта совершилось отчуждение от производителя и самой цели его труда.

Это отчуждение сущностных сил человека получает свое внешнее, предметное выражение в появлении и возрастании некоего универсального *эквивалента*, замещающего цель труда, его результат и саму деятельность людей по обмену результатами своего труда. Таким эквивалентом становится универсальный посредник обмена — *деньги*. «Сущность денег заключается прежде всего не в том, что в

них отчуждается собственность, а в том, что здесь *отчуждается* и становится свойством *материальной вещи*, находящейся вне человека, свойством денег, та *опосредствующая деятельность* или то опосредствующее движение, тот *человеческий*, общественный акт, в результате которого продукты человека взаимно восполняют друг друга... Вместо того чтобы сам человек был посредником для человека, наличие этого *чуждого посредника* приводит к тому, что человек рассматривает свою собственную волю, свою деятельность, свое отношение к другим — как силу, независимую от него и от них. Таким образом его рабство достигает апогея. Так как посредник есть *действительная власть* над тем, с чем он меня опосредствует, то ясно, что этот *посредник* становится *действительным богом*. Его культ становится самоцелью» (18, с. 18).

Аграрный труд и рента

Четвертый этап. Все эти процессы отчуждения обусловили возникновение накопленного *чужого* труда, т. е. *капитала в собственном смысле слова,* и его противопоставление труду непосредственному. Первоначально формой существования капитала была земельная собственность. Противоположность труда и капитала выступает здесь в форме противоположности аграрного труда и земельной ренты. Эта последняя противоположность сложилась давно и имеет весьма отчетливый характер, но ее действительная сущность как противоположности между трудом вообще и капиталом вообще маскируется рядом обстоятельств: рента выступает как специфическое качество специфической *земельной* собственности, т. е. собственности, облаченной в природную оболочку; аграрный труд тоже предстает как специфический труд, объектом которого является сама *природа* и который поэтому непосредственно вплетается в действие природных сил; с другой стороны, этот труд опу-

тан разветвленной сетью сословных отношений, придающих ему видимость общественно значимой, родовой деятельности.

Свободный капитал

Пятый этап. Поскольку «промышленность (городская жизнь) формируется *в противовес* землевладению (феодальной дворянской жизни) и носит еще в самой себе феодальный характер своего антипода и форме монополии, цеха, гильдии, корпорации и т. д.», постольку и здесь противоположность между трудом и капиталом первое время замаскирована тем, что «труд еще имеет *по видимости общественное* значение, значение *действительной* общности, когда он еще не дошел до *безразличного* отношения к своему содержанию и до полной обособленности, т. е. до абстракции от всякого другого бытия, а следовательно, и до *получившего свободу действий* капитала.

Но необходимым *развитием* труда является получившая свободу действий и в качестве таковой самостоятельно конституирующаяся *промышленность* и *получивший свободу действий капитал*» (18, с. 103). И если первое время промышленный труд в этом своем качестве еще противостоит земледельческому труду как труд специфический, то затем исчезают всякие различия между ними, и в обществе остаются лишь два класса — рабочие и капиталисты. Только теперь отчужденный труд окончательно утвердился как сущность всякого труда и тайна всякого капитала. «...Только теперь частная собственность может завершить свое господство над человеком и стать всемирно-исторической силой в своей наиболее всеобщей форме» (18, с. 112).

Высшую, современную стадию противоположности между трудом и капиталом составляет превращение ее в «*противоположность* каждого *по отношению к* самому себе»: капитал «распадается на *самого себя* и на свои *проценты*, а последние в свою очередь распадаются на

проценты и *прибыль*... Труд распадается на *самого себя* и *заработную плату*» (18, с. 107) *. Труд есть субъективная сущность всякой частной собственности, но рабочий оказывается лишенным какой бы то ни было собственности, и весь его труд превратился в средство получения заработной платы, т. е. в производство «деятельности совершенно чуждой себе, человеку и природе, и потому совершенно чуждой сознанию и жизненному проявлению, *абстрактное* существование человека исключительно лишь как *человека труда*, который поэтому ежедневно может скатиться из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в свое общественное и потому действительное небытие. Как и, с другой стороны, производство предмета человеческой деятельности как *капитала*, где *стерта* всякая природная и общественная определенность предмета... эта противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения» (18, с. 102).

Повторение истории общества в истории науки

Вырабатывая это представление об основных исторических этапах возникновения и развития отчужденного труда как важнейшей характеристики всей прошлой и нынешней истории общества, молодой Маркс одновременно пришел к оригинальному, в сущности материалистическому, взгляду на историю политической экономии. За многочисленными точками зрения, борьбой мнений экономистов и т. п. он увидел определенную логику — не только логику развития науки как таковой, но и логику развития реальной истории общества. Поняв эту последнюю как подлинную

* Эти тезисы очень близки ходу мыслей Энгельса. Маркс фиксировал их следующим образом: «Отделение капитала от труда. Отделение капитала от прибыли. Разделение прибыли на собственно прибыль и проценты... Отделение труда от заработной платы» (18, с. 4).

основу истории экономических учений, он получил объективный критерий для оценки исторического места каждой школы и каждого экономиста. Именно с этих позиций и написаны первые фрагменты третьей рукописи (представляющие собой вставки к XXXVI и XXXIX страницам второй рукописи).

Тот факт, что в истории политической экономии вначале выступили меркантилисты, затем физиократы и лишь после них — школы Смита и Рикардо, есть не случайность, а необходимость. Эта последовательность *повторяет* ход реальной истории — этапы развития отчужденного труда как субъективной сущности частной собственности. На первоначальных этапах отчужденный труд выступал в частной предметной форме — в форме денег, в особенности золота; соответственно этому у меркантилистов богатство имеет свое существование только в благородном металле. Затем, когда отчужденный труд получил более универсальную, природную форму — форму земельной собственности, на сцену выступили физиократы; у них субъективная сущность богатства уже переносится в сам труд, правда не во всеобщей и абстрактной его форме, а только в некоторой особой, определяемой природой, форме существования. Наконец, когда развитие промышленности сделало фактом универсальную природу труда как субъективной сущности частной собственности, физиократы должны были уступить место школе Смита. Утвердив, что всякое богатство заключается в труде, т. е. в самом человеке, а не в некоем состоянии вне человека, Смит сыграл в политической экономии ту же роль, что и в религии Лютер, который отменил внешнюю религиозность (поклонение иконам и т. п.), превратив ее в религиозность внутреннюю.

«Подобно тому как земельная собственность является первой формой частной собственности, а промышленность на первых порах выступает против нее в истории только как особый вид собственности... точно так же этот процесс повторяется при попытках науки ухватить *субъективную*

сущность частной собственности, т. е. *труд*, и труд на первых порах выступает только как *земледельческий труд*, но затем получает признание как *труд* вообще» (18, с. 111).

Но как у Лютера внутренняя религиозность была лишь новым этапом подчинения человека религии, так и у Смита утверждение богатства в человеке оказывается лишь последовательным проведением отрицания человека. «То, что раньше было *внешним* по отношению к человеку бытием, реальным его отчуждением, стало лишь актом отчуждения» * (18, с. 109). И если на первых порах новейшая политическая экономия еще сохраняла видимость признания человека, его самодеятельности и т. д., то в процессе дальнейшего развития она отбросила это лицемерие и из положения о труде как сущности богатства стала цинично развивать его следствия, враждебные человеку.

Коммунизм есть упразднение всякого отчуждения

Итак, Маркс уловил определенное соответствие логики развития науки об обществе логике реальной истории общества. Еще большую проницательность он проявил, обнаружив, что логика реальной истории повторяется и в развитии научных представлений о *предстоящем упразднении* нынешнего состояния общества, т. е. в развитии социалистических и коммунистических учений, а соответственно и в развитии политических движений, руководствующихся этими учениями. Познание прошлого и настоящего, с одной стороны, и представления о будущем и сами движения за осуществление этого будущего, с другой стороны, развиваются как два параллельных процесса, проходящие в

* Маркс здесь углубляет энгельсовскую характеристику Смита как «Лютера политической экономии».

своем развитии одни и те же этапы. Маркс так пишет об этом процессе: «Снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение» (18, с. 113).

Установление этой закономерности дало Марксу объективный критерий для оценки исторического места различных социалистических и коммунистических теорий и движений, т. е. различных форм коммунизма.

Формы коммунизма

Как в ходе развития отчужденного труда и теорий о нем, так и в социалистическо-коммунистических воззрениях и движениях частная собственность первоначально рассматривается только со своей *объективной* стороны. Новейшим выразителем этой первой формы коммунизма является Прудон, который уже понял, что сущность частной собственности составляет труд, а ее форму — капитал, и потому требует уничтожения капитала как такового. Однако в целом он остался на позициях грубого коммунизма, который все гнусности современного общества видит исключительно в факте частной собственности, в неравномерном распределении предметного богатства и не замечает отчуждения в сфере политики и духовной жизни, самоотчуждения человеческой личности, ее талантов, чувств и пр. «...Господство *вещественной* собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем, на началах *частной собственности*, не могут обладать все; он хочет *насильственно* абстрагироваться от таланта и т. д. ...Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общ-

ность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общиной* как всеобщим капиталистом» (18, с. 114—115). Это, следовательно, такой коммунизм, который не уничтожает, а воспринимает в самого себя универсальное отрицание личности человека, порожденное частной собственностью. Поэтому *грубый коммунизм* «есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*» (18, с. 116).

В другой своей форме коммунизм уделяет основное внимание *субъективной* стороне частной собственности. Он уже постиг частную собственность как отчуждающую человека от самого себя, но еще не уяснил, что ее сущность составляет отчужденный труд как обесчеловеченная форма общественного труда. Корень зла такой коммунизм усматривает в *особых*, специфических видах труда. Фурье, например, отрицает нивелированный, раздробленный, т. е. промышленный, труд и, подобно физиократам, считает наилучшим труд земледельческий. Сен-Симон, напротив, превозносит как раз промышленный труд, домогаясь безраздельного господства промышленников и улучшения положения рабочих. Однако, в отличие от грубого коммунизма, представители второй формы коммунизма требуют не только уничтожения частной собственности и достойного человека распределения предметного богатства, но и *упразднения отчуждения в сфере политической жизни*, возвращения человеку его политической сущности. Говоря об этом последнем требовании, Маркс различает: «Коммунизм α) еще политического характера, демократический или деспотический; β) с упразднением государства» (18, с. 116). Но так как и в той и в другой форме коммунизм все еще не понял, что, хотя и в отчужденном, обесчеловеченном виде, частная собственность в максимальной степени развила *общественные* связи человека и доказала *общественную* его природу, т. е., «так как он еще не уяснил себе положительной сущности частной собственно-

сти и не постиг еще *человеческой* природы потребности, то он тоже еще находится в плену у частной собственности и заражен ею» (18, с. 116).

В высшей своей форме коммунизм учитывает и объективную, и субъективную стороны частной собственности и требует упразднения всех — как объективных, так и субъективных — форм отчуждения. Он выступает как действительное *положительное* упразднение частной собственности и в силу этого как подлинное *присвоение* человеческой сущности человеком и для человека. Капитализм в максимальной степени развил отчуждение человека от самого себя; напротив, подлинный коммунизм есть полное, сознательное, сохраняющее все богатство достигнутого развития *возвращение* человека к самому себе как к человеку общественному. Будучи отрицанием отрицания, т. е. отрицанием частной собственности, отрицающей человека, коммунизм тем самым оказывается *утверждением* человека.

Развитый коммунизм, следовательно, при всей своей противоположности частной собственности, представляет собой необходимый продукт ее собственного исторического движения. Поэтому его действительную предпосылку составляют не отдельные островки общинной собственности, противостоявшие частной собственности на различных этапах истории, а *все* движение истории. «Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» (18, с. 116).

Исходный пункт коммунизма как революционного движения составляют тот материал труда и тот человек, которые порождены частной собственностью. В формировании этого исходного пункта, замечает Маркс, и заключается *историческая необходимость* частной собственности.

В различных странах этот исходный пункт имеет различный характер: в зависимости от того, протекает ли подлинная *признанная* жизнь данного народа преимущественно в сфере сознания или же в сфере внешнего мира, у различных народов отчуждение человека наиболее остро

проявляется либо в той, либо в другой сфере. «Вполне понятно, что уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является *господствующей* силой: в Германии это — *самосознание*, во Франции это — *равенство*, так как там преобладает политика, в Англии это — действительная, материальная, измеряющая себя только самой собой *практическая* потребность» (18, с. 135).

Но какова бы ни была конкретная сфера отчуждения, с которой начинается борьба против него, подлинную основу упразднения всякого отчуждения составляет уничтожение частной собственности. Последняя является «материальным, чувственным выражением *отчужденной человеческой жизни*. Ее движение — производство и потребление — есть *чувственное* проявление движения всего предшествующего производства, т. е. оно представляет собой осуществление или действительность человека. Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному* бытию» (18, с. 117).

Эти положения имеют огромный принципиальный, методологический смысл. Они убеждают, что *в это время молодой Маркс уже твердо стоял на позициях материалистического объяснения истории* *. Материальная и духовная жизнь не просто *две* сферы жизни, а такие две сферы, одна из которых (духовная и политическая) *подчинена* законам другой (материальной, экономической). Поэтому, несмотря на наличие в обществе двух сфер, законы экономики являются «всеобщими законами» развития общества.

* Конечно, эти позиции представлены здесь еще в не вполне завершенном виде, ибо не была открыта основа основ исторического процесса — развитие орудий производства.

Таким образом, все коммунистическое движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении частной собственности, в экономике. Но в этом, по мнению молодого Маркса, заключена и ограниченность данного движения как такового. Эта ограниченность имеет совершенно иную природу, нежели ограниченность первоначальных, незавершенных форм коммунизма: там дело заключалось в ограниченном, одностороннем *понимании* содержания и цели движения, искажавшихся воздействием частной собственности; здесь речь идет об ограниченности коммунизма (в начале 40-х годов XIX в.) как объективного *исходного пункта* движения, поскольку он является продуктом частной собственности, т. е. об ограниченности социальных преобразований, совершающихся на противоположной их содержанию основе. Именно поэтому «мы даже *коммунизм* называем — так как он является отрицанием отрицания — присвоением человеческой сущности, которое опосредствует себя с собою через отрицание частной собственности, а посему еще не *истинным*, начинающим с самого себя положением, а только таким, которое начинает с частной собственности...» (18, с. 135).

Несколько ранее Маркс говорил об этом еще более резко: «Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» (18, с. 127).

На первый взгляд эти мысли в корне противоположны зрелому марксизму. Поэтому буржуазные теоретики усматривают в них доказательство того, что молодой Маркс вообще не считал себя коммунистом. Многие же марксистские исследователи либо обходят эти положения стороной, либо заявляют, что в них речь идет об уравнительном ком-

мунизме. Между тем действительный смысл высказываний молодого Маркса не дает оснований ни для «доказательств» буржуазных теоретиков, ни для «беспокойства» или «ограничений» со стороны марксистов.

Прежде всего, зрелый марксизм также исходит из того, что между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит *период революционного преобразования первого во второе* и что, как писал Маркс в «Критике Готской программы» (1875), в этот период мы имеем дело «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» (5, с. 18).

Здесь выражена, по существу, та же самая мысль, что новое общество *начинает* свое развитие не с самого себя, а с иной, противоположной социальной основы и, постольку, как непосредственное ее отрицание, несет на себе ее отпечаток. Однако налицо и громадное отличие этих двух формулировок: в 1875 г. Маркс говорит о коммунистическом *обществе*, а в 1844 г. заявлял, что коммунизм не есть форма общества. Суть этого отличия не в различном понимании Марксом на разных этапах своего духовного развития одного и того же объекта исследования, а в неадекватном употреблении термина «коммунизм». В 1844 г. Маркс чаще всего связывал с этим термином лишь уже существовавшее тогда революционное *движение* коммунистов и сам *процесс* уничтожения частной собственности как непосредственную цель этого движения *. Понятно, что

* И в 1846 г., в «Немецкой идеологии», Маркс и Энгельс писали: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (24, с. 46).

при таком понимании коммунизм, действительно, не есть ни цель человеческого развития, ни форма общества, а лишь энергический принцип, созидающий *эту* форму и служащий достижению *этой* цели.

Какое же содержание связывал в 1844 г. Маркс с *будущим обществом*? И каким *термином* обозначал он это содержание?

В этом отношении в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» нет терминологической строгости. Часто, давая содержательную характеристику тем или иным сторонам будущего общества, молодой Маркс вообще не связывает его с каким-либо термином. Иногда в качестве такого термина фигурируют «коммунизм», «гуманизм», «натурализм», но чаще всего этим термином оказывается *«социализм»*. Такая неопределенность объясняется тем, что в тот период коммунизм выступал лишь как одна из сторон более широкого, социалистического принципа.

Термин «коммунизм» связывался с действительной борьбой, с *определенной партийной позицией в политике*. Молодой Маркс открыто провозгласил себя коммунистом, т. е. сторонником коммунистической революционной партии. Но в рукописях 1844 г. роль термина, используемого для обозначения будущего *общества* в целом, приобретает социализм, обозначавший более широкий принцип. «Социализм есть *положительное*, уже не опосредствуемое отрицанием религии *самосознание* человека, подобно тому как *действительная жизнь* (при социализме.— *Н. Л.*) есть положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, *коммунизмом*» (18, с. 127).

Однако в дальнейшем эти термины поменяются своими местами. Прочно связав свою деятельность именно с коммунизмом как *революционным движением пролетариата* в то время как социалистами стали называть себя мелкобуржуазные демократы, Маркс и Энгельс при окончательном формулировании своих взглядов закрепили за терми-

ном «коммунизм» и название будущего общества. Термином же «социализм» марксисты стали обозначать впоследствии лишь первую фразу коммунизма, т. е. социалистический принцип превратился в часть коммунистического принципа как более широкого.

Но эти терминологические особенности вовсе яе означают, будто в 1844 г. молодой Маркс представлял себе будущее общество не как коммунизм (в окончательно закрепившемся значении этого слова), а как-то иначе. Хотя это его представление было лишь первоначальным, по своим принципиальным чертам и направленности ояо уже тогда было яесомненно коммунистическим.

Коммунистический труд как самоутверждение человека

Данный вывод — не плод пристрастной позиции автора, желающего во что бы то ни стало доказать беспочвенность противопоставления молодого Маркса зрелому, а очевидное заключение из подлинного текста его произведений. Не гуманизм вообще, а гуманизм, имеющий своей предпосылкой *уничтожение частной собственности*,— вот позиция Маркса. Так, обрисовав в заметках о Милле порабощеяие человека предметом, производимым в условиях капитализма, Маркс набрасывает далее впечатляющую картину самоутверждения человека в труде, предполагающем отсутствие частной собственности:

«Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства *двояким образом* утверждал бы и самого себя и другого: 1) Я в моем *производстве* опредмечивал бы мою *индивидуальность*, ее *своеобразие*, и поэтому во время деятельяости я наслаждался бы индивидуальным *проявлением жизни*, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личяость выступает как *предметная*, *чувст-*

венно созерцаемая и потому *находящаяся вне всяких сомнений* сила. 2) В твоем пользовании моим продуктом или твоем потреблении его я бы *непосредственно* испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена *человеческая* потребность, следовательно, опредмечена *человеческая* сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого *человеческого* существа. 3) Я был бы для тебя *посредником* между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого,— и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоем мышлении и в твоей любви. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твое жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы* и *осуществлял бы* мою истинную сущность, мою *человеческую*, мою *общественную сущность*.

Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность» (18, с. 35—36).

Можно говорить о суммарности и бьющем через край оптимизме этой картины, в которой проступают фейербаховские мотивы и не учитывается многосложность промышленного производства, продукт которого чаще оказывается не индивидуальным, а произведением большого числа индивидов, друг друга вовсе не знающих; к тому же и предназначен этот продукт в большинстве случаев опять-таки не для индивидуального потребления, а для использования в другой отрасли производства людьми, которых производитель, как правило, лично также не знает и никогда не узнает. Поэтому «ты» в данной картине оказывается чаще всего не конкретным лицом, а анонимным, что существенно модифицирует всю картину.

Тем не менее эта неразработанность имеет принципиально иную природу, нежели слабости позиции *буржуазных* гуманистов, наивно полагавших, будто подлинно человеческие отношения могут быть утверждены без уни-

чтожения частной собственности. Молодой Маркс целиком был прав, доказывая, что «при предпосылке частной собственности он (труд.— *Н. Л.*) является *отчуждением жизни*» (18, с. 36), и требуя ликвидации данной предпосылки. А это и есть позиция коммуниста. Конечно, позиция, еще весьма неразработанная, суммарная.

Богатство общественных отношений

Итак, при наличии общественной собственности человек утверждает и осуществляет в труде свою истинную, общественную сущность, производит самого себя и другого человека именно как человека, а опредмеченное бытие зтого производства оказывается его собственным бытием и одновременно бытием другого человека, а вместе с тем бытием каждого из них друг для друга. С другой стороны, человек как субъект и предмет как продукт труда являются не только результатом, но и исходным пунктом дальнейшего движения общественных сил. «Таким образом, *общественный* характер присущ всему движению; *как* само общество производит *человека* как *человека*, так и он *производит* общество» (18, с. 118). Деятельность человека (предметная и духовная) носит общественный характер вся целиком: как по своему содержанию, так и по способу существования.

Даже природа оказывается вовлечена в зто развертывание и развитие общественной сущности человека. Своим трудом человек изменяет природу, переделывает ее на свой лад. Наиболее отчетливо зта преобразующая роль человека обнаруживается в развитии промышленности, которую Маркс называет *раскрытой книгой* человеческих *сущностных* сил. Поскольку зти силы были до сих пор отчуждены от человека, то и само очеловечивание природы совершалось бесчеловечным образом — бесчеловечным в отношении как природы, так и самого человека. Только

при социализме и коммунизме этот процесс обретает соответствующий своему содержанию характер: природа становится бытием, *связывающим* человека с человеком, так что само природное бытие является для него *человеческим* бытием; в то же время основные богатства природы используются не хищнически, а рачительно. Социалистическое общество есть, следовательно, «законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы» (18, с. 118).

Универсальность общественных отношений, развиваемых на основе общественной собственности, проявляется не только в форме непосредственно коллективной предметной деятельности и непосредственно коллективного сознания. Даже и тогда, когда индивид занимается деятельностью, которая лишь в редких случаях может осуществляться в непосредственном общении с другими людьми (творчество поэта и т. п.),— деятельность индивида все же является *общественной* по своему содержанию: уже материал этой деятельности (в том числе язык) дан как общественный продукт, не говоря о том, что собственное бытие индивида тысячами нитей связано с обществом.

Отсюда Маркс делает важный вывод: «Прежде всего следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид *есть общественное существо.* Поэтому всякое проявление его жизни... *является* проявлением и утверждением *общественной жизни»* (18, с. 119).

Целостный человек

Общественная сущность столь универсально пронизывает теперь все существо человека, что преобразует не только собственно социальные его функции (деятельность, сознание и пр.), но всю его индивидуальность, все его отношения к миру, включая такие, казалось бы, сугубо естественные

формы восприятия мира, как зрение, слух, обоняние и т. д. Дело в том, что «не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.),— одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств,— возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. *Образование* пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории. *Чувство,* находящееся в плену у грубой практической потребности, обладает лишь *ограниченным* смыслом» (18, с. 122).

Например, крайне изголодавшийся человек не обращает внимания на эстетические, вкусовые и иные свойства пищи и относится к ней лишь как к средству утоления голода, мало отличаясь в этом отношении от животного. Аналогичным образом человек, поглощенный заботами о самых насущных нуждах, часто остается невосприимчив даже к самому прекрасному зрелищу. По этому же закону в условиях господства частной собственности у человека наиболее развито лишь одно из чувств, то, которое наиболее соответствует этим условиям,— чувство *обладания.* При капитализме человек может осваивать предмет, лишь когда является его собственником, поэтому чувство обладания довлеет над всеми физическими и духовными чувствами, выступая как их отчуждение. Человек здесь низведен до уровня нищего чувствами существа.

Ограничиваясь одним отрицанием частной собственности, грубый коммунизм требовал равенства людей лишь в отношении удовлетворения чувства обладания. Он, следовательно, воспринимал порожденное капитализмом отчуждение чувств человека и оставлял последнего бедным не только материально, политически и духовно, но и чувственно. Он не знает чувства любви — и потому вместе с обобществлением частной собственности выставляет требование общности жен. Он не знает чувства прекрасного — и потому отрицает сокровищницу искусства, накопленную

человечеством за тысячелетия. У него нет чувства вкуса — и потому он одевает всех людей в униформу.

Напротив, развитый коммунизм, коммунизм как *положительное* упразднение частной собственности, «означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств...» (18, с. 120). Объективной основой этой эмансипации служит упразднение всех предметных форм отчуждения и превращение объектов чувств в человеческие, т. е. общественные объекты, созданные человеком для человека, непосредственно воплощающие сущностные силы человека. Поскольку различные сущностные силы связаны с различными чувствами человека, то опредмечивание его индивидуальности предстает как самоутверждение человека *всеми своими* чувствами в предметном мире, а не только в мышлении.

Это, в свою очередь, вызывает развитие самих чувств. Благодаря тому, что предметный мир стал всеобщим достоянием, теперь каждый получает возможность осваивать этот мир человеческим образом, т. е. развивая, а частью и впервые открывая для себя богатства своей собственной человеческой чувственности (пробуждая, например, музыкальное чувство). Этому способствует, с другой стороны, разностороннее общение людей друг с другом: наряду с индивидуальными возникают общественные органы (творческие союзы, объединения по интересам и т. п.), через которые индивид становится сопричастным чувствам и наслаждениям других людей, превращает эти чувства и наслаждения в свое собственное достояние.

Сама деятельность в непосредственном общении с другими людьми порождает и развивает великое социальное чувство — *потребность в общении.* Уже совместная борьба за уничтожение частной собственности демонстрирует великолепные образцы утверждения этого чувства. Прежде разрозненные конкуренцией рабочие объединяются в ходе борьбы и начинают испытывать новую для себя потребность — потребность в подлинно человеческом общении.

Маркс показывает это на примере собраний французских рабочих-социалистов. Связующими средствами для них служат не курение, питье, еда и т. д. «Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение; человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство» (18, с. 136).

Итак, новое общество, возникающее в результате положительного упразднения частной собственности, несет с собой упразднение всех форм отчуждения и тем самым разрешение противоречий между опредмечиванием и самоутверждением, между человеком и человеком, между человеком и природой, между индивидом и родом. Благодаря этому преодолевается прежняя разорванность человека и формируется новый, богатый и всесторонний, глубокий во всей его деятельности, во всех его чувствах и восприятиях — словом, *целостный человек*. В результате получают свое подлинное, *практическое* решение те коренные *теоретические* проблемы, над которыми веками бились философы.

Взаимовлияние и синтез философских, экономических и политических взглядов Маркса

На стыке трех областей знания

Большая часть третьей рукописи расчленена Марксом на семь пунктов. Первые четыре были рассмотрены выше (характеристика трех форм коммунизма, проблема целостного человека и другие проблемы социализма). В пятом пункте Маркс касается методологических трудностей, возникающих при осмыслении происхождения природы и со-

циализма как их самопорождения, в шестом подвергает критике гегелевскую диалектику и гегелевскую философию вообще, в седьмом речь идет о потребностях человека и других экономических, философских и политических проблемах капитализма и социализма.

Взятые в совокупности, все эти разделы воссоздают картину разработки центральных проблем *в трех различных областях знаний:* в области *философии, политической экономии и политики.* Маркс совершает стремительные переходы из одной области в другую и смело превращает ряд проблем и категорий в узловые пункты, связывающие эти различные области в принципиально новое по содержанию единое целое. Наиболее отчетливо это можно проследить на примере шестого и седьмого пунктов. Каждый из этих пунктов создавался в *три этапа*, причем за разделом *шестого* пункта, написанным на первом этапе, следует раздел *седьмого* пункта, написанный на том же первом этапе, далее за ним вновь следует раздел *шестого* пункта, написанный уже на втором этапе, и т. д. *

Такого рода «чересполосица» имеет свою логику: это логика генерации новых идей на стыке трех областей знания — философии, политической экономии и политики. Попытаемся в общих чертах проследить эту логику.

Необходимость критики гегелевской философии

Почему в ходе философско-экономического обоснования социализма у Маркса возникла потребность подвергнуть критике гегелевскую философию вообще и гегелевскую диалектику в особенности (как уже отмечалось, этому посвящен шестой пункт третьей рукописи)?

Сам Маркс подчеркивал, что такая критика необходима «в целях разъяснения и обоснования правомерности

* См. примечание 7 в конце книги.

развиваемых здесь мыслей...» (18, с. 152). Какие же мысли требовали такого рода разъяснения и обоснования? Ранее Маркс характеризовал коммунизм как положительное упразднение отчуждения, а социализм — уже как не опосредствованное отчуждением, т. е. обязанное своим существованием самому себе, общество. В связи с этим возникла необходимость коснуться *мировоззренческих вопросов,* связанных с осмыслением такого рода целиком самостоятельных объектов вообще.

В пятом пункте рукописи Маркс показал, что проблема заключается в конфликте между наукой и обыденным сознанием. В повседневной жизни человек сталкивается лишь с конкретными явлениями, каждое из которых имеет вполне определенную причину, существующую вне данного явления и порождающую его. На этой почве легко возникает такой, например, ход рассуждений: я произошел от моих родителей, они — от своих родителей и т. д.; а кто же породил первого человека и природу вообще? Наука наносит сокрушительный удар по такого рода обыденному сознанию, изображая образование земли и самого человека как *естественный процесс самопроизвольного зарождения (самопорождения).* Природа есть то положительное, которое само себя утверждает и потому не нуждается ни в каком ином, внеприродном обосновании.

Развивая эту мысль, Маркс полагает, что научно понимаемый социализм точно так же отвечает и на вопрос о происхождении человека как общественного существа. Социализм считает себя продуктом всей предшествующей истории, которая есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом. Поэтому для социалистического, т. е. положительно самоутверждающего себя, человека невозможен вопрос о каком-то чуждом существе, стоящем над человеком и природой.

Поскольку вопрос о развитии как единстве отрицания и утверждения впервые в общем виде был разработан Гегелем, постольку в данном пункте и возникла у Маркса

потребность привести некоторые соображения относительно гегелевской диалектики вообще и о ее изложении в «Феноменологии духа» и «Логике» в особенности, а также об отношении к Гегелю со стороны новейшей немецкой философии — младогегельянцев и Фейербаха.

Заслуга Гегеля состоит в том, что он *уловил ритм предшествующей истории,* выразив его в абстрактной логической форме — в форме диалектики понятий. Особо важное значение имеет в этой связи открытый Гегелем *закон отрицания отрицания:* тезис, развертывая свое положительное содержание, порождает и свою противоположность — антитезис; борьба между ними приводит к упразднению обеих этих противоположностей, точнее, к снятию их негативных по отношению друг к другу сторон и к объединению их позитивного содержания в неком высшем синтезе.

Но «так как Гегель рассматривал отрицание отрицания с положительной, заключенной в нем, стороны как подлинно и единственно положительное, с отрицательной, заключенной в нем, стороны — как единственно истинный акт и акт самоосуществления всякого бытия, то он нашел лишь *абстрактное, логическое, спекулятивное* выражение для движения такой истории, которая не есть еще *действительная* история человека как уже предположенного * субъекта, а есть только *акт порождения, история возникновения* человека» (18, с. 155).

Иначе говоря, Гегель выразил закон движения человеческой истории лишь *в рамках отчуждения.* Но это закон предыстории человека, а не закон его действительной истории, не закон социализма как самоутверждающего себя общества, которое не опосредствовано отчуждением и в котором общественный человек уже заранее «положен» как реальный субъект.

* Немецкое vorausgesetzte в данном случае правильнее было бы перевести не как «уже предположенного», а как «уже положенного».

Историческую ограниченность гегелевской диалектики не поняли ни Штраус, ни Бауэр, ни другие младогегельянцы. Только «*Фейербах* — единственный мыслитель, у которого мы наблюдаем *серьезное, критическое* отношение к гегелевской диалектике; только он сделал подлинные открытия в этой области и вообще по-настоящему преодолел старую философию» (18, с. 154).

Такая оценка Марксом Фейербаха представляется на первый взгляд парадоксальной, поскольку в действительности последний не понял революционного содержания гегелевской диалектики. И все же эта оценка — необходимое следствие присущего Марксу в тот момент понимания *логики* исторического процесса и того, *как* эта логика выразилась в гегелевской диалектике.

Фейербах первый обратил внимание на то, что в действительности закон отрицания отрицания *ограничен* у Гегеля сферой мышления, строго говоря, сферой философии. Исходным тезисом у него оказывается отчуждение: религия и теология; философия как антитезис снимает отчуждение, но только для того, чтобы в синтезе самой подвергнуться отрицанию и тем самым окончательно утвердить теологию вопреки самой себе. Отрицание отрицания, следовательно, оказывается ограниченным рамками отчуждения. Маркс позитивно воспринимает это открытие Фейербаха, но поскольку он распространяет отчуждение на *все сферы* жизнедеятельности человека в условиях частной собственности, и прежде всего *на труд*, то закон отрицания отрицания (в гегелевской его трактовке) оказывается, по Марксу, ограниченным рамками предшествующей истории как истории различных форм отчуждения. Открытие Фейербаха помогло Марксу глубже уяснить как ограниченность гегелевской диалектики, так и специфическую диалектику истории отчужденных форм жизни.

Далее, Фейербах подметил, что в самом акте отрицания отрицания у Гегеля *доминирует отрицательный момент,* а положительное выступает как еще неуверенное в самом себе, как заключающее в себе свою противоположность, как не доказывающее само себя своим бытием и поэтому нуждающееся в доказательстве. Это открытие Фейербаха также оказывается весьма плодотворным, трансформируясь у Маркса в тезис, что коммунизм как процесс упразднения отчуждения опосредствован этим отчуждением, т. е. возникает не на своей собственной основе.

Фейербах не только указал на недостатки гегелевской трактовки закона отрицания отрицания, но и дал позитивное решение одной из центральных проблем — *реального исходного пункта* философии и самой жизни. Он выдвинул тезис, что таким исходным пунктом является не отрицание, а нечто положительное, имеющее основу в самом себе и потому не нуждающееся ни в каком доказательстве. Это положительное есть прежде всего *природа.* Высоко оценив это открытие в его собственно философском содержании, Маркс вышел за рамки этого содержания, увидев здесь философскую основу своего общественного идеала: вырастая в результате революционного преобразования общества, *социализм* как раз и представляет собой такое основывающееся на самом себе положительное утверждение, которое является исходным пунктом всего последующего гармонического развития человечества.

Наконец, «положительная критика вообще, а следовательно и немецкая положительная критика политической экономии, своим подлинным обоснованием обязана открытиям *Фейербаха*... Только от *Фейербаха* ведет свое начало *положительная* гуманистическая и натуралистическая критика. Чем меньше шума он поднимает, тем вернее, глубже, шире и прочнее влияние *его* сочинений...» (18, с. 44). Маркс имеет в виду прежде всего то, что Фейербах неизмеримо возвышается над односторонним подходом,

свойственным буржуазной политической экономии: Рикардо и его школа сознательно игнорируют рабочего как человека со всем многообразием его способностей и потребностей и цинично делают своим предметом лишь труд рабочего ради заработка, а Фейербах утверждает человека как целостное существо и выдвигает в центр внимания подлинно человеческие отношения между *Я* и *Ты*.

Пройдет немного времени, и Маркс глубже осознает ограниченность фейербаховского гуманизма и антропологизма. Ему станет ясна чрезмерность «культа Фейербаха», проступающего в его (и Энгельса) произведениях 1843—1845 гг. И все же велики были заслуги Фейербаха, философски подготовившего материалистическую и коммунистическую критику Марксом теоретико-методологических основ буржуазной политической экономии.

Логика как «деньги духа» и власть денег как таковых

Отсюда вовсе не следует, будто Маркс отрицает позитивное значение гегелевской диалектики. От него не ускользнуло, что «Феноменология духа» — этот истинный исток и тайна философии Гегеля,— равно как и «Энциклопедия философских наук» в целом, представляет собой развернутую сущность философского духа, его самоопредмечивание. Философский же дух есть лишь отчужденный дух мира, мысленно постигающий себя внутри своего самоотчуждения и резюмированный в логике, которая, следовательно, представляет собой *квинтэссенцию* отчужденного духа мира. Поэтому у Маркса логика ассоциируется с деньгами как квинтэссенцией мирского отчуждения: «*Логика — деньги* духа, спекулятивная, *мысленная стоимость* человека и природы, их ставшая совершенно равнодушной ко всякой действительной определенности и потому недействительная сущность — *отчужденное*, а поэтому аб-

страгирующее от природы и от действительного человека *мышление: абстрактное* мышление» (18, с. 156).

Параллель логики и денег оказалась столь содержательной, что под ее влиянием Маркс прерывает осуществление намеченного плана критики Гегеля и обращается к экономико-философским и политическим проблемам и прежде всего непосредственно к вопросу об отчужденной *власти денег.* Чем больше производит человек продуктов отчужденного труда, тем беднее становится он как человек и тем в большей мере нуждается в деньгах, чтобы овладеть произведенной им враждебной сущностью. «*Количество* денег становится все в большей и большей мере их единственным *могущественным* свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к *количественной* сущности. *Безмерность* и *неумеренность* становятся их истинной мерой» (18, с. 128—129).

Вновь проблема потребностей человека

Проблема денег и их власти над человеком, над его способностями и потребностями возвращает Маркса к уже рассмотренной выше (в четвертом пункте) проблематике. Но если там речь шла о богатстве потребностей целостного человека при социализме, то теперь — об извращении потребностей отчужденного человека при господстве частной собственности. В этих условиях каждый человек старается пробудить в другом какую-либо новую потребность, чтобы поставить его в новую зависимость и толкнуть к разорению, а самому обрести новую власть и богатство. Расширение круга потребностей здесь становится источником нечеловечных, неестественных и надуманных вожделений. Частная собственность не умеет превращать грубую потребность в потребность человеческую, пишет Маркс. Но зато она с возрастающим успехом превращает чело-

веческие потребности либо в примитивно-грубые, животные, либо в утонченно-извращенные прихоти: «...промышленный евнух приспосабливается к извращеннейшим фантазиям потребителя, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нем нездоровые вожделения, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту любезность» (18, с. 129).

В набрасываемой Марксом яркой картине того, как хитроумный евнух промышленности выманивает золотую птицу из кармана своего «христиански возлюбленного ближнего», явственно сказывается знакомство с условиями парижской жизни, где это искусство уже тогда достигло высокой степени. Германия в этом отношении была отсталой провинцией и не могла предоставить Марксу такой красочный материал. С удивительной точностью удалось Марксу за короткое время пребывания в Париже схватить наиболее характерные и перспективные тенденции в отношении капиталистического предпринимателя к потребителю, которые достигли своего апогея сейчас, век с четвертью спустя. Производство все новых и новых извращенных потребностей и вожделений и получение максимально высоких прибылей на их удовлетворении — одна из особенностей современного капитализма.

За внешним блеском парижской жизни Маркс сумел рассмотреть и *другую сторону отчуждения* — скотское одичание, полнейшее упрощение потребностей, когда человека лишают света, воздуха и элементарной чистоплотности, когда он вынужден селиться в трущобах, которые отличаются от первобытных пещер лишь тем, что отравлены чумным дыханием цивилизации, да еще должны быть оплачены.

«И подобно тому как промышленность спекулирует на утонченности потребностей, она в такой же мере спекулирует и на их *грубости*, притом на искусственно вызванной грубости их. Поэтому истинным наслаждением для этой грубости является *самоодурманивание*, это *ка-*

жущееся удовлетворение потребности, эта цивилизация *среди* грубого варварства потребностей. Вот почему английские кабаки являются *наглядными* символами частной собственности. Их *роскошь* показывает истинное отношение промышленной роскоши и богатства к человеку» (18, с. 134). Рабом в мире частной собственности чувствует себя человек, как лишенный самого необходимого, так и задавленный ненужными предметами.

Углубление критики гегелевской концепции отчуждения

Теперь, после выявления *фактического* отношения богатства к человеку, перед Марксом отчетливо предстала коренная слабость идеалистической трактовки Гегелем богатства и других жизненно важных для каждого человека проявлений отчуждения. «Когда, например, он (Гегель.— *Н. Л.*) рассматривает богатство, государственную власть и т. д. как сущности, отчужденные от *человеческой* сущности, то он берет их только в их мысленной форме. Они — мысленные сущности и поэтому только отчуждение *чистого,* т. е. абстрактного философского мышления» (18, с. 156).

Выведенная из анализа конкретной действительности, эта критика в адрес Гегеля направлена против превращения отчуждения как коренной жизненной проблемы в проблему чисто спекулятивного рода. Зафиксированные в абстрактных понятиях логики отдельные моменты проблемы Гегель представил как самую суть дела. Поэтому конкретные жизненные противоположности, порождаемые отчуждением, оказались лишь видимостью, оболочкой чисто логических противоположностей между бытием-в-себе и бытием-для-себя, сознанием и самосознанием, субъектом и объектом и т. п. Современные буржуазные теоретики приписывают подобный ход мысли самому молодому Марксу, заявляя, будто для него суть проблемы

отчуждения не в том, что человеческая сущность опредмечивается *бесчеловечным* образом, а в том, что она вообще вынуждена опредмечиваться *в отличие* от мышления и в противоположность ему. Но Маркс за это критиковал Гегеля, а сам придерживался противоположной точки зрения.

Уяснение спекулятивной природы гегелевской трактовки отчуждения позволяет Марксу глубже понять корни некритического позитивизма всей философии Гегеля. Впервые эта проблема выступила перед Марксом еще во время работы над докторской диссертацией как вопрос о природе приспособленчества Гегеля к позиции властей. И уже тогда Маркс высказал догадку, что в основе этого приспособленчества лежат не индивидуальные качества философа, а «недостаточность принципа» его философии. В «Рукописи 1843 года» Маркс на основе анализа гегелевской философии права уже более конкретно представил это как недостаточность *спекулятивного принципа*. Теперь, в 1844 г., специально законспектировав последнюю главу «Феноменологии духа», Маркс вновь конкретизирует свой взгляд: во-первых, исток некритического позитивизма и столь же некритического идеализма позднейших гегелевских произведений («Философии права» и др.) он усматривает уже в «Феноменологии духа», т. е. в самом раннем и самом революционном из основных трудов Гегеля; во-вторых, теоретической основой этого некритического позитивизма Маркс считает уже не спекулятивный принцип вообще, а ту специфическую форму, которую принял этот принцип именно у Гегеля, т. е. *спекулятивную трактовку отчуждения*. Именно потому, что Гегель спекулятивным образом фиксировал самое существенное и самое революционное в предшествующей истории — отчуждение, именно поэтому его философия, несмотря на заложенные в ней и поднимающиеся над ее уровнем элементы критики, оказывается некритичной в самом существенном, самом коренном пункте; «различные выступающие в «Феномено-

логии» формы отчуждения являются только разными формами сознания и самосознания. Подобно тому как абстрактное сознание... есть *в себе* только один из моментов самосознания, полагающего свои собственные различия, так и в качестве результата всего этого движения получается тождество самосознания с сознанием...» (18, с. 158) *.

Теоретические загадки решаются революционной практикой

От критики Гегеля Маркс затем опять переходит к конкретным экономическим и политическим проблемам. И это вполне естественно: показав земную природу отчуждения, а затем выяснив, что в спекулятивной трактовке оно сводится к тождеству самосознания с сознанием, Маркс теперь должен был раскрыть земную природу самого этого тождества. Осуществляя очередной переход от абстрактных высот философии к реальной жизни, Маркс в полной мере осознает огромный методологический смысл такого рода перехода: «...разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредствуется практически... истинная практика является условием действительной и положительной теории...» (18, с. 135).

Подобно тому как философы бьются над проблемой тождества самосознания с сознанием, так и буржуазные экономисты тщетно пытаются установить «единство труда и капитала». Но, несмотря на применяемую ими изощренную теоретическую аргументацию («капитал есть накопленный труд» и т. д.), в конце концов все же оказывается, что в действительности имеет место не единство, а противоположность труда и капитала. Устранение этой противоположности — дело прежде всего не теории, а

* Анализ различных форм «являющегося духа» дан Н. В. Мотрошиловой (см. 93).

практики, причем революционной практики. Задача положительной теории состоит в том, чтобы понять необходимость такой практики.

Точно так же обстоит дело и с политической проблемой равенства. «*Равенство* есть не что иное, как немецкая формула «я=я», переведенная на французский язык, т. е. на язык политики. Равенство как *основа* коммунизма есть его *политическое* обоснование. Это то же самое, что имеет место, когда немец обосновывает для себя коммунизм тем, что он мыслит человека как *всеобщее самосознание»* (18, с. 135) *. Вот почему как философская проблема тождества самосознания с всеобщим сознанием может быть решена лишь путем выхода за теоретические рамки и практического преобразования одностороннего человека в человека целостного, так и политическая проблема равенства может быть решена лишь путем выхода за политические рамки и революционного преобразования частной собственности в собственность общественную.

Все эти и им подобные теоретические, политические и экономические проблемы порождены практическим отчуждением человеческой жизни, и действительное их преодоление состоит в практическом же преодолении отчуждения, в осуществлении коммунизма на деле. «Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие. История принесет с собой это коммунистическое действие, и то движение, которое мы *в мыслях* уже познали как само себя снимающее, будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс» (18, с. 136).

Таким образом, разрабатывая вопрос о путях преодоления и подлинного снятия отчуждения, молодой Маркс

* Эти положения Маркс почти дословно воспроизвел в «Святом семействе» (см. 2, с. 42—43).

непосредственно противопоставляет некритическому позитивизму Гегеля революционную практику коммунистического преобразования общества. При этом он связывает воедино философскую, экономическую и политическую науки и, преобразовывая каждую из них, формирует элементы мировоззрения принципиально нового типа.

Методологическая слабость Прудона и величие Гегеля

На этой основе Маркс вырабатывает новые, более высокие и точные критерии оценки действительного места различных мыслителей в новейшей истории общественных наук. Применяя эти новые критерии, он вносит изменения в оценку Прудона и Гегеля.

Возвращаясь к вопросу о власти денег и отчужденном характере потребностей человека при капитализме, Маркс вновь касается роли «хитроумного евнуха промышленности», но на этот раз не столько с моральной, сколько с собственно экономической точки зрения. Этот «евнух» оказывается деловитым, трезвым, экономически мыслящим, прозаически настроенным, просвещенным насчет сущности богатства промышленником. Создавая для жаждущего наслаждений расточителя новые, более широкие возможности и всячески льстя ему своими продуктами, промышленник при этом *присваивает* единственно полезным образом ту силу, которая ускользает от расточителя, и потому постепенно вытесняет последнего. Необходимым следствием этого оказывается понижение денежного процента.

«Поэтому уменьшение денежного процента,— рассматриваемое Прудоном как упразднение капитала и как тенденция к его социализации,— является непосредственно, наоборот, только симптомом полной победы работающего капитала над расточительным богатством, т. е. симптомом превращения всякой частной собственности в промышленный капитал... Оно является симптомом его

завершающегося господства, симптомом завершающегося и потому устремляющегося к своему уничтожению отчуждения. Это вообще — единственный способ, каким существующее утверждает свою противоположность» (18, с. 138—139).

Прудон, следовательно, не понял объективной диалектики процесса движения частной собственности в форме капитала. На фоне проявившейся здесь философской и методологической убогости Прудона Марксу с новой стороны открылось значение Гегеля как диалектика. Вот почему он в который уже раз вновь переходит от экономических проблем к философским.

«Величие гегелевской *«Феноменологии»* и ее конечного результата — диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа — заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*» (18, с. 158—159).

Итак, полемизируя с Прудоном, молодой Маркс привлек в союзники Гегеля. Причем не отдельный тезис его философии, а всю «Феноменологию духа» в ее *позитивном* методологическом аспекте: как определенное выражение истории отчужденного человека. Данный подход потребовал от Маркса весьма четко разграничить величие гегелевской диалектики от ее односторонности и ограниченности.

Гегель и буржуазные экономисты

Исходным пунктом этого разграничения для Маркса теперь служит понимание Гегелем роли *труда* в истории человека. При этом Маркс непосредственно сопоставляет

Гегеля с новейшими буржуазными экономистами и приходит к выводу, что первый разделяет как сильные, так и слабые стороны позиции последних. «Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии. Он рассматривает *труд* как *сущность*, как подтверждающую себя сущность человека; он видит только положительную сторону труда, но не отрицательную. Труд есть *для-себя-становление человека* в рамках *отчуждения*, или в качестве *отчужденного* человека» (18, с. 159).

Маркс имел здесь в виду собственно теоретическую сторону дела и, по-видимому, не знал, что отмеченная им общность имеет вполне эмпирическое происхождение: непосредственно перед созданием «Феноменологии духа» Гегель основательно проштудировал теории английской политической экономии и даже предпринял попытку философски осмыслить результаты промышленной революции в Англии. Выделение положительной и отрицательной сторон труда следует понимать не в обыденном (хорошо и плохо), а в философском значении этих терминов. Положительная сторона труда состоит в том, что именно в нем и благодаря ему человек обретает и развертывает свою человеческую сущность, *утверждает эту сущность* как реальность. Отрицательная же сторона труда связана с его специфической, отчужденной формой: посредством отчужденного труда человек утверждает свою сущность бесчеловечным образом, т. е. фактически отрицает свою сущность; но это исторически неизбежное отрицание, в свою очередь, чревато новым отрицанием — *отрицанием самого отчуждения* как такового *.

Как и новейшие буржуазные экономисты (начиная со Смита), Гегель увидел в труде опредмеченную сущность человека и философски осмыслил этот кардинальный факт. С другой стороны, и экономисты и Гегель не могли

* Эту мысль Маркс конкретизировал в «Святом семействе» (см. 2, с. 38—39).

не видеть, что в условиях частной собственности труд изнуряет и калечит трудящегося как человека. Но при этом и экономисты и Гегель отождествили эту отчужденную форму труда с трудом вообще, не признавали возможности труда вне частной собственности. Поэтому они не видели отрицательную сторону труда как решающего фактора отрицания существующей его общественной формы — частной собственности и прочих форм отчуждения.

Снятие отчуждения у Гегеля

Однако, в отличие от экономистов, Гегель чутьем диалектика уловил *в своеобразной форме* историческую перспективу упразднения отчуждения: в абсолютном знании как итоге движения абсолютной идеи все отчужденные формы ее движения оказываются преодоленными, снятыми. Сильным и слабым сторонам процесса снятия у Гегеля Маркс уделяет особое внимание, анализируя его на материале не только «Феноменологии духа», но и всех трех частей «Энциклопедии философских наук».

В «Феноменологии» Гегель характеризует снятие как предметное движение, которое вбирает в себя обратно отчуждение. Это есть, отмечает Маркс, «выраженная в рамках отчуждения идея о *присвоении* предметной сущности путем снятия ее отчуждения...» (18, с. 168—169). Иначе говоря, путем уничтожения отчужденной формы предметного мира человек впервые действительно присваивает свою предметную сущность, т. е. впервые достигает своего действительного опредмечивания.

Это рационально понятое Марксом содержание гегелевского тезиса очень близко тем идеям, к которым он самостоятельно пришел в результате критического анализа политической экономии. Высоко оценивая данный тезис, Маркс прямо распространяет его содержание на атеизм и коммунизм: атеизм есть снятие религии, а коммунизм — снятие частной собственности; вместе с тем

атеизм и коммунизм — это не утрата сущностных сил человека, принявших отчужденную предметную форму, не возврат к первобытной нищете, а впервые осуществляющееся действительное становление сущности человека как подлинно человеческой, общественной сущности,— это, следовательно, действительное становление теоретического и практического гуманизма.

Самоотчуждение человека, отчуждение его сущности, его распредмечивание и утрату реального существования Гегель рассматривает вместе с тем и как обретение человеком самого себя, как проявление его сущности, как его опредмечивание и реализацию. «Короче говоря, он рассматривает — в рамках абстракции — труд как акт *самопорождения* человека, отношение к себе как к чужой сущности и осуществление себя как чужого существа — как становящееся *родовое сознание* и становящуюся *родовую жизнь*» (18, с. 169).

Однако у Гегеля этот акт носит только формальный характер. Ведь человека Гегель рассматривает лишь со стороны его мышления, а его сущность признает как абстрактную мыслящую сущность, как самосознание. Отчуждение человека выступает, следовательно, как все то, что не есть самосознание, т. е. как весь внешний, предметный мир. Но сам этот мир есть лишь инобытие абсолютной идеи. Поэтому отношение самосознания к своему отчужденному миру сводится к тому, чтобы познать в этом мире (как его сущность) отблеск абсолютной идеи, т. е. в конечном счете познать самого себя, ибо само оно есть лишь более высокая форма бытия этой же идеи. Постигая, что предметный мир не есть нечто самостоятельное, самосознание тем самым снимает его отчужденную форму, сохраняя его сущность как свою собственную, присваивая ее.

Маркс подчеркивает, что отчуждением у Гегеля оказывается всякая предметность и потому упразднение отчужденной предметной сущности человека означает для него

упразднение *самой предметности.* А это возможно только в абстракции и демонстрирует исключительно формальный характер гегелевского снятия отчуждения. Далее Маркс отмечает, что и само отчуждение относится лишь к *форме,* поскольку содержание предметного мира постигается как тождественное самосознанию; это означает также, что самосознание, снимая свое отчуждение, лишь возвращается к самому себе, а следовательно, и в своем инобытии оно все же находится *у себя!* В результате снятие отчуждения становится... утверждением отчуждения.

«Поэтому,— заключает Маркс,— у Гегеля отрицание отрицания не есть утверждение истинной сущности посредством отрицания мнимой сущности, а представляет собой утверждение мнимой или отчужденной от себя сущности в ее отрицании, или отрицание этой мнимой сущности как предметной, находящейся вне человека и независящей от него сущности и превращение ее в субъект» (18, с. 167).

С другой стороны, поскольку весь процесс отчуждения и его снятия совершается лишь в сфере мышления, чувственная, конкретная деятельность самоопредмечивания и самопорождения человека приобретает формальный характер и в том смысле, что она сводится к движению *форм мышления,* форм абстракции, логических категорий. Переходя от «Феноменологии» к «Энциклопедии», Маркс рассматривает под углом зрения отчуждения всю систему гегелевских понятий в целом, проведенную через логику, философию природы и философию духа.

Заслуга Гегеля состоит в том, что неподвижные в прежней философии формы мышления (понятия, суждения, умозаключения и т. д.) он поставил в связь друг с другом во всех сферах их проявления (логика, внешний мир, духовная жизнь), изобразив эту связь как самодвижение, правда в рамках чистой абстракции. Но он привел свою систему на грань самоотрицания, рассматривая самодвижение абстракций как квинтэссенцию всеобщего

отчуждения человеческой сущности, которое, как это следует из его концепции, само должно быть подвергнуто отрицанию.

Поэтому свое дальнейшее движение абстракции совершают у Гегеля *в сфере природы*. Этот процесс предстает отчужденным в двух отношениях. С одной стороны, природа рассматривается как нечто совершенно внешнее, чуждое человеку (это природа, взятая абстрактно, отдельно от человека; человек ничего не знает о ней, и потому она для него есть ничто). С другой стороны, именно поэтому в движении абстракций в сфере природы человек познает движение абстракций собственного духа.

Природа сама по себе предстает как бессмысленная или имеющая только «смысл внешности», которая должна быть снята. Снятие ее есть возвращение абсолютной идеи в свою собственную сферу — сферу *духа*.

В сфере духа движение абстракций достигает вершины абстрактности, т. е. оторванности от мира, и потому — собственной пустоты и ничтожности именно как абстракций; кульминационным пунктом этого движения оказывается абсолютный дух, где абсолютная отрицательность приводит Гегеля к восстановлению первоначальных застывших духов в их наиболее грубой, религиозной форме (в форме утверждения истинности божественного откровения), и, наконец,— *к остановке на последнем акте*: абсолютный дух абсолютно постиг самого себя и потому успокоился; всякое движение, следовательно, прекращается. Так собственная логика развития идеалистической системы Гегеля приводит последнюю к самоотрицанию, к необходимости материалистического переворачивания ее. Механизм этого переворачивания Маркс выяснил еще в «Рукописи 1843 года» и потому теперь не фиксирует его специально. В центре внимания его теперь другая проблема — *проблема самодвижения и его источника в самой действительности, и прежде всего в действительности социальной.*

Открытие Марксом сущности разделения труда

В общем виде Маркс уже в 1843 г. установил, что искать этот источник надо в гражданском обществе, точнее, в жизни индивидов в сфере гражданского общества. Анализ политической экономии в рукописях 1844 г. привел Маркса к выводу, что центральным, подлинно движущим пунктом предшествующей истории было самоотчуждение человека в самом акте труда. Прослеживая, как человек дошел до такого самоотчуждения, Маркс открыл существование ряда сменявших друг друга *эмпирически реальных* форм, в которых этот процесс объективировался: меновая торговля, деньги, земельная рента, капитал, заработная плата, проценты на капитал и др. Но чем более углубляется Маркс в понимание механизма действия этих объективных форм, тем все труднее становится ему сохранять *конкретную* их связь с таким предельно общим понятием, как отчуждение.

Поэтому к концу «Экономическо-философских рукописей» мысль Маркса обращается к поискам столь же эмпирически осязаемого, как и сами формы, источника их развития. Он пытается подойти к проблеме с такой стороны: общество, точнее, буржуазное общество состоит из индивидов; в характеристике этих индивидов поразительно единодушны и Гегель, и политики, и экономисты, представляя индивида как некоторый замкнутый комплекс потребностей; но выражением *общественного* характера взаимодействия этих индивидов в условиях отчуждения служит *разделение труда*.

Факт разделения труда и его огромной роли в повышении производительности труда был выявлен и подробно проанализирован до Маркса, прежде всего Смитом. Первая глава книги Смита, подробно законспектированная Марксом, называлась «О разделении труда» и начиналась словами: «Величайший прогресс в развитии производи-

тельной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда» (105, с. 21). Подобными высказываниями заполнены работы многих буржуазных экономистов.

Естественно, что проблематика разделения труда попала в поле зрения Маркса с самого начала его экономических занятий. Но это были, скорее, отдельные аспекты проблемы: разделение труда и обмен — что чему предшествует («забавный круг доказательств» у Смита); разделение труда и накопление капитала; разделение труда и сведение деятельности рабочего до односторонней, машинообразной работы и т. п. Характерно, что в фрагменте об отчужденном труде Маркс упоминает разделение труда в числе понятий, воспринимаемых из буржуазной политической экономии как предпосылки для критического ее анализа. Однако в самой концепции отчужденного труда, сформулированной в данном фрагменте, понятию разделения труда не нашлось места.

Лишь на втором этапе экономических занятий, при конспектировании и осмыслении раздела «Об обмене» книги Милля, Маркс обнаруживает: «Подобно тому как взаимный обмен продуктами *человеческой деятельности* выступает как *меновая торговля*, как *торгашество,* так взаимное дополнение и взаимный обмен самой деятельностью выступают как *разделение труда,* которое делает из человека в высшей степени абстрактное существо, токарный станок и т. д., превращает его в духовного и физического урода» (18, с. 28).

Здесь уже возникает мысль, что разделение труда есть форма взаимного *обмена самой деятельностью* между людьми. Но эта догадка еще связана лишь с одним из следствий разделения труда — с его влиянием на превращение человека в «абстрактное существо». Точно так же, как потребовалось немало усилий, чтобы добраться от понятия

абстрактного труда до понятия отчужденного труда, так пришлось проделать немалую работу, чтобы от идеи о разделении труда как выражения обмена деятельностью прийти к выводу: «*Разделение труда* есть экономическое выражение *общественного характера труда* в рамках отчуждения. Иначе говоря, так как *труд* есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения, проявление жизни как ее отчуждение, то и *разделение труда* есть не что иное, как *отчужденное*, полагание человеческой деятельности в качестве *реальной родовой деятельности*, или в качестве *деятельности человека как родового существа*» (18, с. 140).

Итак, в самом конце работы над третьей тетрадью «Экономическо-философских рукописей» Маркс *открывает сущность разделения труда* не просто как одного из главных двигателей производства и роста богатства, а именно как отчужденной формы обмена между людьми своей трудовой деятельностью, отчуждения самого общественного характера труда в условиях частной собственности.

Теперь Маркс понимает, что относительно сущности разделения труда буржуазные «политэкономы высказываются очень неясно и противоречиво» (18, с. 140). Следуя обычной своей методологии освоения и переосмысления имеющейся научной информации, он сначала собирает в одном месте характеристики разделения труда, имеющиеся у Смита, Сэя, Скарбека, Милля, затем лаконично резюмирует существо их рассуждений и, наконец, дает свой анализ проблемы, раскрывает сущность разделения труда как формы частной собственности и намечает план критики буржуазных экономических учений о разделении труда. Вот этот заключительный фазис Марксова исследования:

«Рассмотрение *разделения труда* и *обмена* представляет величайший интерес, потому что это — *наглядно отчужденные* выражения человеческой *деятельности*, как

родовой деятельности, и человеческой *сущностной силы*, как *родовой* сущностной силы.

Сказать, что *разделение труда* и *обмен* покоятся на *частной собственности*, равносильно утверждению, что *труд* является сущностью частной собственности,— утверждению, которое политэконом не может доказать и которое мы намерены доказать за него. Именно то обстоятельство, что *разделение труда* и *обмен* суть формы частной собственности, как раз и служит доказательством как того, что *человеческая* жизнь нуждалась для своего осуществления в *частной собственности*, так, с другой стороны, и того, что теперь она нуждается в упразднении частной собственности...

Нам надлежит рассмотреть следующие моменты:

Во-первых, *склонность к обмену*, основу которой политэкономы (например, А. Смит.— *Н. Л.*) находят в эгоизме, рассматривается как причина или взаимодействующий фактор разделения труда. Сэй считает обмен чем-то не *основным* для сущности общества. Богатство, производство объясняются разделением труда и обменом. Признается, что разделение труда вызывает обеднение и деградацию индивидуальной деятельности. Обмен и разделение труда признаются причинами великого *разнообразия человеческих дарований*, разнообразия, которое становится *полезным* опять-таки благодаря обмену. Скарбек делит производственные или производительные сущностные силы человека на две части: 1) на индивидуальные, от природы присущие человеку силы — его разум и специальная склонность или способность к определенному труду, и 2) на *проистекающие* из общества, а не из реального индивида, силы — разделение труда и обмен.— Далее: разделение труда ограничено *рынком*.— Человеческий труд есть простое *механическое движение;* самое главное выполняют материальные свойства предметов.— Каждому отдельному индивиду следует поручать возможно меньше операций.— Раздробление труда и концентрация капитала, неэффек-

тивность индивидуального производства и массовое производство богатства.— Значение свободной частной собственности для разделения труда» (18, с. 144—145).

Здесь, по сути дела, заканчивается третья тетрадь «Экономическо-философских рукописей». Процесс взаимовлияния и синтеза философских, экономических и политических взглядов Маркса уже достиг такой точки, от которой недалеко было до открытия фундаментального положения материалистического понимания истории — положения *о развитии производительных сил* (орудий труда и способностей человека к труду) *как подлинном источнике движения истории,* самодвижения ее.

«Предисловие»: самооценка и замыслы

Своеобразным завершением рукописей 1844 г. является сделанный Марксом набросок «Предисловия» к работе, которую он предполагал опубликовать на основе «Экономическо-философских рукописей». Написание текста этого сравнительно небольшого «Предисловия» потребовало затраты колоссальных творческих усилий: как нигде, здесь много зачеркиваний, исправлений. Видимо, сказалась сложность задачи, которую Маркс поставил перед собой при подготовке «Предисловия»: дать публичную самооценку проведенной работы, соотнеся ее с обещанием, высказанным во «Введении...» из «Немецко-французского ежегодника», и охарактеризовать возникшне новые замыслы.

У Маркса нмелись основання быть удовлетворенным результатами своих экономических занятий, обобщение этих результатов он намерен был предложить читателю в виде сочинения, посвященного критике политической экономии. Менее чем через полгода, 1 февраля 1845 г., Маркс заключил с книгоиздателем Леске договор на

выпуск книги «Критика политики и политической экономии» в двух томах, объемом свыше 20 печатных листов каждый (см. 11, с. 397—400).

Вместе с тем опыт разработки такого специального предмета, как политическая экономия, показал, что нецелесообразно совмещать критику такого рода предметов с критикой, направленной только против спекулятивного мышления. Поэтому Маркс отказывается от прежнего намерения дать критику науки о праве и государстве в виде критики гегелевской философии права и обещает: «...критику права, морали, политики и т. д. я дам в ряде отдельных, следующих друг за другом самостоятельных брошюр, а в заключение попытаюсь осветить в особой работе внутреннюю связь целого, взаимоотношение отдельных частей и, наконец, подвергну критике спекулятивную обработку всего этого материала» (18, с. 43).

Ни одна из намеченных брошюр не была подготовлена. Сохранился набросок плана работы о современном государстве, написанный, вероятно, в ноябре 1844 г. и во многом воспроизводящий пункты предметных указателей, составленных Марксом еще летом 1843 г. к Крейцнахским тетрадям. Однако в пункте 9" он сделал существенное дополнение: «...борьба за *уничтожение* [Aufhebung] государства и гражданского общества» (18, с. 227). Этим Маркс подтверждал свои намерения, связанные с публикацией «Рукописи 1843 года» и с написанием истории Конвента и французской революции вообще. Возможно, затем он предполагал подготовить эту работу в качестве одного из томов упомянутой «Критики политики и политической экономии».

Относительно же замысла заключительной «особой работы», раскрывающей внутреннюю связь целого и содержащей критику спекулятивной обработки всего материала, можно сказать, что подобный замысел косвенным образом был реализован Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии», где как раз и была сформулирована

целостная концепция материалистического понимания истории, а также дана развернутая критика спекулятивной немецкой философии.

В конце «Предисловия» Маркс высказал намерение подвергнуть критике «теологическую критику», демонстрирующую отрицательный распад гегелевской философии. Это последнее намерение было реализовано первым — в книге «Святое семейство, или критика критической критики», написанной Марксом совместно с Энгельсом осенью 1844 г.

Для последующих этапов формирования и развития взглядов Маркса, которые мы по необходимости кратко охарактеризуем в Заключении к книге, чрезвычайно важное значение имел первый опыт проверки его новых воззрений практикой революционного выступления немецких рабочих в середине 1844 г.

Первая проверка новых воззрений революционной практикой

Основу экономическо-философских занятий Маркса составляла идея пролетарского коммунизма как упразднения всякого отчуждения. Но эта идея не была плодом одних лишь теоретических занятий, а представляла вместе с тем и определенный итог *практически-политической* деятельности Маркса, его личных наблюдений и впечатлений, почерпнутых из общения с революционными рабочими, из анализа революционных процессов. И хотя объем полученных таким путем данных был, по-видимому, еще невелик, их влияние на теоретические позиции Маркса оказалось весьма существенным.

Маркс как социальный психолог

Известно, что во время работы над «Экономическо-философскими рукописями» Маркс часто встречался с революционными рабочими * — немецкими и французскими — и имел контакты с их теоретиками и вождями (см. 4, с. 451). При этом он не только действовал как политик, пропагандируя свои взгляды, но и *наблюдал* за поведением рабочих как исследователь, пытаясь понять социальное значение тех новых форм общностей, которые создаются в ходе политической борьбы пролетариата. Вот как, например, отразились результаты этих наблюдений в рукописях: «Когда между собой объединяются коммунистические *ремесленники*, то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т. д. Но в то же время у них возникает благодаря этому новая потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство, становится целью. К каким блестящим результатам приводит это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания французских социалистических рабочих» (18, с. 136).

Глубинный смысл этих наблюдений заключается не просто в том, что Маркс с явной симпатией относится к повседневности пролетариев, а в том, что, порвав с буржуазной повседневностью, он ощущает себя непосредственным *участником* рождения новой повседневности — повседневности передовых слоев европейских рабочих, которая несет в себе зародыш человеческих отношений грядущего коммунистического общества.

---

* Руге, например, писал Флейшеру 9 июля 1844 г.: «Маркс погрузился в здешний немецкий коммунизм — конечно, только в смысле непосредственного общения с представителями его, ибо немыслимо, чтобы он приписывал политическое значение этому жалкому движению» (154, с. 359). Марксова проницательность представлялась Руге чем-то «немыслимым».

Маркс пропагандирует эти новые отношения, складывающиеся уже теперь, в ходе объединения рабочих для борьбы против капитализма. Он стремится приобщить к повседневности революционных рабочих великого гуманиста Л. Фейербаха. В августе 1844 г. Маркс писал ему: «Вам бы следовало присутствовать на одном из собраний французских рабочих, чтобы убедиться в девственной свежести и благородстве этих изнуренных трудом людей» (11, с. 381).

С помощью наблюдения Маркс получает эмпирическое подтверждение своего теоретического положения, что именно пролетариат явится творцом нового типа отношений между людьми, причем в ходе борьбы за низвержение старого мира он преобразует и самого себя.

В «Экономическо-философских рукописях» нашли отражение и другие наблюдения Маркса, в особенности относящиеся к реальному положению рабочих, условиям их жизни. Он пытался проникнуть во внутренний мир пролетариев, понять их переживания. Его интересовала психология трудовой деятельности рабочего, мотивы труда, самочувствие в процессе труда и эмоциональное отношение рабочего к произведенному им продукту. Такого рода информацию Маркс получал из бесед с рабочими, переплавляя ее затем в теоретическую концепцию — концепцию отчужденного труда, его социальной сущности и роли в истории. В «Экономическо-философских рукописях» эта концепция нередко выглядит как продукт лишь теоретических размышлений. Но в действительности она опиралась и на непосредственный контакт исследователя с трудящимися. Иногда эта связь проступает довольно явственно, например, там, где он характеризует сущность самоотчуждения рабочего в процессе труда (см. 18, с. 90). Здесь Маркс на основе впечатлений, полученных им из бесед с рабочими, сумел передать самочувствие человека, работающего в условиях капиталистической эксплуатации, человека, ощущающего себя несчастным. Но как исследо-

ватель Маркс не ограничивается этим, а делает иэ полученных им эмпирических данных глубокие теоретические выводы.

Общение с рабочими, знакомство с условиями их жизни, понимание их самочувствия в процессе труда способствовали укреплению и развитию *гуманистического* начала в творчестве К. Маркса. И прежде Марксов гуманизм отчетливо обнаружил себя как внимание не только к общим социальным процессам, но и к тому, как эти процессы проявляются в индивидуальных судьбах людей. Вне этого внимания общетеоретические построения (типа гегелевских) представлялись Марксу бессодержательной мистификацией. Теперь, в 1844 г., гуманизм Маркса конкретизируется. Он сосредоточивает внимание на том, как действие социальных и экономических законов сказывается на судьбе *пролетария* как человека, личности. Именно с этих позиций, как уже отмечалось, Маркс подверг резкой критике буржуазную политическую экономию, обвинив ее в том, что пролетарий ее интересует лишь как рабочий, а не всесторонне, не как человек. Не отрицая того, что различные науки могут специализироваться на изучении отдельных аспектов жизнедеятельности человека, К. Маркс в то же время утверждает, что ни один из этих аспектов не может быть правильно понят, если он будет рассматриваться вне определенного понимания человека в целом. Согласно Марксу, *подлинный гуманизм предполагает целостный анализ человека, всех его жизнепроявлений, интересов, условий труда, отдыха, быта и т. д.* Не декларирование, а действительная реализация этого целостного, комплексного подхода к человеку и к обществу как раз и побудила Маркса к радикальной перестройке структуры существовавшей до него социальной мысли. Он вырабатывает *сознательную установку* на одновременное рассмотрение одного и того же объекта с позиций различных общественных наук, нащупывая пути их преобразования в новый высший синтеэ. Важным стимулом движения

в этом направлении явилось восстание силезских ткачей 4—6 июня 1844 г., в котором Маркс справедливо увидел практическое подтверждение правильности своих теоретических позиций.

Восстание силезских ткачей

Корень нищеты поднявших восстание силезских ткачей лежал в факте двойной их эксплуатации — капиталистической и феодальной, ибо работавшие на дому ткачи (а их было большинство) одновременно отбывали и барщину на капиталистов, являвшихся также и землевладельцами. Двойное господство над рабочими позволило капиталистам снижать цены на продукцию (к этому толкали условия конкурентной борьбы с англичанами и французами) главным образом путем снижения заработной платы рабочим *.

Сам факт нищеты силезских ткачей был хорошо известен в Пруссии 30—40-х годов XIX в., но не получал правильного объяснения. Сторонники феодально-романтических взглядов на государство (например, Родбертус) считали, что все дело в излишней свободе, от которой необходимо отказаться, повысив социальную роль монархического государства. Либералы (Рау, Лотц, Молль и другие, особенно Бюлау), напротив, были убеждены, что беда в сохранении многочисленных пережитков старины и что «каждый должен иметь возможность трудиться там, где он хочет» (123, с. 95). Они сетовали на отсутствие у масс творческой инициативы и самостоятельности и возлагали большие надежды на просвещение.

Положению силезских ткачей уделяла внимание и «Рейнская газета». Например, этому вопросу была посвящена статья в номере за 23 декабря 1842 г., т. е. опубликованная вскоре после статьи Кобленца о бедствиях мозельских крестьян. Очевидно, что Маркс был до известной степени осведомлен о состоянии дел в Силезии еще за пол-

* Обстоятельный и глубокий анализ причин и хода восстания дан в книге С. Б. Кана (см. 71).

тора года до возникновения там восстания и в своих статьях в защиту мозельских виноделов учитывал, что Мозель не единственный очаг пауперизма в Пруссии.

Восстание ткачей началось стихийно: рабочие шли к конторе фабриканта Цванцигера с намерением потребовать повышения заработной платы и освобождения арестованного товарища; встретив сопротивление, они ворвались в дом и уничтожили ряд документов, в том числе сведения о задолженности и о выданной на дом пряже. Через два дня восстание было сломлено с помощью войск (имелись жертвы — 11 убитых, 20 тяжело раненных рабочих), но оно послужило толчком для выступлений пролетариата других районов страны (волнения в Бреславле, Ингольштадте, Дюссельдорфе, Саксонии, Баварии и даже в Берлине). Это были первые энергичные схватки немецких рабочих с буржуазией.

Реакция различных слоев общества на эти события была разной. Правительство прибегло к репрессиям, сопровождая их лицемерной благотворительностью. Духовенство стало проповедовать «немецкий католицизм» как средство достижения социального мира. В среде буржуазии усилились позиции протекционизма. Либералы стали еще более критичными, но их критика была направлена теперь в адрес буржуазии (критика монополии и конкуренции, анархии и т. п.) и велась с неких абстрактных позиций, а на деле — с романтических позиций защиты монархического государства. Среди радикалов происходит раскол, ибо многие из них также начинают усматривать в выступлениях рабочих «угрозу» для общества. Среди тех, кто не сумел позитивно отнестись к силезскому восстанию как к знамению грядущих революционных битв, был и Руге, выступивший, однако, по поводу этого события под флагом представителя радикальной немецкой эмиграции в Париже.

В газете «Вперед», занимавшей к тому времени под влиянием Маркса весьма радикальную позицию, Руге по-

местил 24 и 27 июля 1844 г. статью «Король прусский и социальная реформа» (за подписью «Пруссак»), где утверждал, что Пруссия — страна неполитическая и потому в ней события вроде силезского восстания могут иметь лишь местное значение.

Маркс против Руге

К. Маркс считал необходимым воспользоваться статьей Руге, чтобы раскрыть подлинный смысл силезского восстания и тем четко определить позицию пролетарского революционера в противоположность не только буржуазным либералам, но и мелкобуржуазным демократам типа Руге. 31 июля 1844 г. он закончил контрстатью «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»», которая была опубликована в той же газете «Вперед» 7 и 10 августа.

Маркс построил свои возражения на принципах, в известной мере сходных с принципами, положенными им в основу возражений Бауэру в статье «К еврейскому вопросу» *: 1) утверждение оппонента о наличии какой-либо особенности развития Германии Маркс проверяет путем фактического сопоставления данной стороны ее развития с соответствующими сторонами развития других стран (Англии, Франции); 2) в отношении непосредственно рассматриваемого «социального движения» (движения евреев за эмансипацию — в полемике с Бауэром, восстания рабочих — в полемике с Руге) Маркс занимает позицию исследователя присущих объекту *(фактически имеющихся)* своеобразных закономерностей.

Суть аргументации Маркса в «Критических заметках...» состоит в следующем. Руге полагает, что немцы не могут понять глубинных причин силезского восстания,

* Эти статьи Маркса сходны даже по структуре: каждая состоит из двух частей; первая часть той и другой статьи посвящена проблеме отношения государстаа к обществу, а вторая — выяснению фактического места рассматриваемого социального движения в обществе.

ибо Германия — «неполитическая страна». Однако, возражает Маркс, все признают, что Англия — страна политическая, но и здесь понимание причин пауперизма не глубже, чем в Германии. Следовательно, Руге «не вскрыл ничего *своеобразного* в мероприятиях прусского короля» (1, с. 437). Не оригинален прусский король и в своем обращении к органам власти с просьбой об изыскании предложений по искоренению пауперизма — так поступали и Наполеон, и английский парламент, и даже знаменитый Конвент! Причина всего этого коренится в самой природе государства, которое рассматривает себя именно как «устройство общества» и потому *«никогда* не усмотрит в *«государстве и в устройстве общества»* причины *социальных недугов»* (1, с. 439).

Что касается упреков Руге в адрес восставших пролетариев, будто «они ничего не видят дальше своего очага» и т. п., то Маркс возражает ему также путем сопоставления этого восстания, знаменующего начало немецкого рабочего движения, с первыми формами английского и французского рабочего движения. Он показывает, что если другие движения были направлены прежде всего против хозяев предприятий, против видимого врага, то силезские ткачи сразу же, например в своей революционной песне «Кровавый суд», во всеуслышание заявили, что противостоят всему обществу частной собственности. В этой песне имелась такая строфа:

Вы плуты, всех вас нужно в ров...
Все плуты без изъятья,
Вы жрете пищу бедняков,
Но к вам придет проклятье.

(цит. по 90, с. 222)

Таким образом, делает вывод Маркс, «силезское восстание *начинает* как раз тем, чем французские и английские рабочие восстания *кончают,*— тем именно, что осознается сущность пролетариата» (1, с. 443). Показателем же теоретического превосходства немецкого пролетариата

К. Маркс считает сочинения Вейтлинга, которые в теоретическом отношении идут дальше Прудона.

«Философский народ,— заключает Маркс, имея в виду немцев,— может найти соответствующую ему практику лишь в социализме; следовательно, лишь в *пролетариате* найдет он деятельный элемент своего освобождения» (1, с. 444). Этот ход мысли очень близок статье «К критике гегелевской философии права. Введение». Маркс тут же отсылает Руге именно к ней.

«Критические заметки...» и «Экономическо-философские рукописи»

Однако в развертывании аргументации в «Критических заметках...» обнаруживается не только известная общность со статьями из «Немецко-французского ежегодника», но и существенные *различия*. Прежде всего, очевидно широкое привлечение конкретных данных, полученных Марксом в ходе экономическо-философских занятий. Так, многие данные по истории борьбы с пауперизмом в Англии и Франции заимствованы из книги социалиста Э. Бюре *. В «Критических заметках...» имеется ссылка на французского экономиста Шевалье (1, с. 445—446), и в рукописях 1844 г. о нем также идет речь (ср. 18, с. 106, 133); английскую политическую экономию Маркс характеризует как «отражение в науке английских экономических условий» (1, с. 434), но эта мысль получила уже обоснование в рукописях.

Главное же отличие «Критических заметок...» от статей из «Немецко-французского ежегодника» — в более глубокой и во многом новой трактовке коренных проблем: общество — государство — человек. Если полгода назад

* Ср. статью «Критические заметки...» (1, с. 436—438) и выписки из книги Э. Бюре «Нищета трудящихся классов в Англии и Франции» в девятой эксцерптной тетради парижского периода (см. 31, с. 413).

Маркс говорил об отчуждении государства от гражданского общества как такового и в этом видел основное противоречие современного общества, т. е. государство представлялось ему тогда *одной из сторон* противоречия, то теперь наблюдается переход к иному пониманию вопроса: «Государство зиждется на противоречии между *общественной* и *частной* жизнью, на противоречии между *общими интересами* и *интересами частными*» (1, с. 440). Следовательно, государство не одна из сторон противоречия (именно та его сторона, которая выражает общий интерес, хотя бы и в иллюзорной форме), а нечто отдельное, отличающееся от этого противоречия, имеющее данное противоречие в качестве своей *основы* и потому *возвышающееся над ним* («в качестве надстройки»,— скажет Маркс в «Немецкой идеологии»). Это значит, что «противоречие между общими интересами и интересами частными» следует искать уже в *самом гражданском обществе*.

Такой подход, несомненно, отражает результаты экономическо-философских занятий, уже на первой стадии показавших Марксу наличие антагонизма в сфере гражданского общества между частными интересами имущих классов (дворянства, буржуазии) и интересами пролетариата, действительно выражающими общечеловеческие интересы. Не случайно поэтому, выясняя поставленный Руге вопрос об отношении «немецкого общества» к пауперизму, Маркс подчеркивал: «Будем *различать*,— чего не делает наш «Пруссак»,— различные категории, соединенные в выражении *«немецкое общество»:* правительство, буржуазию, прессу и, наконец, самих рабочих. Тут речь идет о *различных* массах» (1, с. 433).

Рабочим противостоят и буржуазия, и правительство, и большая часть прессы. Причем в ходе исторического развития этот антагонизм обостряется: интересы государства все более совпадают с интересами буржуазии и все более противоречат интересам пролетариата. Государство зиждется на противоречии между собственниками и неимущи-

ми в том смысле, что этому противоречию оно обязано самим фактом своего существования, но существует оно именно для того, чтобы обеспечивать интересы имущих вопреки интересам неимущих — такой вывод напрашивается из всего хода рассуждений Маркса, хотя этот вывод еще не сформулирован.

Тем самым не отрицается факт отчуждения государства от гражданского общества, но данный факт конкретизируется: это отчуждение государства от *неимущей части* гражданского общества. С другой стороны, для самих пролетариев отчуждение от «политической общности» является хотя и важной, но не единственной и даже не основной формой отчуждения. Опираясь на открытую в ходе экономическо-философских занятий идею отчужденного труда и его роли в истории, Маркс заключает в «Критических заметках...»: «...та *общность*, от которой *изолирован* рабочий, есть общность, имеющая совсем другого рода реальность и совсем другой объем, нежели *политическая* общность. Та общность, от которой рабочего отрывает *его собственный труд*, есть сама *жизнь*, физическая и духовная жизнь, человеческая нравственность, человеческая деятельность, человеческое наслаждение, *человеческая* сущность» (1, с. 447).

Вот почему пролетарская революция не может ограничиться политическим освобождением человека, а должна освободить человека целиком, во всех его жизнепроявлениях. Следующий отсюда тезис: «...*социальная* революция потому и стоит на точке зрения *целого*, что она... исходит из *точки зрения* отдельного *действительного индивидуума*» (там же) — хотя и звучит в духе «Рукописи 1843 года», обоснован совершенно иначе — пониманием исторической роли самоотчуждения труда и конкретного, экономического механизма этого самоотчуждения. Такая конкретизация как раз и позволила Марксу сформулировать в заключение «Критических заметок...» вывод, представляющий собой новый шаг вперед по сравнению с выводом, завершавшим

статью «К критике гегелевской философии права. Введение»: *«...социализм* не может быть осуществлен без *революции.* Он нуждается в этом *политическом* акте, поскольку он нуждается в *уничтожении* и *разрушении* старого. Но там, где начинается его *организующая деятельность,* где выступает вперед его *самоцель,* его *душа,*— там социализм отбрасывает *политическую* оболочку» (1, с. 448).

Это весьма характерно: восстание силезских ткачей полностью *подтвердило* гипотезу «Введения» о том, что *положительная* возможность немецкой эмансипации заключается в образовании класса, скованного радикальными цепями. Обобщая опыт восстания, Маркс формулирует новую гипотезу: осуществляемая этим классом эмансипация будет включать две стадии — разрушительную и созидательную. Анализ истории революционного движения рабочего класса позволяет Марксу распространить некоторые ее тенденции (развитие от ограниченно-политических целей лионских рабочих до осознания своего социального предназначения силезскими ткачами) на грядущий процесс революционного преобразования общества.

Правомерно предположить, что работа над «Критическими заметками...» не только определенным образом отразила результаты экономическо-философских занятий Маркса, но и оказала обратное воздействие на их ход. Приведенные выше факты свидетельствуют, что «Критические заметки...» написаны с учетом результатов не только первого, но во многом и второго этапа его экономических занятий. Так, наблюдается немало общего между «Критическими заметками...» и началом сохранившейся вставки к странице XXXIX (третья тетрадь рукописи): там и тут речь идет об истории, формах и перспективах революционной борьбы рабочего класса. Возникает вопрос: какой из этих двух текстов предшествовал другому?

Данных, позволяющих однозначно ответить на этот вопрос, пока нет. Но можно предположить, что Маркс работал над третьей тетрадью рукописей вплоть до встречи

с Энгельсом, т. е. до конца августа 1844 г. В пользу этого говорит и письмо Маркса Фейербаху от 11 августа, по содержанию перекликающееся с некоторыми местами третьей рукописи. На более позднее происхождение последней указывает и тот факт, что трактовка вопросов, относящихся к революционному движению рабочих, дана в «Критических заметках...» более конкретно фактически, но теоретически в менее разработанной форме, чем в третьей рукописи.

Начало второго раздела третьей тетради, посвященного проблемам коммунизма, представляет собой как бы продолжение, точнее, переосмысление материала «Критических заметок...», причем переосмысление не одного лишь этого материала, а и предшествующего раздела третьей тетради, касающегося истории частной собственности. *История отчужденного труда,* выразившаяся в истории форм частной собственности и соотнесенная с историей политической экономии, *теперь сопоставляется Марксом с историей революционной борьбы рабочего класса* против частной собственности, к анализу которой (истории борьбы) Маркс обратился непосредственно в связи с полемикой против Руге по поводу силезского восстания, и *резюмируется в тезисе:* «Снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение» (18, с. 113) — который затем подробно развертывается.

Если данное предположение правильно, то работа Маркса над основной частью третьей тетради предстает в новом свете: как теоретический анализ, осуществлявшийся под непосредственным воздействием восстания силезских ткачей, в котором будущий вождь пролетариата с полным основанием увидел подтверждение основных принципов вырабатываемого им нового мировоззрения и которое способствовало дальнейшему его продвижению в этом направлении. Синтез различных областей знания, осуществлявшийся Марксом в данной тетради, приобретает теперь непосредственно практический смысл. Выска-

занная в «Критических заметках...» мысль о том, что социальная революция «исходит из *точки зрения отдельного действительного индивидуума*» (1, с. 447), в «Экономическо-философских рукописях» развивается применительно к индивиду: «Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек» (18, с. 120). Развивая данную мысль, Маркс осуществлял тем самым перестройку всего существующего знания о человеке, преобразуя и объединяя прежде обособленные части этого знания в качественно новый синтез, обеспечивающий адекватное рассмотрение человека именно как целостность. И в то же время Маркс действовал практически, способствуя достижению целостности социальной, т. е. пролетарской революции. В этом смысле практическое значение имели уже сами «Критические заметки...», содействовавшие сплочению революционеров и одновременно их размежеванию с временными мелкобуржуазными попутчиками.

Замысел критики «критической критики»

Смысла силезского восстания не понял не только Руге, но и такие демократы, как Ф. Кеппен, К. Гейнцен и К. Грюн. Бывший «свободный» Э. Мейен, осенью 1842 г. угрожавший Марксу обвинением в консерватизме, теперь в ужасе шарахнулся от революционных рабочих: «Чем больше будут рабочие сознавать свое положение, тем больше будет становиться и опасность, грозящая от них обществу» (159). Братья Бауэры усилили свои нападки на «массу», и уже 31 июля Г. Юнг отправил Марксу пятый, шестой и седьмой номера их «Литературной газеты». В письме Фейербаху от 11 августа 1844 г. Маркс сообщает о своем намерении выступить с брошюрой против этих «критических критиков», которые «признают только одну *действительную* потребность — потребность в *теоретической* критике.

Поэтому таким людям, как Прудон, бросают упрек в том, что они исходят из той или иной *«практической» «потребности»*. Поэтому эта критика выливается в унылый и важничающий спиритуализм. *Сознание* или *самосознание* рассматривается как *единственное* человеческое качество. Любовь, например, отвергается потому, что возлюбленная является, мол, лишь *«предметом»*. Долой предмет! Поэтому эта критика считает себя единственным *активным* элементом истории. Все человечество противостоит ей как *масса,* как инертная масса, которая имеет значение только как антипод духа» (11, с. 382).

Столь ядовитые и беспощадные оценки Марксом тогдашней позиции своего бывшего друга Бруно Бауэра и его брата Эдгара (другом последнего был Энгельс) явно перекликаются с идейным смыслом и гротескной формой изложения первого совместного произведения К. Маркса и Ф. Энгельса — «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании», замысел которого, по всей вероятности, начал уже тогда складываться у Маркса. Но окончательно он оформился во время второй встречи Маркса с Энгельсом, состоявшейся в Париже в конце августа 1844 г.

Взаимообогащающий союз

Парижская встреча была полной противоположностью первому, «весьма холодному» их знакомству в 1842 г. в Кёльне. «Ни разу еще я не был в таком хорошем настроении и не чувствовал себя в такой степени человеком, как в течение тех десяти дней, что провел у тебя» (11, с. 8),— писал Ф. Энгельс К. Марксу менее чем через месяц после этой их встречи, находясь уже в Германии, в родном городе Бармене.

Яркое впечатление от парижской встречи Энгельс пронес через всю свою жизнь. Сорок с лишним лет спустя, в работе «К истории Союза коммунистов» (1885), он вспо-

минал: «Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях, и с того времени началась наша совместная работа» (6, с. 220). Возникновение такого согласия было результатом предшествующего развития взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, различными путями двигавшихся к одним и тем же, как им самим теперь стало ясно, теоретическим и практическим выводам.

Как и Маркс, Энгельс уже пришел к убеждению, что основу современного социального развития составляет революционизирование промышленности и возникновение такой революционной силы, как пролетариат. В статье «Положение Англии. Восемнадцатый век», написанной в феврале 1844 г. и опубликованной при содействии Маркса в августе — сентябре 1844 г. в газете «Вперед», Ф. Энгельс дал первый очерк истории промышленной революции в Англии, где был сделан важный вывод: «...революционизирование английской промышленности — основа всех современных английских отношений, движущая сила всего социального развития... Важнейшим результатом восемнадцатого века для Англии было образование пролетариата вследствие промышленной революции» (1, с. 615, 617).

Показательно, что Энгельс, как и Маркс, был в числе немногих, кто сразу правильно понял значение восстания силезских ткачей. Уже 29 июня 1844 г. он выступил в чартистской газете «The Northern Star» с двумя небольшими статьями, в которых изложил фактическую сторону этого события и свою оценку его: «...становится очевидным, что последствия фабричной системы, прогресса машинной техники и т. д. для рабочего класса на континенте совершенно те же самые, что и в Англии: угнетение и изнурительный труд — для большинства, богатство и благополучие — для немногих; неуверенность в завтрашнем дне, недовольство и возмущение имеют место и на холмах Силезии точно так же, как в перенаселенных городах Ланкашира и Йоркшира» (18, с. 201).

Как и Маркс, Энгельс сознавал, что для освобождения рабочего класса недостаточно одной лишь «политической революции». Пролетариат уже выступил на историческую арену как самостоятельная сила и ведет энергичную борьбу, ближайшим результатом которой будет демократия. «Но какая демократия! Не демократия французской революции, противоположностью которой были монархия и феодализм, а *такая* демократия, противоположностью которой является буржуазия и собственность... Простая демократия неспособна исцелить социальные недуги. Демократическое равенство есть химера, борьба бедных против богатых не может быть завершена на почве демократии или политики вообще. И эта ступень есть... только переход, последнее чисто политическое средство, которое еще следует испробовать и из которого тотчас же должен развиться новый элемент, принцип, выходящий за пределы существующей политики.

Этот принцип есть принцип социализма» (1, с. 642) — так заканчивает Энгельс в марте 1844 г. еще одну свою статью «Положение Англии. Английская конституция», опубликованную в сентябре — октябре того же года в газете «Вперед». В сущности, здесь впервые дана формулировка идеи перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Одну из важнейших методологических предпосылок коммунистической убежденности Энгельса составляла его ориентация (аналогично ориентации Маркса) на необходимость *синтеза* до того разрозненных результатов прошлой истории: и результатов производственной и социальной практики; и результатов различных областей общественного знания — философии, истории, политики, политической экономии и др.; и результатов практики и науки в целом. «Для восемнадцатого века характерной была идея энциклопедии; она покоилась на сознании, что все... науки связаны между собой, но она не была еще в состоянии совершать переходы от одной науки к другой, а могла

лишь просто ставить их рядом» (1, с. 599). Осуществив такие, выражаясь современным языком, междисциплинарные переходы, необходимо создать науку нового типа — действительно единую, целостную науку. Постановку такой задачи можно рассматривать как первоначальную формулировку будущего замысла «Диалектики природы».

Другая методологическая предпосылка, также идейно сближавшая Энгельса с Марксом, заключалась в ориентации не на абстрактно-теоретический, а на предельно *конкретный* анализ действительности в различных (материальных и идеальных) ее проявлениях. Рассматривая ту или иную проблему, Энгельс уже на данном этапе развития своих воззрений стремился учесть всю совокупность эмпирических данных, относящихся к проблеме, исходить из фактов, раскрывать их собственные законы, а не втискивать факты в спекулятивные конструкции.

Как и Маркс, Энгельс был человеком *действия*, органически соединившим в своей деятельности общетеоретические выводы о необходимости тех или иных преобразований со стремлением вносить личный вклад в осуществление этих преобразований. Ненависть к теоретикам-фразерам, равно как и к невежественным практикам, объединяла Маркса и Энгельса не в меньшей степени, чем их любовь к пролетариату и всему угнетенному человечеству.

Итак, встретились два человека, близкие по складу своего интеллекта и характера. Их дружеское общение было так необходимо обоим. Возникновение этого взаимообогащающего союза — факт не только личной биографии Маркса и Энгельса, но и самого процесса формирования их взглядов, которые приобрели теперь еще большую разносторонность и вместе с тем получили новый стимул к дальнейшему развитию в целостное научное мировоззрение. Первым плодом их союза, как уже отмечалось, явилась книга «Святое семейство», где Маркс и Энгельс, по их собственным словам, «свели счеты со своей прежней

теоретической совестью» и где формирование марксизма вступило в новый этап.

Вместе с тем и мы подошли к концу интересующей нас темы о молодом Марксе, или о начальных этапах формирования его взглядов в целостное научное мировоззрение. Дальнейшее идейное развитие Маркса неотделимо от имени Энгельса и выступает как продукт *совместной* творческой деятельности двух великих умов. Уже первые шаги на этом пути представляют собой отчетливо выраженное движение от *молодости к зрелости*.

Заключение

Молодой и зрелый Маркс

Какие же выводы следуют из проведенного выше анализа? Ввиду многоплановости объекта исследования можно с разных сторон подходить и к подытоживанию его рассмотрения (как явления научного, идеологического, психологического и т. д.), а внутри каждого такого подхода — выделять свои аспекты, углы зрения и т. п. Учитывая, что понятием «молодой Маркс» обозначается целый этап в развитии философских и общественно-политических воззрений основоположника научного коммунизма, исторически предшествующий этапу его творческой зрелости, а также то, что в наши дни дебатируется как раз проблема «двух Марксов», и представляется целесообразным подводить итоги под углом зрения именно этой проблемы.

Выдерживает ли проверку тезис буржуазных и ревизионистских марксологов о существовании некой пропасти между молодым и зрелым Марк-

сом? Иначе (резче) говоря: изменил ли зрелый Маркс своей молодости? Этот вопрос имеет несколько граней, которые и следует высветить лучами соответствующих фактов.

Прежде всего, изменил ли Маркс своему *первоначальному идеалу человека,* своим исходным представлениям о смысле жизни, сформулированным еще в школьном сочинении? В истории мало найдется людей, которые бы всей своей жизнью, полной лишений, гигантского труда и страданий, столь безупречно подтвердили верность своему юношескому идеалу, как это сделал Маркс. Обычно скупой на самохарактеристики, Маркс по завершении первого тома «Капитала» вдруг открылся одному из своих корреспондентов: «Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным,* если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи» (13, с. 454).

Изменил ли Маркс своим *политическим убеждениям?* С самого начала став на сторону трудящихся, он в ходе развития своих взглядов пришел на рубеже 1843—1844 гг. к открытию исторической миссии пролетариата как класса, призванного освободить человечество от всякого угнетения, и окончательно перешел на позиции этого класса, став коммунистом. В «Экономическо-философских рукописях» дано более глубокое обоснование этих позиций, которое в свою очередь получило дальнейшее развитие в последующих трудах Маркса.

Может быть, он отступил в области *философии?* Начав как идеалист, Маркс уже в 1843 г. твердо стал на почву материализма. Можно ли ставить ему в упрек, что этот переход представлял собой лишь *начало* формирования нового типа материализма — материализма диалектического и исторического? Напротив, это одна из великих научных заслуг Маркса. Он не вернулся к идеализму и не свернул в сторону вульгарного материализма, как многие из его современников. Он не отступал, а двигался вперед по пути создания подлинно научного мировоззрения.

Наконец, ни о каком отступлении не может быть речи и в области *политической экономии,* ибо рукописи 1844 г. отражают лишь самый начальный этап его экономических занятий. Понадобилось еще пятнадцать лет интенсивного труда, чтобы создать «К критике политической экономии», и двадцать три года — прежде чем вышел первый том «Капитала»! Не в этом ли самоотверженном труде, приведшем к фундаментальным открытиям в политической экономии и науке об обществе в целом, а также в логике и теории познания, усматривается «измена идеалам молодости» и «торможение творческих способностей»? Если это измена, то что же тогда последовательность? Если это торможение, то что же тогда творческий взлет гениального ученого?

Таким образом, нет никакой пропасти между молодым и зрелым Марксом. Напротив, есть звенья, прочно связывающие магистральные направления развития взглядов того и другого и образующие единую цепь *закономерного перехода* от первого ко второму.

Но, может быть, тогда правы те, кто утверждает, что в методологическом отношении зрелый Маркс вообще не отличается от молодого и что «Капитал» есть лишь систематическое изложение тех же принципов, к которым Маркс пришел уже в «Экономическо-философских рукописях»?

Отождествление зрелого Маркса с молодым столь же несостоятельно, как и их противопоставление. По словам Энгельса, Марксу принадлежат два великих открытия в области науки:

открытие закона человеческой истории вообще, состоящего в том, что каждая ступень общественного развития характеризуется прежде всего определенным способом производства,

и открытие прибавочной стоимости как особого закона, свойственного лишь капиталистическому способу производства.

Первое открытие Маркс совершил (вместе с Энгельсом) на завершающем этапе формирования своих взглядов — в «Немецкой идеологии» (1845), а второе — в экономической рукописи 1857—1858 гг. Следовательно, уже по одному этому нельзя не видеть существенного отличия зрелого Маркса от молодого.

Диалектика становления целостного учения

Вопрос о соотношении взглядов молодого и зрелого Маркса является пробным камнем для выявления теоретико-методологических позиций самих исследователей этого вопроса, для оценки продуктивности их позиций. Он один из труднейших даже для людей, приемлющих марксизм.

Этот вопрос не поддается решению с помощью абстрактных методологических установок, вроде «симптомального чтения» Л. Альтюссера, которое приводит лишь к выводу, что произведения молодого Маркса не являются марксистскими, во всяком случае, они предшествовали «эпистемологическому разрыву» Маркса с диалектикой Гегеля (см. 116). Возражая против «симптомального чтения» как проявления психоаналитического подхода, неадекватного существу исследуемого вопроса, канадский философ Ж. Г. Менье применяет к его изучению сложную мето-

дологию, включающую категории логики, семантики и прагматики. Это позволяет ему сделать ряд тонких наблюдений над творчеством молодого Маркса как динамичной «теоретической практикой», история которой есть «история продолжительных преобразований». Но, увлекаясь анализом «синтаксиса, семантики и прагматики» произведений Маркса, Менье впадает в иного рода упрощения, обнаруживая материализм уже в... гимназическом сочинении Маркса, коль скоро там имеется термин «отношение» (см. 145, с. 19—26).

Опыт анализа, представленного в данной книге и резюмируемого в настоящем заключении, свидетельствует прежде всего о том, что решение вопроса о соотношении молодого и зрелого Маркса требует *диалектического подхода,* учитывающего наличие как *связи,* так и *различия* между данными объектами рассмотрения. В самом общем виде этот подход выражается одним словом: «формирование». Не «два Маркса» и пропасть между ними — фальшива уже сама постановка этой проблемы как таковой,— а развитие воззрений молодого Маркса как процесс их формирования в научное мировоззрение, превращения первых во второе — только такая постановка вопроса соответствует действительности, фактам, совокупность которых и была подвергнута нами анализу.

В этом развитии (или превращении) отчетливо выделяются (соответственно основным областям знания, вовлекаемым в процесс формирования нового мировоззрения) *основные линии восхождения:* от идеализма к материализму, от революционного демократизма к научному коммунизму и т. д. Но это линии не монотонно-гладкого восхождения, а сложные, со своими переломами, резкими подъемами и замедлениями. Иными словами, формирование каждой стороны воззрений Маркса прошло через специфические этапы.

Вместе с тем (и мы обращали на это особое внимание) каждая линия развития существует не изолированно

от других, а в тесном и все возрастающем *взаимодействии* с ними. Наблюдается не параллелизм различных линий, а их частое перекрещивание. Образуются некоторые «узлы», воедино связывающие различные, дотоле обособленные области знания, в силу чего сам процесс формирования взглядов Маркса обретает целостность и различаются этапы эволюции не только отдельных сторон его взглядов, но и его мировоззрения в целом. По мере развития взглядов молодого Маркса указанные «узлы» становятся все более сложными, а взаимодействие между различными областями его взглядов усиливается, выступая в итоге как их *синтезирование в качественно новое целое.*

Основу перекрещивания и синтезирования различных сторон воззрений Маркса составляет *анализ фундаментальных проблем,* сама природа которых требует комплексного их рассмотрения. Заслуга основоположников марксизма состояла в том, что из бесчисленного множества проблем и проблемок, всегда мелькающих перед исследователем, они сумели выделить коренные проблемы, поставленные к тому времени всем ходом развития человечества, и установить существенную связь между ними. Разумеется, им это далеко не сразу удалось сделать в адекватной форме, так что в их трудах можно проследить историю не только решения тех или иных проблем, но и самой их постановки. В ходе анализа мы постоянно стремились фиксировать эту сторону развития молодого Маркса, но не будет лишним вновь обратить внимание на некоторые аспекты истории двух проблем — проблемы соотношения общих и частных интересов и проблемы отчуждения *.

* Анализ проблемной направленности мышления Маркса и ее роли в движении Маркса к мировоззренческим открытиям проведен в книге болгарского философа П. Е. Митева (см. 147).

Общие и частные интересы

Факт коренной противоположности между общими и частными интересами был вскрыт социальной мыслью задолго до Маркса. В XVIII—XIX вв. этот факт стал предметом пристального внимания французских материалистов и Гегеля. Младогегельянцы трактовали проблему как противоположность между преобладанием частных интересов в сфере гражданского общества и государством, призванным быть (но вопреки утверждениям Гегеля еще не являющимся таковым) носителем общего интереса. Уже в «Рейнской газете» Маркс конкретизирует эту постановку вопроса, полагая, что подлинным выразителем общих интересов может быть лишь *государство как самопредставительство народа*. В «Рукописи 1843 года» он обнаруживает, что государство в гораздо большей степени зависит от гражданского общества, нежели влияет на него, и поэтому наблюдающееся отчуждение первого от второго есть необходимое следствие природы гражданского общества. Но само это отчуждение, в свою очередь, подготавливает грядущее свое упразднение. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс устанавливает, что противоположность между частными и общими интересами имеет место и в самом гражданском обществе, а государство как раз и зиждется на этом внутреннем противоречии гражданского общества, фактически выступая защитником частных интересов. Наконец, в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс открывают, что подлинную основу противоположности между общими и частными интересами гражданского общества, а тем самым и всего общества составляет противоположность между общественным способом производства и частной формой присвоения. Только теперь проблема, над которой веками билась социальная мысль, получила свою *правильную постановку*. Для детальной разработки условий ее решения потребовались еще десятилетия работы над «Капиталом».

Как поступил зрелый Маркс с проблемой отчуждения

Пока Маркс был достаточно далек от правильной постановки проблемы частных и общих интересов, он не придавал решающего значения и тесно связанной с ней (и целым комплексом других) проблеме отчуждения. Фактически эта последняя пробивалась сквозь трактовку многих отдельных вопросов (религия как отчуждение человека в духовной сфере, государство как отчуждение человека в сфере политической, деньги — в материальной сфере), но еще не обнаруживала своего *универсального* характера. Раздробленность проблемы отчуждения на отдельные вопросы существовала до тех пор, пока Маркс не пришел к пониманию того, что главной сферой отчуждения является труд. Как только это понимание было достигнуто, проблема отчуждения, оказавшись универсальной, в известном смысле выдвинулась на передний план.

При рассмотрении «Экономическо-философских рукописей» мы отмечали, что категория отчужденного труда сыграла важную *эвристическую роль*, выступив как общетеоретическое основание всех категорий политической экономии и позволив понять последние (в том числе и категорию частной собственности) как абстрактные формы исторически преходящих отношений между людьми в процессе трудовой деятельности. С помощью категории «отчуждение» Маркс мог построить оригинальную и в определенном аспекте сходную с действительностью картину исторического развития человечества, включая перспективы этого развития. Такая общетеоретическая схема помогла ему открыть существование ряда эмпирически реальных форм, в которых объективизировался процесс отчуждения и самоотчуждения человека (таких, как торговля, капитал, деньги и т. д.).

Однако на определенном этапе углубления в анализ эмпирической реальности Маркс столкнулся с тем обстоя-

тельством, что отчуждение как предельно общая категория теряет свою эвристическую ценность для понимания *конкретного механизма* ряда жизненно значимых процессов. Все больше смущало его и то обстоятельство, что с помощью этой категории не представлялось возможным объяснить само возникновение отчуждения. К концу рукописей 1844 г. у Маркса возникает догадка, что эмпирическую основу исторического прогресса, в том числе возникновения и упразднения отчуждения, следует искать в *разделении труда.*

В конце августа 1844 г. в Париж приехал Энгельс. Произошла его вторая встреча с Марксом, обнаружившая их «полное согласие во всех теоретических областях» (6, с. 220). Тогда же они начали совместную работу над книгой «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». В этом произведении, большая часть которого написана Марксом в течение сентября — ноября 1844 г., использованы многие материалы «Экономическо-философских рукописей» и выписок из работ экономистов. Проблема отчуждения хотя и нашла здесь свое отражение, но уже не как центральная, а лишь как один из аспектов воззрений Маркса. В то же время проблема разделения труда еще не получила здесь развития.

Видимо, во время работы над «Святым семейством» Маркс находился как бы на перепутье по вопросу о месте этих двух проблем в общей концепции исторического процесса. К апрелю 1845 г. он уже «завершил в главных чертах развитие своей материалистической теории истории» (6. с. 220) и тогда же впервые набросал ее в «Тезисах о Фейербахе», а немного спустя, в ноябре 1845 г.— апреле 1846 г., совместно с Энгельсом развил ее в «Немецкой идеологии».

За последние годы советские ученые внесли много нового в определение хронологических рамок, структуры, содержания и исторического места «Немецкой идеологии»,

в особенности первой, наиболее важной ее главы, представляющей собой методологическое введение ко всему произведению. Осуществленная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС новая публикация данной главы (см. 24) и научный комментарий Г. А. Багатурия к этой публикации (см. 48) убедительно доказывают, что рукопись главы «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений» отражает не один, как это считалось до сих пор, а три этапа работы Маркса и Энгельса, причем на каждом из этапов их взгляды по одним и тем же вопросам претерпевают изменения. Следовательно, рукопись «Немецкой идеологии», как и рукопись «К критике гегелевской философии права» и «Экономическо-философские рукописи», отражает не статическое состояние, а процесс развития теоретических воззрений Маркса.

Это позволяет «по-новому подойти к вопросу об эволюции проблемы отчуждения в истории марксизма» и «совершенно предметно рассмотреть состояние этой проблемы в период «Немецкой идеологии» (48, с. 116). Уже на первом этапе работы над «Немецкой идеологией» Маркс прозорливо усматривает реальный источник самодвижения истории не в самоотчуждении человека, не в отчужденном отношении рабочего к своему труду и его продуктам, а в вещественных *орудиях*, с помощью которых люди производят средства, необходимые для удовлетворения первых жизненных потребностей, таких, как потребность в пище и питье, жилище и одежде. Особенность удовлетворения своих потребностей *человеком* (в отличие от животного) состоит в том, что «сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом» (24, с. 37).

Определенная ступень развития производительных сил обусловливает соответствующий способ использования

этих сил, и сам этот способ совместной деятельности есть «производительная сила», ибо от него зависит большая или меньшая эффективность использования вещественных производительных сил. Каким же образом *уровень* производительных сил определяет *способ* совместной деятельности? Каковы структура и типы последнего?

Отвечая на эти вопросы, Маркс как раз и выдвигает на первый план проблему разделения труда. Уровень развития производительных сил эмпирически проявляется именно в разделении труда между различными группами членов общества (классами): умственный труд отделяется от физического, промышленный — от сельскохозяйственного, торговый — от промышленного и т. д.; кроме того, происходят многочисленные подразделения внутри каждой отрасли труда. Такое расчленение общества имеет двоякого рода следствия:

во-первых, оно влечет количественно и качественно неравное распределение труда и его продуктов среди членов различных классов, т. е. каждая ступень разделения труда порождает соответствующую форму собственности;

во-вторых, вместе с разделением труда появляется противоречие между интересом отдельного индивида и общим интересом индивидов, между которыми разделен труд и которые поэтому реально зависят друг от друга. Благодаря этому противоречию, добавляет Энгельс, общий интерес принимает самостоятельную форму — в виде государства; а так как государство имеет место в обществе, где идет борьба классов за то или иное распределение продуктов труда, то каждый стремящийся к экономическому господству класс стремится прежде всего завоевать политическую власть, дабы представить свой интерес как всеобщий.

Поскольку само разделение труда складывалось до сих пор стихийно, принудительно навязывая индивиду ограниченный круг деятельности (он или охотник, или рыбак, или пастух и т. д.), то столь же *независимы* от индивидов и формы социальной общности — отношения собственно-

сти и государство, порождаемые этим разделением труда. «Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила», заключенная в этих формах общности, также представляется индивидам «не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой,— напротив, последняя проходит теперь ряд собственных фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а, наоборот, направляющих эту волю и это поведение...

Это *«отчуждение»*, говоря понятным для философов языком, может быть уничтожено, конечно, только при наличии двух *практических* предпосылок» (24, с. 44—45): а) превращения основной массы человечества в совершенно лишенных собственности людей и б) высокого уровня развития производительных сил, обеспечивающего как достаточное количество необходимых продуктов, так и универсальное общение людей, смену местно-ограниченных индивидов индивидами всемирно-историческими.

Таким образом, уже в начале работы над вводной главой к «Немецкой идеологии» проблема разделения труда выдвигается на первый план в качестве *реальной основы* тех процессов, которые совсем недавно находили у Маркса выражение преимущественно в качестве общефилософской проблемы отчуждения. Иронический оттенок приведенных рассуждений Маркса («это «отчуждение», говоря понятным для философов языком...») относится не к самой философской проблеме отчуждения, а к тем немецким философам, которые столь далеки от действительности, что могут воспринимать ее *только* в философском облачении. Философское содержание проблемы отчуждения здесь, следовательно, не отрицается. Но в то же время, в отличие от «Экономическо-философских рукописей», *исследовательский интерес* Маркса уже целиком сосредоточен на *эмпирически-осязаемом* содержании рассматриваемых

процессов, для характеристики которого прежняя общефилософская терминология оказывается неуместной.

На втором этапе работы над данной главой Маркс вовсе сбрасывает философский сюртук и во всех направлениях разрабатывает проблему разделения труда и его социальных последствий. В ходе этой разработки он приходит к мысли о наличии диалектической связи между производительными силами и производственными отношениями («формами общения»), а вслед за этим и сама категория разделения труда «начинает как бы вытесняться» (48, с. 117).

На третьем этапе — этапе работы над окончательным вариантом рукописи главы в центре внимания оказываются *основные формы собственности*, характеристика которых служит исходным пунктом учения *об экономических общественных формациях*. В заключение отчетливо формулируется методологическая направленность работы, осуществляемой Марксом и Энгельсом: «Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае — на опыте и без всякой мистификации и спекуляции — выявить связь общественной и политической структуры с производством... Там, где прекращается спекулятивное мышление,— перед лицом действительной жизни,— там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание» (24, с. 28, 30).

Вся последующая деятельность Маркса как раз и направлена на реализацию этой установки. «Капитал», теоретически обобщающий Монблан эмпирических фактов, содержит именно тот скрупулезный анализ, позволивший на опыте и без всякой мистификации выявить весь (во всех его деталях и сложных переплетениях) *механизм* связи социально-экономической структуры общества с производством в условиях капиталистической формации и раскрыть эмпирически осязаемые материальные *тенденции*

ее революционного превращения в формацию коммунистическую. В эпоху буржуазно-демократических революций 1848—1850 гг. и первой пролетарской революции — Парижской коммуны 1871 г. Маркс столь же тщательно — на опыте и без всякой мистификации — разрабатывает стратегию и тактику практической борьбы пролетариата за революционное преобразование общественно-политического строя. Слом буржуазной государственной машины и диктатура пролетариата объективно выступают теперь в качестве важнейших элементов *практического упразднения отчуждения* государства от гражданского общества. Поэтому в «Капитале» и других произведениях зрелого Маркса термин «отчуждение» встречается в большинстве случаев в весьма конкретном контексте.

В этом анализе важно выделить среди прочих специфический аспект, связанный с употреблением термина «отчуждение»: исследование превращенных форм общественной жизни, представляющих собой реальное, эмпирически данное искажение (превращение) глубинных социальных связей. Если на уровне этих последних связей одно есть причина, а другое — следствие, то на другом, более внешнем уровне отношение оказывается обратным. Причем превращенный характер этого отношения существует объективно, независимо от сознания (например, товарные отношения существуют на поверхности как отношения между вещами, хотя в глубине их лежат отношения между людьми). На этой почве и возникает товарный фетишизм, который не исчезает от того, что научное мышление постигло его природу. Он может быть уничтожен лишь вследствие ликвидации товарно-капиталистического производства вообще. Понятно, что в научном анализе превращенных форм термин «отчуждение» оказывается не только уместным, но и плодотворным, и Маркс в «Капитале» и других работах пользуется им как научным понятием.

Однако отсюда вовсе не следует, что в работах зрелого Маркса отвергается проблема отчуждения как общефило-

софская. Напротив, имеются отдельные места (особенно в экономической рукописи 1857—1858 гг., а также в «Капитале»), позволяющие заключить, что в понятие отчуждения Маркс продолжал вкладывать и определенное общефилософское содержание. В итоге вопрос о том, как поступил зрелый Маркс с проблемой отчуждения, сводится не к вопросу о том, отказался ли он от термина «отчуждение» вообще (очевидно, что нет), и даже не к вопросу, отказался ли он от отчуждения как общефилософского понятия, а к следующему: *почему интерес зрелого Маркса так радикально и основательно переместился от общефилософского содержания проблемы отчуждения к конкретно-научному анализу тех реальных объектов, которые скрываются за этим содержанием?*

Видимо, это произошло в силу двух причин.

Во-первых, *причина теоретическая:* обнаружив в 1844 г. с помощью понятия «отчуждение» ряд социальных явлений, в высшей степени важных для понимания сущности социальных процессов, но до того времени остававшихся вне его поля зрения, Маркс очень быстро понял, что дальнейший анализ этих явлений может быть успешно проведен лишь как конкретно-научный. Переход к конкретно-научному анализу все же не был единственной возможностью; оставалось достаточное поле для разработки проблемы отчуждения именно как общефилософской, тем более что уже первый опыт такой разработки привел Маркса к созданию оригинальной концепции. И все же из двух возможностей Маркс предпочел вторую — конкретно-научный анализ.

На этот выбор повлияла уже вторая причина — *практического* характера: теоретические схемы представляли для Маркса ценность главным образом постольку, поскольку помогали понять повседневные жизненные процессы во всей эмпирической конкретности механизма их функционирования. А это, в свою очередь, объясняется тем, что уже к 1844 г. Маркс стал человеком, для кото-

рого, по словам Энгельса, наука была «исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, практическое применение которого подчас нельзя было даже и предвидеть,— его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще... Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным образом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому *он* впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,— вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие» (5, с. 351). Успеха он достигал как раз благодаря теоретическому обоснованию каждого своего практического шага и установлению связей абстрактных теоретических положений с действительностью.

Таким образом, даже в этом беглом очерке мы фиксировали поступательный характер разработки Марксом целого комплекса взаимосвязанных проблем: разработка проблемы общих и частных интересов на определенном этапе стимулирует внимание к проблематике отчуждения, которая затем выдвигается на первый план, но вскоре уступает место проблеме разделения труда, которая, в свою очередь, отодвигается проблемой диалектики производительных сил и производственных отношений. Последняя оказывается *стержневой* проблемой, позволяющей предметно решать и проблему отчуждения (во всех сферах), и проблему соотношения общих и частных интересов и др. Тем самым найден подлинный стержень комплексного анализа, позволяющий отличать основное противоречие от его побочных форм — политических, идеологических и т. п.

Завершающие этапы формирования марксизма

Итак, определен *ориентир*, позволяющий проследить основные этапы дальнейшего (после 1844 г.) формирования марксизма как целостного научного мировоззрения. Важно подчеркнуть, что с августа 1844 г. сотрудничество Маркса и Энгельса представляло собой не просто взаимный обмен информацией о теоретических позициях, а *творческий процесс взаимного обогащения и развития их взглядов*, начало преобразования их индивидуальных воззрений в *совместное учение*. Начался новый этап в формировании марксизма как целостного мировоззрения.

Первым плодом этого этапа явилось *«Святое семейство»:* оно было написано Марксом и Энгельсом по общему плану, но каждый писал свои раздел самостоятельно, причем большая часть текста принадлежит Марксу. В этом труде разрабатываются вопросы философии и социологии, политической экономии и научного коммунизма, истории и права, этики и эстетики, психологии и атеизма — словом, марксизм здесь уже предстает как весьма разностороннее учение. Ни один из его аспектов не существует изолированно, а так или иначе связан с другими. Но внутренняя логика всего учения здесь еще не определилась: ее структурные элементы разработаны детально, однако недостает некоторых генерализующих идей, которые бы сцементировали все эти элементы в стройное целое.

Вслед за «Святым семейством» появилось *«Положение рабочего класса в Англии»*. Хотя эта работа написана одним Энгельсом, она приобрела окончательный вид уже под влиянием непосредственного общения с Марксом по широкому кругу проблем. Ее значение состоит не только в дальнейшей разработке марксистской политической экономии и научного коммунизма, но и в том, что это было первое фундаментальное конкретное исследование социальных процессов. Оно обогатило Энгельса и Маркса зна-

нием таких деталей и конкретного механизма их сцепления, которое позволило им вскоре с уверенностью осуществлять переходы от общетеоретических построений к насущным проблемам сегодняшнего дня и обратно. И все же заметно, что произведение создавалось еще при отсутствии разработанной структуры марксистского учения в целом.

Остов такой структуры возникает в *«Немецкой идеологии»* (1845—1846) — втором совместном труде Маркса и Энгельса, который был уже не только задуман, но и написан ими сообща: весь путь создания рукописи они прошли вместе, деля радости и муки творческого процесса. В этом процессе окончательно и формируется материалистическое понимание истории — первое великое открытие Маркса. Выдвинутые в «Немецкой идеологии» идеи о диалектике производительных сил и производственных отношений как источнике самодвижения истории и об общественно-экономических формациях как последовательной смене крупных этапов этого движения легли в основу марксистского учения, связав все его составные части в *единую концепцию*. С этого момента существует марксизм как *целостное учение*, где каждый элемент нашел свое место в структуре целого.

И все же в «Немецкой идеологии» марксизм еще не обрел развитой формы целостности. Более зрелым он выступает в *«Нищете философии»* Маркса (1847), а в *«Манифесте Коммунистической партии»* Маркса и Энгельса (конец 1847— начало 1848 г.) марксизм как целостное учение уже запечатлен в теоретически систематизированной и практически программной форме. Согласно емкой оценке В. И. Ленина, «в этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли проле-

тариата, творца нового, коммунистического общества» (37, с. 48).

Первые крупные сражения пролетариата в европейских революциях 1848—1849 гг. доказали правильность, истинность основополагающих принципов марксизма, их соответствие коренным интересам рабочего класса, всех трудящихся, а следовательно, их жизненность.

Развитие форм целостности марксизма

Итак, к 1848 г. завершилось формирование марксизма как цельного учения. Вместе с тем возникает вопрос: можно ли говорить о таком завершении, если еще не было сделано второе великое открытие Маркса — не было создано учение о прибавочной стоимости?

Правильный подход к ответу на этот вопрос предполагает необходимость различать первую и последующие формы целостности зрелого марксизма, видеть в его развитии изменение не только отдельных положений и принципов, но и *самих форм* его целостности. Последнее выражается в перенесении центра внимания с одной его составной части на другую, в ускоренном ее развитии; в изменении функций отдельных принципов в структуре марксизма — в их перемещении с «периферии» в «ядро» этой структуры или наоборот; в возникновении новых принципов, включаемых в «ядро» структуры учения, и в других изменениях, существенных для целого. При этом все изменения предполагают сохранение исходного «ядра», его углубление и развитие, а не отказ от него, как это присуще концепциям оппортунистов, ревизионистов, неомарксистов разных мастей, прочих теоретиков, не усвоивших или не желающих усвоить исходные критерии марксизма.

Вот почему, зафиксировав *первую зрелую форму це-*

лостности, которой марксизм достиг уже в 1848 г., необходимо также видеть и возникновение в дальнейшем новых форм этой целостности, выявлять их специфику и проблемы.

Первую такую *новую* форму целостности марксизма, по-видимому, правомерно связывать с созданием «Капитала» Маркса: от черновых его вариантов (1857—1865) и первого выпуска «К критике политической экономии» (1859) до первого тома «Капитала» (1867), представляющего собой «самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа...» (13, с. 453) и ставшего «библией рабочего класса» (7, с. 33). Это было прежде всего экономическое произведение, в котором реализовано второе великое открытие Маркса — учение о прибавочной стоимости. Но это было также и комплексное исследование капиталистической общественной формации в целом.

В итоге на качественно новую ступень были подняты все составные части марксизма: диалектический и исторический материализм, политическая экономия, научный коммунизм. Развитие каждой из составных частей марксизма сопровождалось углублением их взаимообусловленности и внутреннего единства. В центр выдвинулось экономическое содержание марксистского учения. В ядро его методологических принципов вошел диалектико-материалистический принцип системности (подробнее см. 79).

В «Капитале» представлена как целое одна общественная формация — капитализм. В последние годы жизни внимание Маркса привлекла проблема взаимодействия различных одновременно существующих общественных формаций. Значение этой проблемы трудно переоценить: ведь реальная история человечества, за исключением первых ее этапов, представляет собой именно взаимодействие нескольких формаций.

В 1881—1882 гг. Маркс штудирует фундаментальные

труды по всемирной истории и истории отдельных стран и составляет «Хронологические выписки», охватывающие почти 2000 лет и состоящие в основном из дат и событий, подчас снабженных краткими комментариями. Это одна из последних рукописей Маркса.

Среди специалистов нет единого мнения по вопросу о том, каков был ее замысел. Да и вообще эта рукопись остается недостаточно изученной. По предположению Б. Ф. Поршнева, Маркс составлял не просто хронологическую, а синхронистическую таблицу для обзора одновременно совершавшихся событий всемирной истории (см. 87, с. 404—432). Есть все основания считать такое предположение верным. И тогда можно сделать вывод, что мысль Маркса была привлечена к проблеме взаимосвязи событий и процессов, совершавшихся одновременно или в некоторой последовательности в разных странах и обществах.

За этим, по-видимому, стояло намерение сделать новые шаги в диалектико-материалистическом осмыслении всемирно-исторических процессов. Он стремился представить картину всемирной истории целиком — во взаимодействии различных типов обществ и во всех сферах их жизнедеятельности (экономической, социальной, политической, идеологической). В особенности его интересовал вопрос о взаимодействии «центров» и «периферии» социального прогресса, о роли колониальных и вообще отсталых стран в предстоящих революционных битвах рабочего класса, в процессе перехода к коммунистической формации во всемирном масштабе.

В этот период достигает кульминации интерес Маркса к России — ее прошлому, настоящему и будущему — в тесной связи с процессами всемирно-исторического характера. В ответе на письмо Веры Засулич (март 1881 г.) он обращает внимание на «врожденный дуализм» земледельческой общины и вскрывает глубокую диалектику исторических процессов перехода от первичной общественной формации, основанной на первобытнообщинной

собственности, к вторичной формации, основанной на частной собственности, и тем более — к третичной, коммунистической общественной формации.

Движение мысли Маркса вширь (до глобальных масштабов) и вглубь истории, к ее истокам и от них к современности и к предвидимому будущему выражалось и в его возросшем интересе к антропологии и этнографии. В то же время, изучая проблемы земельной ренты, он углубляется в различные разделы химии, агрохимии, биологии, геологии и других областей естествознания. Нарастает его интерес к взаимодействию различных наук, составляющему предпосылку новых крупных открытий.

Мысль Маркса выходила к новым горизонтам проблематики научного мировоззрения как целостного учения. Однако его замыслам уже не суждено было осуществиться: болезни и утраты близких значительно сократили его жизнь. 14 марта 1883 г. перестало биться сердце Карла Маркса. Но не прекратилось развитие созданного им учения.

Творческое развитие — это способ существования марксизма, а ядро его как развивающегося целого образует диалектика. Непреходящее значение учения В. И. Ленина обусловлено прежде всего тем, что он с самого начала воспринял диалектику как революционную душу марксизма. И не только воспринял, но и мастерски развил и применил ее при исследовании и решении центральных теоретических и практических проблем новой исторической эпохи, подняв все марксистское учение на новую ступень, придав ему новую форму целостности.

Марксизм как цельное учение в наше время — это марксизм-ленинизм. И как таковой он не в меньшей, а еще в большей степени нуждается в творческом развитии в соответствии с новыми задачами, которые выдвигает жизнь. Речь идет о дальнейшем совершенствовании социализма как целостной, органической общественной системы; об углублении революционных процессов в ка-

питалистических и развивающихся странах как компонентов социального прогресса во всемирно-историческом масштабе; о решении социально-гуманистических проблем общественного прогресса: о всестороннем развитии человека, предотвращеиии термоядерной войны и упрочении мира на всей планете, создании благоприятных условий для развития культуры каждого народа и его вклада в сокровищницу мировой культуры, в развитие человеческой цивилизации.

В наше время углубляется интеграция составных частей марксизма-ленинизма. Это соответствует объективно возрастающей его роли как научного руководства процессами материально-производственной, общественно-политической и духовной жизни социалистических стран и все более значительной части трудящихся всего мира, борющихся за мир и социальный прогресс, за социализм.

Примечания

[1] По ряду причин автором этой статьи до последнего времени считался К. Маркс, и она включалась в Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса (см. 1, с. 28—29). Но в 1967 г. появились первые серьезные аргументы в пользу авторства Фейербаха (см. 156). При подготовке нового издания MEGA окончательно установлено, что автором «Лютера...» является сам Фейербах, и эта статья не включена в MEGA (см. 25, с. 966—967).— *174*.

[2] Заканчивая анализ § 303 гегелевской «Философии права» (лист XXIII, «Рукопись 1843 года»), Маркс писал, что «сословия гражданского общества, как таковые, одновременно образуют *сословный* элемент законодательного общества (ср. XIV, X)» (1, с. 303). Как указывается в редакционных примечаниях изданий «Рукописи 1843 года», в приведенной цитате цифры в скобках означают номера предшествующих листов рукописи. Однако при тщательном изучении фотокопии оригинала, хранящейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, можно предположить, что «цифра» X вовсе не цифра, а знак в виде звездочки, посредством которого Маркс обычно указывает в рукописях, что соответствующую часть текста следует отнести к другому месту, в котором он также делает аналогичный значок. Где же второй такой знак? Изучение фотокопии приводит к следующему: знак в листе XXIV практически идентичен знаку в конце листа XXIII, до сих пор расшифровывавшемуся как римская цифра X, т. е. эта «цифра» вполне может быть искомым вторым знаком (см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 113, л. 78). Что же касается предшествующей цифры XIV, то можно предположить, что Маркс (как это нередко встречается в его рукописях) допустил ошибку: написал «XIV» вместо «XXIV».

Если этот ход рассуждений правилен, то текст в листе XXIV, отмеченный упомянутым знаком, должен быть прямым продолжением текста, которым заканчивается лист XXIII. Так оно и есть: «Гегель делает *сословный элемент* выражением *раздельности...*» (лист XXIII). «Более глубоким является у Гегеля то, что раздельность гражданского

общества и общества политического он воспринимает как *противоречие»* (лист XXIV, начало текста, помеченного соответствующим знаком) (1, с. 305). Таким образом, сноска в конце листа XXIII принимает следующий вид: (ср. XXIV *). Это изменение учтено в новом издании MEGA (см. 26, с. 80, 578—579).— *188.*

[3] В связи с такой постановкой вопроса некоторые исследователи, после выхода первого издания настоящей книги, выдвинули предположение, что марксова рукопись «К критике гегелевской философии права» была написана частью в 1842 г. (такую «часть» якобы составила упоминавшаяся выше статья, посвященная борьбе против конституционной монархии), а частью в 1843 г. (см. 97, с. 155). Вместе с тем авторы данного предположения не отрицают тот факт, что уже в самом начале рукописи, на первом из сохранившихся листов, в методологическом отношении К. Маркс делает значительный шаг вперед (в сторону материализма) по сравнению с той методологией, которой он придерживался в работах 1842 г. Изучение фотокопии рукописи убеждает, что все последующие листы рукописи написаны позднее. Следовательно, вся рукопись написана после выхода Маркса из «Рейнской газеты», т. е. в 1843 г. Это не исключает возможности использования Марксом статьи 1842 г. при работе над рукописью 1843 г.— *190.*

[4] Применительно к русскому переводу «Экономическо-философских рукописей» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42) границы пяти стадий написания тетради I можно представить в виде следующей таблицы, в клеточках которой приведены страницы указанного тома:

Стадии	Заработная плата	Прибыль на капитал	Земельная рента
	Страницы т. 42 Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса		
1	47—54	59—63	72—76
2		63—67	76—78
3	54—58	67—71	
4			78—85
[illegible]		86—99	

Правда, не всегда имеются основания для однозначного проведения границ между стадиями работы Маркса над тетрадью I. В особенности это касается границы между второй и следующей, т. е. четвертой, ста-

диями работы над текстом о земельной ренте. В самом деле, согласно приведенной структуризации, вторая стадия заканчивается словами: «...интересы одного земельного собственника отнюдь не идентичны интересам другого земельного собственника — вследствие конкуренции, которую мы теперь и рассмотрим» (18, с. 78). А в следующем абзаце (на той же странице XI!) Маркс, действительно, переходит к рассмотрению отношений конкуренции между крупной и мелкой земельной собственностью. Следовательно, граница между стадиями в содержательном плане здесь не очевидна. Нельзя исключить того, что после первой стадии Маркс продолжил работу над текстом о земельной ренте лишь на четвертой стадии написания тетради I, т. е. вся работа над этим текстом проходила лишь на первой и четвертой стадиях.— *318.*

[5] В качестве аргумента в пользу тезиса об обобщающей роли текста о заработной плате по отношению к текстам о прибыли на капитал и о земельной ренте приведем те места двух фрагментов, откуда Маркс непосредственно брал конкретные данные для этого обобщающего текста:

а) в фрагменте о земельной ренте (с. IV—V рукописи) Маркс, используя свою тетрадь конспектов (см. 29, с. 355), приводит следующую выписку из книги Смита (глава XI о земельной ренте): «В силу этого земельная рента за пользование поверхностью земли составляет в большинстве случаев одну треть совокупного продукта и обычно является величиной постоянной, не зависящей от случайных колебаний урожая» (*Smith.* T. I, p. 351)» (18, с. 74);

б) в фрагменте о прибыли на капитал (с. II рукописи) Маркс, также используя свою тетрадь конспектов (см. 29, с. 350), приводит другую выписку из книги Смита (глава IX о прибыли на капитал): «В Великобритании исчисляют в двойном размере по сравнению с процентом то, что торговые люди именуют *подходящей, умеренной, приемлемой прибылью...*» (*Smith.* T. I, p. 198)» (18, с. 61).

Кроме того, в книге Смита приводится такой факт: «...половина детей, как установлено, умирает до достижения совершеннолетия. Следовательно... чета беднейших рабочих должна пытаться вырастить по меньшей мере четырех детей, чтобы двое из них достигли совершеннолетия» (105, с. 65—66). Этот факт отсутствует в марксовом конспекте (см. 29, с. 347), но использован в обобщенном тексте о заработной плате. Следовательно, при работе над данным текстом Маркс использовал не только свои выписки, но и саму книгу Смита.— *322.*

[6] Существуют определенные трудности при переводе термина Entäußerung. В первых русских изданиях «Экономическо-философских рукописей» 1844 года этот термин переводился в одних случаях как «отчуждение», в других — как «самоотчуждение», причем как «самоотчуждение» он переводился почти всегда в тех случаях, когда Маркс использует подряд, через запятую, два слова: Entfremdung, Entäuße-

rung (см. 21, с. 563, 567, 569—571 и др.). Между тем употребление этих терминов через запятую свидетельствует скорее об их синонимичности. В последнем русском издании рукописей 1844 г. Entäußerung, как и Entfremdung, последовательно переводится как «отчуждение» (см. 18).

Однако за синонимичностью двух употребляемых Марксом терминов нельзя упускать и некоторое их различие, проступающее в контексте. Термином Entfremdung Маркс пользуется как наиболее общим, обозначая им различные объективные и субъективные стороны отчуждения. Термин же Entäußerung часто используется как более конкретный, обозначающий скорее юридическую сторону отчуждения, факт перехода предмета в собственность другого юридического лица, правовой «утраты» предмета (термин Entäußerung вошел в науку через юриспруденцию). Это подтверждается тем, что иногда вслед за термином Entfremdung, через запятую, Маркс употребляет не Entäußerung, а еще более конкретный термин Verlust («утрата») (ср., например, 18, с. 89 и 26, с. 236).— *350*.

[7] Если три раздела шестого пункта последовательно обозначить: 6-а, 6-б, 6-в, а разделы седьмого пункта — соответственно 7-а, 7-б, 7-в, то фактическая последовательность («чересполосица») их в рукописи будет такая: 6-а, 7-а, 6-б, 7-б, 6-в, 7-в. Границы всех этих разделов в русском переводе рукописей 1844 г. нетрудно установить, если учесть, что пункт 6-б начинается фразой: «У Гегеля имеется двоякая ошибка» (18, с. 156) — и заканчивается словами: «...т. е. в качестве результата получается диалектика чистой мысли» (18, с. 158), а пункт 7-б начинается со слов: «Мы уже видели...» (18, с. 134) — и заканчивается: «...и потому не могут справиться друг с другом» (18, с. 139).— *398*.

Указатель литературы

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1. М., 1955.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, М., 1955.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13. М., 1959.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 14. М., 1959.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19. М., 1961.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21. М., 1961.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23. М., 1960.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24. М., 1961.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II. М., 1962.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. III. М., 1964.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27. М., 1962.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30. М., 1963.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31. М., 1963.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37. М., 1965.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39. М., 1966.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 40. М., 1975.

17. *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 41. М., 1970.

18. *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 42. М., 1974.

19. *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 1. М., 1927.

20. *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 1. М., 1938.

21. *Маркс К., Энгельс Ф*. Из ранних произведеиий. М., 1956.

22. Из литературного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля (под редакцией Ф. Меринга), т. 1. Одесса, 1908.

23. *Маркс К*. Выписки из «Общественного договора» Жан Жака Руссо. В ки.: *Жан Жак Руссо*. Трактаты. М., 1969.

24. *Маркс К., Энгельс Ф*. Фейербах. Противоположиость материалистического и идеалистического воззреиий. М., 1966.

25. *Marx—Engels* — Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung, Bd. 1. Berlin, 1975.

26. *Marx — Engels* — Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung, Bd. 2. Berlin, 1982.

27. *Marx — Engels* — Gesamtausgabe (MEGA). Dritte Abteilung, Bd. 1. Berlin, 1975.

28. *Marx—Engels*—Gesamtausgabe (MEGA). Vierte Abteilung, Bd. 1. Berlin, 1976.

29. *Marx — Engels* — Gesamtausgabe (MEGA). Vierte Abteilung, Bd. 2. Berlin, 1981.

30. *Marx K., Engels F*. Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1. Hlbbd. 2. Berlin, 1929.

31. *Marx K.. Engels F*. Gesamtausgabe. Erste Abteilung. Bd. 3. Berlin, 1932.

32. Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassale. Hrsg. v. Mehring F., Bd. 1. Stuttgart, 1902.

33. *Marx K*. Der historische Materialismus. Die Frühschriften Hrsg. v. Landshut S. und Mayer J. P., Bd. 1. Leipzig, 1932.

34. *Ленин В. И*. Полн. собр. соч., т. 18. М., 1961.

35. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20. М., 1961.

36. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23. М., 1961.

37. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26. М., 1961.

38. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29. М., 1963.

39. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33. М., 1962.

40. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40. М., 1963.

41. Карл Маркс. Даты жизни и деятельности. 1818—1883. М., 1934.

42. Карл Маркс. Биография. Авт. коллектив: Федосеев П. Н. (руководитель), Бах И. А., Гольман Л. И., Колпинский Н. Ю., Крылов Б. А., Кузьминов И. И., Малыш А. И., Мосолов В. Г., Степанов Е. А. М., 1973.

43. Карл Маркс. Биография (перевод с немецкого). Авт. коллектив: Гемков Г. (руководитель), Гоффман О., Гюммлер Г., Кундель Э., Оберманн К., Ульрих Х., Винклер Г. М., 1969.

44. Фридрих Энгельс. Биография. Авт. коллектив: Ильичев Л. Ф. (руководитель), Кандель Е. П., Колпинский Н. Ю., Малыш А. И., Обичкин Г. Д., Платковский В. В., Степанов Е. А., Тартаковский Б. Г. М., 1977.

45. Фридрих Энгельс. Биография (перевод с немецкого). Авт. коллектив: Гемков Г. (руководитель), Бартель Х., Баккер Г., Длубек Р., Кундель Э., Ульрих Х. М., 1969.

46. *Алексеев Н. Н.* Идея государства. Очерки по истории политической мысли. Нью-Йорк, 1955.

47. *Багатурия Г. А.* Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972.

48. *Багатурия Г. А.* Структура и содержание рукописи первой главы «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса.— Вопросы философии, 1965, № 10.

49. *Багатурия Г. А., Выгодский В. С.* Экономическое наследие Маркса. М., 1976.

50. *Бакунин М.* Письмо к Руге 19 января 1843 г.— Летописи марксизма, 1927, № 2.

51. *Бауэр В.* Трубный глас страшиого суда над Гегелем, атеистом и аитихрнстом. М., 1933.

52. *Безчеревных Э. В.* Проблема практики в процессе формирования марксизма. М., 1972.

53. *Белинский В. Г.* Избраииые философскне сочииения. М., 1948, т. 2.

54. *Белкина Г. Л.* Философня марксизма и буржуазиая марксология. М., 1972.

55. *Виноградская П.* Женнн Маркс. М., 1964.

56. *Волков Г. Н.* Рождение гения. М., 1968.

57. *Выгодский В. С.* Экоиомическое обоснование теорнн научного коммунизма. М., 1975.

58. *Гайм Р.* Гегель и его время. Спб., 1861.

59. *Гегель Г. В. Ф.* Соч., т. I.

60. *Гегель Г. В. Ф.* Соч., т. III.

61. *Гегель Г. В. Ф.* Соч., т. IV.

62. *Гегель Г. В. Ф.* Соч., т. VII.

63. *Гегель Г. В. Ф.* Соч., т. XII.

64. *Гейне Г.* Собр. соч. В 10-ти т. М., 1958, т. 8.

65. *Гемков Г., Зевин В.* Великое идейное иаследие основоположииков марксизма. К выходу в свет первых томов Полного собраиия сочииений К. Маркса и Ф. Эигельса иа языках оригинала.— Коммунист, 1975, № 15.

66. *Гёте И. В.* Соч. М., 1932, т. 2.

67. *Гингор С. В.* Первое политическое рабочее движение в Англии. Л., 1925.

68. *Дорнеман Л.* Жеиии Маркс. М., 1961.

69. *Егоров А., Хайден Г.* Вечно живое, революциониое учение. К выходу первых томов Полного собраиия сочинеиий К. Маркса и Ф. Эн-

гельса (*Marx — Engels* — Gesamtausgabe — MEGA).— Проблемы мира и социализма, 1975, № 10.

70. *Ильина Е. Я.* Неутомимый путник. М., 1964.

71. *Кан С. Б.* Два восстания силезских ткачей. М.— Л., 1948.

72. *Кандель Е. П.* Некоторые проблемы формирования марксистской философии в свете новейших исследований.— Сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963.

73. *Кешелава В. В.* Гуманизм действительный и мнимый. М., 1973.

74. *Кешелава В. В.* Миф о двух Марксах. М., 1963.

75. *Корню О.* К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. М., 1959, т. 1.

76. *Корню О.* К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. М., 1961, т. 2.

77. *Корню О.* К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. М., 1968, т. 3.

78. *Кузнецова К. Т.* Возникновение научного коммунизма. М., 1968.

79. *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.

80. *Лавров П. Л.* Предисловие к работе К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение».— *Лавров П. Л.* Философия и социология. М., 1965, т. 2.

81. *Лапин Н. И.* Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса. М., 1962.

82. *Либкнехт В.* Германия полвека тому назад. Спб., 1907.

83. Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М., 1969.

84. *Лукашев А. В.* Начало общественно-политической деятельности К. Маркса.— Ученые записки АН СССР по новой и новейшей истории. Вып. II. М., 1956.

85. *Малыш А. И.* Формирование марксистской политической экономии. М., 1966.

86. Марксистская философия в XIX веке. В 2-х кн. Отв. ред. Нарский И. С., Богданов Б. В. М., 1979.

87. Маркс-историк. Отв. ред. Желубовская Э. А. М., 1968.

88. Марксисты отвечают своим католическим критикам. М., 1958.

89. *Менде Г.* Путь Карла Маркса от революционного демократа к материалисту. М., 1957.

90. *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. М., 1923, т. I.

91. *Меринг Ф.* Карл Маркс. История его жизни. М., 1957.

92. *Меринг Ф.* К. Маркс и Ф. Энгельс — создатели научного коммуниама. М., 1960.

93. *Мотрошилова Н. В.* Путь Гегеля к «Науке логики». М., 1984.

94. *Нарский И. С.* Отчуждение и труд. По страницам произведений К. Маркса. М., 1983.

95. *Овсянников М. Ф.* Философия Гегеля. М., 1959.

96. *Ойзерман Т. И.* Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. М., 1965.

97. *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М., 1974.

98. *Пажитнов Л. Н.* У истоков революционного переворота в философии. М., 1960.

99. *Плеханов Г. В.* Очерки по истории материализма.— Избр. филос. произв. В 5-ти т. М., 1956, т. 2.

100. *Плеханов Г. В.* Осяовные вопросы марксизма.— Избр. филос. произв. В 5-ти т. М., 1957, т. 3.

101. *Продев С.* Весна гения. М., 1966.

102. *Розенберг Д. И.* Очерки развития экояомического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. М., 1954.

103. *Руссо Ж. Ж.* Трактаты. М., 1969.

104. *Серебряков М. В.* Фридрих Энгельс в молодости. Л., 1958.

105. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

106. *Тольятти П.* От Гегеля к марксизму.— Вопросы философии, 1955, № 4.

107. *Фейербах Л.* Избр. филос. произв. В 2-х т. М., 1955, т. 1.

108. *Фейербах Л.* Избр. филос. произв. В 2-х т. М., 1955, т. 2.

109. *Фейербах Л.* История философии.— Собрание произведений. В 3-х т. М., 1967.

110. *Францов Г. П.* Исторические пути социальной мысли. М., 1965.

111. *Цанн Кай-си. Ф. В.* Проблема человека в работах Маркса 40-х годов XIX века. Владимир, 1973.

112. *Чернышевский Н. Г.* Избранные философские сочинения. В 3-х т. М., 1951, т. 3.

113. *Штейн Г.* Карл Маркс и мозельские крестьяне.— Летописи марксизма, 1926, № 1.

114. *Юм Д.* Соч. В 2-х т. М., 1965, т. 2.

115. Allgemeine Zeitung. Augsburg, 1842.

116. *Althusser L.* Lire le Capital. P., 1970.

117. Anekdota zur neusten deutschen Philosophie und Publizistik, Bd. 1. Zürich und Winterthur, 1843.

118. Anekdota zur neusten deutschen Philosophie und Publizistik. Bd. 2. Zürich und Winterthur. 1843.

119. *Avineri S.* The Sociale and Political Thougth of Karl Marx. C. U. P., 1968.

120. *Bauer B.* Hegels Lehre von der Religion und Kunst von dem Standpunkte des Glaubens aus beurtheilt. Leipzig, 1842.

121. *Bauer B.* Vollständige Geschichte der Parteikämpfe in Deutschland während der Jahre 1842—1846. Bd. 1. Scharlottenburg. 1847.

122. *Breuer K. H.* Der junge Marx. Sein Weg zum Kommunismus. Köln, 1954.

123. *Bulau F.* Der Pauperismus.— Deutsche Vierteljahrschrift, Hefte 1. 1938.

124. *Calves J. I.* La pensée de Karl Marx. P., 1956.

125. Deutsche Jahrhücher, 1842.

126. Deutsch-Französische Jahrhücher. P., 1844.

127. *Feuerbach L.* Briefwechsel. Leipzig, 1963.

128. Ludvig Feuerhach in seinem Briefwechsel und Nachlass. Hrsg. v. Grün K. Bd. 1. Leipzig — Heidelberg, 1874.

129. Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 3. Berlin, 1956.

130. *Friedrich M.* Philosophie und Ökonomie beim jungen Marx. Berlin, 1960.

131. *Göschel.* Von dem Beweis für die Unsterblichkeit der menschlichen Seele im Licht der spekulativen Philosophie. 1835.

132. *Hansen J.* Rheinische Briefe und Akten aus der Geschichte der politischen Bewegung 1830—1850, Bd. 1. Essen, 1919.

133. *Heinzen K.* Erlehtes, Bd. 2. Boston, 1874.

134. *Hess M.* Philosophische und sozialistische Schriften (1837—1850). Berlin, 1961.

135. *Jaeck H. P.* Der junge Marx und die französische Revolution von 1789.— In: *Förster W.* (hrsg.). Bürgerliche Revolution und Sozialtheorie. Studien zur Vorgeschichte des historischen Materialismus (1). Berlin, 1982.

136. Jahrhuch des Kölnischen Geschichtsverein, Nr. 14.

137. *Lapin N. I.* Der junge Marx im Spiegel der Literatur. Berlin, 1965.

138. *Löwenstein J.* Hegels Staatsidee.— Philosophische Forschungen, H. IV, 1927.

139. *Magnis F. von.* Normative Vorraussetzungen im Denken des jungen Marx. München, 1975.

140. *Maquire J.* Marx's Paris Writtingen: an Analysis. Duhlin, 1972.

141. *Mayer G.* Die Anfänge des politischen Radikalismus im vormärzlichen Preußen. Zeitschrift für Politik, Bd. VI, Heft 1, 1913.

142. *Marcuse H.* Der eindimensionale Mensch. Neuwid — Berlin, 1963.

143. *McLellan D.* Marx befor Marxism. L., 1970.

144. *Mesmer-Strupp B.* Arnold Ruges Plan einer Alliance intellectuelle zwischen Deutschen und Franzosen. Bern, 1963.

145. *Meunier J.-G.* Genèse du matérialisme dans les écrits de jeunesese de Karl Marx. Ottawa, 1981.

146. *Mieth E.* Die Entwicklung einer sozialkritischen Gesellschaftskonzeption durch Moses Hess.— In: *Förster W.* (hrsg). Bürgerliche Revolution und Sozialtheorie. Studien zur Vorgeschichte des Historischen Materialismus (1). Berlin, 1982.

147. *Митев П. Е.* От социалния проблем към светлогледни открития. София, 1984.

148. *Monz H.* Betrachtung eines Junglinge bei der Wahl eines Berufes. Der Deutsch-Aufsatz von Karl Marx und seinen Mitschülern in der Reiferprüfung.— In: Der unbekannte junge Marx. Neue Studien zur Entwicklung des Marxschen Denkens 1835—1847. Mainz, 1973.

149. *Panasiuk R.* Filozofia i państwo. Studium mysli polityczno-spolecznej lewicy heglowskiej i mlodego Marksa. 1838—1843. Warszawa, 1967.

150. *Prutz B.* Zehn Jahre, Bd. 2. Leipzig, 1856.

151. *Rosen Z.* Bruno Bauer and Karl Marx. The influence of Bruno Bauer on Marx's thought. The Hague, 1977.

152. *Rosenkranz K.* Göschels Entwicklung der Hegelschen Unsterblichkeitslehre.— In: Kritische Erläuterungen des Hegelschen Systems. Königsberg, 1840.

153. *Rubel M.* Karl Marx. Essai de biographie intellectuelle. P., 1957.

154. *Ruge A.* Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825—1880, Bd. 1. Berlin, 1886.

155. *Ruge A.* Sämtliche Werke, Bd. IX. Mannheim, 1847.

156. *Sass H. M.* Feuerbach statt Marx.— International Review of Social History, vol. XI, part 1, 1967.

157. Studia Filozoficzne. Warszawa, 1958, Nr. 5.

158. *Thier E.* Menschenbild des jungen Marx. Göttingen, 1957.

159. Trierische Zeitung, 20, Juli 1844.

160. *Tuchscheerer W.* Bevor «Das Kapital» entstand. Berlin, 1968.

161. *Ullrich H.* Der junge Engels. Bd. 1—2. Berlin, 1961—1966.

Содержание

Николай
Иванович
Лапин

МОЛОДОЙ МАРКС

Заведующая редакцией
Р. К. Медведева

Редактор
М. А. Лебедева

Младшие редакторы
Ж. П. Крючкова
и Е. С. Молчанова

Художник
Б. Г. Попов

Художественный редактор
Г. Ф. Семиреченко

Технический редактор
Е. В. Васильевская

ИБ № 5017

Сдано в набор 28.06.85.
Подписано в печать 14.11.85.
Формат $70 \times 108^1/_{32}$.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,53.
Усл. кр.-отт. 43,75.
Уч.-изд. л. 22,39. Тираж 200 тыс. экз.
Заказ № 846. Цена 1 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва,
А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

Forder

d

Kommunisti

i

Deutsc

„

1. Ganz Deutschland wird zu
erklärt.

2. Jeder Deutsche, der 21 Jahr
ausgesetzt daß er keine Kriminalstraf

3. Die Volksvertreter werden b

ungen

:

chen Partei

land.

---

oletarier aller Länder vereinigt Euch!"

ner einigen, untheilbaren Republik

alt, ist Wähler und wählbar, vor-
erlitten hat.

oldet, damit auch der Arbeiter im

1 руб.

Студенты Трирского землячества Боннского университета. 1836 г. (среди стоящих четвертый слева — Маркс).

Н.И.Лапин
МОЛОДОЙ МАРКС